

THOMAS
MOORE



TOMAC
MYP

THOMAS
MOORE



THOMAS
MOORE

SELECTED VERSE



MOSCOW
RADUGA PUBLISHERS

1986

ТОМАС
МУР



ИЗБРАННОЕ



МОСКВА

1986

Составление, предисловие, комментарии
Л. И. ВОЛОДАРСКОЙ

Библиография
А. Н. ГИРИВЕНКО

Художник
Ю. М. СКОВОРОДНИКОВ

Редактор
К. Н. АТАРОВА

Мур Т. Избранное / Сост. Л. Володарская. — М.: Радуга, 1986. — На англ. яз. с параллельным русским текстом. — 544 с.

Издание знакомит с творчеством известного ирландского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) в оригинале и в переводах на русский язык, выполненных В. Жуковским, И. Козловым, М. Лермонтовым, А. Плещеевым, А. Фетом, В. Брюсовым, К. Бальмонтом, М. Алигер, П. Грушко и др. русскими и советскими поэтами и переводчиками. В сборник вошли поэтические циклы «Ирландские мелодии» и «Мелодии разных народов», а также фрагменты из поэмы «Лалла Рук» и «Сказок о Священном союзе».

Издание сопровождается предисловием, комментариями и библиографией переводов Т. Мура на русский язык.

© Составление, предисловие, комментарии, библиография, переводы стихотворений, отмеченных в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1986.

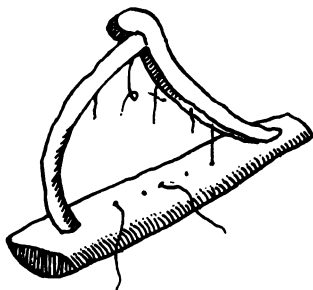
М $\frac{4703000000-318}{031(05)-86}$ 391-85

ISBN 5-05-000431-4



CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ



Предисловие. Л. Володарская 19

IRISH MELODIES ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ

1. GO WHERE GLORY WAITS THEE	44
ВСПОМНИ ОБО МНЕ! Перевод А. Шмультяна	45
ШЕСТВУЙ К СЛАВЕ БРАННОЙ. Перевод А. Голембы	440
2. WAR SONG	46
ВОЕННАЯ ПЕСНЬ. Перевод А. Голембы	47
3. ERIN! THE TEAR AND THE SMILE IN THINE EYES	48
ИРЛАНДИЯ, СМЕХ ТВОЙ И СЛЕЗЫ В ГЛАЗАХ. Перевод А. Ревича	49
ЭРИН. Перевод Д. Ознобишина	441
4. OH! BREATHE NOT HIS NAME	48
НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО! Перевод А. Н. Плещеева	49
«УМОЛЧИМ ЕГО ИМЯ...» Перевод М. Вронченко	441
«НЕ ЗОВИТЕ ЕГО...» Перевод Д. Ознобишина	442
«О, НЕ ШЕПЧИТЕ НАД ГРОБОМ ВЫ ИМЯ ЕГО ДОРОГОЕ!...» Перевод Ф. Червинского	442
ЭПИТАФИЯ. Перевод В. Лизачева	442
«НЕ ВЗДЫХАЙ! ПУСТЬ В ТЕНИ...» Перевод Л. Уманца	443
О, НЕ ШЕПЧИ ЕГО ИМЯ. Перевод М. Алигер	443

5. WHEN HE, WHO ADORES THEE	48
«КОГДА ОДНИ ВОСПОМИНАНЬЯ...» <i>Перевод М. Ю. Лермонтова</i>	49
«КОГДА ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ...» <i>Перевод И. Крешева</i>	443
«КОГДА ТВОЙ БОЕЦ, ЗА ТЕБЯ УМИРАЯ...» <i>Перевод А. Баратын- ской</i>	444
«КОЛЬ УМРЕТ, КТО ЛЮБИЛ...» <i>Перевод Л. Уманца</i>	445
6. THE HARP THAT ONCE THRO' TARA'S HALLS	50
МОЛЧИТ ПРОСТОРНЫЙ ТРОННЫЙ ЗАЛ. <i>Перевод А. Голембы</i>	51
АРФА ТАРЫ. <i>Перевод Е. Степановой</i>	445
«АРФА СТРОЙНОГО ТОРРЫ...» <i>Перевод А. Баратынской</i>	446
7. FLY NOT YET	50
ОСТАНЬСЯ! <i>Перевод Э. Шапиро</i>	51
8. OH! THINK NOT MY SPIRITS ARE ALWAYS AS LIGHT	52
О, ТОЛЬКО НЕ ДУМАЙ, ЧТО ВЕСЕЛ ВСЕГДА Я. <i>Перевод А. Прелов- ского</i>	53
9. THO' THE LAST GLIMPSE OF ERIN WITH SORROW I SEE	54
* ВОТ И БЕРЕГ ИРЛАНДСКИЙ ИСЧЕЗ ЗА КОРМОЙ... <i>Перевод Р. Дуб- ровкина</i>	55
* УЖ ЭРИН ВЛЕДНЕЕТ. <i>Перевод Д. Ознобищина</i>	446
10. RICH AND RARE WERE THE GEMS SHE WORE	54
БРАСЛЕТЫ, КОЛЬЦА БЛЕСТЯТ НА НЕЙ. <i>Перевод Г. Усовой</i>	55
11. AS A BEAM O'ER THE FACE OF THE WATERS MAY GLOW	56
ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ. <i>Перевод И. Козлова</i>	57
«МОЖЕТ В ЗЕРКАЛЕ ВОД ОТРАЖАТЬСЯ ЛУНА...» <i>Перевод М. Вронченко</i>	447
«КАК СОЛНЦЕ ЗОЛОТИТ ПОВЕРХНОСТЬ ТИХИХ ВОД...» <i>Перевод А. Н. Плещеева</i>	447
12. THE MEETING OF THE WATERS	56
«ЕДВА ЛИ ЕСТЬ МЕСТА ПРЕКРАСНЕЕ ДОЛИНЫ...» <i>Перевод Д. Минаева</i>	57
13. HOW DEAR TO ME THE HOUR	58
КАК Я ЛЮБЛЮ ПОСЛЕДНИЙ ОТБЛЕСК ДНЯ. <i>Перевод Ю. Ле- вина</i>	59
«МНЕ ДОРОГ ЧАС...» <i>Перевод М. Вронченко</i>	448
СУМЕРКИ. <i>Перевод В. Лигачева</i>	448
«В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС СЛАБЕЕТ СВЕТОЧ ДНЯ...» <i>Перевод А. Курсин- ского</i>	448
«ЛЮБЛЮ Я ЧАС...» <i>Перевод Д. Минаева</i>	449
14. TAKE BACK THE VIRGIN PAGE	58
НЕ РОДИЛАСЬ СТРОКА. <i>Перевод А. Шариповой</i>	59
15. THE LEGACY	60
ЗАВЕЩАНИЕ. <i>Перевод Д. Веденяпина</i>	61
16. HOW OFT HAS THE BANSHEE CRIED	62
КАК ЧАСТО БЕНШИ ВЗЫВАЛА. <i>Перевод Э. Шустера</i>	63
17. WE MAY ROAM THROUGH THIS WORLD	64
НАМ ПРЕЛЬСТИТЕЛЕН МИР... <i>Перевод Г. Русакова</i>	65
18. EVELEEN'S BOWER	66

*ЭВЕЛИН. Перевод В. Лукина	67
19. LET ERIN REMEMBER THE DAYS OF OLD	66
*ВСПОМНИ, ЭРИН, БЫЛУЮ СЛАВУ СВОЮ. Перевод Г. Кружкова	67
20. THE SONG OF FIONNUALA	68
ПЕСНЯ ФИОНУАЛЫ. Перевод Н. Булгаковой	69
21. COME, SEND ROUND THE WINE	68
ЭЙ! ПО КРУГУ ВИНО! Перевод М. Редькиной	69
22. SUBLIME WAS THE WARNING	70
УСЛЫШАН СВОБОДЫ БЫЛ ЗВУЧНЫЙ НАБАТ... Перевод Э. Шустера	71
23. BELIEVE ME, IF ALL THOSE ENDEARING YOUNG CHARMS	72
*ПОВЕРЬ, ЕСЛИ ПРЕЛЕСТИ ЮНОЙ ТВОЕЙ. Перевод Г. Кружкова	73
24. ERIN, OH ERIN	72
ЭРИН, О ЭРИН! Перевод М. Алигер	73
«ЛУЧ ЛАМПАДЫ ДАВНО...» Перевод Л. Уманцб	449
25. DRINK TO HER	74
ЗАЗДРАВНОЕ. Перевод Г. Симановича	75
26. OH! BLAME NOT THE BARD	76
ОПРАВДАНИЕ ПЕВЦА. Перевод В. Лизачева	77
27. WHILE GAZING ON THE MOON'S LIGHT	78
СЕЛЕНА УЛЫБАЛАСЬ МНЕ. Перевод М. Редькиной	79
28. ILL OMENS	80
ДУРНЫЕ ПРИМЕТЫ. Перевод Р. Дубровкина	81
29. BEFORE THE BATTLE	82
ПЕРЕД БИТВОЙ. Перевод А. Голембы	83
30. AFTER THE BATTLE	82
ПОСЛЕ БИТВЫ. Перевод Е. Степановой	83
31. 'T IS SWEET TO THINK	84
КАК СЛАДКО ДУМАТЬ. Перевод М. Редькиной	85
32. THE IRISH PEASANT TO HIS MISTRESS	86
*ИРЛАНДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН — СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ. Перевод Г. Кружкова	87
33. ON MUSIC	86
К МУЗЫКЕ. Перевод Н. Булгаковой	87
34. IT IS NOT THE TEAR AT THIS MOMENT SHED	88
ТА СЛЕЗА. Перевод Г. Усовой	89
35. THE ORIGIN OF THE HARP	90
РОЖДЕНИЕ АРФЫ. Перевод А. Ревича	91
РОЖДЕНИЕ АРФЫ. Перевод Д. Ознобишина	450
РОЖДЕНИЕ АРФЫ. Перевод И. Крешева	450
СИРЕНА. Перевод Д. Минаева	451
РОЖДЕНЬЕ АРФЫ. Перевод Л. Кобылинского (Эллиса)	452
36. LOVE'S YOUNG DREAM	90
«УТАСШИХ ДНЕЙ ВЕРНУТСЯ ЛИ МЕЧТЫ...» Перевод А. Курсинского	91
37. THE PRINCE'S DAY	92

	ДЕНЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИКА. Перевод В. Топорова	93
38.	WEEP ON, WEEP ON	94
	ВОСПЛАЧЬТЕ, ЦЕПИ ДУШАТ ВАС. Перевод А. Голембы	95
39.	LESBIA HATH A BEAMING EYE	96
	ОЧИ ЛЕСБИИ СВЕТЛЫ. Перевод М. Яснова	97
40.	I SAW THY FORM IN YOUTHFUL PRIME	98
	КОГДА ТЫ В ЮНОСТИ БЫЛОЙ. Перевод В. Лукина	99
41.	BY THAT LAKE, WHOSE GLOOMY SHORE	100
	К ОЗЕРУ, ГДЕ БЕРЕГ ДИК. Перевод В. Лукина	101
42.	SHE IS FAR FROM THE LAND	102
	ДАЛЕКА СТОРОНА... Перевод Ю. Левина	103
	«ДАЛЁКО ОТ ДОЛОВ РОДИМОГО КРАЯ...» Перевод А. Баратын- ской	452
	«В ДАЛЕКОЙ СТОРОНЕ ПОЧИЛ ЕЕ ГЕРОЙ...» Перевод В. Ли- хачева	453
43.	NAY, TELL ME NOT, DEAR	104
	ПРОШУ, НЕ СЧИТАЙ. Перевод В. Лукина	105
44.	AVENGING AND BRIGHT	104
	* ВОССТАНЬ ЖЕ С МЕЧОМ НА ПРЕДАТЕЛЯ, ЭРИН. Перевод Г. Кружкова	105
45.	WHAT THE BEE IS TO THE FLOWERET	106
	КАК ПЧЕЛА, ЧТО ХМУРОЙ ЧАЩЕЙ. Перевод Р. Дубровкина	107
46.	LOVE AND THE NOVICE	108
	ЛЮБОВЬ И ПОСЛУШНИК. Перевод Г. Ефремова	109
47.	THIS LIFE IS ALL CHECKERED WITH PLEASURES AND WOES	108
	ВСЮ ЖИЗНЬ ЧЕРЕДУЮТСЯ СЧАСТЬЕ И ГОРЕ. Перевод О. Татари- новой	109
	ПРАВДА НА НЕБЕСАХ. Перевод В. Лихачева	453
48.	OH THE SHAMROCK	110
	О ТРИЛИСТНИК. Перевод О. Волгиной	111
49.	AT THE MID HOUR OF NIGHT	112
	КОГДА ПРОБЬЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧАС... Перевод И. Козлова	113
	В ПОЛНОЧЬ Я ПОЛЕЧУ... Перевод А. Голембы	454
50.	ONE BUMPER AT PARTING	114
	ПРОЩАЛЬНЫЙ БОКАЛ. Перевод Э. Шапиро	115
51.	'T IS THE LAST ROSE OF SUMMER	116
	ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА. Перевод А. Курсинского	117
	ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА. Перевод И. Крешева	454
	ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА ЛЕТА. Перевод А. Голембы	455
52.	THE YOUNG MAY MOON	118
	ЛУЧИ ЛУНЫ ЛЕГКИ. Перевод В. Лукина	119
53.	THE MINSTREL-BOY	120
	СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ. Перевод А. Н. Плещеева	121
	МОЛОДОЙ ПЕВЕЦ. Перевод И. Козлова	456
	ЮНОША-ПЕВЕЦ. Перевод Д. Ознобишина	456
	МОЛОДОЙ МЕНЕСТРЕЛЬ. Перевод В. Лихачева	457
54.	THE SONG OF O'RUARK, PRINCE OF BREFFNI	120

ПЕСНЯ О'АРКА, КНЯЗЯ БРЕФФНИ. Перевод В. Топорова	121
55. OH! HAD WE SOME BRIGHT LITTLE ISLE OF OUR OWN	122
О, БЫЛ ВЫ У НАС НАШ СИЯЮЩИЙ ОСТРОВ. Перевод А. Преловского	123
ГРЕЗА. Перевод В. Лихачева	457
56. FAREWELL! — BUT WHENEVER YOU WELCOME THE HOUR	124
ПРОЩАЙТЕ! НО ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ПОРОЙ. Перевод А. Ревича	125
57. OH! DOUBT ME NOT	126
ПОВЕРЬ. Перевод А. Ревича	127
«НЕ ВЕРНЕТСЯ ЮНОСТЬ ВНОВЬ...» Перевод А. Курсинского	458
58. YOU REMEMBER ELLEN	126
КРАСАВИЦЕЙ ЭЛЛЕН СЧИТАЛАСЬ ПО ПРАВУ. Перевод М. Бородинской	127
59. I'D MOURN THE HOPES	128
ЧТО МНЕ ПЛАКАТЬ ОБ УТРАТАХ. Перевод В. Топорова	129
60. SOME O'ER THE SEA	130
НАД БЕЗДНОЙ МОРСКОЮ. Перевод И. Копостинской	131
ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ. Перевод А. Реджина	459
61. HAS SORROW THY YOUNG DAYS SHADED	132
УЖЕЛЬ ОМРАЧИЛИ ПЕЧАЛИ. Перевод Р. Дубровкина	133
ПРИДИ, Я ЗАПЛАЧУ С ТОБОЙ. Перевод К. Павловой	460
ЕСЛИ ЧЕРНАЯ ТУЧА НЕВЗГОДЫ... Перевод М. Трубецкой	461
62. NO, NOT MORE WELCOME	134
НЕ БОЛЕ ЧАРУЮЩА И ЖЕЛАННА... Перевод М. Редькиной	135
63. WHEN FIRST I MET THEE	134
В ТУ ПОРУ НАШИХ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧ. Перевод Г. Русакова	135
64. WHILE HISTORY'S MUSE	138
ПОКА МУЗА ИСТОРИИ... Перевод А. Шариповой	139
65. THE TIME I'VE LOST IN WOOING	138
БЕЗРАССУДСТВО. Перевод Г. Симановича	139
66. WHERE IS THE SLAVE	140
О, ЕСТЬ ЛИ ТАКОЙ НЕВОЛЬНИК? Перевод В. Лукина	141
67. SOME, REST IN THIS BOSOM	142
«ПОДОЙДИ, ОТДОХНИ ЗДЕСЬ СО МНОЮ...» Перевод К. Д. Бальмонта	143
«ОТДОХНИ У МЕНЯ НА ГРУДИ...» Перевод А. Горковенко	462
«КО МНЕ, КО МНЕ НА ГРУДЬ...» Перевод В. Лихачева	463
ПОКИНУТА ВСЕМИ. Перевод А. Ибрагимова	463
68. 'T IS GONE, AND FOR EVER	144
ИСЧЕЗ НАВСЕГДА. Перевод А. Ревича	145
69. I SAW FROM THE BEACH	146
«Я ВИДЕЛ, ПОУТРУ...» Перевод И. Крешева	147
Я ВИДЕЛ, КАК РОЗОВЫМ УТРОМ КАЧАЛСЯ. Перевод А. Н. Плещеева	464
«Я ВИДЕЛ С БЕРЕГА...» Перевод Л. Лебедевой	464
70. FILL THE BUMPER FAIR	146
ДО КРАЕВ НАЛЬЕМ! Перевод А. Ревича	147

71. DEAR HARP OF MY COUNTRY	150
ВО ТЬМЕ Я ОБРЕЛ ТЕБЯ, АРФА ОТЧИЗНЫ. Перевод А. Голембы	151
72. MY GENTLE HARP	150
МОЯ НЕЖНАЯ АРФА. Перевод Г. Симановича	151
73. IN THE MORNING OF LIFE	152
НА ЗАРЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ. Перевод А. Ревича	153
ПОРА ЛЮБВИ. Перевод А. Бородина	465
74. AS SLOW OUR SHIP	154
КАК МЕДЛИТ ШЛЮП. Перевод С. Таска	155
75. WHEN COLD IN THE EARTH	156
* КОГДА ТВОЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БУДЕТ В ЗЕМЛЕ. Перевод М. Редькиной	157
76. REMEMBER THEE	156
НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ. Перевод А. Ибрагимова	157
«ТЕБЯ ЛИ НЕ ПОМНИТЬ?..» Перевод А. Одоевского	466
К ИРЛАНДИИ. Перевод Ю. Доппельмайер	466
ПАМЯТЬ ОТЧИЗНЫ. Перевод В. Лизачева	467
77. WREATH THE BOWL	158
* ВКРУГ ЧАШИ СЕЙ. Перевод В. Лукина	159
78. WHENE'ER I SEE THOSE SMILING EYES	160
«КОГДА Я ЗРЮ СЕЙ ВЗОР ПРЕКРАСНЫЙ...» Перевод М. Врончен- ко	161
ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ. Перевод П. Вяземского	468
ПЕРЕД УЛЫБЧИВОСТЬЮ ВЗГЛЯДА. Перевод Г. Русакова	468
79. IF THOU' LT BE MINE	162
* МОЕЮ БУДЬ, ДРУГ МИЛЫЙ. Перевод Д. Ознобищина	163
КОГДА ТЫ СО МНОЙ. Перевод О. Татариновой	469
80. TO LADIES' EYES	164
К ЖЕНСКИМ ВЗОРАМ. Перевод Н. Григорьевой	165
81. FORGET NOT THE FIELD	166
ЗАПОМНИ: ЗДЕСЬ ЛУЧШИЕ ПАЛИ. Перевод Г. Русакова	167
82. THEY MAY RAIL AT THIS LIFE	166
ЖИЗНЬ БРАНЯТ. Перевод А. Ревича	167
83. OH FOR THE SWORDS OF FORMER TIME!	168
ТАК ЗА МЕЧИ МИНУВШИХ ЛЕТ! Перевод Г. Усовой	169
84. ST. SENANUS AND THE LADY	170
* СВЯТОЙ СЕНАН И ЖЕНЩИНА. Перевод Р. Дубровкина	171
85. NE'ER ASK THE HOUR	172
* НЕ СПРАШИВАЙ БОЛЬШЕ: КОТОРЫЙ ЧАС?.. Перевод Р. Дуб- ровкина	173
* КОТОРЫЙ ЧАС? Перевод С. Таска	469
86. SAIL ON, SAIL ON	172
«ВПЕРЕД, МОЙ ЧЕЛН!..» Перевод А. Н. Плещева	173
«ЛЕТИ, МОЙ КОРАБЛЬ...» Перевод М. Вронченко	470
* БЕГИ, БЕГИ, БЕССТРАШНЫЙ ЧЕЛН! Перевод С. Степанова	471
87. DRINK OF THIS CUP	174
ВОТ ЭТА ЧАША! Перевод Г. Кружкова	175

88. THE FORTUNE-TELLER	176
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ. Перевод Игн. Ивановского	177
89. OH, YE DEAD!	178
МЕРТВЕЦЫ!.. Перевод В. Топорова	179
90. O'DONOHUE'S MISTRESS	178
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ О'ДОНОХЬЮ. Перевод Г. Усовой	179
91. ЭХО	180
ЭХО. Перевод И. Копостинской	181
92. OH BANQUET NOT	182
КО МНЕ ИДИ. Перевод А. Н. Плещеева	183
«НЕ ПИРУЙ С МОЛОДЕЖЬЮ...» Перевод М. Вронченко	471
В ЧАДУ ПИРОВ НЕ ИЩИ ЗАБВЕНЬЯ. Перевод Р. Дубровкина	472
93. THEE, THEE, ONLY THEE	182
ТЕБЕ, ТЕБЕ ОДНОЙ. Перевод Р. Дубровкина	183
94. SHALL THE HARP THEN BE SILENT	184
*НЕУЖЕЛИ СКОРБЯ ЗАЗВЕНЕТЬ НЕ ДОЛЖНА... Перевод Р. Дуб- ровкина	185
95. OH, THE SIGHT ENTRANCING	186
КАК ДУША ТРЕПЕЩЕТ. Перевод Игн. Ивановского	187
НЕТ ЗРЕЛИЩА КРАШЕ. Перевод В. Топорова	472
96. SWEET INNISFALLEN	188
*ИННИСФОЛЛЕН. Перевод И. Копостинской	189
97. 'T WAS ONE OF THOSE DREAMS	190
БЫЛ ЛЕГОК, КАК ЛЕТНИЙ ТУМАН, ЭТОТ СОН. Перевод Г. Усовой	191
98. FAIREST! PUT ON AWHILE	192
«ДАВАЙ-КА ЗА СПИНОЙ...» Перевод Г. Русакова	193
99. QUICK! WE HAVE BUT A SECOND	194
СПЕШИ! У НАС ВСЕГО МГНОВЕНЬЕ. Перевод А. Преловского	195
100. AND DOTH NOT A MEETING LIKE THIS	196
*УЖЕЛИ ДАРОВАН Я ВСТРЕЧЕЙ. Перевод В. Лунина	197
101. THE MOUNTAIN SPRITE	198
ФЕЯ ГОР. Перевод Г. Ефремова	199
*ГОРНЫЙ ДУХ. Перевод Д. Ознобищина	473
102. AS VANQUISHED ERIN	200
ИРЛАНДИЯ ПОБЕЖДЕНА. Перевод О. Волгиной	201
103. DESMOND'S SONG	202
ПЕСНЯ ДЕЗМОНДА. Перевод М. Яскова	203
104. THEY KNOW NOT MY HEART	204
ИМ СЕРДЦЕ МОЕ НЕ ПОНЯТЬ... Перевод И. Копостинской	205
105. I WISH I WAS BY THAT DIM LAKE	204
ХОЧУ У ОЗЕРА БРЕСТИ. Перевод М. Редькиной	205
106. SHE SUNG OF LOVE	206
ТЫ ПЕЛА О ЛЮБВИ. Перевод М. Бородицкой	207
107. SING—SING—MUSIC WAS GIVEN	208
*ПОЙТЕ, ПОЙТЕ — МУЗЫКИ ЗВУКИ. Перевод В. Лунина	209
108. THO' HUMBLE THE BANQUET	210

	ХОТЬ СКУДЕН ОБЕД... <i>Перевод В. Васильева</i>	211
109.	SING, SWEET HARP	210
	ПОЙ, АРФА СЛАДОСТНАЯ, ПОЙ! <i>Перевод В. Васильева</i>	211
110.	SONG OF THE BATTLE EVE	212
	ПЕСНЯ НАКАНУНЕ БИТВЫ. <i>Перевод А. Преловского</i>	213
111.	THE WANDERING BARD	214
	СТРАНСТВУЮЩИЙ БАРД. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	215
112.	ALONE IN CROWDS TO WANDER ON	216
	*В ТОЛПЕ СКИТАТЬСЯ ОДНОМУ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	217
113.	I'VE A SECRET TO TELL THEE	218
	ХОЧУ ОТКРЫТЬ ТЕБЕ СЕКРЕТ. <i>Перевод О. Татариновой</i>	219
114.	SONG OF INNISFAIL	218
	*ПЕСНЬ ОБ ИННИСФЕЙЛЕ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	219
115.	THE NIGHT DANCE	220
	НОЧНОЙ ТАНЕЦ. <i>Перевод Э. Шустера</i>	221
116.	THERE ARE SOUNDS OF MIRTH	222
	ПОВСЮДУ — СМЕХ, ПОВСЮДУ — ПЕНЬЕ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	223
117.	OH, ARRANMORE, LOVED ARRANMORE	222
	*О, АРАНМОР! <i>Перевод Г. Симановича</i>	223
118.	LAY HIS SWORD BY HIS SIDE	224
	ПУСТЬ ЕГО ПОХОРОНЯТ С БУЛАТНЫМ МЕЧОМ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	225
119.	OH, COULD WE DO WITH THIS WORLD OF OURS	226
	НЕ ПРОПОЛОТЬ ЛИ НАМ С ТОБОЙ... <i>Перевод М. Бородицкой</i>	227
120.	THE WINE-CUP IS CIRCLING	228
	ЗА ЧАШЕЙ. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	229
121.	THE DREAM OF THOSE DAYS	230
	ОТ ДЫМКИ ТЕХ ДНЕЙ. <i>Перевод С. Таска</i>	231
122.	FROM THIS HOUR THE PLEDGE IS GIVEN	230
	С ТОЙ ПОРЫ, КАК В ЗНАК ПРИЗНАНЬЯ... <i>Перевод М. Редькиной</i>	231
123.	SILENCE IS IN OUR FESTAL HALLS	232
	*ДВОРЦЫ БЕЗМОЛВНЫЕ ПУСТЫ... <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	233

**NATIONAL AIRS
МЕЛОДИИ РАЗНЫХ НАРОДОВ**

1.	A TEMPLE TO FRIENDSHIP	238
	*ХРАМ ДРУЖБЫ. <i>Перевод Н. Голя</i>	239
2.	FLOW ON, THOU SHINING RIVER	238
	*РЕКА, ХОТЬ МЧИШЬСЯ К ЦЕЛИ. <i>Перевод В. Лукина</i>	239
3.	ALL THAT'S BRIGHT MUST FADE	240
	*БЛЕСК ОБРЕЧЕН СРЕДЬ ТЬМЫ... <i>Перевод Н. Голя</i>	241
	*САМЫЙ ЯРКИЙ СВЕТ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	474
4.	SO WARMLY WE MET	242

* МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ НЕЖНО... Перевод Н. Голя	243
5. THOSE EVENING BELLS	242
ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. Перевод И. Козлова	243
6. SHOULD THOSE FOND HOPES	244
КОГДА ИССЯКНУТ ШАЛБЕ МЕЧТАНЬЯ. Перевод А. Спаль	245
7. REASON, FOLLY, AND BEAUTY	244
* МУДРЕЦ, ДУРАК И КРАСОТКА. Перевод Г. Симановича	245
* УМНИК, ДУРАК И КРАСОТКА. Перевод Н. Голя	475
8. FARE THEE WELL, THOU LOVELY ONE!	246
* ДАВАЙ ЖЕ ПРОСТИМСЯ! Перевод И. Левицкой	247
9. DOST THOU REMEMBER	248
* ТЫ МЕСТО ПОМНИШЬ. Перевод В. Лукина	249
10. OH, COME TO ME WHEN DAYLIGHT SETS	250
«О, ЖИЗНЬ МОЯ! ЧУТЬ ДЕНЬ УМРЕТ...» Перевод А. Курсинского	251
11. OFT, IN THE STILLY NIGHT	250
ПОКА Я В ТИШИНЕ. Перевод Н. Тимофеевой	251
БЕССОННИЦА. Перевод И. Козлова	476
12. HARK! THE VESPER HYMN IS STEALING	252
* ЧУ! ЗВЕНИТ В ТИШИ ВЕЧЕРНЯ... Перевод Н. Голя	253
13. LOVE AND HOPE	254
ЛЮБОВЬ И НАДЕЖДА. Перевод Г. Кружкова	255
14. THERE COMES A TIME	256
«ЕСТЬ В ЖИЗНИ ГОРЬКИЙ, СТРАННЫЙ МИГ...» Перевод А. Боро родина	257
15. MY HARP HAS ONE UNCHANGING THEME	256
«В СТРУНАХ МОИХ ОДИН ЕСТЬ ТОН...» Перевод А. Боро родина	257
* НАПЕВ СТАРИННЫЙ АРФЕ МИЛ МОЕЙ. Перевод Л. Володар- ской	477
16. OH, NO — NOT EVEN FIRST WE LOVED	258
* О ДА, И В ЮНЫЕ ГОДА. Перевод В. Лукина	259
17. PEACE BE AROUND THEE	258
О, МИР ТЕБЕ, КУДА Б ТЫ НИ СКЛОНИЛАСЬ! Перевод А. Бо- родина	259
18. COMMON SENSE AND GENIUS	260
ЗДРАВЫЙ УМ И ГЕНИЙ. Перевод Г. Кружкова	261
19. THEN, FARE THEE WELL	262
* ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ... Перевод М. Бородинской	263
20. GAYLY SOUNDS THE CASTANET	264
* ПЕРЕСТУК КАСТАНЬЕТ. Перевод В. Орла	265
21. LOVE IS A HUNTER-BOY	266
* АМУР — ИСКУСНЕЙШИЙ ЛОВЕЦ. Перевод П. Грушко	267
* ЛЮБОВЬ-МАЛЬЧИШКА МЧИТ... Перевод Ю. Мекиса	478
22. COME, CHASE THAT STARTING TEAR AWAY	266
* ПРОШУ, НЕ НАДО СЛЕЗЫ ЛИТЬ. Перевод В. Лукина	267
23. JOYS OF YOUTH, HOW FLEETING!	268
«ШЕПОТ, ЗВЕЗД ДАЛЕКИХ ВЗГЛЯД...» Перевод В. Я. Брюсова	269
«ШЕПОТ ЛАСКИ В ТИШИНЕ...» Перевод А. Курсинского	478

*ГДЕ ВЫ, ДНИ ЮНОСТИ! Перевод В. Лукина	479
*АХ, СЛАДОСТЬ ЮНОСТИ! Перевод С. Степанова	479
24. HEAR ME BUT ONCE	268
*УСЛЫШЬ, МОЛЮ ТЕБЯ! Перевод Л. Володарской	269
25. WHEN LOVE WAS A CHILD	270
*КОГДА-ТО ЛЮБОВЬ РЕБЕНКОМ БЫЛА. Перевод Н. Голя	271
26. SAY, WHAT SHALL BE OUR SPORT TO-DAY?	272
*СЕГОДНЯ ТАКОЕ В ДУШЕ ТОРЖЕСТВО. Перевод Д. Веденя- пина	273
27. BRIGHT BE THY DREAMS	272
*ПУСТЬ ВАС ИЗБАВЯТ. Перевод В. Лукина	273
28. GO, THEN — 'T IS VAIN	274
*ЧТО Ж! УХОДИ. Перевод М. Бородицкой	275
29. THE CRYSTAL-HUNTERS	274
*ИСКАТЕЛИ ХРУСТАЛЯ. Перевод П. Грушко	275
30. ROW GENTLY HERE	276
*ГОНДОЛА, МЧИ! Перевод М. Бородицкой	277
31. OH, DAYS OF YOUTH	278
*О, ЮНОСТИ ПОРА. Перевод Ю. Левина	279
32. WHEN FIRST THAT SMILE	280
*КОГДА ТВОЕЙ УЛЫБКИ ЛУЧ ЗЛАТОЙ... Перевод И. Левидовой	281
33. PEACE TO THE SLUMBERERS!	280
МИР ВАМ, ПОЧИВШИЕ БРАТЬЯ! Перевод М. Михайлова	281
34. WHEN THOU SHALT WANDER	282
*КОГДА ПРОБЛУЖДАЕШЬ ПРИ СВЕТЕ ТОМ... Перевод М. Редь- киной	283
35. WHO 'LL BUY MY LOVE-KNOTS?	282
*КУПИТЕ БРАЧНЫЕ УЗЫ! Перевод Н. Голя	283
*ТОВАР ГИМЕНЕЯ. Перевод М. Бородицкой	480
36. SEE, THE DAWN FROM HEAVEN	284
*БРЕЗЖИТ СВЕТ ВО ТЬМЕ. Перевод В. Орла	285
37. NETS AND CAGES	286
СЕТИ И КЛЕТКИ. Перевод В. Иванова	287
38. WHEN THROUGH THE PIAZZETTA	288
ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПЕСНЯ. Перевод П. Краснова	289
*НА ЗЫБИ КАНАЛА. Перевод М. Бородицкой	481
39. GO, NOW, AND DREAM	290
*ТЕПЕРЬ ИДИ, УСНИ. Перевод Алексея Рыбакова	291
40. TAKE HENCE THE BOWL	290
*АХ, ЧАШУ СКОРЕЙ УБЕРИТЕ... Перевод И. Левидовой	291
«ПРОЧЬ, ПРОЧЬ ВОЗЬМИТЕ КУБОК...» Перевод Н. Иванецкого	482
41. FAREWELL, THERESA!	292
ПРОЩАЙ, ТЕРЕЗА! Перевод А. А. Фета	293
42. HOW OFT, WHEN WATCHING STARS	292
«КОГДА ВЛЕДНЕЕТ ЗВЕЗД МЕРЦАНЬЕ...» Перевод А. Курсин- ского	293
43. WHEN THE FIRST SUMMER BEE	294

*КАК ПЕРВЫЙ ЛЕТНИЙ ШМЕЛЬ. Перевод Алексея Рыбакова . . .	295
44. THO' 'T IS ALL BUT A DREAM	294
*ХОТЬ ВСЕГО ТОЛЬКО СОН. Перевод В. Лунина	295
45. WHEN THE WINE-CUP IS SMILING	296
*КАК ХМЕЛЬНОЕ ЗАПЛЕЩЕТСЯ В ЧАШЕ. Перевод С. Степакова . . .	297
46. WHERE SHALL WE BURY OUR SHAME?	298
*ГДЕ ПОХОРОНИМ МЫ НАШ СТЫД? Перевод П. Грушко	299
47. NE'ER TALK OF MISDOM'S GLOOMY SCHOOLS	298
*ЗАБУДЬ ПРЕМУДРОСТЬ СКУЧНЫХ ШКОЛ. Перевод Ю. Левина . . .	299
48. HERE SLEEPS THE BARD	300
ЗДЕСЬ БАРД УСЛУЛ. Перевод С. Таска	301
49. DO NOT SAY THAT LIFE IS WARNING	300
*НЕ ИССЯКЛИ ЖИЗНИ СИЛЫ. Перевод Д. Веденяпина	301
50. THE GASELLE	300
*ГАЗЕЛЬ. Перевод В. Орла	301
51. NO — LEAVE MY HEART TO REST	302
МЕЛОДИЯ. Перевод Н. Грекова	303
О, НЕ ЧАРУЙ! Перевод А. Курсинского	482
52. WHERE ARE THE VISIONS	304
*ГДЕ ЖЕ ВИДЕНЬЯ... Перевод И. Левидовой	305
53. WIND THY HORN, MY HUNTER BOY	304
*ТРУБИ, ОХОТНИК, В СВОЙ ЗЫЧНЫЙ РОГ. Перевод П. Грушко . . .	305
54. OH, GUARD OUR AFFECTION	306
ХРАНИТЕ ЛЮБОВЬ. Перевод М. Бородицкой	307
55. SLUMBER, OH SLUMBER	306
*ГРЕЗЫ, О ГРЕЗЫ! Перевод С. Таска	307
56. BRING THE BRIGHT GARLANDS HITHER	306
*ПРИНОСИТЕ ИЗ САДА... Перевод Р. Дубровкина	307
57. IF IN LOVING, SINGING	308
*ВСЕГДА ЛЮБИТЬ, ВСЕ ВРЕМЯ ПЕТЬ. Перевод Ю. Мориц	309
*ЛЮБЯ, БЕСПЕЧНО ГНАЛИ ПРОЧЬ... Перевод Г. Симановича . . .	483
58. THOU LOVEST NO MORE	308
*ЛЮБОВЬ ПРОШЛА. Перевод К. Атаровой	309
59. WHEN ABROAD IN THE WORLD	310
*И В ТОЛПЕ ТЫ С ДРУГИМИ НЕ СХОЖА. Перевод В. Орла	311
60. KEEP THOSE EYES STILL PURELY MINE	312
*ДОЛЖНА МЕНЯ ТЫ ВИДЕТЬ РЯДОМ. Перевод В. Лунина	313
61. HOPE COMES AGAIN	312
*ВНОВЬ Я НАДЕЮСЬ. Перевод Д. Веденяпина	313
*ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ. Перевод Г. Симановича	483
62. O SAY, THOU BEST AND BRIGHTEST	314
*СКАЖИ, МОЙ СВЕТ БЕСЦЕННЫЙ. Перевод М. Бородицкой	315
63. WHEN NIGHT BRINGS THE HOUR	314
*ЛИШЬ НОЧЬ ЗАБЛИСТАЕТ. Перевод М. Бородицкой	315
64. LIKE ONE WHO, DOOMED	316
*КАК ТОТ, КТО, ЧУЖЕДАЛЬНИХ ВОД. Перевод Ю. Левина	317
*КАК ПУТНИК, ДОЛГО ПО МОРЯМ...» Перевод А. Бородина	484

65. FEAR NOT THAT, WHILE AROUND THEE	318
* УЖ КОЛЬ БЛАЖЕНСТВО МАНИТ. <i>Перевод В. Лунина</i>	319
66. WHEN LOVE IS KIND	318
* ЕСЛИ ЛЮБОВЬ... <i>Перевод М. Бородицкой</i>	319
* КОГДА ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНА. <i>Перевод А. Гиривенко</i>	484
67. THE GARLAND I SEND THEE	320
* В ТОМ ВЕНКЕ, ЧТО Я ШЛЮ ТЕБЕ... <i>Перевод И. Левидовой</i>	321
68. HOW SHALL I WOO?	320
КАК МНЕ ТЕБЯ ЗАВОЕВАТЬ? <i>Перевод С. Таска</i>	321
69. SPRING AND AUTUMN	322
* ВЕСНА И ОСЕНЬ. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	323
70. LOVE ALONE	324
* ЛИШЬ ЛЮБОВЬ. <i>Перевод К. Атаровой</i>	325

MISCELLANEOUS POEMS
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТО... (Sweet lady, look not thus...)	328
«О, НЕ ГЛЯДИ ТАК НА МЕНЯ!...» <i>Перевод Ю. Doppельмайер</i>	329
A REFLECTION AT SEA	330
ВОЛНА. <i>Перевод Г-ч</i>	331
GLORIS AND FANNY	330
ЕСЛИ Б! <i>Перевод аноним</i>	331
* «БУДЬ Я ПЕРСИДСКИЙ ШАХ...» <i>Перевод В. Васильева</i>	485
TO JULIA WEERING	330
КОГДА ТЫ РЫДАЕШЬ... <i>Перевод Д. Минаева</i>	331
THE WONDER	332
ЧУДО. <i>Перевод С. К.</i>	333
THE EVENING GUN	332
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ, КАК МЫ С ТОБОЮ... <i>Перевод М. Ю. Лермонтова</i>	333
ВЕЧЕРНИЕ ВЫСТРЕЛЫ. <i>Перевод Л. Якубовича</i>	486
TO-DAY, DEAREST! IS OURS	334
«ДЕНЬ ТЕКУЩИЙ — ДЕНЬ НАШ, ДОРОГАЯ!...» <i>Перевод А. Курсинского</i>	335
FROM LIFE WITHOUT FREEDOM...	334
БРАННЫЙ КЛИЧ. <i>Перевод В. Лигачева</i>	335
WAKE UP, SWEET MELODY...	336
«ГДЕ ТЫ, МЕЛОДИЯ!...» <i>Перевод В. Я. Брюсова</i>	337
«ПРОСНИСЬ, О МЕЛОДИЯ!...» <i>Перевод А. Курсинского</i>	486

From "FABLES FOR THE HOLY ALLIANCE"
Из «СКАЗОК О СВЯЩЕННОМ СОЮЗЕ»

Fable 1. THE DISSOLUTION OF THE HOLY ALLIANCE	340
Сказка 1. КОНЕЦ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА. <i>Перевод В. Михушевича</i>	341
Fable 3. THE TORCH OF LIBERTY	346

Сказка 3. ФАКЕЛ СВОБОДЫ. Перевод В. Микшевича	347
Fable 4. THE FLY AND THE BULLOCK	352
Сказка 4. МУХА И БЫК. Перевод В. Микшевича	353

**From "LALLA ROOKH"
Из «ЛАЛЛА РУК»**

PARADISE AND THE PERI	360
ПЕРИ И АНГЕЛ. Перевод В. А. Жуковского	361
THE LIGHT OF THE HARAM	392
СВЕТ ГАРЕМА. Перевод Веры Потаповой	393
ИЗ СКАЗКИ «СОЛНЦЕ ГАРЕМА». Перевод И. А. Букина	487
ВОЛШЕВНИЦА. Перевод И. Крешева	488
Комментарии Л. Володарской	489
Библиография А. Гириенко	525





ПРЕДИСЛОВИЕ



Я все больше убеждаюсь, что поэзия — общее достояние всего человечества, она проявляется везде и во все времена.

Иоганн Вольфганг Гёте

Среди наших соотечественников едва ли найдется человек, который не знает стихотворение «Вечерний звон» Ивана Ивановича Козлова (положенное на музыку А. А. Алябьевым): оно прочно заняло место в золотом фонде русской лирической поэзии и не состарилось с течением времени, хотя вот уже более полутора веков, как оно было впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1828 год».

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он...

Однако далеко не всем известно, что, несмотря на небольшие формальные отклонения, это стихотворение в целом точный перевод одной из мелодий ирландского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852), оставившего глубокий след в истории русской поэзии, ибо, как писал академик М. П. Алексеев, во всем XIX веке не было ни одного крупного поэта, тем более второстепенного, не отдавшего дань его творчеству или пересозданием его на русском языке, или откликом на него в своих собственных произведениях*. Из англоязычных поэтов XIX века «преимущественную любовь» (по выраже-

* М. П. Алексеев обстоятельно исследовал практически все известные на сегодняшний день переводы из Томаса Мура и отзвуки его творчества в произведениях русских писателей XIX века в кн.: М. П. А л е к с е в. Русско-английские литературные связи. Литературное наследство, т. 91. М., «Наука», 1982.

нию И. В. Киреевского) русских литераторов прошлого столетия делили Байрон и Мур, что со всей очевидностью подтверждают библиографические исследования.

Что же привлекало в Томасе Муре декабриста Н. А. Бестужева, не склонного к стихотворчеству, и наставника великих князей и княжон, поэта, чьи поэтические переводы стали незаурядным и симптоматичным явлением русского романтизма, — В. А. Жуковского; сосланного в Сибирь поэта-демократа М. Л. Михайлова и мечтавшего о дворянстве, одного из мелодичнейших русских поэтов А. А. Фета? Вне всякого сомнения, ответ надо искать в том своеобразном качестве поэтического творчества Томаса Мура (ирландца не только по происхождению, но и по духу), которое есть не что иное, по словам поэта, как стремление к естественному, органичному «соединению Политики и Музыки»*, найденному им в идеальном соотношении в ирландской народной песне. Именно народная песня стала главным учителем первого поэта Ирландии, слава которого вышла далеко за пределы Британских островов. Другим важным истоком его творчества была великая традиция английской поэзии, на языке которой после долгого молчания возродилась ирландская поэзия. Напомним, что в 1798 году, за несколько лет до появления в свет томика юношеских стихотворений Томаса Мура (1801 год), со страниц «Лирических баллад» У. Вордсворта и С. Т. Кольриджа открыто заявила о себе новая английская поэзия, которая вскоре будет названа романтической. Эстетические идеи, провозглашенные Вордсвортом в предисловии ко второму изданию «Баллад» (1800), были приняты Т. Муром и легли в основу его творчества.

Но более всего питало творчество Томаса Мура, давало ему жизнь, силы и краски ирландское освободительное движение, подавляемое и вновь восстающее из пепла, воплощающее в себе неукротимый дух народа, который не желает мириться с неволей, народа, о котором писал Фридрих Энгельс: «После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде»**.

* *The Poetical Works of Thomas Moore in 5 vls. Leipzig, 1842, v. 2, p. 320.*

** К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, с. 523.

* * *

Томас Мур родился в Дублине в католической семье небогатого коммерсанта. С самого раннего детства в мальчишке поощряли склонность к искусствам: он неплохо декламировал, играл на нескольких музыкальных инструментах, участвовал в домашних спектаклях. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, его стихотворения были впервые опубликованы в журнале «Anthologia Hibernica» («Ирландская антология»). В шестнадцать лет Мур стал студентом Дублинского университета. Юноше повезло: еще за несколько лет до того двери университета были закрыты для католиков.

Со временем учебы главным образом связано духовное и политическое возмужание Томаса Мура. Способствовали этому, как пишет он сам в дневнике (ноябрь 1825 года), «могущественные политические страсти, которые кипели вокруг меня, когда я был еще подростком, и возбуждали во мне самый пылкий и глубокий интерес». Близкими друзьями Мура становятся Эдвард Хадсон и Роберт Эммет, активные члены организации «Объединенные ирландцы», ее левого крыла, идейно близкого к якобинцам. Но и все руководители «Объединенных ирландцев» во главе с Уолфом Тоном, как писал известный советский историк Е. В. Тарле, «находились под несомненным и сильным воздействием Декларации прав и вообще французских идей и событий»*. Организация издавала журнал «Пресса», и Мур печатал в нем свои стихотворения, в которых воспевал героическое прошлое Ирландии. Через много лет он писал по этому поводу: «Разумеется, я, с присущим мне, когда дело касалось национального освобождения, пылом, стремился сотрудничать в этом патриотическом и популярном органе»**. А в декабре 1797 года состоялось первое политическое выступление Томаса Мура. Он напечатал, естественно анонимно, «Письмо студентам Тринити-колледжа», которое сочли «слишком смелым» не только боявшиеся за него родители, но и тайная комиссия ирландского парламента, цитировавшая из него отрывки, чтобы продемонстрировать, сколь устрашающими были проекты «Объ-

* Е. В. Т а р л е. Сочинения, т. 1. М., АН СССР, 1957, с. 336.

** Цит. по: Т. А. Б а у ж и т е. «Ирландские мелодии» Томаса Мура и ирландское национально-освободительное движение. Ученые записки МГУ, т. 196, 1958, с. 287.

единенных ирландцев». В апреле 1798 года, когда Роберт Эммет покинул университет и полностью отдался подготовке к восстанию, среди студентов начались допросы, во время которых Томас Мур заявил комиссии, что отказывается давать показания, ибо не желает вредить своим друзьям. Никаких видимых последствий его отказ, к счастью, не имел.

В мае 1798 года началось восстание, которое было довольно быстро подавлено. Погибли тридцать тысяч человек. Был распущен ирландский парламент. Восстание оставило неизгладимый след в памяти Т. Мура, он считал его закономерным, хотя и трагическим проявлением вольнолюбия ирландцев, «порабощенного, но не побежденного народа»*, по словам Фридриха Энгельса, а в его участниках увидел героев, добровольно обрекших себя на смерть во имя свободы родины и в доблести не уступивших легендарным богатырям древней Ирландии.

Национально-освободительная борьба ирландского народа в последней четверти XVIII века стала одной из причин культурного подъема нации, который был настолько сильным, что его уже не могла подавить реакция, охватившая Ирландию после поражения восстания «Объединенных ирландцев» (1798). Первыми вестниками культурного возрождения Ирландии стали сборники старинной поэзии и музыки, привлечшие внимание к национальной истории, к древней литературе и способствовавшие становлению новой литературы, которая хотя и приняла английский язык, но не была оторвана от гэльских корней. В 1790-е годы родилась массовая революционная поэзия, выражавшая чувства и устремления тех, кто связал судьбу с организацией «Объединенные ирландцы». Ирландская поэзия после долгого молчания начиналась как революционно-романтическая, черпавшая жизнь в народной поэзии и национально-освободительной борьбе.

Необходимо отметить, что конец XVIII века — эпоха предромантизма — пробудил повсеместный в Европе интерес к литературным и музыкальным истокам национальных культур. Сказки и сказания, народные песни и народные мелодии становились не только предметом изучения специалистов, но и играли существенную роль непосредственно в литературной жизни, предвещая грядущие изменения в ней.

* К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 16, с. 526.

Первое упоминание об интересе Томаса Мура к народным мелодиям, который имел немаловажное значение не только для поэтического цикла «Ирландские мелодии», но и для всего творчества ирландского поэта, относится к университетским годам и связано с именем Эдварда Хадсона, казненного англичанами после подавления восстания 1798 года.

В 1799 году Томас Мур получает степень бакалавра искусств и уезжает в Лондон, где он проживет большую часть своей жизни. Он начинает изучать право и одновременно переводить на английский язык любовную лирику Анакреона, в которой он, по собственному признанию, искал нежность чувства, разнообразие фантазии, столь необходимые для изысканной и вдохновенной любовной поэзии, но был разочарован, не найдя этого. Тем не менее книжка его переводов была издана. Однако популярность ему принес вышедший в свет в 1801 году сборник его собственных стихотворений (*The Poetical Works of the Late Thomas Little, Esq.*). До некоторой степени скандальную популярность, хотя сегодня трудно поверить в то, что кого-то могли шокировать эти якобы непристойные, а на современный взгляд несколько жеманные, холодноватые, большей частью подражательные стихотворения. Редко-редко в них можно уловить чарующую музыкальность, которая в будущем принесет поэту славу «мелодичнейшего лирика», по выражению П. Б. Шелли, и непосредственность, искренность поэтического чувства, которые в России были подмечены Д. Д. Минаевым в одном из юношеских стихотворений Томаса Мура, переведенных им на русский язык*.

Шокированы были ортодоксальные критики, ими даже такое достаточно робкое явление новой поэзии — один из главных принципов которой, декларированный Вордсвортом и Кольриджем, гласил: «Поэзия для всех и язык, доступный каждому» — рассматривалось как непростительное посягательство на освященную традицией поэтичность. Но нашлись и высокопоставленные поклонники юного таланта, пожелавшие как-то обеспечить его обладателю материальное и социальное положение. Через два года после выхода в свет книги, в печально памятном 1803 году, когда Роберт Эммет возглавил восстание в Дублине, но был разбит и казнен, покровителям Мура из окружения принца Уэльского пришла

* См. наст. изд., с. 331.

в голову мысль учредить специально для двадцатичетырехлетнего Томаса Мура звание поэта-лауреата Ирландии, которое давало бы те же привилегии, что и подобное звание в Англии, однако Мур решительно отказался от «подлой и гнусной поддачи»*, предпочтя ей не очень значительную должность на Бермудских островах. В том же 1803 году он отплывает в Америку, а в 1806 году издает в Англии новую книгу «Послания, оды и другие стихотворения» (*Epistles, Odes and Other Poems*), которая включала в себя помимо интимной лирики лирику гражданскую, «политическую» (как называл ее П. А. Вяземский, один из будущих переводчиков Мура). Если любовная лирика Томаса Мура в этой книжке, в основном цикл «К Неа», естественно выросла из его юношеских попыток писать по-новому, как того требовал Вордсворт (истинная поэзия должна быть «свободным потоком мощных эмоций», «обдуманно» уложенных в самые разные метры и выраженных языком «среднего и низшего классов»), то политическая лирика под пером поэта родилась впервые. Миф об Америке как о юной стране, в которой процветает демократия, не ослепил Томаса Мура, и он написал о государстве, «вполне зрелом во всех пороках», которые «естественно превосходят период еще более явной коррупции и способны подавить любую пылкую надежду на будущую силу и величие Америки**». В Америке книжка была встречена с негодованием, ее сочли «оскорблением» и в течение многих лет каждое новое слово поэта воспринималось в штыки американской прессой.

Стихотворениями об Америке завершается поэтическая юность Томаса Мура, пора обретения не только поэтического мастерства, но и гражданской позиции. Стих Мура звучит уверенно и интонационно разнообразно. Если это любовная лирика, то стих легкий, мелодичный, интонация «напевная» (по терминологии Б. М. Эйхенбаума), если политическая — интонация «декламационная» в пределах достаточно жестко выдерживаемого ямба. Это, если так можно выразиться, отправные точки, с которых начинается ритмическое своеобразие, а в дальнейшем и новаторство Томаса Мура. В любовной лирике печальная нота слышится даже в тех стихотворениях, где, казалось бы, радость всецело владеет сердцем

* Цит. по: S. Gwynn. *Thomas Moore*. Lnd., 1904, p. 27.

** *The Poetical Works of Thomas Moore*, v. 1, p. 317.

поэта. А в гражданской лирике есть та прямота высказывания, не скрывающаяся за метафорой, та злободневность и публицистичность, которыми Томас Мур не пренебрежет и впоследствии, когда будет писать гневные сатиры в адрес европейских политиков посленаполеоновской эпохи.

* * *

Жизнь Томаса Мура складывалась нелегко. Постоянная материальная зависимость от издателей и покровителей, не стеснявшихся в попытках влиять на творчество поэта, не могла не угнетать его. Тяжелые, трагические семейные обстоятельства — смерть пятерых детей — могли лишь усугубить печаль, тоску, неверие в будущее. Однако в целом творчество Томаса Мура пронизано таким неколебимым оптимизмом, убежденностью в торжестве разума, красоты, любви, какие могут быть у поэта, наделенного мудрой верой в человека, предназначение которого — творить на земле добро.

Зрелое творчество Томаса Мура включает в себя поэзию (лирические стихотворения, поэмы, сатиры) и прозу (романы, жизнеописания). И практически все произведения, даже запрещенные царской цензурой или по каким-то другим причинам не переведенные на русский язык, тем не менее пользовались известностью среди российской читающей публики в XIX столетии. Конечно, Мур как поэт-романтик, обратившийся к народной песне, экспериментировавший с поэтической речью, вводивший новые сюжеты, должен был привлечь к себе внимание русских поэтов, однако бесспорно и то, что российская слава Мура, как и Байрона (Байрона в большей степени), — в первую очередь результат ярко выраженной социальной значимости их творений, о которой П. А. Вяземский, постоянный защитник в печати романтической поэзии, писал: «И почему поэту не быть наравне с оратором стражем народных выгод и блага общественного?.. Жизнь общественная, там, где она пламенует в поре мужества и здравия, должна пробиваться всюду и все обогревать живительную теплоту своею. Истинный *флюид* государственный... она всеобъемлюща и всепроницающа...»* Поэзия, желающая быть властительницей умов, должна осмысливать жизнь страны, народа, но в России XIX столетия она далеко не

* П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. М., «Искусство», 1984, с. 57—58.

всегда могла делать это открыто, и тогда на помощь приходили иноязычные поэты, в творчестве которых можно было найти мотивы, отвечающие запросам времени.

Изучая с этой точки зрения русские переводы произведений Томаса Мура, еще и еще раз убеждаешься в том, что при относительно постоянном интересе к ирландскому поэту в России XIX века легко выделить три периода, когда этот интерес был особенно сильным и когда на обычном фоне более или менее удачных переводов рождались такие, которые стали явлением русской поэзии и до сих пор не потеряли своего значения.

Первый такой период — 1820-е годы — непосредственно связан с деятельностью декабристов.

Насколько известно, первый опубликованный поэтический перевод из Томаса Мура относится к 1821 году. Это «Пери и ангел» В. А. Жуковского. В том же году декабрист Н. А. Бестужев опубликовал прозаический перевод другой поэмы из «Лалла Рук» — «Обожатели огня». В том же году поэма, переведенная Жуковским, увидела свет в прозаическом переложении под заглавием «Рай и пери»*. В 1827 году прозаическое же переложение поэмы «Свет гарема» было напечатано в журнале «Сын отечества» (т. 112, № 5). И двумя годами позднее в издании «Венок граций. Альманах на 1829 год» был помещен также прозаический перевод первой поэмы из «Лалла Рук», озаглавленной «Покровенный пророк из Хорасана. Восточное повествование». Все эти четыре поэмы, разбросанные по разным изданиям в отрывках и целиком, в стихах и прозе, на самом деле составляют единое произведение Мура «Лалла Рук» (*Lalla Rookh, An Oriental Romance*), написанное им в 1812—1817 годах. Кстати сказать, эта «разбросанность» не прошла незамеченной и в 1820-х годах, что подтверждается еще одним изданием начала 1830 года — «Лалла Рук. Восточная повесть Т. Мура. Перевод с английского», — которое много ругали за то, что оно «общипанное», «сокращенное», написанное «плохой прозой». Но, наверное, суть не только в этом. Переводчик, по-видимому, не чувствовал в себе сил или способностей перевести все

* Подробнее библиографические сведения о переводах Мура в России см. наст. изд., с. 532—548.

произведение, сделал, как пишет М. П. Алексеев, «переложение связующего отдельные поэмы прозаического обрамления. В соответственных местах переводчик ссылался на существовавшие в то время русские переводы отдельных поэм, входящих в «Лалла Рук», и давал им критические оценки»*.

Появление этих переводов даже при том, что почти все они искажали или смягчали (по собственному усмотрению автора или по требованию цензуры) содержание «восточной повести» Мура, было обусловлено и отвечало требованию времени, когда передовые идеи проникали в русское общество и находили приверженцев. Это, на наш взгляд, главное.

Хотя нельзя не признать, что восточное обрамление поэмы, великолепное по богатству красок, по точности географической и исторической, явилось как нельзя вовремя, ибо как раз на эти годы приходится в русской литературе начало интереса к фольклору народностей Российской империи и к литературе зарубежного Востока — возникновение так называемого романтического ориентализма. Некоторые критики даже утверждали, что именно «восточная повесть» Томаса Мура определила рождение «восточного» направления в русской литературе. Так считал, например, С. П. Шевырев. «В наше время англичанин Мур, — писал он в рецензии на произведение одного из русских поэтов, явное подражание поэме «Лалла Рук», — пристрастил всю Европу к восточному роду поэзии, с которым, впрочем, Гёте и еще прежде Гердер ее познакомили. Мы, русские, не остались чуждыми его примеру; нечувствительно обогащается словесность наша восточными апологами, стихотворениями, поэмами. Критика радуется, смотря на сие обогащение; между тем холодная предусмотрительность, в которой ее часто, но несправедливо укоряли, заставляет опасаться, чтобы роскошь описаний не заменила у наших стихотворцев истинной силы чувствований и мыслей; живописцы, щеголявшие яркостью красок, редко отличались точностью рисунка»**.

Когда Томас Мур только начинал работу над «Лалла Рук», Байрон, узнав об этом, писал ему: «По словам Ваших друзей, надеюсь верным, Вы сейчас заняты сочинением поэмы, местом действия которой будет Восток. Никто лучше Вас его

* М. П. Алексеев, указ. соч., с. 688.

** Московский вестник, 1827, ч. IV, № 15, с. 277—278.

не опишет. Вы можете найти там ту же несправедливость, от которой страдает Ваша родина, тот же великолепный и пылкий дух, которым отличаются ее сыны, ту же красоту и нежность, как у ее дочерей* . Однако поэма о Востоке долго не складывалась. Много позже в предисловии к одному из изданий Мур писал, что в течение нескольких лет не мог сдвинуть ее с места и уж вовсе хотел ее забросить, как ему «пришла в голову мысль один из рассказов посвятить долгой и отчаянной борьбе гебров, персидских огнепоклонников, против мусульман, их арабских завоевателей... и вскоре дух ирландских мелодий перекочевал на Восток»** . Так поэма о Востоке, в сущности, стала поэмой о свободе и любви, задрапированной в восточные одежды, которые для европейца были не только экзотичны, но и интересны с чисто познавательной точки зрения.

Не случайно именно к этому сюжету обратился Н. А. Бестужев. Идея национальной свободы, национальной независимости, идея борьбы против тирании должны были увлечь декабриста и побудить его к распространению поэмы на русском языке, хотя ему и пришлось смягчить или совсем опустить некоторые строфы, как, например, ту, в которой Мур рассуждает о слове «восстание».

Поэму «Обожатели огня» справедливо считали самой «ирландской» из четырех, вошедших в «Лалла Рук». В главных героях узнавали вождя ирландского восстания 1803 года Роберта Эммета и его возлюбленную Сару Карран. Следом за Байроном ее стали считать лучшей из так называемых восточных поэм, хотя спустя некоторое время ее начали сравнивать с поэмами Байрона и упрекать в недостаточности духа «отчаяния» и «мятежности». Думается, что упреки эти не совсем правомерны: «байроновские» мерки, с которыми критика подходила к поэме Мура, вряд ли способствовали справедливой оценке произведения. Естественнее и логичнее было бы провести до конца ирландскую линию. Любовь восторжествовала над религиозными препонами, но она не остановила борца за независимость, как и не смогла спасти его от гибели. У Мура и в помине нет мотива «примиренчества». Заключительные

* Заметим, кстати, что восточная поэма Байрона «Корсар» посвящена Томасу Муру.

** *The Poetical Works of Thomas Moore*, v. 3, p. 164.

строки поэмы — плач по погибшим, песня, которая должна сохранить в веках их имена. Поражение восстания — еще не конец борьбы, и уж кому-кому, а ирландцу Томасу Муру это было хорошо известно, как известно было и то, что песня, одолевшая века, вдохновит потомков на новые подвиги во имя свободы родины. Поэма проникнута пафосом борьбы, оптимизм Томаса Мура питается не смирением перед насилием, а верой в конечное осуществление чаяний народа.

Однако если поэма «Обожатели огня» (или «Огнепоклонники»), как и «Покровенный пророк из Хорасана», еще ждала своего поэта-переводчика, то вторая поэма из «Лалла Рук» — «Пери и ангел» в переводе В. А. Жуковского — стала неотъемлемой частью русской литературы, тем классическим наследием, без которого немыслима история русской словесности. И хотя Жуковский несколько смягчил запечатленную в поэме суровость земной жизни, придал поэме толику трогательно-сентиментального звучания, которого нет в оригинале, и усилил христианские мотивы, «Пери и ангел» была встречена одобрительно даже идейными противниками Жуковского. Несомненно, что будущие декабристы высоко ценили в ней (как и в «Обожателях огня») не восточную «экзотику», а возмущение несправедливостью, царящей на земле. Известны строки К. Ф. Рыльева, в которых он восхищается поэтическим талантом Жуковского и выражает радость по случаю появления на русском языке поэмы «Пери и ангел»:

Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной Пери.
(«Послание к Н. И. Гнедичу»)

А «первый декабрист» В. Ф. Раевский, хотя и не писал восторженных слов в адрес Жуковского, по-своему высоко оценил его перевод, воспользовавшись некоторыми строфами для пропаганды среди солдат в школе взаимного обучения в Кишиневе. Об этом вспоминал сам Раевский, которому во время суда были заданы вопросы по поводу обнаруженных выписок из поэмы Мура в переводе Жуковского, в частности отрывка, начинавшегося:

...Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» — тиран ему сказал... —

и заканчивавшегося следующими словами пери:

«Богам угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы;
Чистейшие эдемски воды
С ней не сравнятся чистотой.
Так, если есть в стране земной
Достойное небес воззренья,
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу?»

Эпизод в целом рассказывает о покорении Индии в XI веке Махмудом из Газны. О стойкости и храбрости защитников Индии, об их до последнего вздоха непокорности завоевателю пишет Томас Мур, вспоминая, вероятно, при этом тысячи и тысячи павших ирландцев. По крайней мере о них неизменно вспоминали читатели, куда бы ни переносило их поэтическое воображение автора — в Персию ли, Иран или Индию, — слыша во взволнованном голосе поэта боль за свою родину.

Национально-освободительное движение — главная тема творчества ирландского поэта-романтика Томаса Мура, и в поэме «Лалла Рук», которую В. Г. Белинский ставил в один ряд с «Фаустом» Гёте, «Манфредом» Байрона, «Дзядями» Мицкевича, эта тема прозвучала с такой поэтической силой, что никого не оставила равнодушным — ни читателей, ни поэтов, ни борцов за свободу. Более того, в России поэтическое слово Томаса Мура стало непосредственным участником борьбы. Хоть и далеко от Ирландии, но исполнилось то, о чем сам поэт сказал в «Ирландских мелодиях», — струна его лиры прозвенела «тетивой арбалета»:

Свободного барда презреньем не мучай,
Коль славит улады, отбросив свой меч:
Быть может, рожден он для участи лучшей
И пламень святой мог бы в сердце сберечь?
Струна, что повисла на лире поэта,

Когда б пробудились Отчизны сыны,
 Могла б прозвенеть тетивой арбалета,
 А песня любви — стать напевом войны!..

(Перевод А. Голембы)

Высоко ценились декабристами и «Ирландские мелодии» Томаса Мура, которые выходили в свет маленькими книжечками с 1808 по 1835 год. Сам Мур писал о них так: «Я искренне убежден в том, что «Ирландские мелодии» — это единственное творение моего пера, слава которого... намного переживет наши дни». Несомненно, он преуменьшил значение других своих работ, но не ошибся насчет того, что «Ирландским мелодиям» предстояла долгая и счастливая жизнь и на его родине, где многие из них стали народными песнями, и в других странах. Недаром в «Антиякобитском обозрении», реакционном издании, появилась статья, резко критиковавшая именно содержательную суть «Ирландских мелодий»: «Некоторые из них сочинены в расчете на неустойчивое состояние общества, а может быть, даже на открытый бунт...»* Недаром бунтарь Байрон, ставший для Европы XIX столетия, и в частности для России, символом свободомыслия и считавший Томаса Мура одним из самых стойких патриотов Ирландии, сказал: «По мне, некоторые из его «Ирландских мелодий» стоят всех когда-либо созданных эпосов»**.

Лирическая поэзия, которой принадлежит и жанр мелодии, как писал Г. Р. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде вообще», «показывается от самых пелен мира. Она есть самая древняя у всех народов; это отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение или излияние восторженного сердца. Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклицанием. Все его окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы»***. И на протяжении столь долгого времени она не уставала стремиться к разнооб-

* Цит. по: Н. Н. Jordan. *Bolt Upright*. Salzburg, 1975, v. 1, p. 158.

** Цит. по: Th. Burt Sayre. *Tom Moore*. Toronto, 1926, p. VII.

*** Цит. по: С. Н е к р а с о в. Российская академия. М., 1984, с. 220.

разию и обновлению. Одни формы появлялись на свет, другие уходили в небытие, третьи не устаревали с течением времени. Эпоха романтизма дала жизнь мелодии, которая могла выразить и интимные, и гражданские чувства поэта.

Мелодия — это форма лирической поэзии, своеобразие которой заключалось в том, что стихотворение писалось на народную мелодию (как правило) и, следовательно, должно было обладать национальным колоритом и напевностью. Музыкальная основа, реально существующая или подразумеваемая, оказывала непосредственное влияние на словесную часть. Музыка обогащала ритм стиха и требовала от поэта внимания к «вымыслам народным», а также к «странному просторечию, сначала презренному»*. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в качестве целостного произведения имеют некоторое сходство с циклом сонетов раннего Возрождения (который также был очень популярен в Англии с начала XIX века). Однако если в цикле сонетов поэт писал о своей любви к даме и лишь изредка вставлял сонеты, в которых речь шла о делах государственных, то в «Ирландских мелодиях» все наоборот: поэт посвящает свой цикл Ирландии, судьба которой отзывается болью в его сердце. С темой родины, ее исторического прошлого, борьбы за освобождение самым тесным образом связана тема поэта, ирландского барда, его места и роли в национально-освободительном движении. Однако в романтическом цикле Томаса Мура естественно звучат и анакреонтические мотивы (кстати, первая публикация Т. Мура — это перевод стихотворений Анакреонта), популярные в эпоху романтизма во всех странах Европы. Мотивы счастливой любви и заздравных чаш в честь героев Ирландии усиливали оптимистическое звучание «Ирландских мелодий», несмотря на многие трагические стихотворения цикла. Анакреонтическая традиция, естественно сплетаясь с ирландской в произведении Мура, была воплощением уверенности романтиков в счастливом будущем, за которое боролись в Ирландии и во Франции, в Испании и в Италии, в Греции и в России...

Именно гражданские мотивы прежде всего привлекали русских декабристов к поэзии Мура. Так, С. И. Муравьев-Апостол незадолго до восстания писал, что благодаря Французской революции «люди узнали счастье, более достой-

* А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 тт., т. 11. 1949, с. 73.

ное высокого назначения человека, и поэзия заговорила языком более мужественным. И движение это, раз возбужденное, не могло замереть, вопреки всем препятствиям, и должно было в наши дни породить Байронов и Муров»*.

Уже в Сибири, в Читинском остроге, в 1827 или 1828 году А. И. Одоевский перевел на русский язык одну из «Ирландских мелодий» Т. Мура, которая зазвучала искренним и взволнованным признанием поэта-декабриста в любви к России:

Тебя ли не помнить? Пока я дышу,
Тебя и погибшей вовек не забуду.
Дороже ты в скорби и сумраке бурь,
Чем мир остальной при сиянии солнца...

Более ста лет перевод не публиковался**, более полутора столетий прошло со времени его создания, однако и сегодня он может служить примером (несмотря на определенную формальную неточность) для тех, кто в первую очередь стремится передать дух оригинала.

Нужно сказать, что отдельные стихотворения из цикла «Ирландские мелодии» стали появляться в российской печати в самом начале двадцатых годов. Сначала в прозаическом переводе и чаще всего с французского языка. А в 1823 году появился первый поэтический перевод — И. И. Козлова, вскоре завоевавшего славу одного из лучших переводчиков Мура. Стихотворение называлось «Молодой певец» (*The Minstrel-Boy*). И. И. Козлов перевел и опубликовал еще несколько стихотворений из «Ирландских мелодий», но его непревзойденным шедевром стал перевод по духу близкого к «Ирландским мелодиям» стихотворения «Вечерний звон» (*Those Evening Bells*) из цикла «Мелодии разных народов». И хотя тогдашняя критика отметила, что русское стихотворение «дышит тихой горестью слепца-ясновидящего», нам кажется, что в нем нашли отражение те настроения, которые волновали русское общество в конце 1820-х годов. Разве не напоминают строки:

И сколько нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых! —

знаменитые слова А. С. Пушкина: «Иных уж нет, а те дале-

* Красный архив, 1928, т. 5, с. 223.

** А. И. О д о е в с к и й. Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л., «Academia», 1934, с. 233.

че»*, — явно относящиеся к декабристам? В этом лирическом стихотворении удивительно проникновенно переданы те ощущения, которые знакомы каждому человеку, чья юность осталась позади. Но и в стихотворении Томаса Мура, и в стихотворении И. И. Козлова произошло идеальное соединение личного, интимного переживания автора с общим настроением эпохи, которое и в Ирландии, и в России определялось поражением революционных сил, трагической судьбой лучших людей своего времени и воцарившейся в стране реакцией. Это соединение личного и общественного начал вместе с поразительной гармоничностью стиха (И. И. Козлов внес изменения в стихотворение Мура, добавив к каждой строфе по две строки), его необыкновенной музыкальностью, вероятно, и послужило к его непреходящей славе.

* * *

Второй период особой популярности творчества Томаса Мура в России приходится на 1830-е годы. Он связан с именами М. М. Иваненко, Н. А. Маркевича, В. И. Любич-Романовича и, конечно же, М. Ю. Лермонтова. В это время особенно процветают вольный перевод и подражание, которые появлялись в русской печати и до, и после 1830-х годов, но именно в это десятилетие они имеют определяющий характер, подобно прозаическим переводам из Томаса Мура в самом начале 1820-х годов. В этом смысле наиболее интересны «Украинские мелодии» Н. А. Маркевича, который всеми силами стремился доказать, что мелодии Мура никак не повлияли на его творчество, однако, как пишет академик М. П. Алексеев, «и в поэтизации национального колорита, и в ощутительном стремлении создавать звучащее слово стиха на фоне и в ритме подразумеваемой музыкальной мелодии Маркевич обязан Муру гораздо больше, чем он сам признал открыто»**.

Качественно новый подход к творчеству ирландского поэта характерен для поэтов-переводчиков этого времени. И, вероятно, более, глубже других проникся печалью, одиночеством, подчас свойственными поэзии Мура, Михаил Юрьевич Лер-

* «Евгений Онегин», гл. 8, строфа 51. Кстати, источник пушкинского стиха — поэзия Саади, в данном случае пересказанная Т. Муром в предисловии к поэме «Пери и ангел».

** М. П. Алексеев, указ. соч., с. 722.

монтов. Через всю свою короткую жизнь пронес Лермонтов духовную связь с ирландским поэтом, сказавшуюся и в переводах, и в отголосках образов, метафор, настроений поэзии Мура в творчестве великого русского поэта.

Благодаря исследованиям последних десятилетий* теперь известно не только о том, что прекрасное стихотворение Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою» (1830?) — перевод стихотворения Томаса Мура *The Evening Gun*, одного из шести стихотворений цикла «Несколько песен» (*A Set of Glees*), но и о непосредственной связи других стихотворений Лермонтова — «Еврейская мелодия» (1830), «Песнь барда» (1830), «Когда одни воспоминанья...» (1831, из драмы «Станный человек»), «Романс» (1832) — с «Ирландскими мелодиями» Томаса Мура.

Мур утверждал, что политические страсти, кипевшие вокруг него в юности, формировали его характер. Так оно и было, иначе откуда бы он взял смелость на непрекращающиеся выступления в защиту своей родины, на «длительные военные действия против тори», как он называл свои сатиры? Однако очевидно и то, что не меньшее влияние оказало на него поражение восстаний 1798 и 1803 годов. Тоска, грусть собственных стихотворений Мура — это необходимость соответствия ирландским народным мелодиям, о которых Ф. Энгельс писал: «Глубокая грусть, пронизывающая большинство этих напевов, является и по сей день выражением национального настроения. Да и могло ли быть иначе у народа, власти которого изобретают все новые, все более современные способы угнетения?»** Но помимо этого — еще и собственное настроение поэта, отзвук в его творчестве «беспросветной реакции в Ирландии», о которой Е. В. Тарле писал: «Погибшее и раздавленное поколение 90-х годов не оставило после себя непосредственных продолжателей своего дела... попытка Эммета была мимолетной вспышкой, но значительно усугубившей безнадежное, тяжелое душевное состояние***

* В. А. Мануйлов. Заметки о двух стихотворениях. Ученые записки ЛТПИ им. А. И. Герцена, т. 67, 1948; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964; В. В а ц у р о. «Ирландские мелодии» в творчестве Лермонтова. Русская литература, 1965, № 3; М. П. А л е к с е е в, указ. соч.

** К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, с. 526.

*** Е. В. Тарле. Сочинения, т. 1, с. 393.

Однако грусть Томаса Мура никогда не переходила в отчаяние, более характерное для творчества его современника Байрона, и по этому поводу уже упоминавшийся нами Н. А. Маркевич оставил довольно точное, хотя и несколько цветистое рассуждение, из которого мы приведем несколько строк: «...горесть Байрона сгустилась в тучу мрачную, обложившую сердце поэта; у Мура она производит слезы тихие, которые родили эту живую, пламенную поэзию, подобную весеннему дождю, идущему из мрака облаков, но рождающему на небе дугу разноцветную, сверкающую и необъятную в изменениях бесчисленных красок своих»*. Отчаяние не свойственно поэтическому «я» Томаса Мура, как не свойственно оно национальному характеру ирландцев, в течение многих столетий не прекращавших борьбу против угнетателей, когда «после свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде»**. Так было и при жизни Мура. Поражение в 1798 году — и восстание в 1803 году. Опять поражение — и деятельность младоирландцев в 1830—1840-е годы. Поэтому и в творениях Томаса Мура следом за, казалось бы, самой горькой грустью звучит непобедимая вера в будущее... Но и в самых радостных, жизнеутверждающих стихотворениях есть нота печали.

Две темы, проходящие через все творчество Томаса Мура, постоянно тревожили и воображение М. Ю. Лермонтова: тема неволи и непосредственно связанная с ней тема поэта. Вряд ли найдется в нашей стране хоть один человек, не знающий гневные, обличающие строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». В стихи же шестнадцатилетнего юноши, каким был Лермонтов в 1830—1831-х годах, эти темы вошли не без влияния ирландского поэта. Юность М. Ю. Лермонтова приходится на годы реакции в России, его поэтический гений мужал, когда еще были свежи воспоминания о 14 декабря, но царили «цепи» и «стонны гибнущей свободы». И в стихотворении Лермонтова «Песнь барда» есть прямое сходство со стихотворением Томаса Мура *The Minstrel-Boy*, но есть и немаловажное отличие

* Н. А. Маркевич. Украинские мелодии. М., 1831, с. II—III.

** К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, с. 523.

(помимо того, что Лермонтов придал стихотворению другую национальную окраску). Юный ирландский бард, погибая за свободу родины, разбивает свою арфу с такими словами:

«Ты отвагу, любовь прославлять создана, —
Молвил он, — так не знай же оков.
Твоя песнь услаждать лишь свободных должна,
Но не будет звучать меж рабов!»

(Перевод А. Н. Плещеева)

«Седой певец» Лермонтова, долго живший на чужбине, возвращается на родину, где все забыли о свободе (чего не могло быть у Мура), и в ужасе от этого ломает гусли:

Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?..»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой. —

(«Песнь барда»)

В любовной лирике Томаса Мура, в которой смешались радость и печаль, Лермонтова больше всего влечет тема разлуки. Ей посвящены и «Еврейская мелодия» («Я видал иногда, как ночная звезда...»), восходящая к ирландской мелодии Томаса Мура *As a Beam o'er the Face*, и стихотворение «Когда одни воспоминанья...», восходящее к *When He, Who Adores Thee...* из «Ирландских мелодий», и «Ты помнишь ли, как мы с тобою...», поражающие зрелостью чувства и поэтического дара совсем юного поэта, но также совсем не юношеской тоской из-за быстротечности счастливых мгновений. Не к этим ли стихотворениям (хотя бы отчасти) восходит написанный через несколько лет лирический шедевр Лермонтова, одно из самых прекрасных стихотворений русской поэзии:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
 Старого утеса. Одиноко
 Он стоит, задумался глубоко
 И тихонько плачет он в пустыне.

(«Утес»)

* * *

В 1840—1850-е годы было опубликовано довольно много переводов из Мура. Среди переводчиков имена Каролины Павловой, И. П. Крешева, А. Н. Бородина, А. А. Фета, поэта, наиболее близкого Муру музыкальной основой своего творчества. Его задачей, как пишет Д. Д. Благой, было «выразить это «царство звуков» языком другого — словесного — искусства, непосредственно для этого не предназначенного...»^{*} С начала 1840-х годов в России устанавливается довольно прочный интерес к «Мелодиям разных народов» Томаса Мура. Хотя некоторые из этих мелодий близки к «Ирландским мелодиям» по силе гражданского звучания, это в основном любовная лирика, в которой поэт описывает самые разные оттенки любовного чувства. Здесь гораздо менее выдержан национальный колорит, и объединение в цикл совершалось скорее по жанровому признаку мелодии (т. е. соединение музыки и поэзии), нежели по каким-то другим причинам.

Русские поэты вновь обращаются к Томасу Муру как автору гражданской лирики в начале 1860-х годов. Первая революционная ситуация в России возродила интерес к творчеству поэтов-романтиков Байрона и Мура, который не утихал вплоть до середины 1880-х годов. Вновь Байрон и Мур разделяли «преимущественную любовь» русских поэтов-демократов, народников, петрашевцев. Широкую известность получили переводы М. Л. Михайлова, А. Н. Плещеева, Ю. В. Дюпелльмайер, В. С. Лихачева.

Один из самых удачных переводов этого периода — «Мир вам, почившие братья!» поэта-демократа М. Л. Михайлова, сделанный им в ссылке в Сибири между 1862 и 1865 годами и впервые опубликованный уже после смерти поэта, в 1869 году. Эта мелодия (на мотив каталонской песни) — из цикла

* А. А. Ф е т. Вечерние огни. М., 1971, с. 590.

«Мелодии разных народов», но по своему страстному патристическому звучанию напоминает лучшие из «Ирландских мелодий». Сосланный в Сибирь и погибший там в 1865 году, Михайлов до конца оставался несломленным борцом за свои убеждения. Как клятва звучат стихи русского поэта, «мечом и пером» сражавшегося с несправедливостью:

На победившем проклятье!
 Вечная месть нам завещана вами.
 Прежде чем робко изменим мы ей,
 Ляжем холодными трупами сами
 Здесь же, средь этих кровавых полей.
 На победившем проклятье!

Интересно, что примерно в то же время известный член «Земли и воли» Н. Н. Серно-Соловьевич, заключенный в Алексеевский рavelин и так же, как Михайлов, лишенный возможности продолжать активную борьбу, обратился к творчеству Байрона и одним из первых перевел на русский язык богоборческую мистерию «Каин».

В 1870—1880-е годы лучшие переводы из Мура были сделаны поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым, который обращался только к «Ирландским мелодиям», уже получившим известность в России.

Традиция, восходящая к декабристам и близким к ним кругам, — использовать перевод как возможность устами иноязычного автора выразить свои мысли и распространить прогрессивные идеи — продолжала играть важную роль в литературной и общественной жизни страны.

* * *

В последующие десятилетия среди переводчиков Томаса Мура мы находим имена И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, А. А. Курсинского, Л. Л. Кобылинского (Эллиса) и многих других.

Однако на рубеже столетий русских поэтов, и особенно поэтов-символистов, более привлекает часто свойственная Томасу Муру своеобразная изысканность в организации стихотворения, которое хотя и повествует о печалях любви, но без трагизма — с элегической грустью, легко и мелодично. Вероятно, вторая строфа стихотворения *Joys of Youth, How Fleeting* (цикл «Мелодии разных народов») под пером поэта

другого времени могла бы стать трагическим воспоминанием ирландца о далекой юности и безвременно погибших друзьях, но В. Я. Брюсов совсем немного отходит от оригинала — и усиливает элегическую основу стихотворения, в музыкальной стихии которого тонет даже самая робкая попытка какой-либо другой интерпретации:

Жизнь вдали от дорогих,
 В стране чужой и незнакомой,
 Возвращения сладкий миг,
 Родной привет родного дома.
 О, муки
 Разлуки,
 О, речи
 При встрече!
 Дни скользят, и счастье в них —
 В них юности былые звуки.

Двадцатый век принес свои, новые проблемы в литературу и, в частности, в переводную литературу. Томаса Мура начали понемногу забывать, зато его произведения в классических переводах XIX века стали неотъемлемой частью русской поэзии и во многих случаях печатались даже без ссылки на их ирландского автора. Однако новые переводы все же появлялись, хотя и редко.

В 1905 и 1917 годах Корней Иванович Чуковский «напомнил» о былой славе Томаса Мура как революционного поэта — в его переводе впервые вышли в свет на русском языке две из «Сказок о Священном союзе» (*Fables for the Holy Alliance; Rhymes on the Road... by Thomas Brown the Younger, 1823*), правда, в сокращенном виде, но раньше они и вовсе были запрещены цензурой.

В последние годы интерес к творчеству ирландского поэта заметно возрос*. К поэтическому наследию Томаса Мура обратились такие известные поэты и переводчики, как М. Алигер, А. Ревич, А. Преловский и др.

Сатирический дар Томаса Мура, язвительное перо которого

* Большая подборка стихотворений Т. Мура была напечатана в кн.: Английские романтики XIX века. М., 1975. Также вышло в свет отдельное издание произведений поэта: Т. Мур. Избранное. М., 1981.

не оставило никаких сомнений относительно реакционной деятельности Священного союза еще в 1823 году, получил воплощение на русском языке благодаря переводам В. Микушевича, сумевшего с поразительной точностью передать не только общий настрой, но и практически все несущие информацию детали «Сказок о Священном союзе», значение которых сегодня, может быть, и не совсем понятно без комментариев, зато для читателей тогдашнего времени было ясно, как ясна была и позиция их автора.

«Свет гарема» — заключительная, четвертая поэма из «Лалла Рук» — был полностью переведен на русский язык также всего несколько лет назад В. А. Потаповой, удачно передавшей восточный колорит поэмы и тот экзотичный для европейца фон, на котором разворачивается несложный сюжет сказки-притчи о всеисилии Искусства.

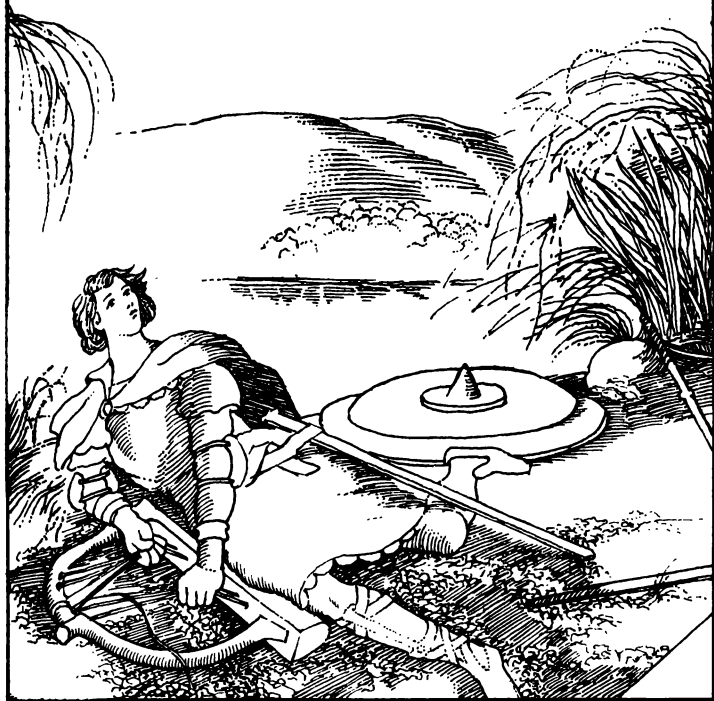
Первый перевод из «Ирландских мелодий» — стихотворение, озаглавленное И. И. Козловым «Молодой певец», — было опубликовано в 1823 году. Более полутора веков прошло с тех пор — и в 1981 году усилиями советских поэтов и переводчиков был воспроизведен на русском языке весь поэтический цикл — по утверждению самого поэта, вершина его творчества.

Настоящее издание впервые знакомит советских читателей с полным циклом «Мелодий разных народов» и со многими замечательными переводами произведений Томаса Мура, относящимися к XIX веку, которые до сих пор украшали лишь страницы малоизвестных в наше время журналов и альманахов или мирно покоились в архивах. Широко представлены в книге и новые переводы стихов Т. Мура на русский язык. Однако хочется думать, что на этом история «русского» Мура не закончится. Поэт, чье имя и творчество самым тесным образом связаны с русской литературой, с именами любимых нами поэтов, несомненно, еще не раз привлечет к себе внимание, и еще не одно поколение русских поэтов будет пробовать на его стихах свое переводческое мастерство.

Л. Володарская



IRISH
MELODIES



ИРЛАНДСКИЕ
МЕЛОДИИ





I. GO WHERE GLORY WAITS THEE

Go where glory waits thee,
But while fame elates thee,

Oh! still remember me.

When the praise thou meetest
To thine ear is sweetest,

Oh! then remember me.

Other arms may press thee,
Dearer friends caress thee,
All the joys that bless thee,

Sweeter far may be;

But when friends are nearest,
And when joys are dearest,

Oh! then remember me!

When, at eve, thou rovest
By the star thou lovest,

Oh! then remember me.

Think, when home returning,
Bright we 've seen it burning,

Oh! thus remember me.

Oft as summer closes,
When thine eye reposes
On its lingering roses,

Once so loved by thee,

Think of her who wove them,
Her who made thee love them,

Oh! then remember me.

When, around thee dying,
Autumn leaves are lying,



1. ВСПОМНИ ОБО МНЕ!

В путях лести сладкой
Иногда, украдкой
Вспомни обо мне!
И шагая браво
За высокой славой,
Вспомни обо мне!
Руки есть белее,
И уста алеет,
И друзья милее,
Больше искр в вине,
Но за чашей винной,
За беседой длинной
Вспомни обо мне!

Рассекая волны
Под луною полной,
Вспомни обо мне!
С пира возвращаясь,
С милою прощаясь, •
Вспомни обо мне!
Летом, в час закатный,
Розы ароматной
Шелест еле внятный
Слыша в тишине,
На заре росистой
В час прохлады чистой
Вспомни обо мне!

Осенью безбурной
Под листвою пурпурной

Oh! then remember me.
 And, at night, when gazing
 On the gay hearth blazing,
 Oh! still remember me.
 Then should music, stealing
 All the soul of feeling,
 To thy heart appealing,
 Draw one tear from thee;
 Then let memory bring thee
 Strains I used to sing thee,—
 Oh! then remember me.

2. WAR SONG

REMEMBER THE GLORIES OF BRIEN THE BRAVE

Remember the glories of Brien the brave,
 Tho' the days of the hero are o'er;
 Tho' lost to Mononia and cold in the grave,
 He returns to Kinkora no more.
 That star of the field, which so often hath poured
 Its beam on the battle, is set;
 But enough of its glory remains on each sword,
 To light us to victory yet.

Mononia! when Nature embellished the tint
 Of thy fields, and thy mountains so fair,
 Did she ever intend that a tyrant should print
 The footstep of slavery there?
 No! Freedom, whose smile we shall never resign,
 Go, tell our invaders, the Danes,
 That 't is sweeter to bleed for an age at thy shrine,
 Than to sleep but a moment in chains.

Forget not our wounded companions, who stood
 In the day of distress by our side;
 While the moss of the valley grew red with their blood,
 They stirred not, but conquered and died.
 That sun which now blesses our arms with his light,
 Saw them fall upon Ossory's plain;—
 Oh! let him not blush, when he leaves us to-night,
 To find that they fell there in vain.

Вспомни обо мне!
 В час тоски и сплина
 Ночью у камина
 Вспомни обо мне!
 Запоет ли скрипки
 Ласковый и гибкий
 Голос про улыбки
 Солнца по весне,
 Вспомни, как, бывало,
 Я тебе певала!
 Вспомни обо мне!

2. ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

ОТВАЖНОГО БРАЙЕНА СЛАВУ ВОСПОЙ!

Отважного Брайена славу воспой,
 Хоть в полузабытом бою
 Погиб под Мононией этот герой,
 Покинув Кинкору свою.
 Он пал — и его закатилась звезда,
 Но нам его светят дела,
 И славы частица его навсегда
 В мечи нашей битвы вошла!

Монония! Нивы и горы вдали,
 Далекие отблески гор...
 Кто знал, что тиран в прах родимой земли
 Впечатает рабства позор?
 Нет! Вольность сияет и нынче, как встарь;
 Так датчанам молвить успеи,
 Что лучше возлечь на Отчизны алтарь,
 Чем сгинуть в железах цепей!

Соратников раненых память жива,
 Когда в поражения дни
 От крови их стала багряной трава,
 Сражались без жалоб они.
 То солнце, что наши ласкает мечи,
 И их озаряло тела, —
 Под Осори пали... О них не молчи,
 Их гибель не тщетной была!

3. ERIN! THE TEAR AND THE SMILE
IN THINE EYES

Erin, the tear and the smile in thine eyes,
Blend like the rainbow that hangs in thy skies!
Shining through sorrow's stream,
Saddening through pleasure's beam,
Thy suns with doubtful gleam,
Weep while they rise.

Erin, thy silent tear never shall cease,
Erin, thy languid smile ne'er shall increase,
Till, like the rainbow's light,
Thy various tints unite,
And form in heaven's sight
One arch of peace!

4. OH! BREATHE NOT HIS NAME

Oh! breathe not his name, let it sleep in the shade,
Where cold and unhonored his relics are laid:
Sad, silent, and dark, be the tears that we shed,
As the night-dew that falls on the grass o'er his head.

But the night-dew that falls, tho' in silence it weeps,
Shall brighten with verdure the grave where he sleeps;
And the tear that we shed, tho' in secret it rolls,
Shall long keep his memory green in our souls.

5. WHEN HE, WHO ADORES THEE

When he, who adores thee, has left but the name
Of his fault and his sorrows behind,
Oh! say wilt thou weep, when they darken the fame
Of a life that for thee war resigned?
Yes, weep, and however my foes may condemn,
Thy tears shall efface their decree;
For Heaven can witness, tho' guilty to them,
I have been but too faithful to thee.

3. ИРЛАНДИЯ, СМЕХ ТВОЙ И СЛЕЗЫ
В ГЛАЗАХ

Ирландия, смех твой и слезы в глазах,
Как яркая радуга на небесах.

Сияя росинками горя,
Печалась в лучистом просторе,
Светила твои, твои зори
Восходят в слезах.

Ирландия, слез не иссякнет река,
Твой смех будет грустен, улыбка горька,
Пока все цвета в твоей гамме
Не выстроят арку над нами
И радугой — Мира Вратами —
Не станут пока.

4. НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО!

Пусть лежит он в тенистом приюте своем,
Где зарыт он без почестей нами,
И, как ночью роса, наши слезы о нем
Пусть безмолвными будут слезами!

От слезинок росы дерн могил зеленой,
Хоть она и в тиши их роняет...
Так и память о нем в нашем сердце свежей
Сохранить нам слеза помогает...

* * *

5. Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
На место славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой? —

With thee were the dreams of my earliest love;
 Every thought of my reason was thine;
 In my last humble prayer to the Spirit above,
 Thy name shall be mingled with mine.
 Oh! blest are the lovers and friends who shall live
 The days of thy glory to see;
 But the next dearest blessing that Heaven can give
 Is the pride of thus dying for thee.

6. THE HARP THAT ONCE THRO'
 TARA'S HALLS

The harp that once thro' Tara's halls
 The soul of music shed,
 Now hangs as mute on Tara's walls,
 As if that soul were fled.—
 So sleeps the pride of former days,
 So glory's thrill is o'er,
 And hearts, that once beat high for praise,
 Now feel that pulse no more.

No more to chiefs and ladies bright
 The harp of Tara swells;
 The chord alone, that breaks at night,
 Its tale of ruin tells.
 Thus Freedom now so seldom wakes,
 The only throbs she gives,
 Is when some heart indignant breaks,
 To show that still she lives.

7. FLY NOT YET

Fly not yet, 't is just the hour,
 When pleasure, like the midnight flower
 That scorns the eye of vulgar light,
 Begins to bloom for sons of night,
 And maids who love the moon.
 'T was but to bless these hours of shade
 That beauty and the moon were made;

Он жил с людьми, как бы с чужими,
 И справедлива их вражда,
 Но хоть виновен перед ними,
 Тебе он верен был всегда;
 Одной слезой, одним ответом
 Ты можешь смыть их приговор;
 Верь! не постыден перед светом
 Тобой оплаканный позор!

6. МОЛЧИТ ПРОСТОРНЫЙ ТРОННЫЙ ЗАЛ

Молчит просторный тронный зал,
 И двор порос травой:
 В чертогах Тары отзвучал
 Дух музыки живой.
 Так спит гордыня прежних дней,
 Умчалась слава прочь —
 И арфы звук, что всех нежней,
 Не оглашает ночь.

Напевы воинов и дам
 В руинах не слышны —
 Но иногда витает там
 Звук лопнувшей струны:
 Как будто Вольность, не воспев,
 Отпел свои права,
 Спешит сказать, сквозь боль и гнев,
 Что все еще жива!

7. ОСТАНЬСЯ!

В этот час, дорогая, останься со мной,
 Когда радость, подобно фиалке ночной,
 От палящего дня отвернувшейся прочь,
 Расцветает для юношей, любящих ночь,
 И для девушек в бликах луны.
 Пусть в душе навсегда сохранится тот миг,
 Когда мир красоты в лунном свете возник

'T is then their soft attractions glowing
Set the tides and goblets flowing.

Oh! stay, —Oh! stay,—
Joy so seldom weaves a chain
Like this to-night, and oh, 't is pain
To break its links so soon.

Fly not yet, the fount that played
In times of old through Ammon's shade,
Though icy cold by day it ran,
Yet still, like souls of mirth, began
To burn when night was near.
And thus, should woman's heart and looks
At noon be cold as winter brooks,
Nor kindle till the night, returning,
Brings their genial hour for burning.

Oh! stay, —Oh! stay,—
When did morning ever break,
And find such beaming eyes awake
As those that sparkle here?

8. OH! THINK NOT MY SPIRITS
ARE ALWAYS AS LIGHT

Oh! think not my spirits are always as light,
And as free from a pang as they seem to you now;
Nor expect that the heart-beaming smile of to-night
Will return with to-morrow to brighten my brow.
No!—life is a waste of wearisome hours,
Which seldom the rose of enjoyment adorns;
And the heart that is soonest awake to the flowers,
Is always the first to be touched by the thorns.
But send round the bowl, and be happy awhile—
May we never meet worse, in our pilgrimage here,
Than the tear that enjoyment may gild with a smile,
And the smile that compassion can turn to a tear.

The thread of our life would be dark, Heaven knows!
If it were not with friendship and love intertwined;
And I care not how soon I may sink to repose,

И на зов его мягкий о берег устало
Бьют приливы и пенятся влагой бокалы.

Так побудь же со мною, побудь!
Ночь не скоро волшебною сетью опять
Оплетет нас. Ее так мучительно рвать,
Что сердца жгучей болью полны.

О, останься! В пустыне в полуденный зной
Бил когда-то источник струей ледяной.
Но, казалось, лишь вечер медлительный гас,
Духи радости в нем поселялись тотчас,
И тогда он пылал как в огне.
Пусть подобно ему взгляды женских очей
Будут днем холодны, словно зимний ручей,
Пока в час воцарения мрака ночного
Удивительный пламень не вспыхнет в них снова.

Так побудь же со мною, побудь!
О, когда-нибудь разве видала заря,
Чтоб сияли глаза, светом счастья горя,
Как твой взор, обращенный ко мне?

8. О, ТОЛЬКО НЕ ДУМАЙ, ЧТО ВЕСЕЛ ВСЕГДА Я

О, только не думай, что весел всегда я,
Что вечно беспечен, как нынче кажусь,
Что радость, сегодня меня покидая,
Наутро ко мне не вернется, как грусть.
Нет! Жизнь — это бремя напрасных усилий,
Которые розами редко цветут,
И сердце, где радости прежде гостили,
Печали, как тернии, жалят и жгут.
Так чашу по кругу и счастье ловите,
Пусть радует путника избранный путь,
А горькие слезы в улыбке топите —
И пусть упадут они смехом на грудь.

Лишь богу известно, какой бы постылой
Нам жизнь без любви и без дружбы была;
И если б лишился я друга и милой,

When these blessings shall cease to be dear to my mind.
 But they who have loved the fondest, the purest,
 Too often have wept o'er the dream they believed;
 And the heart that has slumbered in friendship securest,
 Is happy indeed if 't was never deceived.
 But send round the bowl; while a relic of truth
 Is in man or in woman, this prayer shall be mine,—
 That the sunshine of love may illumine our youth,
 And the moonlight of friendship console our decline.

9. THO' THE LAST GLIMPSE OF ERIN
 WITH SORROW I SEE

Tho' the last glimpse of Erin with sorrow I see,
 Yet wherever thou art shall seem Erin to me;
 In exile thy bosom shall still be my home,
 And thine eyes make my climate wherever we roam.

To the gloom of some desert or cold rocky shore,
 Where the eye of the stranger can haunt us no more,
 I will fly with my Coulin, and think the rough wind
 Less rude than the foes we leave frowning behind.

And I 'll gaze on thy gold hair as graceful it wreathes,
 And hang o'er thy soft harp, as wildly it breathes;
 Nor dread that the cold-hearted Saxon will tear
 One chord from that harp, or one lock from that hair.

10. RICH AND RARE WERE THE GEMS
 SHE WORE

Rich and rare were the gems she wore,
 And a bright gold ring on her wand she bore;
 But oh! her beauty was far beyond
 Her sparkling gems, or snow-white wand.

“Lady! dost thou not fear to stray,
 “So lone and lovely through this bleak way?
 “Are Erin's sons so good or so cold,
 “As not to be tempted by woman or gold?”

То знал бы наверно, что смерть подошла.
 Тот истинно счастлив, кому не придется
 Рыдать над могилою страсти своей,
 Кому до скончания дней удается
 Не ведать предательства верных друзей.
 Так чашу по кругу: пока не упала
 На молодость тень суеты и клевет,
 Молю, чтобы солнцем любовь нам сияла,
 А дружба — луною на старости лет.

9. ВОТ И БЕРЕГ ИРЛАНДСКИЙ
 ИСЧЕЗ ЗА КОРМОЙ...

Вот и берег ирландский исчез за кормой,
 Нам уже никогда не вернуться домой,
 Но случись, что о родине я загрузу,
 Я в глазах твоих небо отцов отыщу.

Милый Кулин, от недругов мы убежим
 Прочь за море, куда не добратся чужим,
 Бесприютные скалы нагих берегов
 Милосердней жестоких и подлых врагов.

Там я буду ласкать этот локон витой,
 Буду арфы твоей слушать звон золотой,
 Там не тронет британский тиран ни одну
 Шелковистую прядь, золотую струну.

10. БРАСЛЕТЫ, КОЛЬЦА БЛЕСЯТ
 НА НЕЙ

Браслеты, кольца блестят на ней,
 Мерцает радугой свет камней.
 Всего прекрасней ее лицо,
 Оно любое затмит кольцо.

«Ах, леди, как в этот поздний час
 Тропа в лесу не страшна для вас?
 Неужто мужчины вашей страны
 На женщин и золото не жадны?»

“Sir Knight! I feel not the least alarm,
 “No son of Erin will offer me harm:—
 “For though they love woman and golden store,
 “Sir Knight! they love honor and virtue more!”

On she went and her maiden smile
 In safety lighted her round the green isle;
 And blest for ever is she who relied
 Upon Erin’s honor, and Erin’s pride.

11. AS^A A BEAM O’ER THE FACE OF THE
 WATERS MAY GLOW

As a beam o’er the face of the waters may glow
 While the tide runs in darkness and coldness below,
 So the cheek may be tinged with a warm sunny smile,
 Though the cold heart to ruin runs darkly the while.

One fatal remembrance, one sorrow that throws
 Its bleak shade alike o’er our joys and our woes.
 To which life nothing darker or brighter can bring
 For which joy has no balm and affliction no sting—

Oh! this thought in the midst of enjoyment will stay,
 Like a dead, leafless branch in the summer’s bright ray;
 The beams of the warm sun play round it in vain,
 It may smile in his light, but it blooms not again.

12. THE MEETING OF THE WATERS

There is not in the wide world a valley so sweet
 As that vale in whose bosom the bright waters meet;
 Oh! the last rays of feeling and life must depart,
 Ere the bloom of that valley shall fade from my heart.

Yet it *was* not that nature had shed o’er the scene
 Her purest of crystal and brightest of green;
 ’T was *not* her soft magic of streamlet or hill,
 Oh! no,—it was something more exquisite still.

«Сэр рыцарь! Спокойна я вполне:
Ирландцы ничуть не опасны мне.
В них жадность на женщин и золото есть,
Но, сэр, сильней добродетель и честь».

Потом она улыбнулась чуть-чуть
И продолжала по острову путь,
Доверясь опасной порой ночной
Чести и гордости Эрин родной.

11. ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах.
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем: их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок!
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет сладостный свет:
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!

* * *

12. Едва ли есть места прекраснее долины,
Где воды чистые сливаются... О ты,
Долина чудная! Мне будут до кончины,
Век памятны твои душистые цветы.

Я о тебе храню в душе воспоминанье,
Не потому что так пестры твои луга,
Что рощи я люблю, ключей твоих журчанье, —
Есть нечто более, чем мне ты дорога.

'T was that friends, the beloved of my bosom, were near,
 Who made every dear scene of enchantment more dear,
 And who felt how the best charms of nature improve,
 When we see them reflected from looks that we love.

Sweet vale of Avoca! how calm could I rest
 In thy bosom of shade, with the friends I love best,
 Where the storms that we feel in this cold world should cease,
 And our hearts, like thy waters, be mingled in peace.

13. HOW DEAR TO ME THE HOUR

How dear to me the hour when daylight dies,
 And sunbeams melt along the silent sea,
 For then sweet dreams of other days arise,
 And memory breathes her vesper sigh to thee.

And, as I watch the line of light, that plays
 Along the smooth wave toward the burning west,
 I long to tread that golden path of rays,
 And think 't would lead to some bright isle of rest.

14. TAKE BACK THE VIRGIN PAGE

Written on returning a blank book

Take back the virgin page,
 White and unwritten still;
 Some hand, more calm and sage,
 The leaf must fill.
 Thoughts come, as pure as light,
 Pure as even *you* require:
 But, oh! each word I write
 Love turns to fire.

Yet let me keep the book:
 Oft shall my heart renew,
 When on its leaves I look,
 Dear thoughts of you.
 Like you, 't is fair and bright;

Любимые друзья мои там прежде жили,
И памятью о них долина вся полна:
Природа нам милей в своей могучей силе,
Когда она в глазах друзей отражена.

Дай бог вернуться мне к тебе в иные годы
И встретить вновь друзей, когда житейской тьмы
Минуют наконец волненья и невзгоды
И, как ручьи твои, соединимся мы.

13. КАК Я ЛЮБЛЮ ПОСЛЕДНИЙ ОТБЛЕСК ДНЯ

Как я люблю последний отблеск дня,
Над тихим морем солнца угасанье;
Былые сны встают вокруг меня,
И шепчет свой укор воспоминанье.

Последние лучи по лону вод
Текут на запад пламенной рекою,
И хочется идти по ней вперед
И знать, что там — заветный край покоя.

14. НЕ РОДИЛАСЬ СТРОКА

(При возвращении неисписанного альбома)

Не родилась строка,
Альбом остался чист...
Мудрейшая рука
Заполнит лист.
Пусть мысль, как небо днем,
Спокойна и светла —
Слова горят огнем
И жгут дотла.

Но чтобы не избыть
Всех мыслей о былом,
Позвольте мне хранить
Пустой альбом.
Его листы под стать

Like you, too bright and fair
 To let wild passion write
 One wrong wish there.

Haply, when from those eyes
 Far, far away I roam,
 Should calmer thoughts arise
 Towards you and home;
 Fancy may trace some line,
 Worthy those eyes to meet,
 Thoughts that not burn, but shine,
 Pure, calm, and sweet.

And as, o'er ocean far,
 Seamen their records keep,
 Led by some hidden star
 Thro' the cold deep;
 So may the words I write
 Tell thro' what storms I stray—
You still the unseen light,
 Guiding my way.

15. THE LEGACY

When in death I shall calmly recline,
 O bear my heart to my mistress dear;
 Tell her it lived upon smiles and wine
 Of the brightest hue, while it lingered here.
 Bid her not shed one tear of sorrow
 To sully a heart so brilliant and light;
 But balmy drops of the red grape borrow,
 To bathe the relic from morn till night.

When the light of my song is o'er,
 Then take my harp to your ancient hall;
 Hang it up at that friendly door,
 Where weary travellers love to call.
 Then if some bard, who roams forsaken,
 Revive its soft note in passing along,
 Oh! let one thought of its master waken
 Your warmest smile for the child of song.

Сиянью ваших дней:
Их может запятнать
Язык страстей.

Но вдруг, в чужом краю,
Раскрыв пустой альбом,
Я вспомню жизнь мою,
Родимый дом.
Мысль повлечет меня
Туда, за вами вслед,
Не будет в ней огня,
А только свет.

Как иногда моряк
Находит путь домой,
Увидев тайный знак
Над глубиной, —
Так по моим словам
Поймете вы тогда,
Что путь держу я к вам,
Моя звезда.

15. ЗАВЕЩАНИЕ

В тот день, когда забудусь вечным сном,
Мой друг, к моей возлюбленной приди!
Скажи, жила весельем и вином
Душа, как уголь пылавшая в груди.
Пусть горем не туманятся глаза
И будет мир в душе ее разлит.
И винограда чистая слеза
Пусть сень моей могилы оросит.

В тот день, когда навеки отпою,
В том старом доме, где не гаснет свет,
Повесьте арфу верную мою,
Что правдой мне служила столько лет.
И если струны, тронуты певцом,
Сольются снова в незабвенный хор,
Пусть думы о хозяине былом
Улыбкою наполнят милый взор.

Keep this cup, which is now o'er- flowing,
 To grace your revel, when I 'm at rest;
 Never, oh! never its balm bestowing
 On lips that beauty has seldom blest.
 But when some warm devoted lover
 To her he adores shall bathe its brim,
 Then, then my spirit around shall hover,
 And hallow each drop that foams for him.

16. HOW OFT HAS THE BANSHEE CRIED

How oft has the Banshee cried,
 How oft has death untied
 Bright links that Glory wove,
 Sweet bonds entwined by Love!
 Peace to each manly soul that sleepeth;
 Rest to each faithful eye that weepeth;
 Long may the fair and brave
 Sigh o'er the hero's grave.

We're fallen upon gloomy days!
 Star after star decays,
 Every bright name, that shed
 Light o'er the land, is fled.
 Dark falls the tear of him who mourneth
 Lost joy, or hope that ne'er returneth;
 But brightly flows the tear,
 Wept o'er a hero's bier.

Quenched are our beacon lights—
 Thou, of the Hundred Fights!
 Thou, on whose burning tongue
 Truth, peace, and freedom hung!
 Both mute,—but long as valor shineth,
 Or Mercy's soul at war repineth,
 So long shall Erin's pride
 Tell how they lived and died.

Устройте пир и позовите всех,
 Пусть брага, пенясь, льется, как вода.
 Но ни за что не приглашайте тех,
 Кто красоту не славил никогда.
 А если кто-то, страстию томим,
 Возлюбленной здоровье будет пить,
 Мой дух незримо воспарит над ним,
 Чтоб каждый мог его благословить.

16. КАК ЧАСТО БЕНШИ ВЗЫВАЛА

Как часто Бенши взывала!
 Как часто смерть разрывала
 Любви сладчайшие узы
 И Славы рвала союзы!
 Мир всем, кто пал и в могиле спит,
 Мир всем, кто помнит их и скорбит;
 Без срока другу и милой
 Вдыхать над героя могилой!

Нам выпало мрачное время:
 Все наше звездное племя
 Сгорало за именем имя
 Над пажитями земными.
 Черной слезой обливается тот,
 Кто без надежд и веры живет;
 Но светлой слезы достоин
 В битве погибший воин.

Нет светочей вас нетленной,
 Герои сотни сражений!
 И вас, что несли народу
 Истину, мир и свободу!
 Нет с вами нас, но пока в нас есть
 Память, и скорбь о погибших, и честь,
 Да будет каждый уверен —
 Его не забудет Эрин!

17. WE MAY ROAM THROUGH THIS WORLD

We may roam thro' this world, like a child at a feast,
 Who but sips of a sweet, and then flies to the rest;
 And, when pleasure begins to grow dull in the east,
 We may order our wings and be off to the west;
 But if hearts that feel, and eyes that smile,
 Are the dearest gifts that heaven supplies,
 We never need leave our own green isle,
 For sensitive hearts, and for sun-bright eyes.
 Then remember, wherever your goblet is crowned,
 Thro' this world, whether eastward or westward you roam,
 When a cup to the smile of dear woman goes round,
 Oh! remember the smile which adorns her at home.

In England, the garden of Beauty is kept
 By a dragon of prudery placed within call;
 But so oft this unamiable dragon has slept,
 That the garden's but carelessly watched after all.
 Oh! they want the wild sweet-briery fence,
 Which round the flowers of Erin dwells;
 Which warns the touch, while winning the sense,
 Nor charms us least when it most repels.
 Then remember, wherever your goblet is crowned,
 Thro' this world, whether eastward or westward you roam,
 When a cup to the smile of dear woman goes round,
 Oh! remember the smile that adorns her at home.

In France, when the heart of a woman sets sail,
 On the ocean of wedlock its fortune to try,
 Love seldom goes far in a vessel so frail,
 But just pilots her off, and then bids her good-by.
 While the daughters of Erin keep the boy,
 Ever smiling beside his faithful oar,
 Thro' billows of woe, and beams of joy,
 The same as he looked when he left the shore.
 Then remember, wherever your goblet is crowned,
 Thro' this world, whether eastward or westward you roam,
 When a cup to the smile of dear woman goes round,
 Oh! remember the smile that adorns her at home.

17. НАМ ПРЕЛЬСТИТЕЛЕН МИР...

Нас влечет этот мир, как юнцов на пиру —
 Расписной карамельки минутная сладость.
 Мы на запад крыла устремим поутру,
 Если чары востока нам больше не в радость.
 Ну а если и впрямь самый редкостный дар —
 Дар улыбчивых глаз и души окрыленной,
 То довольно заморских соблазнов и чар:
 Нас одарит с лихвою наш остров зеленый.
 Так что помни: когда твоя чаша полна,
 На восток ли, на запад ли путь выбирая,
 Пей до дна! За улыбки любимых — до дна!
 За улыбчивых женщин родимого края!

Вон в Британии ханжества скучный дракон
 Пущен в Сад Красоты для надзора и бденья.
 Он свиреп, да, признаться, сонлив испокон —
 Право, прок невелик от такого раденья!
 А у Эрин в Саду — только вереск стеной
 Заслоняет цветы от нескромного взгляда.
 Как волнует, как манит их запах хмельной!
 На мгновенье коснулся — и это награда.
 Так что помни: когда твоя чаша полна,
 На восток ли, на запад ли путь выбирая, —
 Пей до дна! За улыбки любимых — до дна!
 За улыбчивых женщин родимого края!

У француженки сердце — непрочный челнок,
 К океану замужества ветром гонимый.
 Но уж больно он хрупок: порыв — и потек,
 А любовь без оглядки проносится мимо.
 Ну а дочери Эрин любимым верны.
 Улыбаясь, избранник встает у кормила.
 Хоть и вёдро, и бури в пути суждены,
 Только милый навеки останется милым.
 Так что помни: когда твоя чаша полна,
 На восток ли, на запад ли путь выбирая, —
 Пей до дна! За улыбки любимых — до дна!
 За улыбчивых женщин родимого края!

18. EVELEEN'S BOWER

Oh! weep for the hour,
 When to Eveleen's bower
 The Lord of the Valley with false vows came;
 The moon hid her light
 From the heavens that night,
 And wept behind her clouds o'er the maiden's shame.

The clouds past soon
 From the chaste cold moon,
 And heaven smiled again with her vestal flame;
 But none will see the day,
 When the clouds shall pass away,
 Which that dark hour left upon Eveleen's fame.

The white snow lay
 On the narrow path-way,
 When the Lord of the Valley crost over the moor;
 And many a deep print
 On the white snow's tint
 Showed the track of his footstep to Eveleen's door.

The next sun's ray
 Soon melted away
 Every trace on the path where the false Lord came;
 But there 's a light above,
 Which alone can remove
 That stain upon the snow of fair Eveleen's fame.

19. LET ERIN REMEMBER THE DAYS OF OLD

Let Erin remember the days of old,
 Ere her faithless sons betrayed her;
 When Malachi wore the collar of gold,
 Which he won from her proud invader,
 When her kings, with standard of green unfurled,
 Led the Red-Branch Knights to danger; —
 Ere the emerald gem of the western world
 Was set in the crown of a stranger.

18. ЭВЕЛИН

О, плачьте о том,
 Что к Эвелин в дом
 Лорд с клятвой лживой пришел на гóре.
 Свет лунный погас,
 И тучи в тот час
 Рыдали, узнав о девичьем позоре.

Вскоре тучи прочь
 Улетели в ночь,
 И луна улыбнулась с небесной кручи.
 Но уже никогда
 Не уйдут никуда
 Девичью честь затянувшие тучи.

Тропинка была
 От снега бела
 Той порою, как Лорд пробирался по ней.
 И следы на лугу
 В глубоком снегу
 К дому Эвелин шли и достигли дверей.

Вскоре солнца луч,
 Проскользнув меж туч,
 Снег с цепочкой следов растопил в том месте,
 Но лишь божий свет
 Может грязный след
 Смыть со снега девичьей запятнанной чести.

19. ВСПОМНИ, ЭРИН, БЫЛУЮ СЛАВУ СВОЮ

Вспомни, Эрин, былую славу свою —
 Среди потомков, поникших в страхе, —
 Славу Малаки, что, победив в бою,
 Снял с врага золотые бляхи,
 Когда рыцари Ольстера в годы смут
 Бились храбро за стяг-зеленый
 И еще не украсил твой изумруд
 Никакой заморской короны.

On Lough Neagh's bank as the fisherman strays,
 When the clear cold eve 's declining,
 He sees the round towers of other days
 In the wave beneath him shining;
 Thus shall memory often, in dreams sublime,
 Catch a glimpse of the days that are over;
 Thus, sighing, look thro' the waves of time
 For the long-faded glories they cover.

20. THE SONG OF FIONNUALA

Silent, oh Moyle, be the roar of thy water,
 Break not, ye breezes, your chain of repose,
 While, murmuring mournfully, Lir's lonely daughter
 Tells to the night-star her tale of woes.
 When shall the swan, her death-note singing,
 Sleep, with wings in darkness furled?
 When will heaven, its sweet bell ringing,
 Call my spirit from this stormy world?

Sadly, oh Moyle, to thy winter-wave weeping,
 Fate bids me languish long ages away;
 Yet still in her darkness doth Erin lie sleeping,
 Still doth the pure light its dawning delay.
 When will that day-star, mildly springing,
 Warm our isle with peace and love?
 When will heaven, its sweet bell ringing,
 Call my spirit to the fields above?

21. COME, SEND ROUND THE WINE

Come, send round the wine, and leave points of belief
 To simpleton sages, and reasoning fools;
 This moment 's a flower too fair and brief,
 To be withered and stained by the dust of the schools.
 Your glass may be purple, and mine may be blue,
 But, while they are filled from the same bright bowl,
 The fool, who would quarrel for difference of hue,
 Deserves not the comfort they shed o'er the soul.

На берегах Лох-Нига, в закатный час,
 Когда холодом веет с пашен,
 Часто видит рыбак, над водой склонясь,
 Очертанья старинных башен.
 Так мы ловим минувшего зыбкий свет
 Сквозь времен золотые струи,
 Так глядится память в пучину лет,
 О величье былом тоскуя.

20. ПЕСНЯ ФИОНУАЛЫ

Смолкни, о Мойл! Пусть твой шум затихает,
 Ветры, усните на зыбкой воде.
 Голосом тихим дочь Лира вверяет
 Скорбную повесть полночной звезде.
 Скоро ли лебеда звучное пенье
 Смерть в этом мире свою предречет?
 Колоколов неземное реченье
 Скоро ль мой дух к небесам призовет?

Грустно, о Мойл! Быть послушною тенью
 Вод твоих повелевает мне рок.
 Медлит Ирландии нашей спасенье,
 Бледен еще предрассветный восток.
 Скоро ли, солнце, твое появленье
 Землю согреет, покрытую мглой?
 Колоколов неземное реченье
 Скоро ль мой дух призовет на покой?

21. ЭЙ, ПО КРУГУ ВИНО!

Эй, по кругу вино! Пусть о вере долбят
 Мудрецы, что башку этой дурью дурманят.
 Этот миг слишком краток и жизнью богат.
 Он — цветок, а в школярской пыли он завянет.
 Твой бокал будет красным, а мой — голубым.
 Ну и что ж? Ведь вино — из одной яркой чаши.
 Ради разных цветов что нам ссориться в дым,
 Раз оттенки душе чем цветистей, тем краше?

Shall I ask the brave soldier, who fights by my side
 In the cause of mankind, if our creeds agree?
 Shall I give up the friend I have valued and tried,
 If he kneel not before the same altar with me?
 From the heretic girl of my soul should I fly,
 To seek somewhere else a more orthodox kiss?
 No, perish the hearts, and the laws that try
 Truth, valor, or love, by a standard like this!

22. SUBLIME WAS THE WARNING

Sublime was the warning that Liberty spoke,
 And grand was the moment when Spaniards awoke
 Into life and revenge from the conqueror's chain.
 Oh, Liberty! let not this spirit have rest,
 Till it move, like a breeze, o'er the waves of the west—
 Give the light of your look to each sorrowing spot,
 Nor, oh, be the Shamrock of Erin forgot
 While you add to your garland the Olive of Spain!

If the fame of our fathers, bequeathed with their rights,
 Give to country its charm, and to home its delights,
 If deceit be a wound, and suspicion a stain,
 Then, ye men of Iberia, our cause is the same!
 And oh! may his tomb want a tear and a name,
 Who would ask for a nobler, a holier death,
 Than to turn his last sigh into victory's breath,
 For the Shamrock of Erin and Olive of Spain!

Ye Blakes and O'Donnells, whose fathers resigned
 The green hills of their youth, among strangers to find
 That repose which, at home, they had sighed for in vain,
 Join, join in our hope that the flame, which you light,
 May be felt yet in Erin, as calm, and as bright,
 And forgive even Albion while blushing she draws,
 Like a truant her sword, in the long-slighted cause
 Of the Shamrock of Erin and Olive of Spain!

И спрошу ль храбреца, что бок о бок со мной
 Бьется стойко, в одной ли мы вскормлены вере?
 Иль пожертвую другом, который горой
 За меня был всегда, для церковной химеры?
 Поцелуй правоверный мне, что ли, искать,
 Еретичку мою из-за веры оставить?
 Нет, долой тех, кто страсть и солдатскую стать
 Обветшалым мерилom готов обесславить!

22. УСЛЫШАН СВОБОДЫ БЫЛ ЗВУЧНЫЙ НАБАТ...

Услышан Свободы был звучный набат;
 Испанцы очнулись и жаждой горят
 Отмстить, показать чужеземцу, что живы.
 Свобода, порыву угаснуть не дай;
 Как бриз, оживляет он западный край;
 Скажи всем, кто страдает, что может опять
 В венке твоём, Эрин, трилистник блистать,
 Соседствуя с ветвью испанской оливы!

Коль славностью предков мы с вами равны
 И верно, что предки — устои страны,
 Что боль наша — все, кто бесчестны и лживы,
 Тогда, иберийцы, вы братья для нас.
 И пробил высокий воистину час
 Для всех благородных отчизны сынов,
 И с радостью жизнь из них каждый готов
 Отдать за трилистник с испанской оливой!

О'Доннел и Блейк, чьи отцы не за страх
 Сражались, покой обретая в краях,
 Далеких от родины их несчастливой,
 Вставайте в надежде — а что, если вдруг
 И в Эрин огонь запылает вокруг;
 Простим Альбион, что, пунцов от стыда,
 Грозит нам, и вырвем из рабства тогда
 Трилистник ирландский с испанской оливой!

God prosper the cause!—oh, it cannot but thrive,
 While the pulse of one patriot heart is alive,
 Its devotion to feel, and its rights to maintain;
 Then, how sainted by sorrow, its martyrs will die!
 The finger of Glory shall point where they lie;
 While, far from the footstep of coward or slave.
 The young spirit of Freedom shall shelter their grave
 Beneath Shamrocks of Erin and Olives of Spain!

23. BELIEVE ME, IF ALL THOSE ENDEARING
 YOUNG CHARMS

Believe me, if all those endearing young charms,
 Which I gaze on so fondly to-day,
 Were to change by to-morrow, and fleet in my arms,
 Like fairy-gifts fading away,
 Thou wouldst still be adored, as this moment thou art.
 Let thy loveliness fade as it will,
 And around the dear ruin each wish of my heart
 Would entwine itself verdantly still.

It is not while beauty and youth are thine own,
 And thy cheeks unprofaned by a tear,
 That the fervor and faith of a soul can be known,
 To which time will but make thee more dear;
 No, the heart that has truly loved never forgets,
 But as truly loves on to the close,
 As the sun-flower turns on her god, when he sets,
 The same look which she turned when he rose.

24. ERIN, OH ERIN

Like the bright lamp, that shone in Kildare's holy fane,
 And burn'd thro' long ages of darkness and storm,
 Is the heart that sorrows have frowned on in vain,
 Whose spirit outlives them, unfading and warm.
 Erin, oh Erin, thus bright thro' the tears
 Of a long night of bondage, thy spirit appears.

Господь нам поможет! — и как не успеть,
 Когда хоть одно может сердце гореть,
 Отчизне своей посвятивши порывы?!
 Тогда каждый мученик будет святым!
 И Слава перстом нам укажет своим
 Туда, где сереют могил бугорки,
 Туда, где Свобода возложит венки
 Трилистника Эрин с испанской оливой!

23. ПОВЕРЬ, ЕСЛИ ПРЕЛЕСТИ ЮНОЙ ТВОЕЙ

Поверь, если прелести юной твоей,
 От которой мне больно вздохнуть,
 Суждено, как подаркам насмешливых фей,
 Из восторженных рук ускользнуть,
 Все ты будешь любезной для взоров моих,
 Словно времени бег — ни при чем,
 И желанья мои вокруг руин дорогих
 Обовьются зеленым плющом.

И пусть слезы цветущих не тронули щек,
 Пусть прекрасна ты и молода,
 Но не думай, что верность и жар — лишь на срок,
 Что любовь охлаждают года.
 Нет, любовь настоящая вечно жива,
 Лишь дороже от лет и невзгод, —
 Так подсолнух глядит на закат божества,
 Как глядел поутру на восход.

24. ЭРИН, О ЭРИН!

Как яркий светильник, озаряющий сумрачный храм,
 Сияющий издали людям в глухую ненастную ночь,
 Горячее сердце стучит, не сдаваясь скорбям,
 И дух победительный бедам осилить невмочь.
 О Эрин, о Эрин, от пролитых слез не потух
 За долгие ночи неволи твой неиссякающий дух.

The nations have fallen, and thou still art young,
 Thy sun is but rising, when others are set;
 And tho' slavery's cloud o'er thy morning hath hung,
 The full noon of freedom shall beam round thee yet.
 Erin, oh Erin, tho' long in the shade,
 Thy star will shine out when the proudest shall fade.

Unchilled by the rain, and unwaked by the wind,
 The lily lies sleeping thro' winter's cold hour,
 Till Spring's light touch her fetters unbind,
 And daylight and liberty bless the young flower.
 Thus Erin, oh Erin, *thy* winter is past,
 And the hope that lived thro' it shall blossom at last.

25. DRINK TO HER

Drink to her, who long
 Hath waked the poet's sigh,
 The girl, who gave to song
 What gold could never buy.
 Oh! woman's heart was made
 For minstrel hands alone;
 By other fingers played,
 It yields not half the tone.
 Then here 's to her, who long
 Hath waked the poet's sigh,
 The girl who gave to song
 What gold could never buy.

At Beauty's door of glass,
 When Wealth and Wit once stood,
 They asked her "*which* might pass?"
 She answered, "he, who could."
 With golden key Wealth thought
 To pass—but 't would not do:
 While Wit a diamond brought,
 Which cut his bright way through.
 So here 's to her, who long
 Hath waked the poet's sigh,
 The girl, who gave to song
 What gold could never buy.

Усталые нации гибли, но был твой восход молодым,
 Твоя восходила заря, а другие клонились в закат.
 Тяжелое облако рабства повисло над утром твоим,
 Но яркие полдни свободы вдали негасимо горят.
 О Эрин, о Эрин, в тени миновали года,
 И сгнули все гордецы, но твоя не бледнеет звезда.

Спит белая лилия, покуда на свете зима.
 Дожди не остудят ее, не разбудят ветра.
 Наступит весна, и она встрепенется сама,
 Свобода согреет ее, и солнце шепнет ей: «Пора!»
 О Эрин, о Эрин, зимы твоей кончится срок.
 Надежды, осилившей зиму, наконец развернется цветок.

25. ЗАЗДРАВНОЕ

Пей за нее, поэт,
 За деву, что когда-то
 Вдохнула в твой сонет
 То, что дороже злата.
 О женские сердца!
 К иным вы равнодушны,
 Лишь голосу певца
 Созвучны и послушны.
 Так за нее, поэт,
 За деву, что когда-то
 Вдохнула в твой сонет
 То, что дороже злата!

Вот к Красоте в чертог
 Бард и Богач однажды
 Явились на порог,
 Полны любовной жажды.
 Набитая сума
 Ключом не стала к сердцу:
 Талант и блеск ума
 Раскрыли эту дверцу.
 Так за нее, поэт,
 За деву, что когда-то
 Вдохнула в твой сонет
 То, что дороже злата!

The love that seeks a home
 Where wealth or grandeur shines,
 Is like the gloomy gnome,
 That dwells in dark gold mines.
 But oh! the poet's love
 Can boast a brighter sphere;
 Its native home 's above,
 Tho' woman keeps it here.
 Then drink to her, who long
 Hath waked the poet's sigh,
 The girl, who gave to song
 What gold could never buy.

26. OH! BLAME NOT THE BARD

Oh! blame not the bard, if he fly to the bowers,
 Where Pleasure lies, carelessly smiling at Fame;
 He was born for much more, and in happier hours
 His soul might have burned with a holier flame.
 The string, that now languishes loose o'er the lyre,
 Might have bent a proud bow to to the warrior's dart:
 And the lip, which now breathes but the song of desire,
 Might have poured the full tide of a patriot's heart.

But alas for his country!—her pride is gone by,
 And that spirit is broken, which never would bend;
 O'er the ruin her children in secret must sigh,
 For 't is treason to love her, and death to defend.
 Unprized are her sons, till they 've learned to betray;
 Undistinguished they live, if they shame not their sires;
 And the torch, that would light them thro' dignity's way,
 Must be caught from the pile, where their country expires.

Войдя к Богатству в дом
 И благ возжаждав бренных,
 Любовь умрет, как гном
 В пещерах златостенных.
 Певца ж любовь вольна
 И перлов не алкает
 И, девой пленена,
 О небе лишь мечтает.
 Так за нее, поэт,
 За деву, что когда-то
 Вдохнула в твой сонет
 То, что дороже злата!

26. ОПРАВДАНИЕ ПЕВЦА

Не корите певца, что под сенью листвы
 Ищет он для себя вдохновений:
 Будь иная пора, услышали бы вы,
 Для каких он рожден песнопений.

На заброшенной лире запел бы он вновь
 Не про тихие радости жизни —
 Он запел бы восторженный гимн про любовь
 Неподкупного сердца к отчизне...

Но — увы! — миновали, как чудные сны,
 И отвага, и гордость былая,
 И скорбят угнетенной отчизны сыны,
 На развалинах счастья вздыхая.

От обид и гонений избавлен лишь тот,
 Кто, предательства цену изведав,
 Без стыда и боязни стяжает почет
 Над останками доблестных дедов.

Then blame not the bard, if in pleasure's soft dream,
 He should try to forget, what he never can heal:
 Oh! give but a hope—let a vista but gleam
 Thro' the gloom of his country, and mark how he 'll feel!
 That instant, his heart at her shrine would lay down
 Every passion it nurst, every bliss it adored;
 While the myrtle, now idly entwined with his crown,
 Like the wreath of Harmodius, should cover his sword.

But tho' glory be gone, and tho' hope fade away,
 Thy name, loved Erin, shall live in his songs;
 Not even in the hour, when his heart is most gay,
 Will he lose the remembrance of thee and thy wrongs.
 The stranger shall hear thy lament on his plains;
 The sigh of thy harp shall be sent o'er the deep,
 Till thy masters themselves, as they rivet thy chains,
 Shall pause at the song of their captive, and weep!

27. WHILE GAZING ON THE MOON'S LIGHT

While gazing on the moon's light,
 A moment from her smile I turned,
 To look at orbs, that, more bright,
 In lone and distant glory burned.
 But *too* far
 Each proud star,
 For me to feel its warming flame;
 Much more dear
 That mild sphere,
 Which near our planet smiling came;
 Thus, Mary, be but thou my own;
 While brighter eyes unheeded play,
 I 'll love those moonlight looks alone,
 That bless my home and guide my way.

The day had sunk in dim showers,
 But midnight now, with lustre meet,
 Illumined all the pale flowers,
 Like hope upon a mourner's cheek.

Не корите ж певца, что для радостных снов
 Он смыкает усталые вежды:
 Он и дремлет, и ждет, и воспрянуть готов,
 Лишь бы луч, лишь бы проблеск надежды!

Зароните лишь искру — и в сердце его
 Разгорится священное пламя,
 И увядшую ветвь от венка своего
 Он возложит на бранное знамя.

Но пускай нашим грезам заветным конец:
 И в спокойных, незлобивых звуках —
 О возлюбленный край! — не забудет певец
 О твоих испытаньях и муках.

Ветер стоны твои далеко разнесет
 И покой чужеземца встревожит,
 А услышит их враг и мучитель, прольет
 Непритворные слезы, быть может.

27. СЕЛЕНА УЛЫБАЛАСЬ МНЕ

Селена улыбалась мне,
 Но от луны отвел я взор
 Туда, где в горней вышине
 Горел миров ночной узор.
 Очень уж горда
 Дальняя звезда —
 Нет тепла от ее огня.
 Мне милей луна,
 Что кротка, нежна
 И с улыбкой глядит на меня.
 О Мэри, будь всегда со мной!
 Мне чужд игривый, яркий взгляд,
 Я так люблю взор лунный твой —
 Мой путь благословить он рад.

В туманных ливнях день поник;
 Уже полночный полусвет
 Залил бледнеющий цветник,
 Страдальцу ниспослал привет.

I said (while
 The moon's smile
 Played o'er a stream, in dimpling bliss,)
 "The moon looks
 "On many brooks,
 "The brook can see no moon but this;"
 And thus, I thought, our fortunes run,
 For many a lover looks to thee,
 While oh! I feel there is but *one*,
One Mary in the world for me.

28. ILL OMENS

When daylight was yet sleeping under the billow,
 And stars in the heavens still lingering shone,
 Young Kitty, all blushing, rose up from her pillow,
 The last time she e'er was to press it alone.
 For the youth whom she treasured her heart and her soul in,
 Had promised to link the last tie before noon;
 And when once the young heart of a maiden is stolen
 The maiden herself will steal after it soon.

As she looked in the glass, which a woman ne'er misses,
 Nor ever wants time for a sly glance or two,
 A butterfly, fresh from the night-flower's kisses,
 Flew over the mirror, and shaded her view.
 Enraged with the insect for hiding her graces,
 She brushed him—he fell, alas; never to rise:
 "Ah! such," said the girl, "is the pride of our faces,
 "For which the soul's innocence too often dies."

While she stole thro' the garden, where heart's-ease was growing,
 She culled some, and kist off its night-fallen dew;
 And a rose, further on, looked so tempting and glowing,
 That, spite of her haste, she must gather it too;
 But while o'er the roses too carelessly leaning,
 Her zone flew in two, and the heart's-ease was lost:
 "Ah! this means," said the girl (and she sighed at its meaning),
 "That love is scarce worth the repose it will cost!"

Глядя, как ручей
 От луны лучей
 Улыбался, промолвил я:
 «Пусть очам луны
 Сто ручьев видны:
 Есть одна лишь луна для ручья».

Вот так же и у нас с тобой —
 В тебя влюбленным нет числа,
 Но я живу тобой одной —
 Одна ты в сердце мне вошла.

28. ДУРНЫЕ ПРИМЕТЫ

В час, когда еще звезды в полумраке блестели
 И дремали лучи под соленой волной,
 Молода и румяна, Китти встала с постели,
 Чтоб вернуться под вечер уже не одной.
 Ибо тот, кто владел ее сердцем отныне,
 Стать ей преданным мужем дал священный обет,
 Ну а если уж сердце отдала ты мужчине,
 Как за сердцем своим не помчишься ты вслед!

Взяв со столика зеркальце в тонкой оправе —
 Разве есть у красавицы преданней друг? —
 Мотылька, что к ночной прикоснулся отраве,
 На стекле помутневшем заметила вдруг.
 Взмах неловкой руки, и, к неожиданной досаде,
 Злополучный повеса упал недвижим.
 «Ах, — вздохнула невеста, — наших прихотей ради
 Мы душою безвинною не дорожим!»

Но, едва выйдя в сад, позабыла тревоги,
 Средь фиалок и роз, напоенных росой,
 И к кустам, что росли в стороне от дороги,
 Поспешила, пленясь их волшебной красотой.
 Но нагнулась — увы! — слишком неосторожно,
 Так, что пояс у ней развязался, и вновь
 Истомленное сердце забилось тревожно:
 «Ах, всех этих волнений не стоит любовь!»

29. BEFORE THE BATTLE

By the hope within us springing,
 Herald of to-morrow's strife;
 By that sun, whose light is bringing
 Chains or freedom, death or life—
 Oh! remember life can be
 No charm for him, who lives not free!
 Like the day-star in the wave,
 Sinks a hero in his grave,
 Midst the dew-fall of a nation's tears.

Happy is he o'er whose decline
 The smiles of home may soothing shine
 And light him down the steep of years:—
 But oh, how blest they sink to rest,
 Who close their eyes on victory's breast!

O'er his watch-fire's fading embers
 Now the foeman's cheek turns white,
 When his heart that field remembers,
 Where we tamed his tyrant might.
 Never let him bind again
 A chain, like that we broke from then.
 Hark! the horn of combat calls—
 Ere the golden evening falls,
 May we pledge that horn in triumph round!
 Many a heart that now beats high,
 In slumber cold at night shall lie,
 Nor waken even at victory's sound:—
 But oh, how blest that hero's sleep,
 O'er whom a wondering world shall weep!

30. AFTER THE BATTLE

Night closed around the conqueror's way,
 And lightnings showed the distant hill,
 Where those who lost that dreadful day,
 Stood few and faint, but fearless still.

29. ПЕРЕД БИТВОЙ

Вестник завтрашней суровой
 Битвы здесь; он тут как тут!
 Ждут нас вольность иль оковы?
 Жизнь иль смерть заутра ждут?
 Только ведайте, друзья,
 Что в неволе жить нельзя!
 Как звезда во мгле сырой,
 Так в могиле спит герой —

И народ его приют
 Оросить слезой готов:
 Люди будущих годов
 О судьбе его поют.
 Кто опочил в победный час,
 Тот жил не зря, погиб за нас!

Озарен костром багряным
 Враг — он нынче бел как мел;
 Здесь сражались мы с тираном,
 Чтоб тиранить нас не смел!
 Не скует нам больше он
 Злую цепь былых времен!
 Громкий рог звучит войной:
 Победив, мы мед хмельной
 В рог нальем — и пустим в круг!

Тот, в ком ярость горяча,
 Может сгинуть от меча;
 Что — для мертвых — горна звук?!
 Но блажен, кто пал в бою
 За Ирландию свою!

30. ПОСЛЕ БИТВЫ

Темнела даль над побежденным краем,
 Свет молнии поляну освещал,
 Где, верность, до конца, до смерти сохраняя,
 Сраженных ратников безмолвный круг стоял.

The soldier's hope, the patriot's zeal,
 For ever dimmed, for ever crost—
 Oh! who shall say what heroes feel,
 When all but life and honor 's lost?

The last sad hour of freedom's dream,
 And valor's task, moved slowly by,
 While mute they watcht, till morning's beam
 Should rise and give them light to die.
 There 's yet a world, where souls are free,
 Where tyrants taint not nature's bliss;—
 If death that world's bright opening be,
 Oh! who would live a slave in this?

31. ' T IS SWEET TO THINK

' T is sweet to think, that, where'er we rove,
 We are sure to find something blissful and dear,
 And that, when we 're far from the lips we love,
 We 've but to make love to the lips we are near.
 The heart, like a tendril, accustomed to cling,
 Let it grow where it will, can not flourish alone,
 But will lean to the nearest and loveliest thing
 It can twine with itself and make closely its own.

Then oh! what pleasure, where'er we rove,
 To be sure to find something still that is dear,
 And to know, when far from the lips we love,
 We 've but to make love to the lips we are near.

' T were a shame, when flowers around us rise.
 To make light of the rest, if the rose is n't there;
 And the world 's so rich in resplendent eyes,
 ' T were a pity to limit one's love to a pair.
 Love's wing and the peacock's are nearly alike,
 They are both of them bright, but they 're changeable too,
 And, wherever a new beam of beauty can strike,
 It will tincture Love's plume with a different hue.

Надежда воина, любовь к святой отчизне,
 Все в прах развеяно, погибло навсегда!..
 О, кто поймет, кто взвесит горе жизни,
 Когда прожито все... осталась честь одна!..

Мечта заветная о славе и свободе,
 Последний час в ту ночь пробил тебе!
 И храбрые бойцы, все смертью благородной,
 Все лягут здесь, на утренней заре!

Есть светлый мир любви, свободы ясной,
 Где, страждущие здесь, ликуют в тишине,
 И если смерть ведет в тот мир прекрасный,
 О кто ж и жить захочет на земле!..

31. КАК СЛАДКО ДУМАТЬ

Как сладко думать, что в дальних краях
 Мы отраду для сердца найдем непременно!
 И к чему тосковать о любимых устах,
 Если к близким устам мы приникнем блаженно?
 Лхнуть к опоре привыкла душа искони —
 В одиночестве ей не расцвести, не раскрыться,
 И нет счастья редкостней в юные дни,
 Чем с душой совершенной и родственной слиться.

Хорошо сознать, что и в дальних краях
 Мы отраду для сердца найдем непременно!
 Ни к чему тосковать о любимых устах —
 Ведь и к близким устам мы приникнем блаженно.

Если полон цветами душистыми сад,
 Только розу одну обожать не пристало,
 И глазами прекрасными свет так богат,
 Что любить только раз нам покажется мало.
 Как похожа любовь на павлинье крыло,
 Что меняет цвета при ином освещенье!
 Новый луч красоты засверкает светло —
 Новым отблеском вспыхнет любви оперенье.

Then oh! what pleasure, where'er we rove,
 To be sure to find something still that is dear,
 And to know, when far from the lips we love,
 We 've but to make love to the lips we are near.

32. THE IRISH PEASANT TO HIS MISTRESS

Thro' grief and thro' danger thy smile hath cheered my way,
 Till hope seemed to bud from each thorn that round me lay;
 The darker our fortune, the brighter our pure love burned,
 Till shame into glory, till fear into zeal was turned;
 Yes, slave as I was, in thy arms my spirit felt free,
 And blest even the sorrows that made me more dear to thee.

Thy rival was honored, while thou wert wronged and scorned,
 Thy crown was of briars, while gold her brows adorned;
 She wooed me to temples, while thou lay'st hid in caves,
 Her friends were all masters, while thine, alas! were slaves;
 Yet cold in the earth, at thy feet, I would rather be,
 Than wed what I loved not, or turn one thought from thee.

They slander thee sorely, who say thy vows are frail—
 Hadst thou been a false one, thy cheek had looked less pale.
 They say, too, so long thou hast worn those lingering chains,
 That deep in thy heart they have printed their servile stains—
 Oh! foul is the slander,—no chain could that soul subdue—
 Where shineth *thy* spirit, there liberty shineth too!

33. ON MUSIC

When thro' life unblest we rove,
 Losing all that made life dear,
 Should some notes we used to love,
 In days of boyhood, meet our ear,
 Oh! how welcome breathes the strain!
 Wakening thoughts that long have slept;
 Kindling former smiles again
 In faded eyes that long have wept.

Хорошо сознавать, что и в дальних краях
 Мы отраду для сердца найдем непременно!
 Ни к чему тосковать о любимых устах —
 Ведь и к близким устам мы приникнем блаженно.

32. ИРЛАНДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН — СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

В беде и в печали мне улыбалась ты,
 И снова сияли меж терниев цветы.
 Чем горше нам было, чем ночь была черней,
 Меня ты любила тем жарче и верней.
 И пусть я лишь раб и судьбою обделен —
 В объятьях твоих я свободен и силен.

Другая — богата, а ты бледна от слез,
 Венец ее — золото, а твой из диких роз;
 В господские залы она меня звала,
 С ней ждет меня слава, с тобою — кабала.
 Но лучше в могиле у ног твоих уснуть,
 Чем жить с нелюбимой и душу обмануть.

Зовут тебя лживой — но разве б ты была
 Гонимой и нищей, когда бы лгать могла?
 Твердят, что ты носишь позорное клеймо,
 Что дух твой сломило холопское ярмо.
 Бессильна их злоба! Ты выше всех клевет:
 Где дух твой сияет, там и свободы свет.

33. К МУЗЫКЕ

Счастья нет на этом свете,
 Наша жизнь морочит нас.
 Песни юности, развейте
 Звуками печали час!
 Музыка — в тебе отрада!
 Ты живишь рой прежних дум
 И улыбку даришь взгляду,
 Что от горя стал угрюм.

Like the gale, that sighs along
 Beds of oriental flowers,
 Is the grateful breath of song,
 That once was heard in happier hours;
 Filled with balm, the gale sighs on,
 Tho' the flowers have sunk in death;
 So, when pleasure's dream is gone,
 Its memory lives in Music's breath.

Music, oh how faint, how weak,
 Language fades before thy spell!
 Why should Feeling ever speak,
 When thou canst breathe her soul so well?
 Friendship's balmy words may feign,
 Love's are even more false than they;
 Oh! 't is only music's strain
 Can sweetly soothe, and not betray.

34. IT IS NOT THE TEAR AT THIS
 MOMENT SHED

It is not the tear at this moment shed,
 When the cold turf has just been laid o'er him,
 That can tell how beloved was the friend that 's fled,
 Or how deep in our hearts we deplore him.
 ' T is the tear, thro' many a long day wept,
 ' T is life's whole path o'ershaded;
 ' T is the one remembrance, fondly kept,
 When all lighter griefs have faded.

Thus his memory, like some holy light,
 Kept alive in our hearts, will improve them,
 For worth shall look fairer, and truth more bright,
 When we think how he lived but to love them.
 And, as fresher flowers the sod perfume
 Where buried saints are lying,
 So our hearts shall borrow a sweetening bloom
 From the image he left there in dying!

Легкий ветер умеряет
 Зной восточных цветников,
 Так мелодия ласкает
 Юности ушедшей зов.
 Хоть цветы склонились долу,
 Ветер аромат несет.
 Так и в музыке — веселый
 Отзвук прошлых лет живет.

Музыка! Перед тобою
 Слаб, беспомощен язык.
 Но не ты, а он душою
 Чувства выражать привык!
 Дружба наша — лепетанье,
 Лжив и пуст любви обет.
 Музыка! В твоём дыханье —
 В нём одном! — правдивый свет.

34. ТА СЛЕЗА

Та слеза, что над свежей могилой прольем,
 На прощание другу даруя,
 Не вместит нашей скорби великой о том,
 Кто ушел в эту землю сырую.
 Но в далеком грядущем, не в столь тяжкий час
 Друг, его не забывший, заплачет,
 Тенью скорби тот день омрачится для нас,
 Та слеза много более значит.

В просветленных печалью душах людей
 Его образ высокий остался,
 Станет Истина ярче, а Правда — светлей,
 Ради них он жил и сражался.
 На могильной земле, где святые лежат,
 И цветы расцветают пышнее.
 Пусть поможет живым цветов аромат,
 Чтоб сердца их бились вольнее.

35. THE ORIGIN OF THE HARP

'T is believed that this Harp, which I wake now for thee,
 Was a Siren of old, who sung under the sea;
 And who often, at eve, thro' the bright waters roved,
 To meet, on the green shore, a youth whom she loved.

But she loved him in vain, for he left her to weep,
 And in tears, all the night, her gold tresses to steep;
 Till heaven looked with pity on true-love so warm,
 And changed to this soft Harp the sea-maiden's form.

Still her bosom rose fair—still her cheeks smiled the same—
 While her sea-beauties gracefully formed the light frame;
 And her hair, as, let loose, o'er her white arm it fell,
 Was changed to bright chords uttering melody's spell.

Hence it came, that this soft Harp so long hath been known
 To mingle love's language with sorrow's sad tone;
 Till *thou* didst divide them, and teach the fond lay
 To speak love when I 'm near thee, and grief when away.

36. LOVE'S YOUNG DREAM

Oh! the days are gone, when Beauty bright
 My heart's chain wove;
 When my dream of life, from morn till night,
 Was love, still love.
 New hope may bloom,
 And days may come,
 Of milder, calmer beam,
 But there's nothing half so sweet in life
 As love's young dream;
 No, there's nothing half so sweet in life
 As love's young dream.

Tho' the bard to purer fame may soar,
 When wild youth 's past;
 Tho' he win the wise, who frowned before,

35. РОЖДЕНИЕ АРФЫ

По преданию, арфа, чьей внемлешь струне,
 Встарь сиреной жила в голубой глубине,
 Вечерами всплывала она среди скал
 И на берег брела, где возлюбленный ждал.

Но однажды ушел он и счастье унес,
 Ночью слезы струились на золото кос,
 И несчастная, небо растрогав тоской,
 В лиру вдруг превратилась из девы морской.

Нежно перси вздымались, круглилась щека,
 Рамой плавную стан изогнулся слегка,
 Расплетенные волосы, падая с плеч,
 Стали струями струн, чтобы музыкой течь.

Вышло так: эти струны с давнишних времен
 Слили с речью любовною горестный стон,
 Ты созвучья разъяла и учишь их вновь
 Петь в разлуке печаль, а при встрече любовь.

* * *

36. Угасших дней вернутся ли мечты,
 Вернутся ль вновь
 И радость мук, и цепи красоты,
 И ты, любовь?
 Склон тихих дней
 Иных лучей
 Сияньем озарен.
 Но где тот луч, чей яркий блеск затмит,
 Любовь, твой сон?
 О нет! ничто на свете не затмит,
 Любовь, твой сон.

Для лучших мук в груди своей ответ
 Найдет певец,
 И, страсти враг, пошлет ему привет

To smile at last;
 He 'll never meet
 A joy so sweet,
 In all his noon of fame,
 As when first he sung to woman's ear
 His soul-felt flame,
 And, at every close, she blushed to hear
 The one lov'd name.

No,—that hallowed form is ne'er for got
 Which first love traced;
 Still it lingering haunts the greenest spot
 On memory's waste.
 'T was odor fled
 As soon as shed;
 'T was morning's winged dream;
 'T was a light, that ne'er can shine again
 On life's dull stream:
 Oh! 't was light that ne'er can shine again
 On life's dull stream.

37. THE PRINCE'S DAY

Tho' dark are our sorrows, to-day we 'll forget them,
 And smile thro' our tears, like a sunbeam in showers:
 There never were hearts, if our rulers would let them,
 More formed to be grateful and blest than ours.
 But just when the chain
 Has ceased to pain,
 And hope has enwreathed it round with flowers,
 There comes a new link
 Our spirits to sink—
 Oh! the joy that we taste, like the light of the poles,
 Is a flash amid darkness, too brilliant to stay;
 But tho' 't were the last little spark in our souls,
 We must light it up now, on our Prince's Day.

Contempt on the minion, who calls you disloyal!
 Tho' fierce to your foe, to your friends you are true;
 And the tribute most high to a head that is royal,

Сухой мудрец.
 Но не найдет
 Былых красот
 Поэт вокруг себя,
 Тех чувств, что знал, когда он с *ней* бывал
 И пел, любя,
 Когда ее смущенье наблюдал
 И пел, любя.

В былые дни любимые черты,
 Забыть ли вас?
 Ваш луч горит среди тьмы и пустоты
 В полночный час.
 Вы ласки грез,
 Дыханье роз,
 Крылатый утра сон.
 Вы яркий свет, что впредь не озарит
 Нам жизни склон,
 Увы, ваш свет уж впредь не озарит
 Нам жизни склон.

37. ДЕНЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИКА

Сегодня ни слова о нашей печали,
 Улыбка сквозь слезы, как радуга в небе,
 И если б монархи себе выбирали
 За верность народ — то на нас пал бы жребий.
 Та цепь, что сначала
 Чуть-чуть полегчала
 И наши надежды тем самым взрастила,
 Вдруг новым звеном,
 Как льдом и огнем,
 Недавнюю радость жестоко сдавила —
 Недолго костру разгораться на льду, —
 Но искру последнюю в вас не убила:
 Престолонаследник, твой день раз в году!

В честь принца Уэльского задан веселый
 Смутьяном отъявленным праздник народу.
 Но разве не высшая верность престолу —

Is love from a heart that loves liberty too.
 While cowards, who blight
 Your fame, your right,
 Would shrink from the blaze of the battle array,
 The Standard of Green
 In front would be seen,—
 Oh, my life on your faith! were you summoned this minute,
 You 'd cast every bitter remembrance away,
 And show what the arm of old Erin has in it,
 When roused by the foe, on her Prince's Day.

He loves the Green Isle, and his love is recorded
 In hearts, which have suffered too much to forget;
 And hope shall be crowned, and attachment rewarded,
 And Erin's gay jubilee shine out yet,
 The gem may be broke
 By many a stroke,
 But nothing can cloud its native ray:
 Each fragment will cast
 A light, to the last,—
 And thus, Erin, my country tho' broken thou art,
 There's a lustre within thee, that ne'er will decay;
 A spirit, which beams thro' each suffering part,
 And now smiles at all pain on the Prince's Day.

38. WEEP ON, WEEP ON

Weep on, weep on, your hour is past;
 Your dreams of pride are o'er;
 The fatal chain is round you cast,
 And you are men no more.
 In vain the hero's heart hath bled;
 The sage's tongue hath warned in vain;—
 Oh, Freedom! once thy flame hath fled,
 It never lights again.

Weep on—perhaps in after days,
 They 'll learn to love your name;
 When many a deed may wake in praise
 That long hath slept in blame.

Любить в равной мере престол и свободу?
 Льстецы и притворы
 Посеют позора
 Трусливое семя в военном аду.
 Ура легионам
 Под стягом зеленым!
 Они-то не дрогнут под натиском вражьем,
 Поднимутся разом в едином ряду
 На славу и гибель. Мы это докажем,
 Престолонаследник, в военном году!

Престолонаследник, наш остров родимый,
 Наш остров зеленый ты любишь открыто,
 Страной исстрадавшейся и нелюбимой
 Такое вовеки не будет забыто!
 Горит изумруд,
 И пусть разобьют —
 Зеленым осколок любой заискрится —
 Лишь ярче сторицей
 Из каждой крупицы.
 Так Эрин расколота ныне на части,
 И все же, сквозь слезы, тоску и беду,
 Сверкает красой и надеждой на счастье,
 Престолонаследник, пусть в этом году!

38. ВОСПЛАЧЬТЕ, ЦЕПИ ДУШАТ ВАС

Восплачьте, цепи душат вас,
 Позор всего больней:
 Увяла в некий день и час
 Гордыня прежних дней.
 Мудрец вас предостерегал,
 А Храбрый пролил кровь,
 Но факел Воли отпылал
 И не зажжется вновь!

Восплачьте... Впрочем, в некий день,
 Блюдя любви закон,
 Пусть сгонит внук позора тень
 С поруганных имен.

And when they tread the ruined isle,
 Where rest, at length, the lord and slave,
 They 'll wondering ask, how hands so vile
 Could conquer hearts so brave?

“T was fate,” they 'll say, “a wayward fate
 “Your web of discord wove;
 “And while your tyrants joined in hate,
 “You never joined in love.
 “But hearts fell off, that ought to twine,
 “And man profaned what God had given;
 “Till some were heard to curse the shrine,
 “Where others knelt to heaven!”

39. LESBIA HATH A BEAMING EYE

Lesbia hath a beaming eye,
 But no one knows for whom it beameth;
 Right and left its arrows fly,
 But what they aim at no one dreameth.
 Sweeter 't is to gaze upon
 My Nora's lid that seldom rises;
 Few its looks, but every one,
 Like unexpected light, surprises!
 Oh, My Nora Creina, dear,
 My gentle, bashful Nora Creina,
 Beauty lies
 In many eyes,
 But love in yours, My Nora Creina.

Lesbia wears a robe of gold,
 But all so close the nymph hath laced it,
 Not a charm of beauty's mould
 Presumes to stay where nature placed it.
 Oh! my Nora's gown for me,
 That floats as wild as mountain breezes,
 Leaving every beauty free
 To sink or swell as Heaven pleases.
 Yes, my Nora Creina, dear,
 My simple, graceful Nora Creina,

И спросит в храме, где покой
 Вкушают раб и князь:
 «Чьей святоотатственной рукой
 Отважный брошен в грязь?»

Тиранов ненависть дика:
 Они в ней заодно,
 А вам в любви еще пока
 Сплотиться не дано:
 Один, в неведенье своем,
 Святыню осквернил,
 Когда другой — пред алтарем —
 Колени преклонил!»

39. ОЧИ ЛЕСБИИ СВЕТЛЫ

Очи Лесбии светлы —
 Для кого ж их свет лучится?
 Взгляд ее острей стрелы —
 Где ж та цель, куда он мчится?
 Мне милей склоненный взгляд —
 Очи тихой, кроткой Норы,
 Каждый раз они дарят
 Неожиданные взоры!
 Нора милая моя,
 Моя безропотная Нора!
 Взгляды яд
 Порой таят —
 Но никогда не лжешь ты, Нора!

Носит Лесбия наряд,
 Подобающий богине.
 Ткани золотом горят —
 Простоты же нет в помине.
 словно горный ветерок,
 Шелестят одежды Норы,
 А красу ее сберег
 Легкий, чистый луч Авроры.
 Нора нежная моя,
 Моя пленительная Нора!

Nature's dress
 Is loveliness—
 The dress *you* wear, my Nora Creina.

Lesbia hath a wit refined,
 But, when its points are gleaming round us,
 Who can tell if they 're designed
 To dazzle merely, or to wound us?
 Pillowed on my Nora's heart,
 In safer slumber Love reposes—
 Bed of peace! whose roughest part
 Is but the crumpling of the roses.
 Oh! my Nora Creina dear,
 My mild, my artless Nora Creina!
 Wit, though bright,
 Hath no such light,
 As warms your eyes, my Nora Creina.

40. I SAW THY FORM IN YOUTHFUL PRIME

I saw thy form in youthful prime,
 Nor thought that pale decay
 Would steal before the steps of Time,
 And waste its bloom away, Mary!
 Yet still thy features wore that light,
 Which fleets not with the breath;
 And life ne'er looked more truly bright
 Than in thy smile of death, Mary!

As streams that run o'er golden mines,
 Yet humbly, calmly glide,
 Nor seem to know the wealth that shines
 Within their gentle tide, Mary!
 So veiled beneath the simplest guise,
 Thy radiant genius shone,
 And that, which charmed all other eyes,
 Seemed worthless in thy own, Mary!

If souls could always dwell above,
 Thou ne'er hadst left that sphere;

Твой наряд
И прост, и свят —
Он дан тебе Природой, Нора!

Ум у Лесбии подчас
Гибче лезвия стального —
Оттого ли ранит нас
Ею брошенное слово?
В сердце Норы спящий свет
Не пленен игрой и ложью.
И опавшей розы цвет
Лег на мягком этом ложе.
Нора тихая моя,
Моя приветливая Нора!
Ум — и тот
Не превзойдет
Тепла души твоей, о Нора!

40. КОГДА ТЫ В ЮНОСТИ БЫЛОЙ

Когда ты в юности былой
Вошла в мои мечты,
Не думал я, что в мир иной
Уйдешь так скоро ты, Мэри!
Ты неподвижна. Льется свет
И холодно, и зыбко.
Но ничего живее нет,
Чем мертвая улыбка, Мэри!

Как златоносная река
Спешит за оком,
Не ведая наверняка
О золоте своем, Мэри,
Так твой лучистый дух сиял
Под внешней простотой.
Но он всегда и всех пленял,
Кроме тебя самой, Мэри!

Будь в горних высях благодать,
Ты к нам пришла б едва ли.

Or could we keep the souls we love,
 We ne'er had lost thee here, Mary!
 Though many a gifted mind we meet,
 Though fairest forms we see,
 To live with them is far less sweet,
 Than to remember thee, Mary!

41. BY THAT LAKE, WHOSE GLOOMY SHORE

By that Lake, whose gloomy shore
 Sky-lark never warbles o'er,
 Where the cliff hangs high and steep,
 Young St. Kevin stole to sleep.
 "Here, at least," he calmly said,
 "Woman ne'er shall find my bed."
 Ah! the good Saint little knew
 What that wily sex can do.

'T was from Kathleen's eyes he flew,—
 Eyes of most unholy blue!
 She had loved him well and long
 Wished him hers, nor thought it wrong.
 Wheresoe'er the Saint would fly,
 Still he heard her light foot nigh;
 East or west, where'er he turned,
 Still her eyes before him burned.

On the bold cliff's bosom cast,
 Tranquil now, he sleeps at last;
 Dreams of heaven, nor thinks that e'er
 Woman's smile can haunt him there.
 But nor earth nor heaven is free,
 From her power, if fond she be:
 Even now, while calm he sleeps,
 Kathleen o'er him leans and weeps.

Fearless she had tracked his feet
 To this rocky, wild retreat;
 And when morning met his view,
 Her mild glances met it, too.

Умей мы души сохранять,
Тебя б не потеряли, Мэри!
Хотя прекрасные черты
И видим мы подчас,
Но их не помним. Только ты
Воспламеняешь нас, Мэри!

41. К ОЗЕРУ, ГДЕ БЕРЕГ ДИК

К озеру, где берег дик,
Где не слышен птичий крик,
Где высок обрыв крутой,
Кевин выбрался святой.
И шептал он: «Никогда
Кетлин не прийти сюда!»
Видно, он не знал дотоле,
Сколько силы в слабом поле.

Думал он, что душу спас
От прекрасных Кетлин глаз!
Он бы с ней счастливым стал,
Но любовь грехом считал.
Где б ни шел он, влюблена,
Всюду следом шла она,
И куда б он ни смотрел,
Всюду Кетлин взор горел.

Только здесь на крутизне
Смог заснуть он в тишине,
И во сне был защищен
От улыбки Кетлин он.
Но для Кетлин мал весь свет —
Для любви преграды нет.
И теперь, пройдя сквозь тьму,
Плачет, клонится к нему.

Страх презрев, не зная зла,
Вновь она его нашла.
И когда святой проснулся,
Кроткий взгляд его коснулся.

Ah, your Saints have cruel hearts!
 Sternly from his bed he starts,
 And with rude, repulsive shock,
 Hurls her from the beetling rock.

Glendalough, thy gloomy wave
 Soon was gentle Kathleen's grave!
 Soon the Saint (yet ah! too late,)
 Felt her love, and mourned her fate.
 When he said, "Heaven rest her soul!"
 Round the Lake light music stole;
 And her ghost was seen to glide,
 Smiling o'er the fatal tide.

42. SHE IS FAR FROM THE LAND

She is far from the land where her young hero sleeps,
 And lovers are round her, sighing:
 But coldly she turns from their gaze, and weeps,
 For her heart in his grave is lying.

She sings the wild song of her dear native plains,
 Every note which he loved awaking;—
 Ah! little they think who delight in her strains,
 How the heart of the Minstrel is breaking.

He had lived for his love, for his country he died,
 They were all that to life had entwined him;
 Nor soon shall the tears of his country be dried,
 Nor long will his love stay behind him.

Oh! make her a grave where the sunbeams rest,
 When they promise a glorious morrow;
 They 'll shine o'er her sleep, like a smile from the West,
 From her own loved island of sorrow.

Как жесток святой, о боже!
 Встал он с каменного ложа,
 К бедной девушке шагнул
 И с горы ее толкнул.

Глендалу, для Кетлин милой
 Вскоре стало ты могилой!
 Понял тут тогда святой
 Чувство девушки простой,
 Грустно вымолвил: «Должна
 Обрести покой она».
 И тотчас, покинув тело,
 Ввысь душа ее взлетела.

42. ДАЛЕКА СТОРОНА...

Далека сторона, где молодой ее друг
 Спит, сокрытый землею сырою.
 Но любовники тщетно вздыхают вокруг:
 Ее сердце в могиле героя.

И поет она песни, любимые им,
 Милой родины скорбные звуки.
 И не знает никто, что с напевом родным
 Разрывается сердце от муки.

Для любимой он жил, и он пал за народ,
 Обретя полноту своей жизни.
 И недолго она без него проживет,
 И не будет забыт он в отчизне.

Схороните ее, где, пророча рассвет,
 Луч закатный блеснет из-за моря,
 Словно остров родимый пошлет ей привет —
 Край любви ее, счастья и горя.

43. NAY, TELL ME NOT, DEAR

Nay, tell me not, dear, that the goblet drowns
 One charm of feeling, one fond regret;
 Believe me, a few of thy angry frowns
 Are all I've sunk in its bright wave yet.
 Ne'er hath a beam
 Been lost in the stream
 That ever was shed from thy form or soul;
 The spell of those eyes,
 The balm of thy sighs,
 Still float on the surface, and hallow my bowl,
 Then fancy not, dearest, that wine can steal
 One blissful dream of the heart from me;
 Like founts that awaken the pilgrim's zeal,
 The bowl but brightens my love for thee.

They tell us that love in his fairy bower,
 Had two blush-roses of birth divine;
 He sprinkled the one with a rainbow shower,
 But bathed the other with mantling wine.
 Soon did the buds,
 That drank of the floods
 Distilled by the rainbow, decline and fade;
 While those which the tide
 Of ruby had dyed
 All blushed into beauty, like thee, sweet maid!
 Then fancy not, dearest, that wine can steal
 One blissful dream of the heart from me;
 Like founts, that awaken the pilgrim's zeal,
 The bowl but brightens my love for thee.

44. AVENGING AND BRIGHT

Avenging and bright fall the swift sword of Erin
 On him who the brave sons of U'sna betrayed!
 For every fond eye he hath wakened a tear in,
 A drop from his heart-wounds shall weep o'er her blade.

43. ПРОШУ, НЕ СЧИТАЙ

Прошу, не считай, бога ради, родная,
 Что чувство свое утопил я в вине.
 Поверь, в нем утоплен — уж это я знаю —
 Лишь хмурый твой взгляд, обращенный ко мне,
 Хоть напиток хорош,
 Хоть он светел, но все ж
 Ярче свет, излученный твоею душой.
 Чары взглядов твоих,
 Чары вздохов твоих
 Все сильнее освящают мой кубок хмельной.

Поэтому дух твой напрасно страдает,
 Что сладкую грезу похитит вино.
 Как в страннике силу родник пробуждает,
 Любовь мою пробуждает оно.

Слышал я, любовь в своем доме заветном
 Имела две розы, рожденные богом.
 Одну окропил он дождем многоцветным,
 Другую обрызгал искрящимся грогом.
 И, пройдя все препоны,
 Появились бутоны.
 На первой бутон был и бледный, и хилый.
 Но зато на второй
 Яркой краской живой
 Светился бутон, как лицо моей милой.

Поэтому дух твой напрасно страдает,
 Что сладкую грезу похитит вино.
 Как в страннике силу родник пробуждает,
 Любовь мою пробуждает оно.

44. ВОССТАНЬ ЖЕ С МЕЧОМ НА ПРЕДАТЕЛЯ, ЭРИН

Восстань же с мечом на предателя, Эрин,
 Сгубившего Усны молодых сыновей!
 Все раны и слезы — пусть счет им потерян —
 До капли оплатит он кровью своей.

By the red cloud that hung over Conor's dark dwelling,
 When Ulad's three champions lay sleeping in gore—
 By the billows of war, which so often, high swelling,
 Have wafted these heroes to victory's shore—

We swear to revenge them!—no joy shall be tasted,
 The harp shall be silent, the maiden unwed,
 Our halls shall be mute and our fields shall lie wasted,
 Till vengeance is wreaked on the murderer's head.

Yes, monarch! tho' sweet are our home recollections,
 Tho' sweet are the tears that from tenderness fall;
 Tho' sweet are our friendships, our hopes, our affections,
 Revenge on a tyrant is sweetest of all!

45. WHAT THE BEE IS TO THE FLOWERET

HE.

What the bee is to the floweret,
 When he looks for honey-dew,
 Thro' the leaves that close embower it,
 That, my love, I 'll be to you.

SHE.

What the bank, with verdure glowing,
 Is to waves that wander near,
 Whispering kisses, while they 're going,
 That I 'll be to you, my dear.

SHE.

But they say, the bee 's a rover,
 Who will fly, when sweets are gone;
 And, when once the kiss is over,
 Faithless brooks will wander on.

HE.

Nay, if flowers *will* lose their looks,
 If sunny banks *will* wear away,
 'T is but right that bees and brooks
 Should sip and kiss them while they may.

Клубами огня над двором Конхобара,
 Где встретил героев кровавый рассвет,
 Волнами сражений, вздымавшими яро
 Трех уладов славных на гребне побед, —

Клянемся отмстить! И покуда расплаты
 Не пробил еще для губителя час,
 Пусть сохнут поля, и пустеют палаты,
 И наши невесты стареют без нас.

О! сколь ни отрадны веселья напевы,
 И свет очага, и любви торжество,
 И звучные арфы, и нежные девы, —
 Возмездье тирану отрадней всего!

45. КАК ПЧЕЛА, ЧТО ХМУРОЙ ЧАЩЕЙ

О Н

Как пчела, что хмурой чащей
 На заветный мчится луг,
 Чтоб собрать нектар пьянящий,
 Я спешу к тебе, мой друг.

О Н А

Как скала, что в пене снежной
 Внемлет шепчущей волне,
 Голос твой призывно-нежный
 Я ловлю в счастливом сне.

Но, испив нектар желанный,
 Вновь пчела умчится вдаль,
 И волне непостоянной
 Скал оставленных не жаль.

О Н

Берега и те не вечны,
 Луг увянет до зимы:
 Миг блаженства быстротечный
 Упускать не вправё мы!

46. LOVE AND THE NOVICE

"Here we dwell, in holiest bowers,
 "Where angels of light o'er our orisons bend;
 "Where sighs of devotion and breathings of flowers
 "To heaven in mingled odor ascend.
 "Do not disturb our calm, oh Love!
 "So like is thy form to the cherubs above,
 "It well might deceive such hearts as ours."

Love stood near the Novice and listened,
 And Love is no novice in taking a hint;
 His laughing blue eyes soon with piety glistened;
 His rosy wing turned to heaven's own tint.
 "Who would have thought," the urchin cries,
 "That Love could so well, so gravely disguise
 "His wandering wings and wounding eyes?"

Love now warms thee, waking and sleeping,
 Young Novice, to him all thy orisons rise.
He tinges the heavenly fount with his weeping,
He brightens the censor's flame with his sighs.
 Love is the Saint enshrined in thy breast,
 And angels themselves would admit such a guest,
 If he came to them clothed in Piety's vest.

47. THIS LIFE IS ALL CHECKERED
 WITH PLEASURES AND WOES

This life is all checkered with pleasures and woes,
 That chase one another like waves of the deep,—
 Each brightly or darkly, as onward it flows,
 Reflecting our eyes, as they sparkle or weep.
 So closely our whims on our miseries tread,
 That the laugh is awaked ere the tear can be dried;
 And, as fast as the rain-drop of Pity is shed,
 The goose-plumage of Folly can turn it aside.
 But pledge me the cup—if existence would cloy,
 With hearts ever happy, and heads ever wise,

46. ЛЮБОВЬ И ПОСЛУШНИК

«Мы здесь пребываем в мечтаньях о Свете,
 Здесь ангелы внемлют глухим голосам
 И звуки молитв и дыханье соцветий,
 Слиясь воедино, летят к небесам.
 Любовь, ты тревожишь сердца и умы!
 Ты нам не являйся среди полутьмы —
 Пред этим соблазном бессильны и мы».

Любовь улыбнулась — она была рядом,
 И эти диковинки ей не во вред:
 Овеяла юношу благостным взглядом,
 А крылья в небесный окрасила цвет.
 «Кто мог бы подумать, — слышался глас, —
 Что может любовь обходиться подчас
 Без машущих крыльев и ранищих глаз?»

Любовь безраздельно владеет тобою,
 Послушник, ты думаешь только о ней,
 Лишь к ней обращаешься с жаркой мольбою
 И с каждой минутою любишь сильнее.
 Любовь благодатная всем суждена!
 И ангелов гостьей была бы она,
 Когда б к ним вошла, благочестья полна.

47. ВСЮ ЖИЗНЬ ЧЕРЕДУЮТСЯ
СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Всю жизнь чередуются счастье и горе,
 Как шквалы и спады глубинной волны;
 Глаза наши, зеркало этого моря,
 Блестят, то слезами, то счастьем полны.
 Так тесно сплетаются наши волненья,
 Что слезы не высохли — смех уж звенит.
 Упасть не успеет слеза сожаленья,
 Как новая прихоть ее упразднит.

И чашей земною не дам я обета
 Черпнуть только счастья иль только ума;

Be ours the light Sorrow, half-sister to Joy,
 And the light, brilliant Folly that flashes and dies.
 When Hylas was sent with his urn to the fount,
 Thro' fields full of light, and with heart full of play,
 Light rambled the boy, over meadow and mount,
 And neglected his task for the flowers on the way.
 Thus many, like me, who in youth should have tasted
 The fountain that runs by Philosophy's shrine,
 Their time with the flowers on the margin have wasted,
 And left their light urns all as empty as mine.
 But pledge me the goblet;—while Idleness weaves
 These flowerets together, should Wisdom but see
 One bright drop or two that has fallen on the leaves
 From her fountain divine, 't is sufficient for me.

48. OH THE SHAMROCK

Thro' Erin's Isle,
 To sport awhile,
 As Love and Valor wandered,
 With Wit, the sprite,
 Whose quiver bright
 A thousand arrows squandered.
 Where'er they pass,
 A triplè grass
 Shoots up, with dew-drops streaming.
 As softly green
 As emeralds seen
 Thro' purest crystal gleaming.
 Oh the Shamrock, the green, immortal Shamrock!
 Chosen leaf,
 Of Bard and Chief,
 Old Erin's native Shamrock!

Says Valor, "See,
 "They spring for me,
 "Those leafy gems of morning!"—
 Says Love, "No, no,
 "For *me* they grow,

Люблю, когда грусть, вдруг исполнившись света,
 Блеснет прихотливо, как радость сама.
 Так Гил, получив роковое задание,
 Отправился с урной искать ручеек.
 В пути увлекло его жизни сиянье —
 Обет свой исполнить он так и не смог.

И много нас, тех, кто кристальные воды
 Ленился добыть с философских глубин,
 А зря растранижил цветущие годы,
 Оставив пустым свой священный кувшин.
 Но дайте мне чашу цветенья земного! —
 Гирлянды плодов помогает сплести
 Тот разум, что зряч к бликам мира живого,
 Тот свет на листе, что я смог обрести.

48. О ТРИЛИСТНИК

Среди дубрав,
 Медовых трав
 Любовь и Честь гуляли,
 И фея Мысль
 Метнула ввысь
 Сто стрел, что воссияли.
 Нежней цветка
 Три лепестка
 Взросли, росой одеты,
 В следах богов,
 В прохладе мхов
 Они — как самоцветы.
 О добрый Трилистник, зеленый клевер!
 Певцом воспет,
 Вождям завет,
 Ирландский дикий клевер!

И молвит Честь:
 «Цветов не счесть,
 Ко мне с зарей идущих!»
 Любовь в ответ:
 «Со мной их свет,

"My fragrant path adorning."
 But Wit perceives
 The triple leaves,
 And cries, "Oh! do not sever
 "A type, that blends
 "Three godlike friends,
 "Love, Valor, Wit, for ever!"
 Oh the Shamrock, the green, immortal Shamrock!
 Chosen leaf
 Of Bard and Chief,
 Old Erin's native Shamrock!

So firmly fond
 May last the bond,
 They wove that morn together,
 And ne'er may fall
 One drop of gall
 On Wit's celestial feather.
 May Love, as twine
 His flowers divine,
 Of thorny falsehood weed 'em;
 May Valor ne'er
 His standard rear
 Against the cause of Freedom!
 Oh the Shamrock, the green, immortal Shamrock
 Chosen leaf
 Of Bard and Chief,
 Old Erin's native Shamrock!

49. AT THE MID HOUR OF NIGHT

At the mid hour of night, when stars are weeping,
 To the lone vale we loved, when life shone warm in thine I fly
 And I think oft, if spirits can steal from the regions eye:
 To revisit past scenes of delight, thou wilt come to me of air,
 And tell me our love is remembered, even in the sky. there.

В моих лугах цветущих».

Но листьев смысл

Постигла Мысль:

«Пусть лист с листом сольется!

Вовек хранить

Святую нить

Пусть наш союз клянется!»

О добрый Трилистник, зеленый клевер!

Певцом воспет,

Вождам завет,

Ирландский дикий клевер!

Тропа одна,

И цель ясна

Для всех троих отныне.

Где май цветет,

Там мысль найдет

Наряд небесно-синий.

Среди шипов

Ростки цветов

Таят любви предвестье.

Победный шаг,

Свободы стяг

Пусть будет верен Чести!

О добрый Трилистник, зеленый клевер!

Певцом воспет,

Вождам завет,

Ирландский дикий клевер!

49. КОГДА ПРОБЬЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧАС...

Когда пробьет печальный час

Полночной тишины

И звезды трепетно горят,

Туман кругом луны,

Тогда, задумчив и один,

Спешу я к роще той,

Где, милый друг, бывало, мы

Бродили в тьме ночной.

Then I sing the wild song 't was once such pleasure to

hear!

When our voices commingling breathed, like one, on

the ear:

And, as Echo far off thro' the vale my sad orison

rolls,

I think, oh my love! 't is thy voice from the Kingdom of

Souls,

Faintly answering still the notes that once were so

dear.

50. ONE BUMPER AT PARTING

One bumper at parting!—tho' many
 Have circled the board since we met,
 The fullest, the saddest of any
 Remains to be crowned by us yet.
 The sweetness that pleasure hath in it,
 Is always so slow to come forth,
 That seldom, alas, till the minute
 It dies, do we know half its worth.
 But come,—may our life's happy measure
 Be all of such moments made up;
 They 're born on the bosom of Pleasure,
 They die midst the tears of the cup.

О, если в тайной доле их
 Возможность есть душам
 Слетать из-за далеких звезд
 К тоскующим друзьям, —

К знакомой роще ты слетишь
 В полночной тишине
 И дашь мне весть, что в небесах
 Ты помнишь обо мне.

И, думой сердца увлечен,
 Ту песню я пою,
 Которой, друг, пленяла ты
 Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
 Разносит в чуткой тьме,
 В поляне веет и назад
 Несет его ко мне.

А я? — я верю: томный звук
 От родины святой
 На песнь любимую ответ
 Души твоей младой.

50. ПРОЩАЛЬНЫЙ БОКАЛ

Прощальный бокал! Хоть немало
 Мы пили за этим столом,
 Но время разлуки настало:
 Мы к чаше горчайшей прильнем.
 Всю сладость минуты пьянящей
 Постичь мы не в силах, пока
 Не скажет нам миг уходящий
 О том, как потеря горька.
 Быть может, из этих мгновений
 Все счастье земное сплелось;
 Рождаясь в груди Наслаждений,
 Найдут они смерть в кубке слез.

As onward we journey, how pleasant
 To pause and inhabit awhile
 Those few sunny spots, like the present,
 That mid the dull wilderness smile!
 But Time, like a pitiless master,
 Cries "Onward!" and spurs the gay hours—
 Ah, never doth Time travel faster,
 Than when his way lies among flowers.
 But come—may our life's happy measure
 Be all of such moments made up;
 They 're born on the bosom of Pleasure,
 They die midst the tears of the cup.

We saw how the sun looked in sinking,
 The waters beneath him how bright;
 And now, let our farewell of drinking
 Resemble that farewell of light.
 You saw how he finished, by darting
 His beam o'er a deep billow's brim —
 So, fill up, let's shine at our parting,
 In full liquid glory, like him.
 And oh! may our life's happy measure
 Of moments like this be made up,
 'T was born on the bosom of Pleasure,
 It dies mid the tears of the cup.

51. 'T IS THE LAST ROSE OF SUMMER

'T is the last rose of summer
 Left blooming alone;
 All her lovely companions
 Are faded and gone;
 No flower of her kindred,
 No rose-bud is nigh,
 To reflect back her blushes,
 Or give sigh for sigh.

I'll not leave thee, thou lone one!
 To pine on the stem;
 Since the lovely are sleeping,
 Go, sleep thou with them.

И если в пути мы устали,
 Зеленых лугов островки
 Нас дарят улыбкой сквозь дали
 Дремотной песчаной тоски!
 Но Время, угрюмый возница,
 Спешит те минуты вспугнуть —
 О, время тогда только мчится,
 Когда устлан розами путь.
 Быть может, из этих мгновений
 Все счастье земное сплелось;
 Рождаясь в груди Наслаждений,
 Найдут они смерть в кубке слез.

Мы знаем, что солнце печально
 Расплавится в золоте вод.
 Пускай же, как отсвет прощальный,
 Прощальная влага блеснет.
 Мы знаем, что в миг умиранья
 Луч света зажжется в волне, —
 Нальем же! Пусть наше прощанье
 Пылает, как солнце в вине.
 О, только из этих мгновений,
 Быть может, все счастье сплелось;
 Рождаясь в груди Наслаждений,
 Найдут они смерть в кубке слез.

51. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Цветет одиноко
 Последняя Роза,
 Подруги погибли
 Под гнетом мороза,
 А свежих бутонов
 Вокруг не видать,
 Чтоб ими гордиться
 И с ними вздыхать.

Так что ж на стебле ты
 Томишься в бессилье,
 Засни с ними вместе
 В их братской могиле;

Thus kindly I scatter
 Thy leaves o'er the bed,
 Where thy mates of the garden
 Lie scentless and dead.

So soon may *I* follow,
 When friendships decay,
 And from Love's shining circle
 The gems drop away.
 When true hearts lie withered,
 And fond ones are flown,
 Oh! who would inhabit
 This bleak world alone?

52. THE YOUNG MAY MOON

The young May moon is beaming, love,
 The glow-worm's lamp is gleaming, love,
 How sweet to rove
 Through Morna's grove,
 When the drowsy world is dreaming, love!
 Then awake!—the heavens look bright, my dear,
 'T is never too late for delight, my dear,
 And the best of all ways
 To lengthen our days,
 Is to steal a few hours from the night, my dear!

Now all the world is sleeping, love,
 But the Sage, his star-watch keeping, love,
 And I, whose star,
 More glorious far,
 Is the eye from that casement peeping, love,
 Then awake!—till rise of sun, my dear,
 The Sage's glass we 'll shun, my dear,
 Or, in watching the flight
 Of bodies of light,
 He might happen to take thee for one, my dear.

Я нежно усыплю
 Твоею листвою
 То ложе, где с ними
 Ты вкусишь покой.

И мне бы пора уж:
 С любви ожерелья
 Брильянт за брильянтом
 Оборван метелью,
 Друзья, кто в могиле,
 Кто брошены вдаль, —
 Так мир ли пустынный
 Покинуть мне жаль?

52. ЛУЧИ ЛУНЫ ЛЕГКИ

Лучи луны легки, любовь,
 Мерцают светлячки, любовь,
 С тобой всегда
 Я в час, когда
 Сны входят в мир, тихи, любовь!
 Проснись! Луна ярка, мой друг,
 Пусть будет ночь сладка, мой друг,
 У тьмы для нас
 Похитим час,
 День удлиним слегка, мой друг!

Сном целый мир покрыт, любовь,
 Лишь звездочет не спит, любовь,
 Да я, кому
 Звезда сквозь тьму
 Свой свет в окно стремит, любовь!
 Проснись, сольем сердца, мой друг,
 Но бойся мудреца, мой друг,
 Он сможет ведь
 Среди звезд узреть
 Свет твоего лица, мой друг!

53. THE MINSTREL-BOY

The Minstrel-Boy to the war is gone,
 In the ranks of death you 'll find him;
 His father's sword he has girded on,
 And his wild harp slung behind him.—
 "Land of song!" said the warrior-bard,
 "Tho' all the world betrays thee,
 "*One* sword, at least, thy rights shall guard,
 "*One* faithful harp shall praise thee!"

The Minstrel fell!—but the foeman's chain
 Could not bring his proud soul under;
 The harp he loved ne'er spoke again,
 For he tore its chords asunder;
 And said, "No chains shall sully thee,
 "Thou soul of love and bravery!
 "Thy songs were made for the pure and free,
 "They shall never sound in slavery."

54. THE SONG OF O'RUARK, PRINCE OF BREFFNI

The valley lay smiling before me,
 Where lately I left her behind;
 Yet I trembled, and something hung o'er me,
 That saddened the joy of my mind.
 I looked for the lamp which, she told me,
 Should shine, when her Pilgrim returned;
 But, tho' darkness began to infold me,
 No lamp from the battlements burned!

I flew to her chamber—'t was lonely,
 As if the loved tenant lay dead;—
 Ah, would it were death, and death only!
 But no, the young false one had fled.
 And there hung the lute that could soften
 My very worst pains into bliss;
 While the hand, that had waked it so often,
 Now throbbed to a proud rival's kiss.

53. СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

Он на битву пошел, сын певца молодой,
 Опясан отцовским мечом;
 Его арфа висит у него за спиной,
 Его взоры пылают огнем.

«Все тебя предают, — барда слышится речь, —
 Страна песен, родная страна,
 Но тебе до конца не изменит мой меч,
 И моя будет арфа верна!»

Пал он в битве... Но враг, что его победил,
 Был бессилен над гордой душой;
 Смолкла арфа: ее побежденный разбил,
 Порвал струны он все до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять создана, —
 Молвил он, — так не знай же оков.
 Твоя песнь улаждать лишь свободных должна,
 Но не будет звучать меж рабов!»

54. ПЕСНЯ О'РАРКА, КНЯЗЯ БРЕФФНИ

Вновь места завиднелись родные,
 Где оставил жену я мою,
 Но нахлынули мысли иные,
 Тяжко душу волнуя мою.
 Не увидел в окне я лампы
 («Той, что ждет тебя, мой пилигрим!»).
 Не увидел, что путнику рады
 И врата распахнули пред ним.

Я рванулся в покои — что с нею?
 Но покои стояли пусты.
 Ах, и смерть не сразила б вернее!
 Вероломная, сгинула ты!
 Арфа брошена в спешке побега,
 А персты, что бежали по ней
 (О, какая волшебная нега!), —
 Исступленно лобзает злодей.

There *was* a time, falsest of women,
 When Breffni's good sword would have sought
 That man, thro' a million of foemen,
 Who dared but to wrong thee *in thought!*
 While now—oh degenerate daughter
 Of Erin, how fallen is thy fame!
 And thro' ages of bondage and slaughter,
 Our country shall bleed for thy shame.

Already, the curse is upon her,
 And strangers her valleys profane;
 They come to divide, to dishonor,
 And tyrants they long will remain.
 But onward!—the green banner rearing,
 Go, flesh every sword to the hilt;
 On *our* side is Virtue and Erin,
 On *theirs* is the Saxon and Guilt.

55. OH! HAD WE SOME BRIGHT LITTLE
 ISLE OF OUR OWN

Oh! had we some bright little isle of our own,
 In a blue summer ocean, far off and alone,
 Where a leaf never dies in the still blooming bowers,
 And the bee banquets on thro' a whole year of flowers;
 Where the sun loves to pause
 With so fond a delay,
 That the night only draws
 A thin veil o'er the day;
 Where simply to feel that we breathe, that we live,
 Is worth the best joy that life elsewhere can give.

There, with souls ever ardent and pure as the clime,
 We should love, as they loved in the first golden time;
 The glow of the sunshine, the balm of the air,
 Would steal to our hearts, and make all summer there.

Было, было, красавица, время,
 Когда Бреффни в неравной борьбе
 С целой ратью сразился б — со всеми,
 Кто хоть слово б сказал о тебе.
 А теперь — неизбывным позором
 Ты покрыта во веки веков.
 Знай, мы грянем отмщением скорым,
 Мы восстанем из ржавых оков!

На Ирландии — тяжкая кара,
 Ненавистное иго чужих;
 Бесконечные распри и свары —
 Мы откажемся ныне от них.
 На корабль — и в заморскую область!
 Трепещи, чужеземный тиран!
 С нами — наша ирландская доблесть,
 С вами — только полки англичан!

55. О, БЫЛ БЫ У НАС НАШ СИЯЮЩИЙ ОСТРОВ

О, был бы у нас наш сияющий остров, отдельный,
 Затерянный в летних морях, в синеве беспредельной,
 Где б в зелени вечной сады увяданья не знали
 И пчелы на пышных цветах круглый год пировали;
 Где б солнцу легко отдыхалось
 От нежного груза огня
 И ночь никогда не сгущалась
 В предчувствии нового дня;
 Где б славно жилось — от сознания того, что на свете живем.
 Что в мире мы рая другого — искать не искать — не найдем.

 Там с пылкой душою, прекрасны, как горы и реки,
 Мы б жили в любви, будто бы в золотом, незапамятном веке.
 И воздух целебный, сиянием солнца согретый,
 Сердца бы наполнил, чтоб было в них вечное лето.

With affection as free
 From decline as the bowers,
 And, with hope, like the bee,
 Living always on flowers,
 Our life should resemble a long day of light,
 And our death come on, holy and calm as the night.

56. FAREWELL!—BUT WHENEVER YOU
 WELCOME THE HOUR

Farewell!—but whenever you welcome the hour,
 That awakens the night-song of mirth in your bower,
 Then think of the friend who once welcomed it too,
 And forgot his own griefs to be happy with you.
 His griefs may return, not a hope may remain
 Of the few that have brightened his pathway of pain,
 But he ne'er will forget the short vision, that threw
 Its enchantment around him, while lingering with you.
 And still on that evening, when pleasure fills up
 To the highest top sparkle each heart and each cup,
 Where'er my path lies, be it gloomy or bright,
 My soul, happy friends, shall be with you that night;

Shall join in your revels, your sports, and your wiles,
 And return to me, beaming all o'er with your smiles—
 Too blest, if it tells me that, mid the gay cheer
 Some kind voice had murmured,
 "I wish he were here!"

Let Fate do her worst, there are relics of joy,
 Bright dreams of the past, which she cannot destroy;
 Which come in the night-time of sorrow and care,
 And bring back the features that joy used to wear.
 Long, long be my heart with such memories filled!
 Like the vase, in which roses have once been distilled—
 You may break, you may shatter the vase, if you will,
 But the scent of the roses will hang round it still.

С любовью к теплу и свободе,
 Как свежая зелень садов,
 С надеждой, в родном хороводе,
 Как пчелы в раздолье цветов,
 Мы жили бы, жизнь принимая за долгий и радостный день,
 А смерти приход — за ночную, святую и мирную, тень:

56. ПРОЩАЙТЕ! НО ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ ПОРОЙ

Прощайте! Но если случится порой
 Вам весело петь на пирушке ночной,
 Вздохните о друге, который не раз
 Печали свои забывал среди вас.
 И пусть от невзгоды ему не уйти,
 С последней надеждой расстаться в пути,
 Вовек не забудется радостный час,
 Когда удавалось побыть среди вас.

В ту ночь, когда радость наполнит ваш дом,
 В сердцах заискрится и в кубках с вином,
 Какая б скитальцу ни вышла стезя,
 Душа моя к вам устремится, друзья,
 За вашим столом отдохнув от забот,
 Мне ваших улыбок лучи принесет,
 Коль кто-то шепнет: «Жаль, что здесь его нет!» —
 Я эти слова восприму как привет.

Пускай мне наносит удары судьба,
 Убить мою память не может — слаба,
 И милые лица из лучших времен
 В печальные ночи приносит мне сон.
 И пусть в моем сердце хранятся мечты,
 Как запахи в вазе, где были цветы,
 Разбейте ее — не умрет аромат,
 Дыхание розы осколки хранят.

57. OH! DOUBT ME NOT

Oh! doubt me not—the season
 Is o'er, when Folly made me rove,
 And now the vestal, Reason,
 Shall watch the fire awaked by love.
 Altho' this heart was early blown,
 And fairest hands disturbed the tree,
 They only shook some blossoms down,
 Its fruit has all been kept for thee.
 Then doubt me not—the season
 Is o'er, when Folly made me rove,
 And now the vestal, Reason,
 Shall watch the fire awaked by Love.

And tho' my lute no longer
 May sing of Passion's ardent spell,
 Yet, trust me, all the stronger
 I feel the bliss I do not tell.
 The bee thro' many a garden roves,
 And hums his lay of courtship o'er,
 But when he finds the flower he loves,
 He settles there, and hums no more.
 Then doubt me not—the season
 Is o'er, when Folly kept me free,
 And now the vestal, Reason,
 Shall guard the flame awaked by thee.

58. YOU REMEMBER
 ELLEN

You remember Ellen, our hamlet's pride,
 How meekly she blest her humble lot,
 When the stranger, William, had made her his bride,
 And love was the light of their lowly cot.
 Together they toiled through winds and rains,

57. ПОВЕРЬ

Поверь — конец проказам
И жизни без забот,
Отныне строгий разум
Огонь мой стережет.

Пусть отшумел рассвет мой ранний,
Пусть многие меня трясли,
Лишь лепестки коснулись дланей,
А для тебя плоды взросли.

Поверь — конец проказам
И жизни без забот,
Отныне строгий разум
Огонь мой стережет.

Пускай со страстью прежней
Не в силах арфа петь,
Мой жар — он все безбрежней,
Но речь должна неметь.

И шмель поет неутомимый,
Он в нежных песнях знает толк,
Но вот, найдя цветок любимый,
Припал он к чаше — и умолк.

Поверь — конец проказам
И жизни без забот,
Отныне строгий разум
Огонь мой стережет.

58. КРАСАВИЦЕЙ ЭЛЛЕН СЧИТАЛАСЬ
ПО ПРАВУ

Красавицей Эллен считалась по праву,
Была она лучшей невестой села!
Но пришлый бедняк ей пришелся по нраву,
И Эллен супругом его назвала.
Любовь им светила в лачуге убогой,

Till William, at length, in sadness said,
 "We must seek our fortune on other plains;"—
 Then, sighing, she left her lowly shed.

They roamed a long and a weary way,
 Nor much was the maiden's heart at ease,
 When now, at close of one stormy day,
 They see a proud castle among the trees.
 "To-night," said the youth, "we 'll shelter there;
 "The wind blows cold, the hour is late:"
 So he blew the horn with a chieftain's air,
 And the Porter bowed, as they past the gate.

"Now, welcome, Lady," exclaimed the youth,—
 "This castle is thine, and these dark woods all!"
 She believed him crazed, but his words were truth,
 For Ellen is Lady of Rosna Hall!
 And dearly the Lord of Rosna loves
 What William the stranger wooed and wed;
 And the light of bliss, in these lordly groves,
 Shines pure as it did in the lowly shed.

59. I 'D MOURN THE HOPES

I 'd mourn the hopes that leave me,
 If thy smiles had left me too;
 I 'd weep when friends deceive me,
 If thou wert, like them, untrue.
 But while I 've thee before me,
 With heart so warm and eyes so bright,
 No clouds can linger o'er me,
 That smile turns them all to light.

'T is not in fate to harm me,
 While fate leaves thy love to me;
 'T is not in joy to charm me,
 Unless joy be shared with thee.
 One minute's dream about thee
 Were worth a long, an endless year
 Of waking bliss without thee,
 My own love, my only dear!

Трудились они от зари дотемна,
 Но Вильям весною взглянул на дорогу
 И грустно сказал: «Собирайся, жена».

И Эллен простилась с родной стороною,
 И шли они долго в ненастье и зной,
 И как-то дождливой вечерней порою
 Увидели замок среди чащи лесной.
 «Укроемся здесь этой ночью ненастной,
 Мы нынче иззябли и еле стоим», —
 И юноша в рог протрубил громогласно,
 И стражник в воротах склонился пред ним.

«Входи же в свой дом госпожой горделивой, —
 Промолвил ей Вильям и в замок повел, —
 И замок, и лес, и озера, и нивы —
 Твои! Ты хозяйка теперь в Розна-Холл!»
 И девушкой, что бедняка полюбила,
 Все так же пленен именитый сеньор,
 И та же любовь, что в лачуге светила,
 Их пышный дворец озаряет с тех пор!

59. ЧТО МНЕ ПЛАКАТЬ ОБ УТРАТАХ

Что мне плакать об утратах,
 Если ты еще со мной, —
 О неверных провожатых
 И о зависти людской?
 Ты со мной всегда и всюду
 На дороге долгих лет,
 И твоей улыбки чудо
 Превращает ночь в рассвет.

Не страшны мне испытанья,
 Кроме связанных с тобой,
 Не нужны очарованья,
 Кроме названных тобой.
 Ты приснишься на мгновенье —
 И счастливей этот сон
 Неземного упоенья
 Нескончаемых времен!

And tho' the hope be gone, love,
 That long sparkled o'er our way,
 Oh! we shall journey on, love,
 More safely, without its ray.
 Far better lights shall win me
 Along the path I 've yet to roam:—
 The mind that burns within me,
 And pure smiles from thee at home.

Thus, when the lamp that lighted
 The traveller at first goes out,
 He feels awhile benighted,
 And looks round in fear and doubt.
 But soon, the prospect clearing,
 By cloudless starlight on he treads,
 And thinks no lamp so cheering
 As that light which Heaven sheds.

60. COME O'ER THE SEA

Come o'er the sea,
 Maiden, with me,
 Mine thro' sunshine, storm, and snows;
 Seasons may roll,
 But the true soul
 Burns the same, where'er it goes.
 Let fate frown on, so we love and part not;
 'T is life where *thou* art, 't is death where thou art not
 Then come o'er the sea,
 Maiden, with me,
 Come wherever the wild wind blows;
 Seasons may roll,
 But the true soul
 Burns the same, where'er it goes.

Was not the sea
 Made for the Free,
 Land for courts and chains alone?
 Here we are slaves,
 But, on the waves,
 Love and Liberty's all our own.

И хоть вышел срок надежде,
 Торопившей душу в путь,
 Я уверенней, чем прежде,
 Побреду куда-нибудь.
 Свет надежды перетлеет —
 Озарят дорогу мне
 Тот огонь, что в сердце зреет,
 И заря в твоём окне.

Так, у путника задует
 Факел ветер озорной;
 Ночь окружит, околдует
 Темнотой и тишиной;
 Бедный путник затрепещет —
 Уж не сбился ли с пути,
 Но звезда над ним заблещет,
 Подсказав, куда идти.

60. НАД БЕЗДНОЙ МОРСКОЮ

Над бездной морскою,
 Дева, со мною
 Бежим сквозь солнце, снег, ураган.
 Год за годом пройдет,
 Но вовек не солжет
 Сердце, что светит в шторм и туман.
 Пусть хмурится рок... Нас не разлучить,
 Мне без тебя на свете не жить.
 Над бездной морскою,
 Дева, со мною
 Сквозь яростный ветер бежим в океан.
 Год за годом пройдет,
 Но вовек не солжет
 Сердце, что светит в шторм и туман.
 Лишь в море, не скрою,
 Свободны герои,
 А берег в рабстве и кандалах.
 Все тюрьмы полны,
 Но на гребне волны
 Любовь и свобода
 В наших руках.

No eye to watch, and no tongue to wound us,
 All earth forgot, and all heaven around us—
 Then come o'er the sea,
 Maiden, with me,
 Mine thro' sunshine, storm, and snows;
 Seasons may roll,
 But the true soul
 Burns the same, where'er it goes.

61. HAS SORROW THY YOUNG DAYS SHADED

Has sorrow thy young days shaded,
 As clouds o'er the morning fleet?
 Too fast have those young days faded,
 That, even in sorrow, were sweet?
 Does Time with his cold wing wither
 Each feeling that once was dear?—
 Then, child of misfortune, come hither,
 I'll weep with thee, tear for tear.

Has love to that soul, so tender,
 Been like our Lagenian mine,
 Where sparkles of golden splendor
 All over the surface shine—
 But, if in pursuit we go deeper,
 Allured by the gleam that shone,
 Ah! false as the dream of the sleeper,
 Like Love, the bright ore is gone.

Has Hope, like the bird in the story,
 That flitted from tree to tree
 With the talisman's glittering glory—
 Has Hope been that bird to thee?
 On branch after branch alighting,
 The gem did she still display,
 And, when nearest and most inviting,
 Then waft the fair gem away?

If thus the young hours have fled,
 When sorrow itself looked bright;

Одни мы здесь... Никого над душой.
 Забудь о земле... Под небесной звездой —
 Над бездной морскою,
 Дева, со мною
 Бежим сквозь солнце, снег, ураган...
 Весна отцветет,
 Но, поверь, не солжет
 Сердце, что светит в шторм и туман.

61. УЖЕЛЬ ОМРАЧИЛИ ПЕЧАЛИ

Ужель омрачили печали,
 Как синюю даль — облака,
 Ту юность, что не омрачали
 Когда-то ни боль, ни тоска?
 И время коснулось бесстрастно
 Грудь твоей хладным крылом,
 И ты над судьбою невластна —
 Приди, мы поплачем вдвоем!

Ужель для души твоей чистой
 Не больше Любовь, чем рудник,
 Где свет золотой и лучистый
 Не гаснет порой ни на миг?
 Но если, прельстившись поживой,
 Породу мы сколем киркой,
 Как сон мимолетный и лживый,
 Исчезнет металл колдовской.

Ужели была так жестока
 Надежда к безвинной судьбе,
 Как птица из сказок Востока,
 Что перстнем манила к себе?
 Ее настигала ты чудом
 И мнила своею, как вдруг,
 Желанным сверкнув изумрудом,
 Она ускользала из рук.

О, если подобно надежде,
 Что так бессердечно лгала,

If thus the fair hope hath cheated,
 That led thee along so light;
 If thus the cold world now wither
 Each feeling that once was dear:—
 Come, child of misfortune, come hither,
 I'll weep with thee, tear for tear.

62. NO, NOT MORE WELCOME

No, not more welcome the fairy numbers
 Of music fall on the sleeper's ear,
 When half-awaking from fearful slumbers,
 He thinks the full choir of heaven is near,—
 Than came that voice, when, all forsaken.
 This heart long had sleeping lain,
 Nor thought its cold pulse would ever waken
 To such benign, blessed sounds again.

Sweet voice of comfort! 't was like the stealing
 Of summer wind thro' some wreathed shell—
 Each secret winding, each inmost feeling
 Of my soul echoed to its spell.
 'T was whispered balm—'t was sunshine spoken!—
 I'd live years of grief and pain
 To have my long sleep of sorrow broken
 By such benign, blessed sounds again.

63. WHEN FIRST I MET THEE

When first I met thee, warm and young,
 There shone such truth about thee,
 And on thy lip such promise hung,
 I did not dare to doubt thee.
 I saw the change, yet still relied,
 Still clung with hope the fonder,
 And thought, tho' false to all beside,
 From me thou couldst not wander.
 But go, deceiver! go,
 The heart, whose hopes could make it

Умчалась и юность, что прежде
 Была даже в горе светла,
 И мир прикоснулся бесстрастно
 К груди твоей хладным крылом,
 И ты над судьбою невластна —
 Приди, мы поплачем вдвоем!

62. НЕ БОЛЕ ЧАРУЮЩА И ЖЕЛАННА...

Не боле чарующа и желанна
 Спящим музыка с недавних пор,
 Когда, очнувшись от сна нежданно,
 Они будто слышат небесный хор, —
 Не боле, чем голос, что в стужу забвенья
 В дремавшее сердце мое проник.
 Оно и не мыслило о пробужденье —
 Таком священном, благом — ни на миг.

О голос утешный, как шелест бриза
 В какой-нибудь раковине морской!
 Предчувствия тайные, мысли, капризы
 Души взволновались твоей ворожкой.
 Как будто солнца лучи зазвучали!
 Тот голос мне в душу бальзам пролил.
 Готов я и жить и почить в печали,
 Чтоб голос священный меня разбудил...

63. В ТУ ПОРУ НАШИХ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧ

В ту пору наших первых встреч
 Ты был так юн и страстен,
 Что я дала себя увлечь,
 Не усомнилась в счастье.
 Ты охладел, но и тогда,
 Покорная надежде,
 Я повторяла: «Не беда —
 Он верен мне, как прежде».
 И сердцу моему
 Теперь за все расплата.

Trust one so false, so low,
Deserves that thou shouldst break it.

When every tongue thy follies named,
I fled the unwelcome story;
Or found, in even the faults they blamed,
Some gleams of future glory.
I still was true, when nearer friends
Conspired to wrong, to slight thee;
The heart that now thy falsehood rends,
Would then have bled to right thee,
But go, deceiver! go,—
Some day, perhaps, thou 'lt waken
From pleasure's dream, to know
The grief of hearts forsaken.

Even now, tho' youth its bloom has shed,
No lights of age adorn thee:
The few, who loved thee once, have fled,
And they who flatter scorn thee.
Thy midnight cup is pledged to slaves,
No genial ties enwreath it;
The smiling there, like light on graves,
Has rank cold hearts beneath it.
Go—go—tho' worlds were thine,
I would not now surrender
One taintless tear of mine
For all thy guilty splendor!

And days may come, thou false one! yet,
When even those ties shall sever;
When thou wilt call, with vain regret,
On her thou 'st lost for ever;
On her who, in thy fortune's fall,
With smiles had still received thee,
And gladly died to prove thee all
Her fancy first believed thee.
Go—go—'t is vain to curse,
'T is weakness to upbraid thee;
Hate cannot wish thee worse
Than guilt and shame have made thee.

Так поделом ему:
Само же виновато!

Тебя клеймили кто как мог
За лживость и двуличье.
А мне малейший твой порок
Был отсветом величья.
Тебя покинули друзья,
Ловила зависть в сети.
С тобой осталась только я —
Одна на целом свете.
Но, может, и тебя
Не минет чаша эта:
Наплачешься, любя
Любовью без ответа!

Увяли розы юных лет,
И ты не в прежней силе.
Вчерашних див простыл и след,
Льстецы отлебезили.
Прошла пора былых утех,
В дому — рабы, не гости.
Вглядись: их вымученный смех —
Веселье на погосте.
Твой блеск — обман для глаз,
Тщеславие пустое.
Он для меня сейчас
Слезы и той не стоит.

Но не спасет и эта ложь
И эта связь прервется.
Тогда-то к прошлому взовешь,
Да зря: не отзовется
Та, что любила и ждала,
Как ни одна другая,
Что благодарно б умерла,
Тебя оберегая.
Теперь не время для обид.
Да и куда мне в судьи!
Не я — тебя осудит стыд
Суровее, чем люди.

64. WHILE HISTORY'S MUSE

While History's Muse the memorial was keeping
 Of all that the dark hand of Destiny weaves,
 Beside her the Genius of Erin stood weeping,
 For hers was the story that blotted the leaves.
 But oh! how the tear in her eyelids grew bright,
 When, after whole pages of sorrow and shame,
 She saw History write,
 With a pencil of light
 That illumed the whole volume, her Wellington's name.

"Hail, Star of my Isle!" said the Spirit, all sparkling
 With beams, such as break from her own dewy skies—
 "Thro' ages of sorrow, deserted and darkling,
 "I've watched for some glory like thine to arise.
 "For tho' heroes I've numbered, unblest was their lot,
 "And unhallowed they sleep in the crossways of Fame;—
 "But oh! there is not
 "One dishonoring blot
 "On the wreath that encircles my Wellington's name.

"Yet still the last crown of thy toils is remaining,
 "The grandest, the purest, even *thou* hast yet known;
 "Tho' proud was thy task, other nations unchaining,
 "Far prouder to heal the deep wounds of thy own.
 "At the foot of that throne, for whose weal thou hast stood,
 "Go, plead for the land that first cradled thy fame,
 "And, bright o'er the flood
 "Of her tears and her blood,
 "Let the rainbow of Hope be her Wellington's name!"

65. THE TIME I'VE LOST IN WOOING

The time I've lost in wooing,
 In watching and pursuing
 The light, that lies
 In woman's eyes,
 Has been my heart's undoing.

64. ПОКА МУЗА ИСТОРИИ...

Покуда История гимны поет
 Всему, что сплетается пальцами Славы,
 Ирландия слезы горячие льет,
 Читая кровавые, смутные главы.
 Но боже! Слеза загорелась огнем:
 В той книге, печалью веков омраченной
 И покрытой стыдом, —
 Лучезарным пером
 Муза вывела имя ее Веллингтона.

«Звезда моя, здравствуй!» — богиня поет,
 Лучи посылая все ниже и ниже, —
 «В потемках веков, где забвенью и гнет,
 Я имя героя лишь изредка вижу;
 Гиганты рождались во все времена,
 И я назову их теперь поименно.
 Все же жизнь их грешна,
 Но не сыщешь пятна
 На победном венце моего Веллингтона.

Но подвиг последний еще за тобой:
 Прекрасен, кто гибнет за чуждые страны,
 Но трижды прославится в мире герой,
 Врачующий родины тяжкие раны.
 Пусть, избранник, не будет тобою забыт,
 Отчий край, твоей доблести лоно,
 И над морем обид
 Пусть победно горит
 Яркой радугой жизнь моего Веллингтона!»

65. БЕЗРАССУДСТВО

Блеск женских взоров страстно
 Ловил я ежечасно,
 Я им дарил
 Сердечный пыл,
 Но сердце жег напрасно.

Tho' Wisdom oft has sought me,
 I scorned the lore she brought me,
 My only books
 Were woman's looks,
 And folly 's all they 've taught me.

Her smile when Beauty granted,
 I hung with gaze enchanted,
 Like him the Sprite,
 Whom maids by night
 Oft meet in glen that 's haunted.
 Like him, too, Beauty won me,
 But while her eyes were on me,
 If once their ray
 Was turned away,
 O! winds could not outrun me.

And are those follies going?
 And is my proud heart growing
 Too cold or wise
 For brilliant eyes
 Again to set it glowing?
 No, vain, alas! the endeavor
 From bonds so sweet to sever;
 Poor Wisdom's chance
 Against a glance
 Is now as weak as ever.

66. WHERE IS THE SLAVE

Oh, where 's the slave so lowly,
 Condemned to chains unholy,
 Who, could he burst
 His bonds at first,
 Would pine beneath them slowly?
 What soul, whose wrongs degrade it,
 Would wait till time decayed it,

Рассудку отвечал я,
 Что с ним всегда скучал я,
 И вместо книг
 Любви дневник,
 Глупея, изучал я.

Как Эльф в долинах темных
 Под взором дев нескромных,
 Я цепенел,
 Когда глядел
 В глаза красавиц томных.

Как он, Красой пленялся,
 Но если отклонялся
 Лучистый взгляд —
 Был только рад
 И прочь, как ветер, мчался.

Пора безумств прошла ли,
 Иль по-иному стали
 Глаза блистать?
 Могу ль считать,
 Что поумнел? Едва ли!

Увы, все та ж улада
 Пленительного взгляда
 Волнует кровь,
 И Разум вновь
 Для Чувства не преграда.

66. О, ЕСТЬ ЛИ ТАКОЙ НЕВОЛЬНИК?

О, есть ли на свете такой
 Невольник с презренной душой,
 Что из году в год
 В оковах бредет,
 Смирясь со своею судьбой?
 Найти ли такого глупца,
 Что лжи разрешит до конца

Свой дух растоптать
До того, как предстать
Ему перед ликом творца?

Прощай же, Ирландии славный народ,
Скорбящий от наших невзгод!

Вот лавр, весь покрытый листвою.
Он не обладает ценой.
Но дорог листок,
Вплетенный в венок,
Которым увенчан герой.
Страну мы покинули сами,
Но флаг ее реет над нами.
Друзья в этот час —
За спиною у нас.
Жестокий наш враг — перед нами.

Прощай же, Ирландии славный народ,
Скорбящий от наших невзгод!

* * *

67. Подойди, отдохни здесь со мною, мой израненный,
бедный олень,
Пусть твои от тебя отшатнулись, здесь найдешь ты
желанную сень.
Здесь всегда ты увидишь улыбку, над которой
не властна гроза,
И к тебе обращенные с лаской, неизменно родные
глаза!

Только в том ты любовь и узнаешь, что она неизменна
всегда,
В лучезарных восторгах и в муках, в торжестве и
под гнетом стыда,
Ты была ли виновна, не знаю, и своей ли, чужой ли
виной,
Я люблю тебя, слышишь, всем сердцем, всю, какая
ты здесь предо мной.

Thou hast called me thy Angel in moments
of bliss,
 And thy Angel I'll be, mid the horrors of this,—
 Thro' the furnace, unshrinking, thy steps to pursue,
 And shield thee, and save thee,—or perish there
too!

68. 'T IS GONE, AND FOR EVER

'T is gone, and for ever, the light we saw breaking,
 Like Heaven's first dawn o'er the sleep of the dead—
 When Man, from the slumber of ages awaking,
 Looked upward, and blest the pure ray, ere it fled.
 'T is gone, and the gleams it has left of its burning
 But deepen the long night of bondage and mourning,
 That dark o'er the kingdoms of earth is returning,
 And darkest of all, hapless Erin, o'er thee.

For high was thy hope, when those glories were darting
 Around thee, thro' all the gross clouds of the world;
 When Truth, from her fetters indignantly starting,
 At once, like a Sun-burst, her banner unfurled.
 Oh! never shall earth see a moment so splendid!
 Then, then—had one Hymn of Deliverance blended
 The tongues of all nations—how sweet had ascended
 The first note of Liberty, Erin, from thee!

But, shame on those tyrants, who envied the blessing!
 And shame on the light race, unworthy its good,
 Who, at Death's reeking altar, like furies, caressing
 The young hope of Freedom, baptized it in blood.
 Then vanished for ever that fair, sunny vision,
 Which, spite of the slavish, the cold heart's derision,
 Shall long be remembered, pure, bright, and elysian,
 As first it arose, my lost Erin, on thee.

Ты меня называла Защитой, в дни, когда улыбались
 И твою я буду защитой в эти новые, черные дни. огни.
 Перед огненной пыткой не дрогну, за тобой, не
колеблясь, пойду
 И спасу тебя, грудью закрою или рыцарем честно паду!

68. ИСЧЕЗ НАВСЕГДА

Исчез навсегда этот луч, он родился
 Подобный заре довременных небес,
 Когда человек в первый раз пробудился
 И свет прославлял, пока тот не исчез.
 Исчез. Только блики мерцают в начале
 Той ночи, где рабство нас ждет и печали,
 Все царства во тьме, но едва ли встречали
 Таковую, Ирландия, как над тобой.

Надеждою жил ты, о край мой суровый,
 Когда пробивалось мерцанье из туч,
 А истина в гневе срывала оковы,
 И реяло знамя, как солнечный луч.
 Пред этой минутой померкли невзгоды,
 И если бы разом запели народы,
 Тогда бы возник первой нотой свободы,
 Ирландия, клич, вознесенный тобой.

Тиранам позор и кичливому сброду
 Завистливых высокородных зверей,
 Которые юную нашу Свободу
 Крестили в крови у своих алтарей!
 Тот светоч растаял виденьем лучистым,
 Но, нет, вопреки всем насмешкам и свистам,
 Надолго таким он запомнится чистым,
 Ирландия, как воссиял над тобой.

69. I SAW FROM THE BEACH

I saw from the beach, when the morning was shining,
 A bark o'er the waters move gloriously on;
 I came when the sun o'er that beach was declining,
 The bark was still there, but the waters were gone.

And such is the fate of our life's early promise,
 So passing the spring-tide of joy we have known;
 Each wave, that we danced on at morning, ebbs from us,
 And leaves us, at eve, on the bleak shore alone.

Ne'er tell me of glories, serenely adorning
 The close of our day, the calm eve of our night;—
 Give me back, give me back the wild freshness of Morning,
 Her clouds and her tears are worth Evening's best light.

Oh, who would not welcome that moment's returning,
 When passion first waked a new life thro' his frame,
 And his soul, like the wood, that grows precious in burning,
 Gave out all its sweets to love's exquisite flame.

70. FILL THE BUMPER FAIR

Fill the bumper fair!
 Every drop we sprinkle
 O'er the brow of Care
 Smooths away a wrinkle.
 Wit's electric flame
 Ne'er so swiftly passes,
 As when thro' the frame
 It shoots from brimming glasses.
 Fill the bumper fair!
 Every drop we sprinkle
 O'er the brow of Care
 Smooths away a wrinkle.

Sages can, they say,
 Grasp the lightning's pinions,
 And bring down its ray
 From the starred dominions:—

* * *

69. Я видел, поутру, в стремленье игривом,
Блестящие волны челнок мой несли;
Но солнце погасло, с вечерним отливом
Отхлынули волны — и челн на мели.

Так в жизни надежда нас ложно ласкает,
Так радости быстрой бегут чередой:
Поутру нас влага приветно качает,
А к вечеру бросит на берег пустой.

Что в славе, закрывшей под ризой мишурной
Покой нашей ночи, закат наших дней?
Отдайте мне утро в короне лазурной;
С ним даже и слезы нам будут милей...

О, как бы ни сладостны были мгновенья,
Когда страсть впервые вскипает в крови,
Для чувства настанет пора пробужденья,
И сердце забьется опять для любви.

70. ДО КРАЕВ НАЛЬЕМ!

До краев нальем!
От одной росинки
На челе твоём
Сгладятся морщинки.
Молний горячей
Острословье наше,
Если у речей
Терпкость полной чаши.
До краев нальем!
От одной росинки
На челе твоём
Сгладятся морщинки.

Мудрый в царстве звезд
Молнию арканит,
Схватит — и за хвост
В дол ее притянет.

So we, Sages, sit,
 And, mid bumpers brightening,
 From the Heaven of Wit
 Draw down all its lightning.

Wouldst thou know what first
 Made our souls inherit
 This ennobling thirst
 For wine's celestial spirit?
 It chanced upon that day,
 When, as bards inform us,
 Prometheus stole away
 The living fires that warm us:

The careless Youth, when up
 To Glory's fount aspiring,
 Took nor urn nor cup
 To hide the pilfered fire in.—
 But oh his joy, when, round
 The halls of Heaven spying,
 Among the stars he found
 A bowl of Bacchus lying!

Some drops were in the bowl,
 Remains of last night's pleasure,
 With which the Sparks of Soul
 Mixt their burning treasure.
 Hence the goblet's shower
 Hath such spells to win us;
 Hence its mighty power
 O'er that flame within us.
 Fill the bumper fair!
 Every drop we sprinkle
 O'er the brow of Care
 Smooths away a wrinkle.

Всяк средь нас таков:
Выпив на здоровье,
Ловим вспышки слов
В высях острословья.

Спросишь, старина:
Как наш дух однажды
Возалкал вина,
Причастился жажды?
Знай: в один из дней,
Если верить сказке,
Выкрал Прометей
Пламя без опаски.

Но беспечным был,
Совершил оплошку,
Для углей забыл
Взять с собою плошку.
Вдоль небесных зал
Он блуждал, но — чудо! —
Перед ним фиал,
Вакхова посуда.

Кто-то не допил,
И глоток остался:
Так душевный пыл
С пламенем смешался.
Оттого сильна
Власть вина над нами,
И в душе она
Разжигает пламя.
До краев нальем!
От одной росинки
На челе твоём
Сгладятся морщинки.

71. DEAR HARP
OF MY COUNTRY

Dear Harp of my Country! in darkness I found thee,
 The cold chain of silence had hung o'er thee long,
 When proudly, my own Island Harp, I unbound thee,
 And gave all thy chords to light, freedom, and song!
 The warm lay of love and the light note of gladness
 Have wakened thy fondest, thy liveliest thrill;
 But, so oft hast thou echoed the deep sigh of sadness,
 That even in thy mirth it will steal from thee still.
 Dear Harp of my country! farewell to thy numbers,
 This sweet wreath of song is the last we shall twine!
 Go, sleep with the sunshine of Fame of thy slumbers,
 Till touched by some hand less unworthy than mine;
 If the pulse of the patriot, soldier, or lover,
 Have throbb'd at our lay, 't is thy glory alone;
 I was *but* as the wind, passing heedlessly over,
 And all the wild sweetness I waked was thy own.

72. MY GENTLE HARP

My gentle harp, once more I waken
 The sweetness of thy slumbering strain;
 In tears our last farewell was taken,
 And now in tears we meet again.
 No light of joy hath o'er thee broken,
 But, like those Harps whose heavenly skill
 Of slavery, dark as thine, hath spoken,
 Thou hang'st upon the willows still.

And yet, since last thy chord resounded,
 An hour of peace and triumph came,
 And many an ardent bosom bounded
 With hopes—that now are turned to shame.
 Yet even then, while Peace was singing
 Her halcyon song o'er land and sea,
 Tho' joy and hope to others bringing,
 She only brought new tears to thee.

71. ВО ТЬМЕ Я ОБРЕЛ ТЕБЯ,
АРФА ОТЧИЗНЫ

Во тьме я обрел тебя, арфа Отчизны,
Тебе был навязан молчанья обет,
Но, гордый, услышав твои укоризны,
Я голос вернул тебе, вольность и свет.
Я вновь пробудил в тебе нежности звуки,
Веселые песни любви и тепла,
Но долго впивала ты возгласы муки
И часто их отзвуком горьким была.

О арфа Отчизны! Порывом влекомый,
С тобой расстаюсь я до лучших времен —
Спи в славе, овеяна сладостной дремой,
Нарушу не я твой задумчивый сон.
Сердца патриотов, солдат иль влюбленных
Вошли в наши песни земной чистоты,
Но я был как ветер в скитаньях бессонных,
И то, что я спел, подсказала мне ты.

72. МОЯ НЕЖНАЯ АРФА

Я снова сладостные звуки
В тебе, о арфа, пробудил.
Мы вместе, но, как в час разлуки,
Не плакать не хватает сил.
Тебя нашел под сенью ивы
В плену у скорбной немоты:
Все арфы ныне молчаливы,
Что рабство проклинали, как ты.

Давно аккорды отзвенели,
И миновал блаженный час,
Когда надеждой пламенели
Сердца, — теперь их пыл угас;
Но и когда под небесами
Чудотворила тишина,
Увы, лишь новыми слезами
Бывала ты омрачена.

Then, who can ask for notes of pleasure,
 My drooping Harp, from chords like thine?
 Alas, the lark's gay morning measure
 As ill would suit the swan's decline!
 Or how shall I, who love, who bless thee,
 Invoke thy breath for Freedom's strains,
 When even the wreaths in which I dress thee,
 Are sadly mixt—half flowers, half chains?

But come—if yet thy frame can borrow
 One breath of joy, oh, breathe for me,
 And show the world, in chains and sorrow,
 How sweet thy music still can be;
 How gaily, even mid gloom surrounding,
 Thou yet canst wake at pleasure's thrill—
 Like Memnon's broken image sounding,
 ' Mid desolation tuneful still!

73. IN THE MORNING OF LIFE.

In the morning of life, when its cares are unknown,
 And its pleasures in all their new lustre begin,
 When we live in a bright-beaming world of our own,
 And the light that surrounds us is all from within;
 Oh 't is not, believe me, in that happy time
 We can love, as in hours of less transport we may;—
 Of our smiles, of our hopes, 't is the gay sunny prime,
 But affection is truest when these fade away.

When we see the first glory of youth pass us by,
 Like a leaf on the stream that will never return;
 When our cup, which had sparkled with pleasure so high,
 First tastes of the *other*, the dark-flowing urn;
 Then, then is the time when affection holds sway
 With a depth and a tenderness joy never knew;
 Love, nursed among pleasures, is faithless as they,
 But the love born of Sorrow, like Sorrow, is true.

In climes full of sunshine, tho' splendid the flowers,
 Their sighs have no freshness, their odor no worth;

И кто утех искать решится
 С тобой, о горестный мой друг?
 Когда в неволе гибнет птица,
 Кошунствен птичий гам вокруг!
 Коснусь ли дерзкими руками
 Вольнолюбивых струн твоих:
 Я украшал тебя венками,
 Но, как в цепях, ты стонешь в них.

Но если дух твой угнетенный
 Воспрянет — я найду слова,
 Чтоб мир, сетями оплетенный,
 Узнал, что ты еще жива,
 Что рабства тяжкая препона
 Тебе не может помешать
 Подобно статуе Мемнона
 В пустыне музыкой дышать!

73. НА ЗАРЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ

На заре нашей жизни безоблачны шири,
 Нет забот, только радости в блеске зари,
 И живем в нашем собственном пламенном мире,
 Где рождается светлый простор изнутри,
 Но, поверь, легковесна любовь в эту пору,
 В этот солнцем весенним наполненный час,
 Стойкость чувства приходит на смену задору,
 Жар сильнее тогда, когда пламень угас.

Когда блекнет сияние юности бурной,
 Словно лист, уносимый теченьем ручья,
 Когда чаша блаженства становится урной
 И темнеет вино, словно пепел, горча,
 Наступает пора, когда верность возможна,
 А глубины души неоглядны, как даль.
 Порожденная счастьем любовь ненадежна,
 Лишь вкусивши печали, верна, как печаль.

В южных странах, где дивны цветочные чаши,
 Ценность запахов сладостных невысока,

'T is the cloud and the mist of our own Isle of showers,
 That call the rich spirit of fragrancy forth.
 So it is not mid splendor, prosperity, mirth,
 That the depth of Love's generous spirit appears;
 To the sunshine of smiles it may first owe its birth,
 But the soul of its sweetness is drawn out by tears.

74. AS SLOW OUR SHIP

As slow our ship her foamy track
 Against the wind was cleaving,
 Her trembling pennant still looked back
 To that dear isle 't was leaving.
 So loathe we part from all we love.
 From all the links that bind us;
 So turn our hearts as on we rove,
 To those we 've left behind us.

When, round the bowl, of vanished years
 We talk, with joyous seeming,—
 With smiles that might as well be tears,
 So faint, so sad their beaming;
 While memory brings us back again
 Each early tie that twined us,
 Oh, sweet 's the cup that circles then
 To those we 've left behind us.

And when, in other climes, we meet
 Some isle, or vale enchanting,
 Where all looks flowery, wild, and sweet,
 And naught but love is wanting;
 We think how great had been our bliss,
 If heaven had but assigned us
 To live and die in scenes like this,
 With some we 've left behind us!

As travellers oft look back at eve,
 When eastward darkly going,
 To gaze upon that light they leave
 Still faint behind them glowing,—

А на Острове Ливней, на родине нашей,
 Ничего нет дороже, чем запах цветка.
 Дух любви нам является в полном накале
 Не тогда, когда радость и солнце в глаза,
 Свет улыбок его пробуждает вначале,
 Но дарят ему сладость печаль и слеза.

74. КАК МЕДЛИТ ШЛЮП

Как медлит шлюп: родной маяк
 Уже почти не блещет,
 Оборотившись к дому, флаг
 Отчаянно трепещет,
 Так нету сил порвать со всем,
 Что с детских лет знакомо,
 И сердце рвется, рвется к тем,
 Кого оставил дома.

Мы пустим чарку по рукам,
 И прошлое вспомянем,
 И смехом с грустью пополам
 Невольно сердце раним:
 Те узы, что скрепляли всех,
 Давно уж невесомы,
 Но как же сладко пить за тех,
 Кого оставил дома!

В иных широтах повстречав
 Красивейшие земли
 И грезя средь пьянящих трав,
 Пичугам райским внемя,
 Задремлешь в этой красоте —
 А все ж приятней дрема
 Была бы, окажись здесь те,
 Кого оставил дома.

Как моряки, когда закат
 Лег на воду печально,
 На запад обращают взгляд,
 Где брезжит луч прощальный,

So, when the close of pleasure's day
 To gloom hath near consigned us,
 We turn to catch one fading ray
 Of joy that 's left behind us.

75. WHEN COLD
 IN THE EARTH

When cold in the earth lies the friend thou hast loved,
 Be his faults and his follies forgot by thee then;
 Or, if from their slumber the veil be removed,
 Weep o'er them in silence, and close it again.
 And oh! if 't is pain to remember how far
 From the pathways of light he was tempted to roam,
 Be it bliss to remember that thou wert the star
 That arose on his darkness and guided him home.

From thee and thy innocent beauty first came
 The revealings, that taught him true love to adore,
 To feel the bright presence, and turn him with shame
 From the idols he blindly had knelt to before.
 O'er the waves of a life, long benighted and wild,
 Thou camest, like a soft golden calm o'er the sea;
 And if happiness purely and glowingly smiled
 On his evening horizon, the light was from thee.

And tho', sometimes, the shades of past folly might rise,
 And tho' falsehood again would allure him to stray,
 He but turned to the glory that dwelt in those eyes,
 And the folly, the falsehood, soon vanished away.
 As the Priests of the Sun, when their altar grew dim,
 At the day-beam alone could its lustre repair,
 So, if virtue a moment grew languid in him,
 He but flew to that smile and rekindled it there.

76. REMEMBER THEE

Remember thee? yes, while there 's life in this heart,
 It shall never forget thee, all lorn as thou art;

Так мы, закат встречая свой,
 В последний путь влекомы,
 Оборотим лицо домой:
 К тем, кто остался дома.

75. КОГДА ТВОЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БУДЕТ В ЗЕМЛЕ

Когда твой возлюбленный будет в земле,
 Ему в вину ты грехи не ставь.
 Спадет покров с прегрешений во мгле —
 Безмолвно скорби и покров поправь.
 И знай — если больно припомнить порой,
 Как он был от праведности далек, —
 Была ты ему путеводной звездой,
 Домой зовущей во тьме дорог.

Невинность и прелесть твоя навсегда
 Открыли ему, как любовь любить;
 Отверг он, сгорая от злого стыда,
 Тех идолов, коим хотел служить.
 Пусть жизненный долго штормил океан —
 Ты золотом штиля смирила его!
 Коль счастьем бывал оком осиян,
 Его излучало твое существо...

И если опять грехи прошлых дней,
 Маня, пробуждались невольно в нем,
 Его спасал блеск твоих очей —
 Вся скверна тонула во взоре твоём!
 Как жрецы от дневного луча в храме Ра
 Возжигали алтарный огонь, что мерцал,
 Так едва приугасшую жажду добра
 Твой друг от улыбки твоей возжигал.

76. НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ

Только б сердце в груди не устало стучать —
 Не забуду тебя, одинокая мать.

More dear in thy sorrow, thy gloom, and thy showers,
Than the rest of the world in their sunniest hours.

Wert thou all that I wish thee, great, glorious, and free,
First flower of the earth, and first gem of the sea,
I might hail thee with prouder, with happier brow,
But oh! could I love thee more deeply than now?

No, thy chains as they rankle, thy blood as it runs,
But make thee more painfully dear to thy sons—
Whose hearts, like the young of the desert-bird's nest,
Drink love in each life-drop that flows from thy breast.

77. WREATH THE BOWL

Wreath the bowl
With flowers of soul,
The brightest wit can find us;
We 'll take a flight
Towards heaven to-night,
And leave dull earth behind us.
Should Love amid
The wreaths be hid,
That joy, the enchanter, brings us,
No danger fear,
While wine is near,
We 'll drown him if he stings us,
Then, wreath the bowl
With flowers of soul,
The brightest wit can find us;
We 'll take a flight
Towards heaven to-night,
And leave dull earth behind us.

' T was nectar fed
Of old, 't is said,
Their Junos, Joves, Apollos;
And man may brew
His nectar too,
The rich receipt 's as follows:

И в печали твоей, и в дожде, и во мгле
Нет прекрасней тебя никого на земле.

Если б стала великой, свободной ты вдруг,
Первой розой среди пышноцветных подруг,
Я тебя прославлял бы, ликуя, но верь:
Горячее не мог бы любить, чем теперь.

Нет, залитая кровью, под гнетом цепей,
Ты дороже еще для твоих сыновей:
Их сердца, как в пустыне — птенец, вновь и вновь
Пьют по капле из ран материнских любовь.

77. ВКРУГ ЧАШИ СЕЙ

Вкруг чаши сей
Цветы обвей
Души своей игривой,
И в мир ночной
Взлетим с тобой
Мы над землей тоскливой.
Ты поспеши!
В цветы души
Любовь мы спрячем нашу,
А боль потом
Утопим в том
Вине, что полнит чашу.
Прошу, обвей
Вкруг чаши сей
Цветы души игривой,
И в мир ночной
Взлетим с тобой
Мы над землей тоскливой.

Давал нектар
Бессмертье в дар
Юноне с Аполлоном.
Нектар такой
Создать легко
Вот по каким законам:

Take wine like this,
 Let looks of bliss
 Around it well be blended,
 Then bring wit's beam
 To warm the stream,
 And there 's your nectar, splendid!
 So wreath the bowl
 With flowers of soul,
 The brightest wit can find us;
 We 'll take a flight
 Towards heaven to-night,
 And leave dull earth behind us.

Say, why did Time
 His glass sublime
 Fill up with sands unsightly,
 When wine, he knew,
 Runs brisker through,
 And sparkles far more brightly?
 Oh, lend it us,
 And, smiling thus,
 The glass in two we 'll sever,
 Make pleasure glide
 In double tide,
 And fill both ends for ever!
 Then wreath the bowl
 With flowers of soul
 The brightest wit can find us;
 We 'll take a flight
 Towards heaven to-night,
 And leave dull earth behind us.

78. WHENE'ER I SEE THOSE SMILING EYES

Whene'er I see those smiling eyes,
 So full of hope, and joy, and light,
 As if no cloud could ever rise,
 To dim a heaven so purely bright—
 I sigh to think how soon that brow
 In grief may lose its every ray,

Добавь к вину
 Щепоть одну
 Блаженства. После — жаром
 Своих речей
 Вино согрей,
 И будем мы с нектаром.
 Так что обвей
 Вкруг чаши сей
 Цветы души игривой,
 И в мир ночной
 Взлетим с тобой
 Мы над землей тоскливой.

Что ж Время льет
 Все взад-вперед
 Песок в часах стеклянных?
 Ведь ей же ей,
 Вино быстрей
 И ярче струй песчаных!
 Коль мог бы я,
 Часы разъял
 Тотчас бы на две части,
 Чтобы двойной
 Лилось струей
 В двух направленьях счастье!
 Скорей обвей
 Вкруг чаши сей
 Цветы души игривой,
 И в мир ночной
 Взлетим с тобой
 Мы над землей тоскливой.

* * *

78. Когда я зрю сей взор прекрасный,
 Столь чистый, радостный, живой,
 Как будто свод небес сих ясный
 Не должен ввек одеться мглой, —
 Тяжка мне мысль, что грустью будет
 Сие чело омрачено

And that light heart, so joyous now,
 Almost forget it once was gay.

For time will come with all its blights,
 The ruined hope, the friend unkind,
 And love, that leaves, where'er it lights,
 A chilled or burning heart behind:—
 While youth, that now like snow appears,
 Ere sullied by the darkening rain,
 When once 't is touched by sorrow's tears
 Can ever shine so bright again.

79. IF THOU 'LT BE MINE

If thou 'lt be mine, the treasures of air,
 Of earth, and sea, shall lie at thy feet;
 Whatever in Fancy's eye looks fair,
 Or in Hope's sweet music sounds *most* sweet,
 Shall be ours—if thou wilt be mine, love!

Bright flowers shall bloom wherever we rove,
 A voice divine shall talk in each stream;
 The stars shall look like worlds of love,
 And this earth be all one beautiful dream
 In our eyes—if thou wilt be mine, love!

And thoughts, whose source is hidden and high,
 Like streams, that come from heavenward hills,
 Shall keep our hearts, like meads, that lie
 To be bathed by those eternal rills,
 Ever green, if thou wilt be mine, love!

All this and more the Spirit of Love
 Can breathe o'er them, who feel his spells;
 That heaven, which forms his home above,
 He can make on earth, wherever he dwells,
 As thou 'lt own,—if thou wilt be mine, love!

И сердце некогда забудет,
 Что зналось с радостью оно.
 Придут надежд, друзей утраты,
 Пора мечтания минет,
 Любви и счастья миг крылатый,
 Промчавшись, в сердце яд вошьет.
 И, грусти окропясь слезами,
 Померкнет жизнь в красе своей,
 Как под весенними дождями
 Тускнеет яркий снег полей.

79. МОЕЮ БУДЬ, ДРУГ МИЛЫЙ

Будь только моею, тебе принесу я
 Сокровища неба, земли и морей;
 Чем думы прельщают, взор смертных чаруя,
 Что в сладостных звуках надежды нежней,
 Все, все будет наше — моей будь, друг милый!

Где будем блуждать мы, цветы развернутся,
 Небесной гармоньей зашепчет волна,
 Мирами любви вокруг нас звезды зажгутся,
 И эта земля, как видение сна,
 В очах будет наших — моей будь, друг милый!

И думы в истоке столь светлые скрыты,
 Как реки, что льются с небесных высот,
 Сердца сберегут в нас — как долы, облиты
 Прохладною влагой тех светлых ручьев,
 Цвести будут вечно — моей будь, друг милый!

Все это, и то ли создаст любви гений
 Тому, кто чарам его сердце сдает,
 Отчизну свою же — рай горных селений —
 Низвесть может долу, где счастье живет,
 И сделает это — моей будь, друг милый!

80. TO LADIES' EYES

To Ladies' eyes around, boy,
 We can't refuse, we can't refuse,
 Tho' bright eyes so abound, boy,
 'T is hard to choose, 't is hard to choose.
 For thick as stars that lighten
 Yon airy bowers, yon airy bowers,
 The countless eyes that brighten
 This earth of ours, this earth of ours.
 But fill the cup—where'er, boy,
 Our choice may fall, our choice may fall,
 We're sure to find Love there, boy,
 So drink them all! so drink them all!

Some looks there are so holy,
 They seem but given, they seem but given,
 As shining beacons, solely,
 To light to heaven, to light to heaven.
 While some—oh! ne'er believe them—
 With tempting ray, with tempting ray,
 Would lead us (God forgive them!)
 The other way, the other way.
 But fill the cup—where'er, boy,
 Our choice may fall, our choice may fall,
 We're sure to find Love there, boy.
 So drink them all ! so drink them all !

In some, as in a mirror,
 Love seems portrayed, Love seems portrayed,
 But shun the flattering error,
 'T is but his shade, 't is but his shade.
 Himself has fixt his dwelling
 In eyes we know, in eyes we know,
 And lips—but this is telling—
 So here they go! so here they go!
 Fill up, fill up—where'er, boy,
 Our choice may fall, our choice may fall,
 We're sure to find Love there, boy,
 So drink them all! so drink them all!

80. К ЖЕНСКИМ ВЗОРАМ

От сотен женских взоров, друг,
 Пойди — уйди, пойди — уйди!
 Но ту, что всех милее, друг,
 Пойди — найди, пойди — найди!
 Как светят звезд лампы
 В небесной мгле, в небесной мгле,
 Так светят эти взгляды
 Здесь, на земле, здесь, на земле.
 Любой бокал наполни, друг,
 И пей до дна, и пей до дна!
 Люби, кого полюбишь, друг, —
 Любовь одна, любовь одна.

Одни глаза умеют
 Вести сквозь мрак, вести сквозь мрак,
 Как нас ведет и греет
 В пути маяк, в пути маяк.
 Зато другие, боже,
 Сбивают с ног, сбивают с ног;
 Не верьте им, но все же —
 Прости им бог, прости им бог!
 Любой бокал наполни, друг,
 И пей до дна, и пей до дна!
 Люби, кого полюбишь, друг, —
 Любовь одна, любовь одна.

Пусть сотня глаз обманет
 Нас вновь и вновь, нас вновь и вновь —
 В одних глазах предстанет
 Сама любовь, сама любовь.
 Мы распознать сумели
 Заветный знак, заветный знак,
 И все, о чем мы пели,
 Да будет так! Да будет так!
 Любой бокал наполни, друг,
 И пей до дна, и пей до дна.
 Люби, кого полюбишь, друг, —
 Любовь одна, любовь одна.

81. FORGET NOT THE FIELD

Forget not the field where they perished,
 The truest, the last of the brave,
 All gone—and the bright hope we cherished
 Gone with them, and quenched in their grave!

Oh! could we from death but recover
 Those hearts as they bounded before,
 In the face of high heaven to fight over
 That combat for freedom once more;—

Could the chain for an instant be riven
 Which Tyranny flung round us then,
 No, 't is not in Man, nor in Heaven,
 To let Tyranny bind it again!

But 't is past—and, tho' blazoned in story
 The name of our Victor may be,
 Accurst is the march of that glory
 Which treads o'er the hearts of the free.

Far dearer the grave or the prison,
 Illumed by one patriot name,
 Than the trophies of all, who have risen
 On Liberty's ruins to fame.

82. THEY MAY RAIL AT THIS LIFE

They may rail at this life—from the hour I began it,
 I found it a life full of kindness and bliss;
 And, until they can show me some happier planet,
 More social and bright, I'll content me with this.
 As long as the world has such lips and such eyes,
 As before me this moment enraptured I see,
 They may say what they will of their orbs in the skies,
 But this earth is the planet for you, love, and me.

In Mercury's star, where each moment can bring them
 New sunshine and wit from the fountain on high,

81. ЗАПОМНИ: ЗДЕСЬ ЛУЧШИЕ ПАЛИ

Запомни: здесь лучшие пали.
 Здесь поле их вечного сна.
 Надежда в могильном отвале
 Задушена — погребена.

Прорваться бы к ним через годы
 И к жизни из тлена вернуть!
 И сладостный ветер свободы
 Опять перед боем вдохнуть...

О, если б судьба нам судила
 В той битве оковы сорвать!
 Клянусь — и небесная сила
 Нас вновь не могла б заковать!

Воспет победитель неправый
 Всей ложью преданий и книг.
 Но нету бесславнее славы,
 Оплаченной рабством других!

Уж лучше тюрьма да могила,
 Где прах патриотов почил,
 Чем почести, слава и сила —
 Ценою бесчисленных могил!

82. ЖИЗНЬ БРАНЯТ

Жизнь бранят, но, привязанный к этому свету,
 С дня рожденья встречаю добро наяву,
 Может быть, мне покажут счастливей планету,
 А пока я на этой еще поживу.
 И пока предо мной твои нежные взоры,
 Без которых не жить мне минуты одной,
 Пусть другие о звездах ведут разговоры,
 Друг мой, нашей планеты нам хватит с тобой.

Взять Меркурий — там в ярком потоке мгновений
 Бьют лучи, светоч разума бьет, как струя.

Tho' the nymphs may have livelier poets to sing them,
 They 've none, even there, more enamored than I.
 And as long as this harp can be wakened to love,
 And that eye its divine inspiration shall be,
 They may talk as they will of their Edens above,
 But this earth is the planet for you, love, and me.

In that star of the west, by whose shadowy splendor,
 At twilight so often we 've roamed thro' the dew,
 There are maidens, perhaps, who have bosoms as tender,
 And look, in their twilights, as lovely as you.
 But tho' they were even more bright than the queen
 Of that isle they inhabit in heaven's blue sea,
 As I never those fair young celestials have seen,
 Why—this earth is the planet for you, love, and me.

As for those chilly orbs on the verge of creation,
 Where sunshine and smiles must be equally rare,
 Did they want a supply of cold hearts for that station,
 Heaven knows we have plenty on earth we could spare,
 Oh! think what a world we should have of it here,
 If the haters of peace, of affection and glee,
 Were to fly up to Saturn's comfortless sphere,
 And leave earth to such spirits as you, love, and me.

83. OH FOR THE SWORDS
 OF FORMER TIME!

Oh for the swords of former time!
 Oh for the men who bore them,
 When armed for Right, they stood sublime,
 And tyrants crouched before them:
 When free yet, ere courts began
 With honors to enslave him,
 The best honors worn by Man
 Were those which Virtue gave him.
 Oh for the swords, etc.

Там и нимфы милей, и певцы вдохновенней.
 Но из них ни один так не любит, как я.
 И покуда любовно звучит моя лира
 И ее пробуждает твой взор неземной,
 Пусть болтают о рае нездешнего мира,
 Друг мой, нашей планеты нам хватит с тобой.

На Вечерней звезде, под которой в безлюдье
 Мы гуляли не раз до густой темноты,
 Есть, возможно, прелестницы с нежною грудью,
 И они в полумраке прекрасны, как ты.
 Будь прекрасней они и самой королевы,
 Той, чей остров плывет в вышине голубой,
 Ни к чему мне все эти небесные девы,
 Друг мой, нашей планеты нам хватит с тобой.

А для дальних окраин, где мерзнут светила,
 Где лучи и улыбки бледнее, чем лед,
 Душ холодных немало земля накопила
 И охотно на эти планеты пошлет.
 Мы бы зажили в солнечном мире недурно,
 Если все ненавистники жизни земной
 Вознеслись бы к безрадостным кольцам Сатурна
 И оставили землю, мой друг, нам с тобой.

83. ТАК ЗА МЕЧИ МИНУВШИХ ЛЕТ!

Так за мечи минувших лет!
 Носили их титаны,
 И перед блеском их побед
 Склонялись все тираны.
 Тогда не знали жалких слов,
 Не знали люди лести,
 Что превращает их в рабов,
 Навек лишая чести.
 Что ж, за мечи минувших лет!
 Носили их титаны,
 И перед блеском их побед
 Склонялись все тираны.

Oh for the kings who flourished then!
 Oh for the pomp that crowned them,
 When hearts and hands of freeborn men
 Were all the ramparts round them.
 When, safe built on bosoms true,
 The throne was but the centre,
 Round which Love a circle drew,
 That Treason durst not enter.
 Oh for the kings who flourished then!
 Oh for the pomp that crowned them,
 When hearts and hands of freeborn men
 Were all the ramparts round them!

84. ST. SENANUS AND THE LADY
 ST. SENANUS

“Oh! haste and leave this sacred isle,
 “Unholy bark, ere morning smile;
 “For on thy deck, though dark it be,
 “A female form I see;
 “And I have sworn this sainted sod
 “Shall ne'er by woman's feet be trod.”

T H E L A D Y

“Oh! Father, send not hence my bark,
 “Thro' wintry winds and billows dark:
 “I come with humble heart to share
 “Thy morn and evening prayer;
 “Nor mine the feet, oh! holy Saint,
 “The brightness of thy sod to taint.”

The Lady's prayer S e n a n u s spurned;
 The winds blew fresh, the bark returned;
 But legends hint, that had the maid
 Till morning's light delayed,
 And given the saint one rosy smile,
 She ne'er had left his lonely isle.

За королей былых времен,
 Которых все любили!
 На верности держался трон,
 А не на гнусной силе.
 Там честным, любящим сердцам
 Всегда была свобода,
 Предателям и подлецам
 Там не давали ходу.
 За королей былых времен,
 Которых все любили!
 На верности держался трон,
 А не на гнусной силе.

84. СВЯТОЙ СЕНАН И ЖЕНЩИНА С В Я Т О Й С Е Н А Н

Ступай, богопротивный челн,
 Подале от безгрешных волн!
 Ты женщину, полночной тьмой,
 Везешь на остров мой.
 Клянусь, на эти берега
 Не ступит женская нога.

Ж Е Н Ш И Н А

Сестре смиренной дай приют!
 Буруны лодку разобьют.
 На этом острове святом
 Молитвой и постом
 Мирской соблазн я изгоню,
 Священных мест не оскверню.

Сенан был тверд: «Оставь меня!» —
 Приплыть бы ей при свете дня
 И, улыбаясь старику,
 Причалить к островку:
 Молва гласит, тогда бы с ней
 Он прожил до скончанья дней.

85. NE'ER ASK
THE HOUR

Ne'er ask the hour—what is it to us
 How Time deals out his treasures?
 The golden moments lent us thus,
 Are not *his* coin, but *Pleasure's*.
 If counting them o'er could add to their blisses,
 I'd number each glorious second;
 But moments of joy are, like *Lesbia's* kisses,
 Too quick and sweet to be reckoned.
 Then fill the cup—what is it to us
 How time his circle measures?
 The fairy hours we call up thus,
 Obey no wand but *Pleasure's*.

Young Joy ne'er thought of counting hours,
 Till *Care*, one summer's morning,
 Set up, among his smiling flowers,
 A dial, by way of warning,
 But Joy loved better to gaze on the sun,
 As long as its light was glowing,
 Than to watch with old *Care* how the shadows stole on,
 And how fast that light was going.
 So fill the cup—what is it to us
 How Time his circle measures?
 The fairy hours we call up thus,
 Obey no wand but *Pleasure's*.

86. SAIL ON, SAIL ON

Sail on, sail on, thou fearless bark—
 Wherever blows the welcome wind,
 It cannot lead to scenes more dark,
 More sad than those we leave behind.
 Each wave that passes seems to say,
 "Tho' death beneath our smile may be,
 "Less cold we are, less false than they,
 "Whose smiling wrecked thy hopes and thee."

85. НЕ СПРАШИВАЙ БОЛЬШЕ:
КОТОРЫЙ ЧАС?..

Не спрашивай больше: который час? —
 Пойми, не своею властью
 Сокровища дней сберегает для нас
 Время, покорное Счастью.
 Увы, мы не станем счастливей, считая
 Монеты минутных забвений,
 Как сон, пролетит череда золотая
 Невозвратимых мгновений.
 Так выпьем и каждый волшебный час
 Наполним возвышенной страстью!
 Жестокие стрелки бегут не для нас:
 Мы покоряемся Счастью!

Веселье не любит считать часы,
 Напрасно Забота седая
 В цветах, серебряных от росы,
 Угрюмо ворчит, принуждая
 Следить за слепым назидательным диском
 И быстро бегущей тенью,
 Веселье, забыв о закате близком,
 Весеннему радо цветенью.
 Так выпьем и каждый волшебный час
 Наполним возвышенной страстью,
 Жестокие стрелки бегут не для нас:
 Мы покоряемся Счастью!

* * *

86. Вперед, мой челн! Пусть ветер гонит нас!
 К какой бы мы стране ни мчались дальней,
 Но не видать нам более печальной
 Страны, чем та, что скрылася из глаз.

И волны мне как будто бы журчат:
 «Хоть смерть порой под нашей жизнью скрыта,
 Но те, кем жизнь твоя была разбита,
 Нас холодней, коварней во сто крат!»

Sail on, sail on,—thro' endless space—
 Thro' calm—thro' tempest—stop no more:
 The stormiest sea 's a resting place
 To him who leaves such hearts on shore.
 Or—if some desert land we meet,
 Where never yet false-hearted men
 Profaned a world, that else were sweet,—
 Then rest thee, bark, but not till then.

87. DRINK OF THIS CUP

Drink of this cup;—you 'll find there 's a spell in
 Its every drop 'gainst the ills of mortality;
 Talk of the cordial that sparkled for Helen!
 Her cup was a fiction, but this is reality.
 Would you forget the dark world we are in,
 Just taste of the bubble that gleams on the top of it;
 But would you rise above earth, till akin
 To Immortals themselves, you must drain every drop of it;
 Send round the cup—for oh there 's a spell in
 Its every drop 'gainst the ills of mortality;
 Talk of the cordial that sparkled for Helen!
 Her cup was a fiction, but this is reality.

Never was philter formed with such power
 To charm and bewilder as this we are quaffing;
 Its magic began when, in Autumn's rich hour,
 A harvest of gold in the fields it stood laughing.
 There having, by Nature's enchantment, been filled
 With the balm and the bloom of her kindest weather,
 This wonderful juice from its core was distilled
 To enliven such hearts as are here brought together.
 Then drink of the cup—you 'll find there 's a spell in
 Its every drop 'gainst the ills of mortality;
 Talk of the cordial that sparkled for Helen!
 Her cup was a fiction, but this is reality.

Вперед, вперед! Пусть море без конца!..
 Несись, челнок, и в тишь, и в день ненастный...
 Как отдыху и буре рад опасной
 Покинувший коварные сердца!

Но если б где-нибудь еще найдись
 Мог уголок пустынный, ни враждою,
 Ни ложью не запятнанный людскою, —
 Тогда, но лишь тогда, остановись!..

87. ВОТ ЭТА ЧАША!

Вот эта чаша! Пейте со мной —
 Смертную думу развеет веселье;
 Вспомним Елену с чашей хмельной,
 Залпом осушим дивное зелье!

Хочешь о мире мрачном забыть —
 Только пригубь этой влаги целебной,
 Хочешь к бессмертным богам воспарить —
 Выпей до капли напиток волшебный!

Чашу — по кругу! Пейте со мной —
 Смертную думу развеет веселье;
 Вспомним Елену с чашей хмельной,
 Залпом осушим дивное зелье!

Чары могучие в этом вине;
 Поздней осенней порой урожая
 В добром тепле, в золотой тишине
 Вызрела сила его колдовская.

Светом своих благодатнейших дней
 Щедро Природа его напоила,
 Чтобы кипящей струею своей
 Влага заветная вас оживила.

Пейте, друзья! Пейте со мной! —
 Смертную думу разгонит веселье;
 Вспомним Елену с чашей хмельной,
 Залпом осушим дивное зелье!

And tho' perhaps—but breathe it to no one—
 Like liquor the witch brews at midnight so awful,
 This philter in secret was first taught to flow on,
 Yet 't is n't less potent for being unlawful.
 And, even tho' it taste of the smoke of that flame,
 Which in silence extracted its virtue forbidden—
 Fill up—there 's a fire in some hearts I could name,
 Which may work too its charm, tho' as lawless and hidden.
 So drink of the cup—for oh there 's a spell in
 Its every drop 'gainst the ills of mortality;
 Talk of the cordial that sparkled for Helen!
 Her cup was a fiction, but this is reality.

88. THE FORTUNE-TELLER

Down in the valley come meet me to-night,
 And I 'll tell you your fortune truly
 As ever 't was told, by the new-moon's light,
 To a young maiden, shining as newly.

But, for the world, let no one be nigh,
 Lest haply the stars' should deceive me;
 Such secrets between you and me and the sky
 Should never go farther, believe me.

If at that hour the heavens be not dim,
 My science shall call up before you
 A male apparition,—the image of him
 Whose destiny 't is to adore you.

And if to that phantom you 'll be kind,
 So fondly around you he 'll hover,
 You 'll hardly, my dear, any difference find
 ' Twixt him and a true living lover.

Down at your feet, in the pale moonlight,
 He 'll kneel, with a warmth of devotion—
 An ardor, of which such an innocent sprite
 You 'd scarcely believe had a notion.

Может быть, даже у ведьмы в котле,
 Самую темную полночью года,
 В час, когда ветер свистит по земле,
 Варится средство такого же рода!

Горечь в нем? Горечь испьем до конца —
 Значит, года отгорели недаром.
 Знаю я: есть в этом мире сердца,
 Столь же богатые светом и жаром.

Вот эта чаша! Пейте со мной —
 Смертную думу развеет веселье!
 Вспомним Елену с чашей хмельной,
 Залпом осушим дивное зелье!

88. ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

Нынешней ночью выйди ко мне,
 Погадаю, что приключится,
 Как никогда никто при луне
 Не гадал ни одной девице.

Пусть никого не будет вокруг,
 Ни шепота, ни взгляда.
 Лишь небо, да я, да ты, мой друг,
 А свидетелей нам не надо.

Если гроза не затмит небосклон,
 Покажет мое искусство
 Призрак того, кто на свет рожден,
 Чтобы внушить тебе чувство.

И если к призраку ты снизойдешь,
 Не встретишь слишком сурово,
 Он будет с тобой так мил и хорош —
 Не отличишь от живого.

К ногам твоим, под бледной луной,
 Склонится он, пылок и страстен.
 Подумать только, что страсти земной
 И призрак бывает подвластен.

What other thoughts and events may arise,
 As in destiny's book I've not seen them,
 Must only be left to the stars and your eyes
 To settle, ere morning, between them.

89. OH, YE DEAD!

Oh, ye Dead! oh, ye Dead! whom we know by the light you give
 From your cold gleaming eyes, tho' you move like men who live,
 Why leave you thus your graves,
 In far off fields and waves,
 Where the worm and the sea-bird only know your bed,
 To haunt this spot where all
 Those eyes that wept your fall,
 And the hearts that wailed you, like your own, lie dead?

It is true, it is true, we are shadows cold and wan;
 And the fair and the brave whom we loved on earth are gone;
 But still thus even in death,
 So sweet the living breath
 Of the fields and the flowers in our youth we wander'd o'er,
 That ere, condemned, we go
 To freeze mid Hecla's snow,
 We would taste it awhile, and think we live once more!

90. O'DONOHUE'S MISTRESS

Of all the fair months, that round the sun
 In light-linked dance their circles run,
 Sweet May, shine thou for me;
 For still, when thy earliest beams arise,
 That youth, who beneath the blue lake lies,
 Sweet May, returns to me.

Of all the bright haunts, where daylight leaves
 Its lingering smile on golden eyes,
 Fair Lake, thou 'rt dearest to me;
 For when the last April sun grows dim,
 Thy Naiads prepare his steed for him
 Who dwells, bright Lake, in thee.

О чем у вас беседа пойдет,
 Мне книга судеб не открыла,
 Но я ручаюсь, что небосвод
 Не расскажет о том, что было.

89. МЕРТВЕЦЫ!..

Мертвецы!.. мертвецы!.. вас нельзя не распознать
 По очам, горящим хладом, — хоть восстали вы опять —
 Почему? Почему? —
 Из могил в ночную тьму,
 Из могил, где рыщут черви, словно черные жнецы.
 Почему вы снова — с теми,
 Чьей потери тяжко бремя,
 Кто с любимыми в разлуке — сами словно мертвецы?

Не таим!.. не таим!.. Мы печальны и темны!
 Не таим!.. не таим!.. Мы мертвы и холодны!
 Но как раз мертвецов
 Тянет, манит внятный зов
 Тех цветов, что на поляне расцветают майским днем.
 И тогда — на миг, на век ли —
 Мы, забыв о мрачной Гекле,
 Бродим, смотрим, и вдыхаем, и мечтаем, что живем!

90. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ О'ДОНОХЬЮ

Все месяцы года, один за другим,
 Пронесятся в пляске под небом седым.
 Светлый май, светлый май всех приятнее мне.
 Над озером ранние встанут лучи —
 И тот, кто лежал, погребенный в ночи,
 Милый друг, милый друг возвратится ко мне.

Все гладкие воды прозрачных озер
 Хранят в себе солнца улыбку и взор.
 Всех милей, всех милей это озеро мне.
 Как только апрель потихоньку угас,
 Наяды коня оседлают тотчас,
 Для того, для того, кто лежит там, на дне.

Of all the proud steeds, that ever bore
 Young plumed Chiefs on sea or shore,
 White Steed, most joy to thee;
 Who still, with the first young glance of spring,
 From under that glorious lake dost bring
 My love, my chief, to me.

While, white as the sail some bark unfurls,
 When newly launched, thy long mane curls,
 Fair Steed, as white and free;
 And spirits, from all the lake's deep bowers,
 Glide o'er the blue wave scattering flowers,
 Around my love and thee.

Of all the sweet deaths that maidens die,
 Whose lovers beneath the cold wave lie,
 Most sweet that death will be,
 Which, under the next May evening's light,
 When thou and thy steed are lost to sight,
 Dear love, I 'll die for thee.

91. ECHO

How sweet the answer Echo makes
 To music at night,
 When, roused by lute or horn, she wakes,
 And far away, o'er lawns and lakes,
 Goes answering light.

Yet Love hath echoes truer far,
 And far more sweet,
 Than e'er beneath the moonlight star,
 Of horn or lute, or soft guitar,
 The songs repeat.

'T is when the sigh, in youth sincere,
 And only then,—
 The sigh that 's breath'd for one to hear,
 Is by that one, that only dear,
 Breathed back again!

Все гордые кони носили в седле
 Лихих седоков по воде и земле.
 Белый конь, белый конь всех стройнее в стране,
 Копыта всех звонче, и поступь легка,
 Весною опять он несет седока:
 Милый друг, милый друг снова скачет ко мне.

Все легкие лодки над синей водой
 По белому парусу взяли с собой.
 Легкий конь, легкий конь, гриву ты по волне
 Развеял, как парус, — и плаваешь ты.
 Озерные духи кидают цветы
 Туда, где любимый мой мчится ко мне.

Все юные девы, чей жребий суров,
 Чей милый в волнах отыскал хладный кров,
 Смерть зовут, смерть зовут для себя по весне.
 Как только придет мая нежного свет —
 Тебе и коню твоему кинусь вслед...
 Милый мой, милый мой, смерть придет и ко мне.

91. ЭХО

Как нежно Эхо повторяет
 Зов музыки ночной,
 Когда рожку иль арфе отвечает,
 И словно отблеск исчезает,
 Озерной полнясь тишиной.

Но эхо, что любви признанья
 Дарит в ответ,
 Милей, чем в звездном мирозданье
 Рожку иль арфе в подражанье
 Прозрачный отголосок вслед.

Так вздох, исторгнутый душою,
 Того, кто юн,
 Услышан был душой родною,
 Чей вздох ответный над землею
 Нежней, чем отзвук струн.

92. OH BANQUET NOT

Oh banquet not in those shining bowers,
 Where Youth resorts, but come to me:
 For mine 's a garden of faded flowers,
 More fit for sorrow, for age, and thee.
 And there we shall have our feast of tears,
 And many a cup in silence pour;
 Our guests, the shades of former years,
 Our toasts to lips that bloom no more.

There, while the myrtle's withering boughs
 Their lifeless leaves around us shed,
 We 'll brim the bowl to broken vows,
 To friends long lost, the changed, the dead.
 Or, while some blighted laurel waves
 Its branches o'er the dreary spot,
 We 'll drink to those neglected graves,
 Where valor sleeps, unnamed, forgot.

93. THEE, THEE, ONLY THEE

The dawning of morn, the daylight's sinking,
 The night's long hours still find me thinking
 Of thee, thee, only thee.
 When friends are met, and goblets crowned,
 And smiles are near, that once enchanted,
 Unreached by all that sunshine round,
 My soul, like some dark spot, is haunted
 By thee, thee, only thee.

Whatever in fame's high path could waken
 My spirit once, is now forsaken
 For thee, thee, only thee.
 Like shores, by which some headlong bark
 To the ocean hurries, resting never,
 Life's scenes go by me, bright or dark,
 I know not, heed not, hastening ever
 To thee, thee, only thee.

92. КО МНЕ ИДИ

Не в пышный зал, блистающий огнями,
 Куда стремятся юноши толпой, —
 В мой бедный сад с поблѣкшими цветами
 Иди, мой друг: мы — старики с тобой.
 Там вызовем мы тени дорогие,
 С умолкшими беседу поведем;
 Подняв бокал за годы прожитые,
 Там совершим мы тризну по былом.

Там мы почтим безмолвною слезою
 Погибшие надежды и мечты,
 Меж тем как мирт над нашей сединою
 Склонит свои увядшие листья.
 И как в краю пустынном и унылом
 Ветвями гордый лавр шумит порой,
 Так пусть и наш привет звучит могилам,
 Где силы спят, забытые толпой...

93. ТЕБЕ, ТЕБЕ ОДНОЙ

И днем, и полночью угрюмой
 Я одержим все той же думой
 Лишь о тебе, тебе одной.

За кубком пенистым, когда
 Повсюду дружеские лица, —
 Веселью светлому чужда,
 Во тьме душа моя томится
 Лишь по тебе, тебе одной.

И мысль всегдашняя о славе
 Оставлена — мечтать я вправе
 Лишь о тебе, тебе одной.

Как берег за бортом ладьи,
 Бегающей вдаль неутомимо, —
 Мелькнув, уходят дни мои,
 К ним равнодушный, мчусь я мимо
 Лишь за тобой, тобой одной.

I have not a joy but of thy bringing,
 And pain itself seems sweet when springing
 From thee, thee, only thee.
 Like spells, that naught on earth can break,
 Till lips, that know the charm, have spoken,
 This heart, howe'er the world may wake
 Its grief, its scorn, can but be broken
 By thee, thee, only thee.

94. SHALL THE HARP THEN
 BE SILENT

Shall the Harp then be silent, when he who first gave
 To our country a name, is withdrawn from all eyes?
 Shall a Minstrel of Erin stand mute by the grave,
 Where the first—where the last of her Patriots lies?

No—faint tho' the death-song may fall from his lips,
 Tho' his Harp, like his soul, may with shadows be crost,
 Yet, yet shall it sound, mid a nation's eclipse,
 And proclaim to the world what a star hath been lost;—

What a union of all the affections and powers
 By which life is exalted, embellished, refined,
 Was embraced in that spirit—whose centre was ours,
 While its mighty circumference circled mankind.

Oh, who that loves Erin, or who that can see,
 Thro' the waste of her annals, that epoch sublime—
 Like a pyramid raised in the desert—where he
 And his glory stand out to the eyes of all time;

That *one* lucid interval, snatched from the gloom
 And the madness of ages, when filled with his soul,
 A Nation o'erleaped the dark bounds of her doom,
 And for *one* sacred instant, touched Liberty's goal?

Who, that ever hath heard him—hath drank at the source
 Of that wonderful eloquence, all Erin's own,

В признаньях я ищу отраду
И боль приемлю как награду
Лишь от тебя, тебя одной.

Без заклинанья кто из нас
Заговоренного разбудит!
Так сердце, знавшее не раз
Печаль и гнев, разбито будет
Тобою лишь, тобой одной.

94. НЕУЖЕЛИ СКОРБЯ ЗАЗВЕНЕТЬ
НЕ ДОЛЖНА...

Неужели скорбя зазвенеть не должна
Благородная арфа над ямой сырой?
Неужели ирландская смолкнет струна
Над могилой, где спит наш последний герой?

Нет! Пускай сокрушенного вздоха слабей
Голос кельтского барда — он слышен везде!
Струны арфы над морем народных скорбей
Разгласят о потерянной нами звезде.

Я не знаю души в этом щедром краю,
Что вмещала бы столько любви и тепла,
Землю всю заключил он в орбиту свою,
Где Ирландия центром вселенной была.

Вспомни, Эрин, о славе той грозной поры,
Что воздвиглась громадней былых пирамид,
Слышишь, имя его, сотрясая миры,
Над пергаментом хартий победно гремит!

О единственный луч в беспредельности тьмы,
У веков обезумевших вырванный миг,
Стены мрачного рока раздвинули мы,
Свет Свободы святой в подземелье проник!

Вы внимали Трибуну, но часто ли вам
Удавалось испытать из прозрачных ключей

In whose high-thoughted daring, the fire, and the force,
And the yet untamed spring of her spirit are shown?

An eloquence rich, wheresoever its wave
Wandered free and triumphant, with thoughts that shone thro',
As clear as the brook's "stone of lustre," and gave,
With the flash of the gem, its solidity too.

Who, that ever approached him, when free from the crowd,
In a home full of love, he delighted to tread
'Mong the trees which a nation had given, and which bowed,
As if each brought a new civic crown for his head—

Is there one, who hath thus, thro' his orbit of life
But at distance observed him—thro' glory, thro' blame,
In the calm of retreat, in the grandeur of strife,
Whether shining or clouded, still high and the same,—

Oh no, not a heart, that e'er knew him, but mourns
Deep, deep o'er the grave, where such glory is shrined—
O'er a monument Fame will preserve, 'mong the urns
Of the wisest, the bravest, the best of mankind!

95. OH, THE SIGHT ENTRANCING

Oh, the sight entrancing,
When morning's beam is glancing,
O'er files arrayed
With helm and blade,
And plumes, in the gay wind dancing!
When hearts are all high beating,
And the trumpet's voice repeating
That song, whose breath
May lead to death,
But never to retreating.
Oh the sight entrancing,
When morning's beam is glancing
O'er files arrayed
With helm and blade,
And plumes, in the gay wind dancing.

Красноречья, где, силу даруя словам,
 Дерзкий дух разгорался огня горячей?

Красноречья, где мысль на жестоком свету
 Обнажалась, — правдива, свободна, горда,
 Красноречья, где мысль, сохранив чистоту,
 Как алмазная грань, оставалась тверда!

Кто узнал его дружбу, кто был с ним знаком,
 Помнит дом, где любовь согревала сердца,
 Помнит сад, где листва величавым венком
 Осеняла его — гражданина, борца.

Кто решился бы холодно, со стороны,
 Рассуждать о возвышенной этой судьбе,
 Оценить каждый гран правоты и вины
 И солгать, что он в чем-то неверен себе?

Если тяжесть утраты сердца сознают,
 Не рыдать, не скорбеть кто дозволил бы нам
 Над гробницей, где Доблесть дарует приют
 Самым храбрым, и мудрым, и верным сынам!

95. КАК ДУША ТРЕПЕЩЕТ

Как душа трепещет,
 Когда на солнце блещет
 То меч, то шлем,
 А там, над всем,
 Султанов море плещет!

Сердца надеждой бьются,
 И звуки горнов льются,
 Как гордый зов
 Для храбрецов,
 Что в битвах не сдаются.

Как душа трепещет,
 Когда на солнце блещет
 То меч, то шлем,
 А там, над всем,
 Султанов море плещет!

Yet, 't is not helm or feather—
 For ask yon despot, whether
 His plumed bands
 Could bring such hands
 And hearts as ours together.
 Leave pomps to those who need 'em—
 Give man but heart and freedom,
 And proud he braves
 The gaudiest slaves
 That crawl where monarchs lead 'em.
 The sword may pierce the beaver,
 Stone walls in time may sever,
 'T is mind alone,
 Worth steel and stone,
 That keeps men free for ever.
 Oh that sight entrancing,
 When the morning's beam is glancing,
 O'er files arrayed
 With helm and blade,
 And in Freedom's cause advancing!

96. SWEET INNISFALLEN

Sweet Innisfallen, fare thee well,
 May calm and sunshine long be thine!
 How fair thou art let others tell,—
 To *feel* how fair shall long be mine.

Sweet Innisfallen, long shall dwell
 In memory's dream that sunny smile,
 Which o'er thee on that evening fell,
 When first I saw thy fairy isle.

'T was light, indeed, too blest for one,
 Who had to turn to paths of care—
 Through crowded haunts again to run,
 And leave thee bright and silent there;

Свободою мы пьяны,
 Что шлемы, что султаны!
 Нам черт не брат,
 Таких солдат
 Не соберут тираны.

Смешон нам щеголь жалкий.
 А чуть дойдет до свалки,
 И побеждать
 Не сможет рать,
 Что гонят из-под палки.

Меч сокрушил забрало,
 Но сердце устояло,
 Мы знаем: честь
 Была и есть
 Надежнее металла.

Как душа трепещет,
 Когда на солнце блещет
 То меч, то шлем,
 И храбрым всем
 Свобода рукоплещет!

96. ИННИСФОЛЛЕН

О Иннисфоллен, остров мой,
 Будь светом тихим осиян,
 Что так мне дорог, но судьбой
 Другой сужден мне океан.

О Иннисфоллен, словно сон,
 Останься в памяти моей,
 Вечерним светом озарен,
 Улыбкой солнечных лучей.

Я обречен среди сует
 Скитаться вновь, печали полн,
 Сменить твой незабвенный свет
 На грубый торг житейских волн.

No more unto thy shores to come,
 But, on the world's rude ocean tost,
 Dream of thee sometimes, as a home
 Of sunshine he had seen and lost.

Far better in thy weeping hours
 To part from thee, as I do now,
 When mist is o'er thy blooming bowers,
 Like sorrow's veil on beauty's brow.

For, though unrivalled still thy grace,
 Thou dost not look, as then, *too* blest,
 But thus in shadow, seem'st a place
 Where erring man might hope to rest—

Might hope to rest, and find in thee
 A gloom like Eden's on the day
 He left its shade, when every tree,
 Like thine, hung weeping o'er his way.

Weeping or smiling, lovely isle!
 And all the lovelier for thy tears—
 For tho' but rare thy sunny smile,
 'T is heaven's own glance when it appears.

Like feeling hearts, whose joys are few,
 But, when *indeed* they come divine—
 The brightest light the sun e'er threw
 Is lifeless to one gleam of thine!

97. 'T WAS ONE OF THOSE
 DREAMS

'T was one of those dreams, that by music are brought,
 Like a bright summer haze, o'er the poet's warm thought—
 When, lost in the future, his soul wanders on,
 And all of this life, but its sweetness, is gone.

The wild notes he heard o'er the water were those
 He had taugt to sing Erin's dark bondage and woes,

Сквозь жизни горький океан
 Мне без тебя до смерти плыть,
 Твой светлый кров был небом дан,
 В мечтах твой образ будет жить.

И хорошо, что плачет даль
 В прощальный час, и всюду мгла
 Тебя скрывает, как вуаль
 Черты прекрасного чела.

Нет, не безгрешной красотой,
 А той, что раньше я не знал,
 Ты утешенья свет иной
 Даришь тому, кто жить устал.

Да, утешенье и покой
 Эдема пасмурных ветвей,
 Что с ним прощались над водой
 Навеки, в отблесках дождей.

Благословен, когда в дождях
 Мелькнешь улыбкой светлой ты...
 Без слез и в солнечных лучах
 Небесной меньше красоты.

Так грустные мечты порой
 Как будто счастьем озарит,
 И даже солнце над землей
 Сей проблеск дивный не затмит.

97. БЫЛ ЛЕГОК, КАК ЛЕТНИЙ ТУМАН,
 ЭТОТ СОН

Был легок, как летний туман, этот сон,
 Поэту, как музыка, грезился он.
 В грядущем бродила поэта душа,
 Привольная жизнь там текла не спеша.

Могучие звуки неслись над водой —
 Он пел их когда-то в честь Эрин родной,

And the breath of the bugle now wafted them o'er
From Dinis' green isle, to Glenà's wooded shore.'

He listened—while, high o'er the eagle's rude nest,
The lingering sounds on their way loved to rest;
And the echoes sung back from their full mountain choir,
As if loath to let song so enchanting expire.

It seemed as if every sweet note, that died here,
Was again brought to life in some airier sphere,
Some heaven in those hills, where the soul of the strain
They had ceased upon earth was awaking again!

Oh forgive, if, while listening to music, whose breath
Seemed to circle his name with a charm against death,
He should feel a proud Spirit within him proclaim,
"Even so shalt thou live in the echoes of Fame:

"Even so, tho' thy memory should now die away,
" T will be caught up again in some happier day,
"And the hearts and the voices of Erin prolong,
"Through the answering Future, thy name and thy song."

98. FAIREST! PUT ON AWHILE

Fairest! put on awhile
These pinions of light I bring thee,
And o'er thy own green isle
In fancy let me wing thee.
Never did Ariel's plume,
At golden sunset hover
O'er scenes so full of bloom,
As I shall waft thee over.

Fields, where the Spring delays
And fearlessly meets the ardor
Of the warm Summer's gaze,
With only her tears to guard her.
Rocks, thro' myrtle boughs
In grace majestic frowning;

Он пел о лишеньях и рабстве тогда —
Ту песню теперь отражала вода.

Вдоль горных вершин ввысь мелодия шла,
Помедлила чуть у гнездовья орла —
Растаял в горах той мелодии звук,
Лишь эхо печально откликнулось вдруг.

Почудилось: вновь этот дивный аккорд
Возник в небесах, благороден и горд.
Душа той мелодии на небесах
Опять воспарила на мощных крылах.

Бард слушал, и всякий ему бы простил,
Что вдруг он бессмертье свое ощутил,
И в нем поднимался уверенный глас:
«Так славен же станешь в торжественный час!

Ты это виденье в уме не храни,
Оно оживится в грядущие дни,
И вспомнит страна среди радостных дней
Тебя и мелодию песни твоей».

* * *

98. Давай-ка за спиной
Прочней крыла приладим,
Чтоб ветер островной
Нас нес по синей глади.
Ей-богу, Ариэль
И тот не видел чуда
Пленительных земель,
Открывшихся отсюда:

В полях еще весна,
Но, судя по приметам,
До слез доведена
Единоборством с летом.
Утесы мирт облек,
Вот-вот уступы скроет:

Like some bold warrior's brows
That Love hath just been crowning.

Islets, so freshly fair,
That never hath bird come nigh them,
But from his course thro' air
He hath been won down by them;—
Types, sweet maid, of thee,
Whose look, whose blush inviting,
Never did Love yet see
From Heaven, without alighting.

Lakes, where the pearl lies hid,
And caves, where the gem is sleeping,
Bright as the tears thy lid
Lets fall in lonely weeping.
Glens, where Ocean comes,
To 'scape the wild wind's rancor,
And harbors, worthiest homes
Where Freedom's fleet can anchor.

Then, if, while scenes so grand,
So beautiful, shine before thee,
Pride for thy own dear land
Should haply be stealing o'er thee,
Oh, let grief come first,
O'er pride itself victorious—
Thinking how man hath curst
What Heaven had made so glorious!

99. QUICK! WE HAVE BUT A SECOND

Quick! we have but a second,
Fill round the cup, while you may;
For Time, the churl, hath beckoned,
And we must away, away!
Grasp the pleasure that 's flying,
For oh, not Orpheus' strain
Could keep sweet hours from dying,
Or charm them to life again.

Ни дать ни взять венок,
Венчающий героя.

Землей таких красот
Прельстившаяся птица
Спускается с высот,
Глядит — не наглядится.
Она с тобой самой
Своим влеченьем схожа:
И ты на голос мой
Сошла на землю тоже.

Озера спят вразброс,
Глубинный жемчуг пряча;
Алмаз как сгусток слез,
Что ты роняешь, плача.
По шхерам от ветров
Спешат укрыться воды.
Заливы дарят кров
Искателям свободы.

Теперь, когда и ты
В твоём полете птичьём
Постигла с высоты
Родной земли величье,
Как, видя этот рай,
Не застонать от боли:
Благословенный край
Молчит в тисках неволи!

99. СПЕШИ! У НАС ВСЕГО МГНОВЕНЬЕ

Спеши! У нас всего мгновенье,
Наполни кубок круговой;
Час пробил, и без промедленья
Должны мы путь продолжить свой!
Уходит время: тем скорее
Ты должен радости ловить,
Ведь даже песнею Орфея
Секунды не остановить.

Then, quick! we have but a second,
 Fill round the cup while you may;
 For Time, the churl, hath beckoned,
 And we must away, away!

See the glass, how it flushes,
 Like some young Hebe's lip,
 And half meets thine, and blushes
 That thou shouldst delay to sip.
 Shame, oh shame unto thee,
 If ever thou see'st that day,
 When a cup or lip shall woo thee,
 And turn untouched away!
 Then, quick! we have but a second,
 Fill round, fill round, while you may;
 For Time, the churl, hath beckoned,
 And we must away, away!

100. AND DOTH NOT A MEETING LIKE THIS

And doth not a meeting like this make amends,
 For all the long years I 've been wandering away—
 To see thus around me my youth's early friends,
 As smiling and kind as in that happy day?
 Tho' haply o'er some of your brows, as o'er mine,
 The snow-fall of time may be stealing—what then?
 Like Alps in the sunset, thus lighted by wine,
 We 'll wear the gay tinge of youth's roses again.

What softened remembrances come o'er the heart,
 In gazing on those we 've been lost to so long!
 The sorrows, the joys, of which once they were part,
 Still round them, like visions of yesterday, throng,
 As letters some hand hath invisibly traced,
 When held to the flame will steal out on the sight,
 So many a feeling, that long seemed effaced,
 The warmth of a moment like this brings to light.

And thus, as in memory's bark we shall glide,
 To visit the scenes of our boyhood anew,

Так что ж! У нас всего мгновенье,
 Наполни кубок круговой;
 Час пробил, и без промедленья
 Должны мы путь продолжить свой!

Взгляни на кубок, он пылает
 Глубоким жаром юных сил,
 Как будто Геба подставляет
 Тебе уста, чтоб ты вкусил.
 Но постыдись и думать даже,
 Что день без кубка проведешь,
 Что жаркие уста и чаши
 Ты, не пригубив, обойдешь.
 Спеш! У нас всего мгновенье,
 Наполни кубок круговой;
 Час пробил, и без промедленья
 Должны мы путь продолжить свой.

100. УЖЕЛИ ДАРОВАН Я ВСТРЕЧЕЙ

Ужели дарован я встречей такой
 За долгие годы скитаний моих
 И снова я вижу друзей пред собой,
 По-прежнему близких мне и дорогих?
 Пускай промелькнувших годов снегопад
 И ваши виски побелил. Что ж такого?
 Как горы, что красит багрянцем закат,
 Мы юным румянцем окрасимся снова.

К себе призывает нас памяти даль,
 И вот уж не чувствуем бремени лет!
 Вчерашнее счастье, былая печаль
 Виденьями кружат и смотрят нам вслед.
 Как надпись, которая еле видна,
 Вдруг видной становится возле огня,
 Так прошлая юность почти что до дна
 Пронзается светом пришедшего дня.

Итак, в бездну памяти двинемся мы,
 Забытое отрочество посетим,

Tho' oft we may see, looking down on the tide;
 The wreck of full many a hope shining thro';
 Yet still, as in fancy we point to the flowers,
 That once made a garden of all the gay shore,
 Deceived for a moment, we 'll think them still ours,
 And breathe the fresh air of life's morning once more.

So brief our existence, a glimpse, at the most,
 Is all we can have of the few we hold dear;
 And oft even joy is unheeded and lost,
 For want of some heart, that could echo it, near.
 Ah, well may we hope, when this short life is gone,
 To meet in some world of more permanent bliss,
 For a smile or a grasp of the hand, hastening on,
 Is all we enjoy of each other in this.

But, come, the more rare such delights to the heart,
 The more we should welcome and bless them the more;
 They 're ours, when we meet,—they are lost when we part,
 Like birds that bring summer, and fly when 't is o'er.
 Thus circling the cup, hand in hand, ere we drink,
 Let Sympathy pledge us, thro' pleasure, thro' pain,
 That, fast as a feeling but touches one link,
 Her magic shall send it direct thro' the chain.

101. THE MOUNTAIN SPRITE

In yonder valley there dwelt, alone,
 A youth, whose moments had calmly flown,
 Till spells came o'er him, and, day and night,
 He was haunted and watched by a Mountain Sprite.

As once, by moonlight, he wander'd o'er
 The golden sands of that island shore,
 A foot-print sparkled before his sight—
 'T was the fairy foot of the Mountain Sprite!

Beside a fountain, one sunny day,
 As bending over the stream he lay,
 There peeped down o'er him two eyes of light,
 And he saw in that mirror the Mountain Sprite.

Где можно увидеть среди света и тьмы
 Надежды несбывшейся розовый дым.
 И память, конечно, забросит нас в сад
 Мечтаний, ушедших от нас навсегда.
 Мы вновь ожиданий вдохнем аромат
 И молоды будем, совсем как тогда.

Да, жизнь быстротечна... Мгновенье всего —
 И вот уж о друге я слезы пролил.
 И радость уходит порой оттого,
 Что нету того, кто б ее разделил.
 Ах, нам остается лишь верить, что нас
 Желанное счастье ждет в мире ином.
 Улыбка иль рукопожатье подчас —
 Вот все, что мы в нашем друг другу даем.

Однако, чем меньше приветствий таких,
 Тем больше их каждый приветствовать рад.
 Вблизи — мы близки, вдалеке — далеки,
 Как птицы, что вдаль вслед за летом летят.
 Так пустим же полную чашу вина
 По кругу, где каждый мне близок как брат.
 Коснется она одного лишь звена,
 И сразу всю цепь ее чары пронзят.

101. ФЕЯ ГОР

Вдали от страхов и суеты
 Жил юный отрок, не зная беды.
 Но свет затмился с тех самых пор,
 Как ему привиделась Фея Гор.

Когда однажды при свете Луны
 Он берегом шел, обходя валуны,
 Пред ним на песке проступил узор —
 Следы заколдованной Феи Гор!

Когда он лежал, склонясь над водой,
 Пронизанной солнцем и золотой,
 Его ожег нестерпимый взор —
 Он увидел в том зеркале Фею Гор.

He turned, but, lo, like a startled bird,
That spirit fled!—and the youth but heard
Sweet music, such as marks the flight
Of some bird of song, from the Mountain Sprite.

One night, still haunted by that bright look,
The boy, bewildered, his pencil took,
And, guided only by memory's light,
Drew the once-seen form of the Mountain Sprite.

“Oh thou, who lovest the shadow,” cried
A voice, low whispering by his side,
“Now turn and see,”—here the youth's delight
Sealed the rosy lips of the Mountain Sprite.

“Of all the Spirits of land and sea,”
Then rapt he murmured, “there's none like thee,
“And oft, oh oft, may thy foot thus light
“In this lonely bower, sweet Mountain Sprite!”

102. AS VANQUISHED ERIN

As vanquished Erin wept beside
The Boyne's ill-fated river,
She saw where Discord, in the tide,
Had dropt his loaded quiver.
“Lie hid,” she cried, “ye venomed darts,
“Where mortal eye may shun you;
“Lie hid—the stain of manly hearts,
“That bled for me, is on you.”

But vain her wish, her weeping vain,—
As Time too well hath taught her—
Each year the Fiend returns again,
And dives into that water;
And brings, triumphant, from beneath
His shafts of desolation,
And sends them, winged with worse than death,
Through all her maddening nation.

Он обернулся, скрывая испуг.
 Но дух ускользнул! И нежнейший звук,
 Как птичья трель, огласил простор —
 Так пела волшебная Фея Гор.

Однажды, преодолевая бред,
 Он, встав в ночи, набросал портрет.
 Вгляделся, узнал и тотчас же стер
 Черты несравненные Феи Гор.

«О ты, влюбленный во тьму нелюдим! —
 Раздался голос, не слышанный им. —
 Оглянись и гляди!» Был горяч и скор
 Поцелуй очарованной Феи Гор.

«Все духи земли и глуби морской, —
 Он прошептал, — не сравнятся с тобой!
 Навещай и впредь сей ветхий шатер,
 Неземная, любимая Фея Гор!»

102. ИРЛАНДИЯ ПОБЕЖДЕНА

Ирландия побеждена,
 И плач стоит над Бойном,
 Но прежних стрел река полна,
 И нет исхода войнам.
 «Когда придет конец вражде?
 Я хоронить устала!» —
 Так плачет Родина в беде,
 Но стрелам крови мало.

Рыдания тщетны над рекой —
 Ведь Время слез не знает:
 И вновь под вражеской рукой
 Волна шипит и тает:
 И оперенье смертных жал
 На древках почерневших,
 И только Недруг ликовал
 Среди лиц окаменевших.

Alas for her who sits and inourns,
 Even now, beside that river—
 Unwearied still the Fiend returns,
 And stored is still his quiver.
 “When will this end, ye Powers of Good?”
 She weeping asks for ever;
 But only hearts, from out that flood,
 The Demon answer, “Never!”

103. DESMOND'S SONG

By the Feal's wave benighted,
 No star in the skies,
 To thy door by Love lighted,
 I first saw those eyes.
 Some voice whispered o'er me,
 As the threshold I crost,
 There was ruin before me,
 If I loved, I was lost.

Love came, and brought sorrow
 Too soon in his train;
 Yet so sweet, that to-morrow
 'T were welcome again.
 Though misery's full measure
 My portion should be,
 I would drain it with pleasure,
 If poured out by thee.

You, who call it dishonor
 To bow to this flame,
 If you 've eyes, look but on her,
 And blush while you blame.

Hath the pearl less whiteness
 Because of its birth?
 Hath the violet less brightness
 For growing near earth?

No—Man for his glory
 To ancestry flies;

О, сколько в горьких реках слез,
 Над злом не властны волны —
 И ветер стрелы не унес,
 И Недруг сил исполнен.
 «Конец, о господи, пошли!» —
 Кто этот плач забудет?
 Но вечный голос там вдали
 Кричит: «Конца не будет!»

103. ПЕСНЯ ДЕЗМОНДА

Полуночную мглюю,
 Точно валом морским,
 Был я брошен судьбою
 К светлым окнам твоим.
 И когда, ослепленный,
 Я шагнул за порог,
 «Ты погиб!..» — непреклонный,
 Прошептал мне мой Рок.

Я любовью щемящей,
 Как тоскою, объят,
 Но найдется ли слаще
 И желаннее яд?
 Эту чашу печали
 Я бы выпил без мук,
 Лишь бы нам ее дали
 Выпить вместе, мой друг.

А того, кто в гордыне
 Мне бесчестьем грозит,
 Пусть постигнет отныне
 И презренье, и стыд.
 Ведь, рожденный во мраке,
 Полон светом алмаз,
 А цветок и в овраге
 Расцветает для нас.

Родословное древо —
 Слава гордых мужей,

But Woman's bright story
 Is told in her eyes.
 While the Monarch but traces
 Thro' mortals his line,
 Beauty, born of the Graces,
 Ranks next to Divine!

104. THEY KNOW NOT MY HEART

They know not my heart, who believe there can be
 One stain of this earth in its feelings for thee;
 Who think, while I see thee in beauty's young hour,
 As pure as the morning's first dew on the flower,
 I could harm what I love,—as the sun's wanton ray
 But smiles on the dew-drop to waste it away.

No—beaming with light as those young features are,
 There's a light round thy heart which is lovelier far:
 It is not that cheek—'t is the soul dawning clear
 Thro' its innocent blush makes thy beauty so dear;
 As the sky we look up to, tho' glorious and fair,
 Is looked up to the more, because Heaven lies there!

105. I WISH I WAS BY THAT DIM LAKE

I wish I was by that dim Lake,
 Where sinful souls their farewell take
 Of this vain world, and half-way lie
 In death's cold shadow, ere they die.
 There, there, far from thee,
 Deceitful world, my home should be;
 Where, come what might of gloom and pain,
 False hope should ne'er deceive again.

The lifeless sky, the mournful sound
 Of unseen waters falling round;
 The dry leaves, quivering o'er my head,
 Like man, unquiet even when dead!

Но прославлена дева
 Красотою своей.
 Как владыке ни зваться —
 Он от смертных рожден,
 А питомица Граций
 Ближе к небу, чем он.

104. ИМ СЕРДЦЕ МОЕ НЕ ПОНЯТЬ...

Им сердце мое не понять, дорогая,
 Коль верят, что в нем хоть пылинка земная
 Тебя оскорбит, что, любуясь тобою,
 Как юным цветком, окропленным росой,
 Я мог бы, смеясь, словно солнечный луч,
 Тебя иссушить, беспощаден и жгуч.
 Нет... Свет, что твои озаряет черты, —
 Свет сердца, далекого от суеты,
 А нежный румянец невинных ланит
 О тихо расцветшей душе говорит —
 Так небо, своей красотой увлекая,
 Все ж дорого светом небесного рая.

105. ХОЧУ У ОЗЕРА БРЕСТИ

Хочу у озера брести,
 Где грешники свое «прости»
 Сказали миру суеты
 У смертной роковой черты.
 Вдали от мира тяжких пут,
 На озере найду приют.
 Хоть там мне суждено страдать,
 Надежда не предаст опять.

Пустое небо, скорбный плеск
 Озерных вод, их темный блеск
 И лист, дрожащий надо мной,
 Как дух, отринувший покой, —

These, ay, these shall wean
 My soul from life's deluding scene,
 And turn each thought, o'ercharged with gloom,
 Like willows, downward towards the tomb.

As they, who to their couch at night
 Would win repose, first quench the light,
 So must the hopes, that keep this breast
 Awake, be quenched, ere it can rest.
 Cold, cold, this heart must grow,
 Unmoved by either joy or woe,
 Like freezing founts, where all that's thrown
 Within their current turns to stone.

106. SHE SUNG OF LOVE

She sung of Love, while o'er her lyre
 The rosy rays of evening fell,
 As if to feed with their soft fire
 The soul within that trembling shell.
 The same rich light hung o'er her cheek,
 And played around those lips that sung
 And spoke, as flowers would sing and speak,
 If Love could lend their leaves a tongue.

But soon the West no longer burned,
 Each rosy ray from heaven withdrew;
 And, when to gaze again I turned,
 The minstrel's form seemed fading too.
 As if *her* light and heaven's were one,
 The glory all had left that frame;
 And from her glimmering lips the tone,
 As from a parting spirit, came.

Who ever loved, but had the thought
 That he and all he loved must part?
 Filled with this fear, I flew and caught
 The fading image to my heart—

Да, это душу отлучит
 От обольщений и обид,
 К могиле помыслы склонив
 Печальные, как ветви ив.

Когда душа утомлена,
 Мы гасим свет у ложа сна.
 Надежды, что тревожат грудь,
 Мы гасим, чтоб навек уснуть.

Пускай же сердце никогда
 Не тронет радость иль беда,
 И, как в потоке ледяном,
 Пусть жизнь окаменеет в нем!

106. ТЫ ПЕЛА О ЛЮБВИ

Ты пела. Вечер чуть дыша
 Бросал на струны отблеск алый,
 И лиры чуткая душа
 В лучах заката трепетала.
 Касался луч твоей щеки,
 Ласкал уста, что тихо пели,
 Как алой розы лепестки,
 Когда бы розы петь умели.

Но с приближеньем темноты
 Лучи заката отгорели...
 Казалось мне: твои черты,
 Как этот вечер, потускнели.
 Из глаз, как будто догорев,
 Свет жизни тихо изливался,
 И тихо призрачный напев
 Из уст поблекших раздавался.

Кто знал любовь, тот, верно, знал
 Разлуки вечное проклятье.
 К тебе я в страхе подбежал
 И заключил тебя в объятья.

And cried, "Oh Love! is this thy doom?
 "Oh light of youth's resplendent day!
 "Must ye then lose your golden bloom,
 "And thus, like sunshine, die away?"

107. SING—SING—MUSIC WAS GIVEN

Sing—sing—Music was given,
 To brighten the gay, and kindle the loving;
 Souls here, like planets in Heaven,
 By harmony's laws alone are kept moving.
 Beauty may boast of her eyes and her cheeks,
 But Love from the lips his true archery wings;
 And she, who but feathers the dart when she speaks,
 At once sends it home to the heart when she sings.
 Then sing—sing—Music was given,
 To brighten the gay, and kindle the loving;
 Souls here, like planets in Heaven,
 By harmony's laws alone are kept moving.

When Love, rocked by his mother,
 Lay sleeping as calm as slumber could make him,
 "Hush, hush," said Venus, "no other
 "Sweet voice but his own is worthy to wake him."
 Dreaming of music he slumbered the while
 Till faint from his lip a soft melody broke,
 And Venus, enchanted, looked on with a smile,
 While Love to his own sweet singing awoke.
 Then sing—sing—Music was given,
 To brighten the gay, and kindle the loving;
 Souls here, like planets in Heaven,
 By harmony's laws alone are kept moving.

И я воскликнул: «О любовь!
Весны сиянье благодатной!
Неужто ты померкнешь вновь
И догоришь, как луч закатный?!»

107. ПОЙТЕ, ПОЙТЕ — МУЗЫКИ ЗВУКИ

Пойте, пойте — музыки звуки
Любовь пробуждают, рожают чудо.
Словно планеты в небесном круге,
Люди гармонией подвижны всюду.

Горда и надменна красotka взором,
Но всех настигают Амура стрелы.
Амур оперяет их разговором
И с песней в сердца направляет смело.

Так пойте же, пойте — музыки звуки
Любовь пробуждают, рожают чудо.
Словно планеты в небесном круге,
Люди гармонией подвижны всюду.

Амура сон спокоен,
И шепчет Венера, качая ребенка:
«Спи, спи! Лишь сам ты, мой воин,
Себя разбудишь песнею звонкой».

Он спал, и во сне ему слышалась скрипка.
Вдруг песню запел он. Запел, потянулся...
На лице Венеры мелькнула улыбка:
Венера увидела — мальчик проснулся.

Так пойте же, пойте — музыки звуки
Любовь пробуждают, рожают чудо.
Словно планеты в небесном круге,
Люди гармонией подвижны всюду.

108. THO' HUMBLE THE BANQUET

Tho' humble the banquet to which I invite thee,
 Thou 'lt find there the best a poor bard can command:
 Eyes, beaming with welcome, shall throng round, to light thee,
 And Love serve the feast with his own willing hand.

And tho' Fortune may seem to have turned from the dwelling
 Of him thou regardest her favoring ray,
 Thou wilt find there a gift, all her treasures excelling,
 Which, proudly he feels, hath ennobled his way.

'T is that freedom of mind, which no vulgar dominion
 Can turn from the path a pure conscience approves;
 Which, with hope in the heart, and no chain on the pinion,
 Holds upwards its course to the light which it loves.

'T is this makes the pride of his humble retreat,
 And, with this, tho' of all other treasures bereaved,
 The breeze of his garden to him is more sweet
 Than the costliest incense that Pomp e'er received.

Then, come,—if a board so untempting hath power
 To win thee from grandeur, its best shall be thine;
 And there 's one, long the light of the bard's happy bower,
 Who, smiling, will blend her bright welcome with mine.

109. SING, SWEET HARP

Sing, sweet Harp, oh sing to me
 Some song of ancient days,
 Whose sounds, in this sad memory,
 Long buried dreams shall raise;—
 Some lay that tells of vanished fame,
 Whose light once round us shone;
 Of noble pride, now turned to shame,
 And hopes for ever gone.—
 Sing, sad Harp, thus sing to me;
 Alike our doom is cast,
 Both lost to all but memory,
 We live but in the past.

108. ХОТЬ СКУДЕН ОБЕД...

Хоть скуден обед, на который готов тебя
 Позвать я, лишенный богатства пиит,
 Однако в уютом жилище Любовь тебя
 Надежной и щедрой рукой одарит.

Пусть даже родится в тебе ощущение,
 Что ныне Фортуна презрела певца,
 Ты дар в нем найдешь всех даров драгоценнее,
 Которым возносятся наши сердца, —

Он мыслит свободно, и перед невеждою
 Покорнейше спину не станет он гнуть;
 Он ввысь, легкокрылый, со светлой надеждою
 И с чистою совестью держит свой путь;

Он честь не порочит, он чувствует радость в ней,
 В душе его высшие ценности есть,
 И ветер в саду ему кажется благодней,
 Чем великолепьем возвращенная лесь.

Прими приглашенье! Добавить спешу еще,
 Что, кроме хозяина, в доме его
 Улыбкой приветливой, речью волнующей
 Премилое встретит тебя существо.

109. ПОЙ, АРФА СЛАДОСТНАЯ, ПОЙ!

Пой, арфа сладостная, пой!
 Ты в памяти моей
 Зажглась утраченной мечтой
 Давно минувших дней.
 Во имя чести прозвучи,
 Ее сменил позор.
 Угасла слава, чьи лучи
 Слепили прежде взор.
 Пой, арфа, путь окончен, пой
 Мне песню прежних дней.
 Все в прошлом. Мы живем с тобой
 Лишь памятью своей.

How mournfully the midnight air
 Among thy chords doth sigh,
 As if it sought some echo there
 Of voices long gone by;—
 Of Chieftains, now forgot, who seemed
 The foremost then in fame;
 Of Bards who, once immortal deemed,
 Now sleep without a name.—
 In vain, sad Harp, the midnight air
 Among thy chords doth sigh;
 In vain it seeks an echo there
 Of voices long gone by.

Couldst thou but call those spirits round,
 Who once, in bower and hall,
 Sat listening to thy magic sound,
 Now mute and mouldering all;—
 But, no; they would but wake to weep
 Their children's slavery;
 Then leave them in their dreamless sleep,
 The dead, at least, are free!—
 Hush, hush, sad Harp, that dreary tone,
 That knell of Freedom's day;
 Or, listening to its death-like moan,
 Let me, too, die away.

110. SONG OF THE BATTLE EVE

Time—the ninth century

To-morrow, comrade, we
 On the battle-plain must be,
 There to conquer, or both lie low!
 The morning star is up,—
 But there 's wine still in the cup,
 And we 'll take another quaff, ere we go, boy, go;
 We 'll take another quaff, ere we go.

' T is true, in manliest eyes
 A passing tear will rise,
 When we think of the friends we leave lone;

Не молкнет твой тоскливый зов,
 Дрожащий в хладном воздухе.
 Ты ждешь: далеких голосов
 Не прозвучат ли отзвуки.
 Но безымянно барды спят,
 Когда-то столь блиставшие,
 Вожди в сырой земле лежат,
 Забыто их бесстрашие.
 О арфа, тщетным будет зов,
 Дрожащий в хладном воздухе:
 Отныне смолкших голосов
 Не раздадутся отзвуки.

Когда бы предки из могил
 Могли попасть в тот зал,
 Где твой напев им дорог был,
 Сердца им волновал,
 Как застенал бы духов рой,
 Увидя в рабстве нас!
 Хоть их, свободных под землей,
 Пусть не томит наш глас!
 Рыдания, арфа, прекрати
 О вольности святой
 Иль дай в могилу мне сойти
 Под звон печальный твой!

110. ПЕСНЯ НАКАНУНЕ БИТВЫ

(Время — девятый век)

Мы завтра, друг, пойдем с тобой
 На поле битвы, в смертный бой,
 Где победим врага или умрем!
 Звезда рассвета зажжена —
 Еще один глоток вина,
 Еще глоток, и мы идем, идем, мой друг, идем,
 Еще глоток, идем.

И на суровые глаза
 Порою набежит слеза,
 Когда друзей припомним мы своих;

But what can wailing do?

See, our goblet 's weeping too!

With its tears we 'll chase away our own, boy, our own;

With its tears we 'll chase away our own.

But daylight 's stealing on;—

The last that o'er us shone

Saw our children around us play;

The next—ah! where shall we

And those rosy urchins be?

But—no matter—grasp thy sword and away, boy, away;

No matter—grasp thy sword and away!

Let those, who brook the chain

Of Saxon or of Dane,

Ignobly by their firesides stay;

One sigh to home be given,

One heartfelt prayer to heaven,

Then, for Erin and her cause, boy, hurra! hurra! hurra!

Then, for Erin and her cause, hurra!

111. THE WANDERING BARD

What life like that of the bard can be,—

The wandering bard, who roams as free

As the mountain lark that o'er him sings,

And, like that lark, a music brings

Within him, where'er he comes or goes,—

A fount that for ever flows!

The world 's to him like some playground,

Where fairies dance their moonlight round;—

If dimmed the turf where late they trod,

The elves but seek some greener sod;

So, when less bright his scene of glee,

To another away flies he!

Oh, what would have been young Beauty's doom,

Without a bard to fix her bloom?

They tell us, in the moon's bright round,

Things lost in this dark world are found;.

Не плачь о том, кто не придет...
 Бокал, смотри-ка, слезы льет!
 Давай, не пряча слез своих, мой друг, смешаем их,
 Давай смешаем их.

Вот и дневной крадется час —
 Последний, кто увидит нас
 В кругу детей, где смехом полон дом.
 А завтра — боже сохрани! —
 Где будем мы и где они?!
 Но все равно, бери свой меч, и мы идем, идем,
 Бери свой меч, идем!

Пусть те, кто страхом обуян,
 Под властью саксов и датчан
 Судьбу влачат сегодня, как вчера.
 На дом родимый посмотри,
 Молитву сердцем сотвори —
 И в бой за дело Эрин смело, в бой, ура! ура!
 За Эрин в бой, ура!

111. СТРАНСТВУЮЩИЙ БАРД

О, сколь блаженна жизнь певца!
 Его скитанья без конца —
 Как певчей птицы перелет,
 Что музыку в себе несет,
 Как горных вод немолчный ток,
 Как вольный ветерок.
 Ему весь мир — лужок лесной,
 Где эльфы пляшут под луной;
 Увянут травы — стайка фей
 Спешит к другим, что зеленей;
 Так и певец: чуть мир пред ним
 Поблек — летит к иным.

Не бард ли сбережет для нас
 Угасший свет прекрасных глаз?
 Луна, как сказки говорят,
 Копилка всех земных утрат;

So charms, on earth long past and gone,
 In the poet's lay live on.—
 Would ye have smiles that ne'er grow dim?
 You've only to give them all to him,
 Who, with but a touch of Fancy's wand,
 Can lend them life, this life beyond,
 And fix them high, in Poesy's sky,—
 Young stars that never die!

Then, welcome the bard where'er he comes,—
 For, tho' he hath countless airy homes,
 To which his wing excursive roves,
 Yet still, from time to time, he loves
 To light upon earth and find such cheer
 As brightens our banquet here.
 No matter how far, how fleet he flies,
 You've only to light up kind young eyes,
 Such signal-fires as here are given,—
 And down he'll drop from Fancy's heaven,
 The minute such call to love or mirth
 Proclaims he's wanting on earth!

112. ALONE IN CROWDS TO WANDER ON

Alone in crowds to wander on,
 And feel that all the charm is gone
 Which voices dear and eyes beloved
 Shed round us once, where'er we roved—
 This, this the doom must be
 Of all who've loved, and lived to see
 The few bright things they thought would stay
 For ever near them, die away.

Tho' fairer forms around us throng,
 Their smiles to others all belong,
 And want that charm which dwells alone
 Round those the fond heart calls its own.
 Where, where the sunny brow?
 The long-known voice—where are they now?
 Thus ask I still, nor ask in vain,
 The silence answers all too plain.

Так в песнях живы и слышны
 Все чары старины.
 Не бард ли воскресит для нас
 Минувшего блаженства час?
 Взмах чародейского жезла —
 И радость прежняя взошла
 На небо музы, как звезда,
 Чтоб нам светить всегда.

Да встретят странника-певца
 Гостеприимные сердца,
 Куда б его ни занесло
 Чудесной выдумки крыло, —
 И барды в радости земной
 Нуждаются порой.
 Издалека и свысока
 На зов земного маяка —
 На добрый свет веселых глаз —
 С небес он спустится тотчас,
 Когда его любви магнит
 Притянет и пленит.

112. В ТОЛПЕ СКИТАТЬСЯ ОДНОМУ

В толпе скитаться одному
 И знать, что все ушло во тьму:
 Звук голосов, свет милых глаз,
 Что прежде окружали нас, —
 Увы! Таков удел
 Всех, кто любил, всех, кто владел
 Живым теплом — и знать не мог,
 Что час разлуки недалек.

Прелестных лиц вокруг не счесть,
 Да только не про нашу честь,
 К тому же не хватает им
 Того, что мы зовем своим.
 Куда же все ушло?
 Твой голос... ясное чело...
 Ах! тишина из всех углов
 Звучит красноречивей слов.

Oh, what is Fancy's magic worth,
 If all her art can not call forth
 One bliss like those we felt of old
 From lips now mute, and eyes now cold?
 No, no,—her spell is vain,—
 As soon could she bring back again
 Those eyes themselves from out the grave,
 As wake again one bliss they gave.

113. I 'VE A SECRET TO TELL THEE

I 've a secret to tell thee, but hush! not here,—
 Oh! not where the world its vigil keeps:
 I 'll seek, to whisper it in thine ear,
 Some shore where the Spirit of Silence sleeps;
 Where summer's wave un murmuring dies,
 Nor fay can hear the fountain's gush;
 Where, if but a note her night-bird sighs,
 The rose saith, chidingly, "Hush, sweet, hush!"

There, amid the deep silence of that hour,
 When stars can be heard in ocean dip,
 Thyself shall, under some rosy bower,
 Sit mute, with thy finger on thy lip:
 Like him, the boy, who born among
 The flowers that on the Nile-stream blush,
 Sits ever thus,—his only song
 To earth and heaven, "Hush, all, hush!"

114. SONG OF INNISFAIL

They came from a land beyond the sea,
 And now o'er the western main
 Set sail, in their good ships, gallantly,
 From the sunny land of Spain.
 "Oh, where 's the Isle we 've seen in dreams,
 "Our destined home or grave?"
 Thus sung they as, by the morning's beams,
 They swept the Atlantic wave.

Фантазия! Что проку в ней?
 Ей не вернуть прошедших дней,
 Не воскресить, хотя б на час,
 Умолкших уст, погасших глаз.
 Уныло и мертво
 Ее пустое мастерство!
 Бессилен духа робкий пыл
 Перед холодной мглой могил.

113. ХОЧУ ОТКРЫТЬ ТЕБЕ СЕКРЕТ

Хочу открыть тебе секрет — но не теперь,
 Когда вокруг весь мир земной шумит;
 Я буду ждать, а ты мне слух доверь
 На берегах, где дух покоя спит.
 Где затихает плеск морской волны,
 Где даже феям не слышать звук ночной,
 Где соловей, вздохнув среди тишины,
 От розы слышит: «Тише, дорогой!»

Тогда, в тот поздний час, покой таков,
 Что слышно звезды в океанской глубине,
 И ты появишься в саду среди цветов
 И перст к губам приложишь в тишине,
 Подобно богу вещей немоты,
 Что лотосом рожден в цветочной нише,
 Когда, качаясь на волнах среди темноты,
 Земле и небесам поет он: «Тише!»

114. ПЕСНЬ ОБ ИННИСФЕЙЛЕ

Они вели свои корабли
 Из южных, солнечных стран;
 Вот берег Испании скрылся вдали,
 И вновь кругом океан.
 И они вопрошают простор голубой
 И утреннюю звезду:
 «Где же Остров, что нам назначен судьбой
 На счастье иль на беду?»

And, lo, where afar o'er ocean shines
 A sparkle of radiant green,
 As tho' in that deep lay emerald mines,
 Whose light thro' the wave was seen.
 "'T is Innisfail—'t is Innisfail!"
 Rings o'er the echoing sea;
 While, bending to heaven, the warriors hail
 That home of the brave and free.

Then turned they unto the Eastern wave,
 Where now their Day-God's eye
 A look of such sunny-omen gave
 As lighted up sea and sky.
 Nor frown was seen thro' sky or sea,
 Nor tear o'er leaf or sod,
 When first on their Isle of Destiny
 Our great forefathers trod.

115. THE NIGHT DANCE

Strike the gay harp! see the moon is on high,
 And, as true to her beam as the tides of the ocean,
 Young hearts, when they feel the soft light of her eye,
 Obey the mute call and heave into motion.
 Then, sound notes—the gayest, the lightest,
 That ever took wing, when heaven looked brightest!
 Again! Again!

Oh! could such heart-stirring music be heard
 In that City of Statues described by romancers,
 So wakening its spell, even stone would be stirred,
 And statues themselves all start into dancers!
 Why then delay, with such sounds in our ears,
 And the flower of Beauty's own garden before us,—
 While stars overhead leave the song of their spheres,
 And listening to ours, hang wondering o'er us?
 Again, that strain!—to hear it thus sounding
 Might set even Death's cold pulses bounding—
 Again! Again!

Но что там? Какой изумруд заблистал
 Над зыбкою бездной вод?
 Как будто бесценный зеленый кристалл
 Со дна морского растет.
 «Там Иннисфейль! — звучат голоса. —
 Там вольных и смелых приют!»
 И воины благодарят небеса,
 Богам хвалу воздают.

И Огненный бог в тот самый миг,
 Рассеяв последний мрак,
 Свой ясный, незамутненный лик
 Явил им как добрый знак.
 Ни облачка не было в синей дали,
 Ни шороха средь ветвей
 В час, когда наши предки сошли
 На Остров судьбы своей.

115. НОЧНОЙ ТАНЕЦ

Ударим по струнам! Луна поднялась,
 И, верные ей, как приливы морские,
 Призыву и ласке ее подчинясь,
 В движенье приходят сердца молодые.
 И вот первый звук — он легко воспаряет
 Туда, где ночное светило блистает.
 Опять и опять!

О, если б раздался волшебный мотив
 Здесь, в Городе Статуй, мечте фантазеров,
 Ведь камень, взволнован, воспрял бы, ожив,
 И статуи стали б толпою танцоров.

Зачем же нам медлить под звуки сии,
 Когда Красота нас в свой сад допустила
 И звезды забыли петь сферы свои —
 Так наша их песня с земли восхитила?
 Опять! Без томленья не внять этим звукам,
 Сулящим замедлить наш бег к смертным мукам, —
 Опять и опять!

Oh, what delight when the youthful and gay,
 Each with eye like a sunbeam and foot like a feather,
 Thus dance, like the Hours to the music of May,
 And mingle sweet song and sunshine together!

116. THERE ARE SOUNDS OF MIRTH

There are sounds of mirth in the night-air ringing,
 And lamps from every casement shown;
 While voices blithe within are singing,
 That seem to say "Come," in every tone.
 Ah! once how light, in Life's young season,
 My heart had leapt at that sweet lay;
 Nor paused to ask of graybeard Reason
 Should I the syren call obey.

And, see—the lamps still livelier glitter,
 The syren lips more fondly sound;
 No, seek, ye nymphs, some victim fitter
 To sink in your rosy bondage bound.
 Shall a bard, whom not the world in arms
 Could bend to tyranny's rude control,
 Thus quail at sight of woman's charms
 And yield to a smile his freeborn soul?

Thus sung the sage, while, slyly stealing,
 The nymphs their fetters around him cast,
 And,—their laughing eyes, the while, concealing,—
 Led Freedom's Bard their slave at last.
 For the Poet's heart, still prone to loving,
 Was like that rock of the Druid race,
 Which the gentlest touch at once set moving,
 But all earth's power could n't cast from its base.

117. OH, ARRANMORE, LOVED ARRANMORE

Oh! Arranmore, loved Arranmore,
 How oft I dream of thee,
 And of those days when, by thy shore,
 I wandered young and free.

О радость — на танец смотреть молодых,
 Когда, словно Время — под музыку Мая,
 Танцуют они, будто крылья у них,
 Свет солнца в ткань песни волшебной вплетая.

116. ПОВСЮДУ — СМЕХ, ПОВСЮДУ — ПЕНЬЕ

Повсюду — смех, повсюду — пенье,
 Огнями ночь озарена,
 И голоса, как наважденье,
 Зовут из каждого окна.
 Ах, как легко в былые лета
 Душа летела в сладкий плен,
 Не слыша мудрости совета,
 На эти голоса сирен!

Звенят серебряные ноты,
 И ночь сияет ярче дня...
 Но нет, в душистые тенета
 Вам, нимфы, не завлечь меня!
 Ужель, не покорясь тиранам
 И гнету вспылчивой судьбы,
 Поэт помчится за обманом,
 Отдастся прелести в рабы?

Так пел поэт, певец мятежный,
 Но нимфы, в круг объединясь,
 Лукавых взоров цепью нежной
 Его опутали, смеясь.
 Ведь бард подобен от рожденья
 Обломку тех друидских скал,
 Что, не сдаваясь принужденье,
 Прикосновенью уступал!

117. О, АРАНМОР!

О, Аранмор! Вновь пробудил
 Ты грезы дней былых!
 Когда-то вольно я бродил
 Вдоль берегов твоих.

Full many a path I 've tried, since then,
 Thro' pleasure's flowery maze,
 But ne'er could find the bliss again
 I felt in those sweet days.

How blithe upon thy breezy cliffs,
 At sunny morn I 've stood,
 With heart as bounding as the skiffs
 That danced along thy flood;
 Or, when the western wave grew bright
 With daylight's parting wing,
 Have sought that Eden in its light,
 Which dreaming poets sing;—

That Eden where the immortal brave
 Dwell in a land serene,—
 Whose bowers beyond the shining wave,
 At sunset, oft are seen.
 Ah dream too full of saddening truth!
 Those mansions o'er the main
 Are like the hopes I built in youth,—
 As sunny and as vain!

118. LAY HIS SWORD
 BY HIS SIDE

Lay his sword by his side,—it hath served him too well
 Not to rest near his pillow below;
 To the last moment true, from his hand ere it fell,
 Its point was still turned to a flying foe.
 Fellow-laborers in life, let them slumber in death,
 Side by side, as becomes the reposing brave,—
 That sword which he loved still unbroke in its sheath,
 And himself unsubdued in his grave.

Yet pause—for, in fancy, a still voice I hear,
 As if breathed from his brave heart's remains;—
 Faint echo of that which, in Slavery's ear,
 Once sounded the war-word, "Burst your chains!"

С тех пор немало я плутал
 По тропам наслаждений,
 Но равного не испытал
 Блаженству тех мгновений.

С холодных скал в рассветный час
 Глядел я в вышину,
 И сердце билось, как баркас
 О легкую волну.
 Когда крыла прощальный взмах
 День посылал прибою,
 Эдем, как вещий сон, в лучах
 Являлся предо мною.

Приют бессмертных храбрецов,
 Обитель тишины!
 Как часто стены их дворцов
 В закатный час видны.
 Дворцы над пустошью морей!
 Вы, как мечты, безмерны,
 Как грезы юности моей
 Светлы, но эфемерны!

118. ПУСТЬ ЕГО ПОХОРОНЯТ С БУЛАТНЫМ МЕЧОМ

Пусть его похоронят с булатным мечом,
 Что упал возле мертвой руки
 И, недвижимый, указывал острым концом
 Вдаль, где вражьи бежали полки.
 Неразлучные в жизни, отныне вдвоем
 Пусть вкушают загробный покой:
 Верный меч с непогнувшимся острым клинком
 И не сломленный смертью герой.

Но почудилось мне, будто вдруг зазвучал
 Внятный шепот в тиши гробовой,
 Тот же глас, что когда-то рабов поднимал
 Кличем яростным: «Цепи долой!»

And it cries from the grave where the hero lies deep,
 "Tho' the day of your Chieftain for ever hath set,
 "Oh leave not his sword thus inglorious to sleep,—
 "It hath victory's life in it yet!"

"Should some alien, unworthy such weapon to wield,
 "Dare to touch thee, my own gallant sword,
 "Then rest in thy sheath, like a talisman sealed,
 "Or return to the grave of thy chainless lord.
 "But, if grasped by a hand that hath learned the proud use
 "Of a falchion, like thee, on the battle-plain,—
 "Then, at Liberty's summons, like lightning let loose,
 "Leap forth from thy dark sheath again!"

119. OH, COULD WE DO WITH THIS WORLD
 OF OURS

Oh, could we do with this world of ours
 As thou dost with thy garden bowers,
 Reject the weeds and keep the flowers,
 What a heaven on earth we 'd make it!
 So bright a dwelling should be our own,
 So warranted free from sigh or frown,
 That angels soon would be coming down,
 By the week or month to take it.

Like those gay flies that wing thro' air,
 And in themselves a lustre bear,
 A stock of light, still ready there,
 Whenever they wish to use it;
 So, in this world I 'd make for thee,
 Our hearts should all like fire-flies be,
 And the flash of wit or poesy
 Break forth whenever we choose it.

While every joy that glads our sphere
 Hath still some shadow hovering near,
 In this new world of ours, my dear,
 Such shadows will all be omitted:—

Он промолвил: «Могила вождя глубока,
 Вечным сном суждено ему спать,
 Но победную мощь боевого клинка
 Не спешите, друзья, закопать!

Славный меч мой! Когда на твою рукоять
 Недостойная ляжет рука, —
 Оставайся в ножнах, чтоб не мог отстоять
 Ты в неправом бою чужака.
 Но как только почувствуешь руку бойца,
 Что достоин сражаться тобой, —
 Прочь из ножен скорей! С ним иди до конца
 За свободу отечества — в бой!»

119. НЕ ПРОПОЛОТЬ ЛИ НАМ С ТОБОЙ...

Не прополоть ли нам с тобой
 Весь мир, как палисадник твой?
 Колючки, сорняки — долой,
 Одни цветы растить!
 Ах, это будет суший рай,
 Живи себе, не унывай!
 И даже ангелы в наш край
 Слетятся погостить.

Как светоносные жуки,
 Летящие светлячки,
 Свои живые огоньки
 Зажгут, когда хотят, —
 Так будет жить в сердцах у нас
 Лучистой музыки запас,
 Придет охота — и тотчас
 Мелодии взлетят!

Как неразлучны тень и свет,
 Так счастья без тревоги нет;
 У нас же — ни теней, ни бед
 Не будет, милый друг!

Unless they 're like that graceful one,
 Which, when thou 'rt dancing in the sun,
 Still near thee, leaves a charm upon
 Each spot where it hath flitted.

120. THE WINE-CUP IS CIRCLING

The wine-cup is circling in Almhin's hall,
 And its Chief, mid his heroes reclining,
 Looks up with a sigh, to the trophied wall,
 Where his sword hangs idly shining.
 When, hark! that shout
 From the vale without,—
 "Arm ye quick, the Dane, the Dane is nigh!"
 Every Chief starts up
 From his foaming cup,
 And "To battle, to battle!" is the Finian's cry.

The minstrels have seized their harps of gold,
 And they sing such thrilling numbers,
 'T is like the voice of the Brave, of old,
 Breaking forth from the place of slumbers!
 Spear to buckler rang,
 As the minstrels sang,
 And the Sun-burst o'er them floated wide;
 While remembering the yoke
 Which their father's broke,
 "On for liberty, for liberty!" the Finians cried.

Like clouds of the night the Northmen came,
 O'er the valley of Almhin lowering;
 While onward moved, in the light of its fame,
 That banner of Erin, towering.
 With the mingling shock
 Rung cliff and rock,
 While, rank on rank, the invaders die:
 And the shout, that last,
 O'er the dying past,
 Was "victory! victory!"—the Finian's cry.

Одна лишь озорная тень,
 Которой танцевать не лень
 На солнцепеке в ясный день,
 Чаруя все вокруг...

120. ЗА ЧАШЕЙ

Бойцы коротают за чашею дни,
 Но что им хмельные утехи!
 Средь Алмхинских стен томятся они,
 И праздно висят их доспехи.
 Но чу! У ворот
 Страж тревогу бьет:
 «К оружию! Датчане здесь будут вмиг!»
 Вождь сзывает бойцов,
 И со всех концов
 «К бою! К бою!» — несется фениев крик.

Что золото, арфа в руках певца!
 Отвагою песнопенья
 Певец выхватывает сердца
 Из сладостного забвенья.
 Меч пронзает щит,
 И копьё звенит,
 Стяг лучистый реет поверх голов.
 Нет! Рабов удел
 Не для тех, кто смел,
 И «Свобода! Свобода!» — фениев зов.

Норманны, как тучи ненастным днем,
 Алмхинскою шли долиной,
 Но Эрин стяг вдруг взвился огнем
 Пред самою их лавиной.
 У прибрежных скал
 Так дробится вал —
 Смерть спешила врагов настичь.
 И, в предсмертной мгле
 Их клоня к земле,
 Плыл «Победа! Победа!» — фениев клич.

121. THE DREAM OF THOSE DAYS

The dream of those days when first I sung thee is o'er,
 Thy triumph hath stained the charm thy sorrows then wore;
 And even of the light which Hope once shed o'er thy chains,
 Alas, not a gleam to grace thy freedom remains.

Say, is it that slavery sunk so deep in thy heart,
 That still the dark brand is there, though chainless thou art;
 And Freedom's sweet fruit, for which thy spirit long burned,
 Now, reaching at last thy lip, to ashes hath turned?

Up Liberty's steep by Truth and Eloquence led,
 With eyes on her temple fixt, how proud was thy tread!
 Ah, better thou ne'er hadst lived that summit to gain
 Or died in the porch than thus dishonor the fane.

122. FROM THIS HOUR THE PLEDGE
 IS GIVEN

From this hour the pledge is given,
 From this hour my soul is thine:
 Come what will, from earth or heaven,
 Weal or woe, thy fate be mine.
 When the proud and great stood by thee,
 None dared thy rights to spurn;
 And if now they 're false and fly thee,
 Shall I, too, basely turn?

121. ОТ ДЫМКИ ТЕХ ДНЕЙ

От дымки тех дней давно уж нет и следа,
 Успех твой стер все, чем ты пленяла тогда,
 На цепи твои Надежда свет свой лила,
 К Свободе придя, ты все спалила дотла.

 Ужель так остры былого рабства зубцы,
 Что и без цепей видны на теле рубцы,
 И плод тех свобод, к которым дух рвался твой,
 Рассыпался в прах, едва вкушенный тобой?

 Подъем одолеть взялась ты с Правдой вдвоем,
 И гордость тогда сквозила в шаге твоём.
 Взошла ты наверх! О святотатство и срам!
 Разбиться честней, чем осквернять этот храм.

122. С ТОЙ ПОРЫ, КАК В ЗНАК
ПРИЗНАНЬЯ...

С той поры, как в знак признанья
 Душу я вручил тебе,
 Я и радость и страданье
 Разделю в твоей судьбе.
 Сильные тебя хранили,
 Свет не смел тебя презреть.
 Если ныне изменили,
 Я ль тебя покину впредь?

No;—whate'er the fires that try thee,
In the same this heart shall burn.

Tho' the sea, where thou embarkest,
Offers now no friendly shore,
Light may come where all looks darkest,
Hope hath life when life seems o'er.
And, of those past ages dreaming,
When glory decked thy brow,
Oft I fondly think, tho' seeming
So fallen and clouded now,
Thou 'lt again break forth, all beaming,—
None so bright, so blest as thou!

123. SILENCE IS IN OUR FESTAL HALLS

Silence is in our festal halls,—
Sweet Son of Song! thy course is o'er;
In vain on thee sad Erin calls,
Her minstrel's voice responds no more;—
All silent as the Eolian shell
Sleeps at the close of some bright day,
When the sweet breeze that waked its swell
At sunny morn hath died away.

Yet at our feasts thy spirit long
Awakened by music's spell shall rise;
For, name so linked with deathless song
Partakes its charm and never dies:
And even within the holy fane
When music wafts the soul to heaven,
One thought to him whose earliest strain
Was echoed there shall long be given.

But, where is now the cheerful day,
The social night when by thy side
He who now weaves this parting lay
His skillless voice with thine allied;

Коль ты в огненном горниле,
В том огне и мне гореть.

Не беда, что волны моря
Брег приветный не сулят:
Свет во тьме забрезжит вскоре,
Жизнь надежды возродят.
Мне припомнилась былая
Слава на челе твоём.
Ты скорбишь, страна родная,
Изнываешь под ярмом,
Но воспрянешь вновь, блистая,
Полнясь светом и добром!

123. ДВОРЦЫ БЕЗМОЛВНЫЕ ПУСТЫ...

Дворцы безмолвные пусты,
Пропета песня до конца,
Ирландия, напрасно ты
Зовешь угасшего певца.
Так тихо, словно отгремел
Струны эоловой раскат,
И ветер, мрачен и несмел,
Поник, предчувствуя закат.

Но, музыкой пробуждена,
Душа певца вернется к нам:
По праву вечность суждена
Живущим в песне именам.
И в храме траурный хорал,
На небо души вознося,
Скорбит о том, кто здесь играл,
Кто здесь для славы родился.

Собрат, тогда в ночи немой
Звезда светила нам двоим,
Ты помнишь, слабый голос мой
Сливался с голосом твоим!

And sung those songs whose every tone,
When bard and minstrel long have past,
Shall still in sweetness all their own
Embalmed by fame, indying last.

Yes, Erin, thine alone the fame,—
Or, if thy bard have shared the crown,
From thee the borrowed glory came,
And at thy feet is now laid down.
Enough, if Freedom still inspire
His latest song and still there be,
As evening closes round his lyre,
One ray upon its chords from thee.



Уйдет поэт, уйдет певец,
Сложить все песни не успею,
Но в памяти людских сердец
Бессмертен будет наш напев.

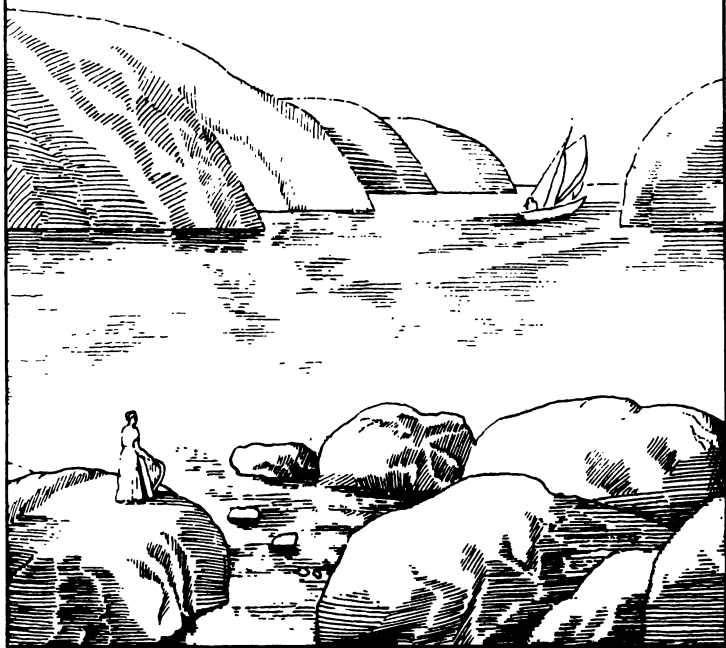
Я твой, Ирландия, поэт
И у твоих слагаю ног
Свидетельство былых побед —
Неувядающий венок.
И если гимн последний мой
Как прежде Вольность вдохновит,
Твой свет над вековечной тьмой
Седую лиру оживит.



NATIONAL
AIRS



МЕЛОДИИ
РАЗНЫХ НАРОДОВ





1. A TEMPLE TO FRIENDSHIP

(Spanish Air)

“A Temple to Friendship,” said Laura, enchanted,
“I ’ll build in this garden,—the thought is divine!”
Her temple was built and she now only wanted
An image of Friendship to place on the shrine.
She flew to a sculptor, who set down before her
A Friendship, the fairest his art could invent;
But so cold and so dull, that the youthful adorer
Saw plainly this was not the idol she meant.

“Oh! never,” she cried, “could I think of enshrining
“An image whose looks are so joyless and dim;—
“But yon little god, upon roses reclining,
“We ’ll make, if you please, Sir, a Friendship of him.”
So the bargain was struck; with the little god laden
She joyfully flew to her shrine in the grove:
“Farewell,” said the sculptor, “you ’re not the first maiden
“Who came but for Friendship and took away Love.”

2. FLOW ON, THOU SHINING RIVER

(Portuguese Air)

Flow on, thou shining river;
But ere thou reach the sea
Seek Ella’s bower and give her
The wreaths I fling o’er thee.
And tell her thus, if she ’ll be mine
The current of our lives shall be,
With joys along their course to shine,
Like those sweet flowers on thee.



1. ХРАМ ДРУЖБЫ

(Испанская мелодия)

«Храм Дружбы, — с восторгом сказала Лаура, —
Построю и почести чувству воздам!»
Храм вырос. Осталось поставить скульптуру
Божественной Дружбы при входе во храм.
Лаура — к ваятелю. Тот покрывало
Со статуи строгой пред нею сорвал:
«Вот — Дружба!» Лаура, увы, ожидала
Иного; творец не дождался похвал.

«Зачем мне, — спросила Лаура, — во храме
Изысканной скуки тоскливый пример?
Вон тот, шаловливый, увитый цветами,
Уместней, мне кажется, выглядит, сэр!»
Обратно с покупкой пустилась, ликуя,
И молвил ваятель: «Я встретился вновь
С одною из тех, кто ко мне в мастерскую
Приходит за Дружбой — уносит Любовь!»

2. РЕКА, ХОТЬ МЧИШЬСЯ К ЦЕЛИ

(Португальская мелодия)

Река, хоть мчишься к цели,
Хоть рвешься к морю ты,
Но прежде милой Элле
Отдай мои цветы.
Коль согласится стать моей —
Так передай любимой ты, —
Жизнь будет для нее светлей,
Чем свежие цветы.

But if in wandering thither
 Thou find'st she mocks my prayer,
 Then leave those wreaths to wither
 Upon the cold bank there;
 And tell her thus, when youth is o'er,
 Her lone and loveless charms shall be
 Thrown by upon life's weedy shore.
 Like those sweet flowers from thee.

3. ALL THAT 'S BRIGHT MUST FADE
 (*Indian Air*)

All that 's bright must fade,—
 The brightest still the fleetest;
 All that 's sweet was made,
 But to be lost when sweetest.
 Stars that shine and fall;—
 The flower that drops in springing;—
 These, alas! are types of all
 To which our hearts are clinging.
 All that 's bright must fade,—
 The brightest still the fleetest;
 All that 's sweet was made
 But to be lost when sweetest!

Who would seek our prize
 Delights that end in aching?
 Who would trust to ties
 That every hour are breaking?
 Better far to be
 In utter darkness lying,
 Than to be blest with light and see
 That light for ever flying.
 All that 's bright must fade,—
 The brightest still the fleetest;
 All that 's sweet was made
 But to be lost when sweetest!

А ясно тебе станет —
 Смешон призыв ей нежный,
 Ты брось букет. Пусть вянет
 На полосе прибрежной.
 И так скажи: весна пройдет,
 И обаянье красоты
 На берег жизни упадет,
 Увянет, как цветы.

3. БЛЕСК ОБРЕЧЕН СРЕДЬ ТЬМЫ...

(Индийская мелодия)

Блеск обречен среди тьмы
 Стать отблеском мгновенным:
 Так все, что ценим мы,
 Исчезнет, став бесценным.
 Цветя, умрет цветок,
 Светя, падет светило.
 Так отнимает бог
 Все то, что сердцу мило.
 Блеск обречен среди тьмы
 Стать отблеском мгновенным,
 И все, что ценим мы,
 Исчезнет, став бесценным.

Кто ж станет счастье звать,
 Чтоб вслед призвать мученье
 И узы прославлять,
 Которым срок — мгновенье?
 Уж лучше сотню лет
 Прожить во тьме кромешной,
 Чем уходящий свет
 Оплакать безутешно.
 Блеск обречен среди тьмы
 Стать отблеском мгновенным,
 И все, что ценим мы,
 Исчезнет, став бесценным.

4. SO WARMLY WE MET
(*Hungarian Air*)

So warmly we met and so fondly we parted,
 That which was the sweeter even I could not tell,—
 That first look of welcome her sunny eyes darted,
 Or that tear of passion, which blest our farewell.
 To meet was a heaven and to part thus another,—
 Our joy and our sorrow seemed rivals in bliss;
 Oh! Cupid's two eyes are not liker each other
 In smiles and in tears than that moment to this.

The first was like day-break, new, sudden, delicious,—
 The dawn of a pleasure scarce kindled up yet;
 The last like the farewell of daylight, more precious,
 More glowing and deep, as 't is nearer its set.
 Our meeting, tho' happy, was tinged by a sorrow
 To think that such happiness could not remain;
 While our parting, tho' sad, gave a hope that to-morrow
 Would bring back the blest hour of meeting again.

5. THOSE EVENING BELLS
(*Air.—The Bells of St. Petersburg*)

Those evening bells! those evening bells!
 How many a tale their music tells,
 Of youth and home and that sweet time
 When last I heard their soothing chime.

Those joyous hours are past away;
 And many a heart, that then was gay,
 Within the tomb now darkly dwells,
 And hears no more those evening bells.

4. МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ НЕЖНО...

(Венгерская мелодия)

Мы встретились нежно и нежно расстались.
 Теперь и не скажешь, что сердцу желанней:
 Свет солнечных глаз, когда мы повстречались,
 Блеск слез ее, благословивших прощанье.
 Любовно встречались — простились влюбленно.
 Восторг и тоска в поединок вступали,
 Даря нас блаженством; глаза Купидона
 Так схожи друг с другом, как радость с печалью.

Свиданье — предчувствие встречи с манящим,
 Парящим во мраке восходом крылатым.
 Разлука — прощанье с огнем уходящим,
 Чей свет только ласковой перед закатом.
 Счастливые встречи нам горечь мрачила:
 Ведь счастье такое так долго не длится,
 Зато расставанье надежду дарило,
 Что радость свиданья опять повторится.

5. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

*(Колокола Санкт-Петербурга)**Т. С. Вдмр-ой*

Вечерний звон, вечерний звон!
 Как много дум наводит он
 О юных днях в краю родном,
 Где я любил, где отчий дом,
 И как я, с ним навек простясь,
 Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
 Весны обманчивой моей!
 И сколько нет теперь в живых
 Тогда веселых, молодых!
 И крепок их могильный сон;
 Не слышен им вечерний звон.

And so 't will be when I am gone;
 That tuneful peal will still ring on,
 While other bards shall walk these dells,
 And sing your praise, sweet evening bells!

6. SHOULD THOSE FOND HOPES
(Portuguese Air)

Should those fond hopes e'er forsake thee,
 Which now so sweetly thy heart employ;
 Should the cold world come to wake thee
 From all thy visions of youth and joy;
 Should the gay friends, for whom thou wouldst banish
 Him who once thought thy young heart his own,
 All, like spring birds, falsely vanish,
 And leave thy winter unheeded and lone;—

Oh! 't is then that he thou hast slighted
 Would come to cheer thee, when all seem'd o'er;
 Then the truant, lost and blighted,
 Would to his bosom be taken once more.
 Like that dear bird we both can remember,
 Who left us while summer shone round,
 But, when chilled by bleak December,
 On our threshold a welcome still found.

7. REASON, FOLLY, AND BEAUTY
(Italian Air)

Reason and Folly and Beauty, they say,
 Went on a party of pleasure one day:
 Folly played
 Around the maid,
 The bells of his cap rung merrily out;
 While Reason took
 To his sermon-book—

Лежать и мне в земле сырой!
 Напев унывный надо мной
 В долине ветер разнесет;
 Другой певец по ней пройдет,
 И уж не я, а будет он
 В раздумье петь вечерний звон!

6. КОГДА ИССЯКНУТ ШАЛЫЕ МЕЧТАНЬЯ

(Португальская мелодия)

Когда иссякнут шалые мечтанья,
 Поющие сейчас в твоей груди;
 Когда, коснувшись хлада мироздания,
 Оставишь дни веселья позади;
 Когда друзья, которых предпочел ты
 Тому, чьей мудрой властью был храним,
 Умчат, как птицы мая, без заботы,
 Предав забвенью мертвых зим, —
 О! Вот тогда твой друг, тобой забытый,
 Придет тебя в час скорби утешать,
 Тогда, бродяга, горестями сытый,
 Ты припадешь к груди его опять.
 Подобно малой птахе, мы-то знаем,
 Что тот, кто нас покинул летним днем,
 Остуженный декабрьским дыханьем,
 Ища тепла, вернется в отчий дом.

7. МУДРЕЦ, ДУРАК И КРАСОТКА

(Итальянская мелодия)

Гуляли Мудрец, Дурачок и Красотка,
 Отличная, благо, стояла погодка.
 Дурак не зевал,
 Вовсю флиртовал,
 Поигрывал звонко колпак бубенцами;
 А Мудрый скучал,
 Псалтырь изучал;

Oh! which was the pleasanter no one need doubt,
Which was the pleasanter no one need doubt.

Beauty, who likes to be thought very sage,
Turned for a moment to Reason's dull page,
Till Folly said,
"Look here, sweet maid!"—
The sight of his cap brought her back to herself;
While Reason read
His leaves of lead,
With no one to mind him, poor sensible elf!
No,—no one to mind him, poor sensible elf!

Then Reason grew jealous of Folly's gay cap;
Had he that on, he her heart might entrap—
"There it is,"
Quoth Folly, "old quiz!"
(Folly was always good-natured, 't is said,)
"Under the sun
"There 's no such fun,
"As Reason with my cap and bells on his head!"
"Reason with my cap and bells on his head!"

But Reason the head-dress so awkwardly wore,
That Beauty now liked him still less than before;
While Folly took
Old Reason's book,
And twisted the leaves in a cap of such *ton*,
That Beauty vowed
(Tho' not aloud),
She liked him still better in that than his own,
Yes,—liked him still better in that than his own.

8. FARE THEE WELL, THOU LOVELY ONE!
(*Sicilian Air*)

Fare thee well, thou lovely one!
Lovely still, but dear no more;
Once his soul of truth is gone,
Love's sweet life is o'er.

Кто был ей милей — догадались вы сами!
Кто был ей милее — вы поняли сами!

Казаться невеждою ей не к лицу,
И вот она в книгу глядит к Мудрецу.
Тут крикнул Дурак:
«Звени, мой колпак!»
И вмиг бубенцы разбудили девицу,
А бедный Мудрец,
Как дряхлый вдовец,
Забытый, читал за страницей страницу,
Листал и листал за страницей страницу.

Но вспыхнула зависть: «Эх, мне б тот колпак!
Я был бы с Красоткой, а с носом — Дурак!»
Вдруг слышит он: «На!
Носи, старина!
(Не зря дураки добряками прослыли!)
Уморы такой
Не сыщешь другой,
Как Мудрый в моем колпаке простофили,
Унылый мудрец в колпаке простофили».

Мудрец, нахлобучив нелепый убор,
Стал вовсе противен красотке с тех пор.
А Дурень колпак
Свернул кое-как
Из книжной страницы — и кум королю.
Красотка взглянула
И тайно шепнула:
«Я в этом тебя еще больше люблю,
Ах, таким я тебя еще больше люблю!»

8. ДАВАЙ ЖЕ ПРОСТИМСЯ!

(Сицилийская мелодия)

Давай же простимся! Хоть ты хороша,
Желанной не станешь вновь.
Правды нет — и ушла душа,
А значит — ушла любовь.

Thy words, what e'er their flattering spell,
 Could scarce have thus deceived;
 But eyes that acted truth so well
 Were sure to be believed.
 Then, fare thee well, thou lovely one!
 Lovely still, but dear no more;
 Once his soul of truth is gone,
 Love's sweet life is o'er.

Yet those eyes look constant still,
 True as stars they keep their light;
 Still those cheeks their pledge fulfil
 Of blushing always bright.
 'T is only on thy changeful heart
 The blame of falsehood lies;
 Love lives in every other part,
 But there, alas! he dies.
 Then, fare thee well, thou lovely one!
 Lovely still, but dear no more;
 Once his soul of truth is gone,
 Love's sweet life is o'er.

9. DOST THOU REMEMBER
(Portuguese Air)

Dost thou remember that place so lonely,
 A place for lovers and lovers only,
 Where first I told thee all my secret sighs?
 When, as the moonbeam that trembled o'er thee
 Illumed thy blushes, I knelt before thee,
 And read my hope's sweet triumph in those eyes?
 Then, then, while closely heart was drawn to heart,
 Love bound us—never, never more to part!
 And when I called thee by names the dearest
 That love could fancy, the fondest, nearest,—
 “My life, my only life!” among the rest;
 In those sweet accents that still enthrall me,
 Thou saidst, “Ah!” wherefore thy life thus call me?
 “Thy soul, thy soul's the name I love best;
 “For life soon passes,—but how blest to be
 “That Soul which never, never parts from thee!”

Внимая медовым твоим речам,
 Обманулся бы я навряд.
 Но как не поверить твоим очам,
 Как честен был нежный взгляд!
 Что же, простимся! Пусть ты хороша,
 Желанной не станешь вновь.
 Правды нет — и ушла душа,
 А значит — ушла любовь.

Ласковый взор твой — что в небе звезда,
 Все так же меня манит.
 Все так же готов румянец стыда
 Залить белизну ланит.
 Одно лишь неверное сердце твое
 Виновно, что лгут слова.
 В черточке каждой любовь живет,
 Но в сердце, увы, мертва!
 Что ж, распрощаемся! Ты хороша,
 Но желанной не станешь вновь.
 Правды нет — и ушла душа,
 А с ней — умерла любовь!

9. ТЫ МЕСТО ПОМНИШЬ (Португальская мелодия)

Ты место помнишь, то, потаенное,
 Его находят одни влюбленные,
 Где тайну вздохов я тебе открыл?
 Когда, заметив смущенья тени,
 Встал пред тобою я на колени
 И нежный взгляд мне душу окрылил?
 Связала нас любви тугая нить —
 Вовеки нас теперь не разделить!
 Когда я имена тебе давал,
 Прекраснее которых не знавал,
 То было среди них и «Жизнь моя!»,
 И нежно вдруг тогда произнесла ты:
 «Зачем, скажи мне, так зовешь меня ты?» —
 «Душа... Душа! — вот имя знаю я,
 Ведь и за смертью, в жизни неземной
 Душа навек останется с тобой!»

10: OH, COME TO ME WHEN DAYLIGHT SETS
(Venetian Air)

Oh, come to me when daylight sets;
 Sweet! then come to me,
 When smoothly go our gondolets
 O'er the moonlight sea.
 When Mirth 's awake, and Love begins,
 Beneath that glancing ray,
 With sound of lutes and mandolins,
 To steal young hearts away.
 Then, come to me when daylight sets;
 Sweet! then come to me,
 When smoothly go our gondolets
 O'er the moonlight sea.

Oh, then 's the hour for those who love,
 Sweet, like thee and me;
 When all 's so calm below, above,
 In Heaven and o'er the sea.
 When maiden's sing sweet barcarolles,
 And Echo sings again
 So sweet, that all with ears and souls
 Should love and listen then.
 So, come to me when daylight sets; -
 Sweet! then come to me,
 When smoothly go our gondolets
 O'er the moonlight sea.

11. OFT, IN THE STILLY NIGHT
(Scotch Air)

Oft in the stilly night,
 Ere Slumber's chain has bound me,
 Fond Memory brings the light
 Of other days around me;

* * *

10. О, жизнь моя! Чуть день умрет,
 Спеши, спеши ко мне,
 Помчимся мы по глади вод
 В гондоле при луне.

Когда в сиянии огней
 Проснется сладкий шум,
 Струна любви звенит нежней
 И дремлет гордый Ум, —

Тогда и ты, чуть ночь сойдет,
 Спеши, спеши ко мне,
 Помчимся мы по глади вод
 В гондоле при луне.

Когда вкусят стихии сон, —
 Настанет час Любви;
 Для нас с тобою создан он,
 Лови его, лови!

Тогда разносятся с гондол
 Среди прозрачной тьмы
 Напевы страстных баркаролл:
 Внимать им станем мы.

О, жизнь моя! Чуть день умрет,
 Спеши, спеши ко мне,
 Помчимся мы по глади вод
 В гондоле при луне.

11. ПОКА Я В ТИШИНЕ
 (*Шотландская мелодия*)

Пока я в тишине
 Ночной не скован дремой,
 Являет память мне
 Свет прежних дней знакомый,

The smiles, the tears,
 Of boyhood's years,
 The words of love then spoken;
 The eyes that shone,
 Now dimmed and gone,
 The cheerful hearts now broken!
 Thus, in the stilly night,
 Ere Slumber's chain has bound me,
 Sad Memory brings the light
 Of other days around me.

When I remember all
 The friends, so linked together,
 I've seen around me fall,
 Like leaves in wintry weather;
 I feel like one,
 Who treads alone,
 Some banquet-hall deserted,
 Whose lights are fled,
 Whose garlands dead,
 And all but he departed!
 Thus, in the stilly night,
 Ere Slumber's chain has bound me,
 Sad Memory brings the light
 Of other days around me.

12. HARK! THE VESPER HYMN IS STEALING
(Russian Air)

Hark! the vesper hymn is stealing
 O'er the waters soft and clear;
 Nearer yet and nearer pealing,
 And now bursts upon ear:
 Jubilate, Amen.
 Farther now, now farther stealing,
 Soft it fades upon the ear;
 Jubilate, Amen.

Now, like moonlight waves retreating
 To the shore it dies along;

Давнишний зов
Любовных слов,
Улыбок, слез забытых,
Сиявших глаз,
Чей блеск погас,
Сердец, теперь разбитых.
Так, ночью, в тишине,
Пред наступленьем дремы,
Являет память мне
Свет прежних дней знакомый.

И, вспомнив о друзьях,
Рассеянных повсюду,
Я вижу только прах,
Увядших листьев груды.
Один, с трудом
Бреду в пустом
Когда-то пышном зале,
В густой тени
Чадят огни,
И все венки увяли.
Так, ночью, в тишине,
Пред наступленьем дремы,
Являет память мне
Свет прежних дней знакомый.

12. ЧУ! ЗВЕНИТ В ТИШИ ВЕЧЕРНЯ...
(Русская мелодия)

Чу! Звонит в тиши вечерня
Над простором чистых вод,
И в прозрачной тьме вечерней
Звон навстречу нам плывет.
Славься, славься!
Уплывает вдаль вечерня,
Нежным вздохом вдаль плывет.
Славься, славься!

Так прибой в уснувшем море
Замирает у земли,

Now, like angry surges meeting,
 Breaks the mingled tide of song
 Jubilate, Amen.
 Hush! again, like waves, retreating
 To the shore, it dies along:
 Jubilate, Amen.

13. LOVE AND HOPE
(Swiss Air)

At morn, beside yon summer sea,
 Young Hope and Love reclined;
 But scarce had noon-tide come, when he
 Into his bark leapt smilingly,
 And left poor Hope behind.

"I go," said Love, "to sail awhile
 "Across this sunny main;"
 And then so sweet his parting smile,
 That Hope, who never dreamt of guile,
 Believed he 'd come again.

She lingered there till evening's beam
 Along the waters lay;
 And o'er the sands, in thoughtful dream,
 Oft traced his name, which still the stream
 As often washed away.

At length a sail appears in sight,
 And toward the maiden moves!
 'T is Wealth that comes, and gay and bright,
 His golden bark reflects the light,
 But ah! it is not Love's.

Another sail—'t was Friendship showed
 Her night-lamp o'er the sea;
 And calm the light that lamp bestowed;
 But Love had lights that warmer glowed,
 And where, alas! was he?

Так поют, друг с другом споря,
Волны в сумрачной дали.

Славься, славься!

Чу! Как волны в шумном море,
Звуки замерли вдали.

Славься, славься!

13. ЛЮБОВЬ И НАДЕЖДА *(Швейцарская мелодия)*

Пригожим солнечным деньком
У моря как-то раз
Любовь с Надеждою вдвоем
Под благодатным ветерком
Гуляли в ранний час.

Но солнце обожгло песок,
И юная Любовь
С улыбкой прыгнула в челнок:
«Я ненадолго, на часок,
Я возвращуся вновь».

Но вот уж ночь невдалеке,
Надежда все ждала,
И имя милое в тоске
Чертила пальцем на песке,
И все Любовь звала.

Вот мчится парус, ветра полн,
Из темной синевы,
Богатства золоченый челн
Летит, горя, меж бурных волн,
Но не Любовь — увы!

И снова парус меж зыбей,
То Дружбы крепкий бот.
Приветен свет его огней,
Но у Любви — огонь нежней,
Когда же он блеснет?

Now fast around the sea and shore
 Night threw her darkling chain;
 The sunny sails were seen no more,
 Hope's morning dreams of bliss were o'er—
 Love never came again!

14. THERE COMES A TIME
 (*German Air*)

There comes a time, a dreary time,
 To him whose heart hath flown
 O'er all the fields of youth's sweet prime,
 And made each flow its own.
 'T is when his soul must first renounce
 Those dreams so bright, so fond;
 Oh! then 's the time to die at once,
 For life has naught beyond.

When sets the sun on Afric's shore,
 That instant all is night;
 And so should life at once be o'er,
 When Love withdraws his light;—
 Nor, like our northern day, gleam on
 Thro' twilight's dim delay,
 The cold remains of lustre gone,
 Of fire long past away.

15. MY HARP HAS ONE UNCHANGING THEME
 (*Swedish Air*)

My harp has one unchanging theme,
 One strain that still comes o'er
 Its languid chord, as 't were a dream
 Of joy that 's now no more.
 In vain I try, with livelier air,
 To wake the breathing string;
 That voice of other times is there,
 And saddens all I sing.

Как быстро темноты покров
Одел прибрежный край!
Нет больше ярких парусов,
Блаженных юношеских снов, —
Любовь, навек прощай!

* * *

14. Есть в жизни горький, странный миг
Поклонникам мечты,
Кто с поля жизни рвать привык
Все лучшие цветы:
Когда душа должна сказать
«Прости» волшебным снам,
О, можно ль жизнью то назвать,
Что остается нам?

На юге солнце лишь зайдет,
Все тонет в бездне тьмы;
Зачем же, как любовь пройдет,
Не умираем мы?
Но сумрак северного дня
Нам шлет полмертвый свет,
Давно потухшего огня
Холодный, бледный след!

* * *

15. В струнах моих один есть тон,
Любимый говор их,
Как бы тревожный, грустный сон
О радостях былых!
Напрасно я среди друзей
Веселие пою:
Печальный голос прежних дней
Смущает песнь мою.

Breathe on, breathe on, thou languid strain,
 Henceforth be all my own;
 Tho' thou art oft so full of pain
 Few hearts can bear thy tone.
 Yet oft thou 'rt sweet, as if the sigh,
 The breath that Pleasure's wings
 Gave out, when last they wantoned by,
 Were still upon thy strings.

16. OH, NO—NOT EVEN WHEN FIRST
 WE LOVED
 (*Cashmerian Air*)

Oh, no—not even when first we loved,
 Wert thou as dear as now thou art;
 Thy beauty then my senses moved,
 But now thy virtues bind my heart.
 What was but Passion's sigh before,
 Has since been turned to Reason's vow;
 And, though I then might love thee *more*,
 Trust me, I love thee *better* now.

Altho' my heart in earlier youth
 Might kindle with more wild desire,
 Believe me, it has gained in truth
 Much more than it has lost in fire.
 The flame now warms my inmost core,
 That then but sparkled o'er my brow,
 And, though I seemed to love thee more,
 Yet, oh, I love thee better now.

17. PEACE BE
 AROUND THEE
 (*Scotch Air*)

Peace be around thee, wherever thou rov'st;
 May life be for thee one summer's day,
 And all that thou wishest and all that thou lov'st
 Come smiling around thy sunny way!

Живи, живи, о грустный звук,
 Отныне будь весь мой!
 Пусть часто эхом тяжких мук
 Дрожишь ты над душой;
 Но мне порой твой сладок глас,
 Как давняя любовь,
 Как то, что жило и для нас,
 Чего не будет вновь!

16. О ДА, И В ЮНЫЕ
 ГОДА
 (Кашмирская мелодия)

О да, и в юные года
 Я вас любил, мой друг. И все же
 Лишь красоту любил тогда,
 Зато теперь — и сердце тоже.
 Лишь страсти пыл сначала был,
 Слиянье душ пришло позднее.
 Хоть я и сильно вас любил,
 Теперь люблю еще сильнее.

Что ж, страсть прошла минувших дней,
 Утих давно мой жар беспечный,
 Но с каждым днем в душе моей
 Все больше близости сердечной.
 Огонь, что лишь во взоре был,
 Горит в крови, мне душу грея.
 Да, я и прежде вас любил,
 Но все ж теперь люблю сильнее.

17. О, МИР ТЕБЕ, КУДА Б ТЫ
 НИ СКЛОНИЛАСЬ!
 (Шотландская мелодия)

О, мир тебе, куда б ты ни склонилась!
 Будь жизнь твоя веселым летним днем;
 Все, что душе невинной полюбилось,
 Иди с тобой безоблачным путем!

If sorrow e'er this calm should break,
 May even thy tears pass off so lightly,
 Like spring-showers, they 'll only make
 The smiles that follow shine more brightly.

May Time who sheds his blight o'er all
 And daily dooms some joy to death
 O'er thee let years so gently fall,
 They shall not crush one flower beneath.
 As half in shade and half in sun
 This world along its path advances,
 May that side the sun 's upon
 Be all that e'er shall meet thy glances!

18. COMMON SENSE AND GENIUS
(French Air)

While I touch the string,
 Wreathe my brows with laurel,
 For the tale I sing
 Has, for once, a moral.
 Common Sense, one night,
 Tho' not used to gambols,
 Went out by moonlight,
 With Genius, on his rambles.
 While I touch the string, etc.

Common Sense went on,
 Many wise things saying;
 While the light that shone
 Soon set Genius straying.
One his eye ne'er raised
 From the path before him;
T'other idly gazed
 On each night-cloud o'er him.
 While I touch the string, etc.

So they came, at last,
 To a shady river;
 Common Sense soon past,
 Safe, as he doth ever;

И если грусть души твоей коснется,
 Пройди она дождем весенних дней!
 Пусть для того лишь тучка пронесется,
 Чтоб солнца блеск был ярче и сильней!

Уносит все безжалостное время,
 Все радости один влечет поток,
 Но для тебя легко годов будь бремя:
 Не бойся их! Твой жив и свеж венок!
 Меж темнотою и светом пролегает
 Стезя земли: нет блеска ей вполне;
 О, пусть судьба взор милый обращает
 Всегда к одной, блестящей стороне!

18. ЗДРАВЫЙ УМ И ГЕНИЙ
 (*Французская мелодия*)

Лаврами певца
 Славного увейте,
 Притчу до конца
 Вы уразумейте.
 Как-то перед сном
 Здравый ум и Гений
 Шли гулять вдвоем
 Под луной осенней.
 Лаврами певца и т. д.

Здравый ум шагал,
 Здравомысленно рассуждая,
 Гений же блуждал,
 На луну взирая.
 Тот смотрел вперед,
 На тропинку прямо,
 Этот — в небосвод
 Пялился упрямо.
 Лаврами певца и т. д.

Но — ручей блеснул
 Поперек дороги,
 Здравый ум скакнул,
 Не забрызгав ноги.

While the boy, whose look
 Was in Heaven that minute,
 Never saw the brook,
 But tumbled headlong in it!
 While I touch the string, etc.

How the Wise One smiled,
 When safe o'er the torrent,
 At that youth, so wild,
 Dripping from the current!
 Sense went home to bed;
 Genius, left to shiver
 On the bank, 't is said,
 Died of that cold river!
 While I touch the string, etc.

19. THEN, FARE THEE WELL
(Old English Air)

Then, fare thee well, my own dear love,
 This world has now for us
 No greater grief, no pain above
 The pain of parting thus,
 Dear love!
 The pain of parting thus.

Had we but known, since first we met,
 Some few short hours of bliss,
 We might, in numbering them, forget
 The deep, deep pain of this.
 Dear love!
 The deep, deep pain of this.

But no, alas, we've never seen
 One glimpse of pleasure's ray,
 But still there came some cloud between,
 And chased it all away,
 Dear love!
 And chased it all away.

Ну а тот чудак
 Вверх глядел — и сходу,
 Продолжая шаг,
 Рухнул прямо в воду.
 Лаврами певца и т. д.

Здравый ум до слез
 Над юнцом смеялся —
 Что, как мокрый пес,
 Дрог и отряхался.
 Ум ушел назад —
 Спать; а Гений вскоре
 Умер, говорят,
 От простудной хвори.
 Лаврами певца и т. д.

19. ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ...
 (Старая английская мелодия)

Прощай, прощай, мой нежный друг.
 Навек прощай, мой свет!
 Из всех напастей, бед и мук
 Нам горшей муки нет.
 Мой друг!
 Нам горшей муки нет.

Когда бы вспомнить мы могли
 Счастливые деньки,
 Мы б эту боль с тобой снесли
 Разлуке вопреки,
 Мой друг!
 Разлуке вопреки.

Но ясных дней не знали мы,
 И счастья теплый луч
 Нам не блеснул среди зимы
 Из мрака темных туч,
 Мой друг!
 Из мрака темных туч.

Yet, even could those sad moments last,
 Far dearer to my heart
 Were hours of grief, together past,
 Than years of mirth apart,
 Dear love!
 Than years of mirth apart.

Farewell! our hope was born in fears,
 And nursed mid vain regrets:
 Like winter suns, it rose in tears,
 Like them in tears it sets,
 Dear love!
 Like them in tears it sets.

20. GAYLY SOUNDS THE CASTANET
(Maltese Air)

Gayly sounds the castanet,
 Beating time to bounding feet,
 When, after daylight's golden set,
 Maids and youths by moonlight meet.
 Oh, then, how sweet to move
 Thro' all that maze of mirth,
 Led by light from eyes we love
 Beyond all eyes on earth.

Then, the joyous banquet spread
 On the cool and fragrant ground,
 With heaven's bright sparklers overhead,
 And still brighter sparkling round.
 Oh, then, how sweet to say
 Into some loved one's ear,
 Thoughts reserved thro' many a day
 To be thus whispered here.

When the dance and feast are done,
 Arm in arm as home we stray,
 How sweet to see the dawning sun
 O'er her cheek's warm blushes play!

И все ж я отдал бы сто лет
 Спокойной жизни врозь,
 Чтоб этот миг с тобой, мой свет,
 Продлить нам удалось,
 Мой друг!
 Продлить нам удалось.

В слезах, как зимняя заря,
 Надежда рождена —
 Прощай! Как солнце декабря,
 В слезах умрет она,
 Мой друг!
 В слезах умрет она.

20. ПЕРЕСТУК КАСТАНЬЕТ
 (*Мальтийская мелодия*)

Перестуку кастаньет
 Вторит четкий перепляс.
 Серебрится лунный свет,
 Золотой закат погас.
 Только солнечных лучей
 И не надобно тому,
 Кто на свет родных очей
 Двигается сквозь полутьму.

На поляне пир горой,
 И светлее звезд ночных,
 Тлеющих над головой,
 Свет ее очей родных.
 И, к любимой наклонясь,
 Как чудесно повторить
 То, что раньше не таясь
 Не случилось говорить.

Как чудесно, что потом
 На заре — домой идти
 И, рука в руке, вдвоем
 Солнце встретить по пути!

Then, too, the farewell kiss—
 The words, whose parting tone
 Lingers still in dreams of bliss,
 That haunt young hearts alone.

21. LOVE IS A HUNTER-BOY
 (*Languedocian Air*)

Love is a hunter-boy,
 Who makes young hearts his prey,
 And in his nets of joy
 Ensnares them night and day.
 In vain concealed they lie—
 Love tracks them every where;
 In vain aloft they fly—
 Love shoots them flying there.

But 't is his joy most sweet,
 At early dawn to trace
 The print of Beauty's feet,
 And give the trembler chase.
 And if, thro' virgin snow,
 He tracks her footsteps fair,
 How sweet for Love to know
 None went before him there.

22. COME, CHASE THAT STARTING
 TEAR AWAY
 (*French Air*)

Come, chase that starting tear away,
 Ere mine to meet it springs;
 To-night, at least, to-night be gay,
 Whate'er to-morrow brings.
 Like sunset gleams, that linger late
 When all is darkening fast,
 Are hours like these we snatch from Fate—
 The brightest, and the last.
 Then, chase that starting tear, etc.

Поцелуй, пожатые рук...
 Не забыть прощальных слов,
 Снова слышащихся вдруг
 Среди юношеских снов.

21. АМУР — ИСКУСНЕЙШИЙ ЛОВЕЦ
(Дангедокская мелодия)

Амур — искуснейший ловец,
 И днем и ночью он идет
 По следу молодых сердец —
 Не избежать его тенет.
 Он всех настигнет и сразит,
 Как ни таимся мы, любя.
 Хоть птицей воспарит в зенит —
 Стрела и там найдет тебя.

Но больше наслажденья нет,
 Чем среди снежной чистоты
 В рассветный час напасть на след
 Пугливой юной красоты.
 И если нет других следов,
 Амур в счастливый этот миг
 От радости запеть готов:
 Он рад, что первым дичь настиг.

22. ПРОШУ, НЕ НАДО
 СЛЕЗЫ ЛИТЬ
(Французская мелодия)

Прошу, не надо слезы лить —
 К чему их лить вдвоем?
 Хочу всю ночь веселой быть,
 Что б ни было потом.
 Как луч, который не погас,
 Когда упала мгла,
 Блеснет в ночи последний час,
 Что нам судьба дала.
 Так что не надо слезы лить...

To gild the deepening gloom, if Heaven
 But one bright hour allow,
 Oh, think that one bright hour is given,
 In all its splendor, now.
 Let 's live it out—then sink in night,
 Like waves that from the shore
 One minute swell, are touched with light,
 Then lost for evermore!
 Come, chase that starting tear, etc.

23. JOYS OF YOUTH, HOW FLEETING!
 (*Portuguese Air*)

Whisperings, heard by wakeful maids,
 To whom the night-stars guide us;
 Stolen walks thro' moonlight shades,
 With those we love beside us,
 Hearts beating,
 At meeting;
 Tears starting,
 At parting;
 Oh, sweet youth, how soon it fades!
 Sweet joys of youth, how fleeting!

Wanderings far away from home,
 With life all new before us;
 Greetings warm, when home we come,
 From hearts whose prayers watched o'er us.
 Tears starting,
 At parting;
 Hearts beating,
 At meeting;
 Oh, sweet youth, how lost on some!
 To some, how bright and fleeting!

24. HEAR ME BUT ONCE
 (*French Air*)

Hear me but once, while o'er the grave,
 In which our Love lies cold and dead,

Пусть тьма горит, колы Небеса
 Даруют час всего.
 Зато какие чудеса
 Возьмем мы у него!
 Он — наш, а там — хоть утонуть,
 Как волны, что на брег
 Упали, миг успев сверкнуть,
 И канули навек!
 Прошу, не надо слезы лить...

*

23. Шепот, звезд далеких взгляд
 И рядом взгляд смущенный;
 В час свиданья сонный сад,
 Луною озаренный.
 И речи
 При встрече,
 И муки
 Разлуки —
 Как мгновенья, дни скользят,
 И слишком кратки счастья звуки.

Жизнь вдали от дорогих,
 В стране чужой и незнакомой,
 Возвращенья сладкий миг,
 Родной привет родного дома.
 О, муки
 Разлуки,
 О, речи
 При встрече!
 Дни скользят, и счастье в них —
 В них юности былые звуки.

24. УСЛЫШЬ, МОЛЮ ТЕБЯ!
 (Французская мелодия)

Услышь, молю тебя! Здесь, над могилою,
 Где наша хладная Любовь зарыта,

I count each flattering hope he gave
Of joys now lost and charms now fled.

Who could have thought the smile he wore
When first we met would fade away?
Or that a chill would e'er come o'er
Those eyes so bright thro' many a day?
Hear me but once, etc.

25. WHEN LOVE WAS A CHILD
(*Swedish Air*)

When Love was a child, and went idling round'
'Mong flowers the whole summer's day,
One morn in the valley a bower he found,
So sweet, it allured him to stay.

O'erhead, from the trees, hung a garland fair,
A fountain ran darkly beneath;—
'T was Pleasure had hung up the flowerets there;
Love knew it, and jumped at the wreath.

But Love did n't know—and, at *his* weak years,
What urchin was likely to know?—
That Sorrow had made of her own salt tears
The fountain that murmured below.

He caught at the wreath—but with too much haste,
As boys when impatient will do—
It fell in those waters of briny taste,
And the flowers were all wet through.

This garland he now wears night and day;
And, tho' it all sunny appears
With Pleasure's own light, each leaf, they say,
Still tastes of the Fountain of Tears.

Я вспоминаю наши клятвы, милый,
Былая радость мною не забыта.

Подумать кто бы мог, что уж не будет
Любовь нам улыбаться нежно,
Что время жаркий взгляд ее остудит
И слезы лить я буду безнадежно.
Услышь, молю тебя!..

25. КОГДА-ТО ЛЮБОВЬ РЕБЕНКОМ БЫЛА

(Шведская мелодия)

Когда-то Любовь ребенком была
И как-то на праздном пути
В прелестной долине беседку нашла
Столь дивную, что не уйти:

Гирлянды с деревьев свисают, цветы,
Источник струится у ног...
Увидев цветы Наслажденья, дитя
Стремится сорвать хоть цветок.

Не знала Любовь (да и кто из детей
В их годы в секрет бы проник?),
Что горькие слезы жестоких страстей
Питают прекрасный родник.

На цыпочки встав, ей достать удалось
Гирлянду цветов с высоты,
Но ручки слабы, и промокли насквозь,
В родник погрузившись, цветы.

Любовь с той поры не снимает венок,
Цветет он столетья подряд,
И сладок для взгляда любой лепесток,
Да только на вкус горьковат.

26. SAY, WHAT SHALL BE OUR SPORT
TO-DAY?
(*Sicilian Air*)

Say, what shall be our sport to-day?
There's nothing on earth, in sea, or air,
Too bright, too high, too wild, too gay
For spirits like mine to dare!
'T is like the returning bloom
Of those days, alas, gone by,
When I loved, each hour—I scarce knew whom—
And was blest—I scarce knew why.

Ay—those were days when life had wings,
And flew, oh, flew so wild a height
That, like the lark which sunward springs,
'T was giddy with too much light.
And, tho' of some plumes bereft,
With that sun, too, nearly set,
I've enough of light and wing still left
For a few gay soarings yet.

27. BRIGHT BE THY DREAMS
(*Welsh Air*)

Bright be thy dreams—may all thy weeping
Turn into smiles while thou art sleeping.
May those by death or seas removed,
The friends, who in thy spring-time knew thee,
All, thou hast ever prized or loved,
In dreams come smiling to thee!

There may the child, whose love lay deepest,
Dearest of all, come while thou sleepest;
Still as she was—no charm forgot—
No lustre lost that life had given;
Or, if changed, but changed to what
Thou 'lt find her yet in Heaven!

26. СЕГОДНЯ ТАКОЕ В ДУШЕ ТОРЖЕСТВО

(Сицилийская песня)

Сегодня такое в душе торжество,
 Что большего и не хочу;
 Ни в море, ни на небе нет ничего,
 Что б не было мне по плечу!
 Как будто бы снова сквозь зимнюю тьму
 Пробилась родная весна,
 Когда я был счастлив — бог весть почему —
 Влюблен — но не знал, кто она.

Крылато и звонко мгновенья неслись —
 Так мчится по скату ручей,
 Так птица взмывает в небесную высь,
 Пьянея от блеска лучей.
 Пусть перья поблекли и небо давно
 Алеет в закатном огне,
 Сегодня я счастлив — мне снова дано
 Ликуя парить в вышине.

27. ПУСТЬ ВАС ИЗБАВЯТ

(Валлийская мелодия)

Пусть вас избавят сны от страданья
 И превратят в улыбки рыданья.
 Друзья, которых вы не забыли,
 Все те, кто умер, кому не вернуться,
 Кого вы ценили, кого любили,
 Пусть вам во сне улыбнутся!

Пусть к вам малютка, взятая роком,
 Явится снова во сне глубоком.
 Как прежде, будет она прелестной,
 А если изменится, что не диво,
 То все же не так, чтоб в жизни небесной
 Ее сыскать не могли вы!

28. GO, THEN—'T IS VAIN
(*Sicilian Air*)

Go, then—'t is vain to hover
 Thus round a hope that 's dead;
 At length my dream is over;
 'T was sweet—'t was false—'t is fled!
 Farewell! since naught it moves thee,
 Such truth as mine to see—
 Some one, who far less loves thee,
 Perhaps more blest will be.

Farewell, sweet eyes, whose brightness
 New life around me shed;
 Farewell, false heart, whose lightness
 Now leaves me death instead.
 Go, now, those charms surrender
 To some new lover's sigh—
 One who, tho' far less tender,
 May be more blest than I.

29. THE CRYSTAL-HUNTERS
(*Swiss Air*)

O'er mountains bright
 With snow and light,
 We Crystal-Hunters speed along;
 While rocks and caves,
 And icy waves,
 Each instant echo to our song;
 And, when we meet with store of gems,
 We grudge not kings their diadems.
 O'er mountains bright
 With snow and light,
 We Crystal-Hunters speed along;
 While grotts and caves,
 And icy waves,
 Each instant echo to our song.

28. ЧТО Ж! УХОДИ
(Сицилийская мелодия)

Что ж! уходи, не мешкай,
Не бери мне ран;
Все кончилось насмешкой:
Надежда — боль — обман.
Не повернуть к былому,
Ревнуя и кляня.
Пусть повезет другому —
Счастливее меня!

Прощай же, свет мой ясный,
Отрада из отрад,
Прощай, цветок прекрасный,
Таящий жгучий яд.
Пускай другой пригубит
Нектар твоих щедрот:
Тому, кто меньше любит,
Пусть больше повезет!

29. ИСКАТЕЛИ ХРУСТАЛЯ
(Швейцарская мелодия)

Средь снежных гряд,
Слепящих взгляд,
Хрусталь мы ищем в толще гор,
И вторит лед,
Скала и грот
Напевам нашим, точно хор,
Перед сверканьем хрусталя
Ничто — корона короля!
Средь снежных гряд,
Слепящих взгляд,
Хрусталь мы ищем в толще гор,
И вторит лед,
Скала и грот
Напевам нашим, точно хор.

Not half so oft the lover dreams
Of sparkles from his lady's eyes,
As we of those refreshing gleams
That tell where deep the crystal lies;
Tho', next to crystal, we too grant,
That ladies' eyes may most enchant.
O'er mountains bright, etc.

Sometimes, when on the Alpine rose
The golden sunset leaves its ray,
So like a gem the floweret glows,
We hither bend our headlong way;
And, tho' we find no treasure there,
We bless the rose that shines so fair.
O'er mountains bright
With snow and light,
We Crystal-Hunters speed along;
While rocks and caves,
And icy waves,
Each instant echo to our song.

30. ROW GENTLY HERE
(*Venetian Air*)

Row gently here,
My gondolier,
So softly wake the tide,
That not an ear,
On earth, may hear,
But hers to whom we glide.
Had Heaven but tongues to speak, as well
As starry eyes to see,
Oh, think what tales 't would have to tell
Of wandering youths like me!

Блеск милых глаз милей всех благ
 Для юношей, а наш магнит —
 Мерцанье, потаенный знак
 О том, где клад хрустальный спит,
 Хрусталь чарует больше нас,
 Чем чары несравненных глаз!

Средь снежных гряд,
 Слепящих взгляд,
 Хрусталь мы ищем в толще гор,
 И вторит лед,
 Скала и грот
 Напевам нашим, точно хор.

Порой закат вонзает в луг
 Свой луч, и дивно среди трав
 Цветок алмазом вспыхнет вдруг,
 И мчимся мы к нему стремглав,
 Пускай сокровищ нет под ним,
 А мы его боготворим!

Средь снежных гряд,
 Слепящих взгляд,
 Хрусталь мы ищем в толще гор,
 И вторит лед,
 Скала и грот
 Напевам нашим, точно хор.

30. ГОНДОЛА, МЧИ!
 (Венецианская мелодия)

Гондола, мчи,
 Гребец, молчи,
 Я сяду на корме.
 Пускай сейчас
 Услышит нас
 Лишь та, что ждет во тьме.
 О, сколько молодых повес
 Так бродит по ночам!
 Лишь звезды зоркие с небес
 Подмигивают нам.

Now rest thee here,
 My gondolier;
 Hush, hush, for up I go,
 To climb yon light
 Balcony's height,
 While thou keep'st watch below.
 Ah! did we take for Heaven above
 But half such pains as we
 Take, day and night, for woman's love,
 What Angels we should be.

31. OH, DAYS OF YOUTH
(French Air)

Oh, days of youth and joy, long clouded,
 Why thus for ever haunt my view?
 When in the grave your light lay shrouded,
 Why did not Memory die there too?
 Vainly doth hope her strain now sing me,
 Telling of joys that yet remain—
 No, never more can this life bring me
 One joy that equals youth's sweet pain.

Dim lies the way to death before me,
 Cold winds of Time blow round my brow;
 Sunshine of youth! that once fell o'er me,
 Where is your warmth, your glory now?
 'T is not that then no pain could sting me;
 'T is not that now no joys remain;
 Oh, 't is that life no more can bring me
 One joy so sweet as that worst pain.

Стой! вот балкон,
 Где свет зажжен
 По знаку госпожи.
 Я проскользну
 Наверх, к окну,
 А ты посторожи...
 Когда б с усердием таким
 Молиться мы могли —
 Давно причислили б к святым
 Влюбленных всей земли!

31. О, ЮНОСТИ ПОРА
 (*Французская мелодия*)

О, юности пора и сила,
 Зачем я вами вновь томим?
 Когда ваш свет взяла могила,
 Что ж память не угасла с ним?
 Надежды песен мне не надо,
 Что радость осенит юдоль;
 Нет, не сулит мне жизнь отрады
 Столь сладкой, как бывалая боль.

Путь к смерти брезжит предо мною,
 Хлад времени мрачит чело.
 Светило юности былое!
 Где луч твой, где (твое тепло?)
 Хотя порой томит досада,
 Все ж не без радостей юдоль;
 Но не заменит днесь отрада
 Горчайшую былую боль.

32. WHEN FIRST THAT SMILE
(*Venetian Air*)

When first that smile, like sunshine, blest my sight,
 Oh what a vision then came o'er me!
 Long years of love, of calm and pure delight,
 Seemed in that smile to pass before me.
 Ne'er did the peasant dream of summer skies,
 Of golden fruit and harvests springing,
 With fonder hope than I of those sweet eyes,
 And of the joy their light was bringing.

Where now are all those fondly-promised hours?
 Ah! woman's faith is like her brightness—
 Fading as fast as rainbows or day-flowers,
 Or aught that 's known for grace and lightness.
 Short as the Persian's prayer, at close of day,
 Should be each vow of Love's repeating;
 Quick let him worship Beauty's precious ray—
 Even while he kneels, that ray is fleeting!

33. PEACE TO THE SLUMBERERS!
(*Catalonian Air*)

Peace to the slumberers!
 They lie on the battle-plain,
 With no shroud to cover them;
 The dew and the summer rain
 Are all that weep over them.
 Peace to the slumberers!

Vain was their bravery!—
 The fallen oak lies where it lay,
 Across the wintry river;
 But brave hearts, once swept away,
 Are gone, alas! for ever.
 Vain was their bravery!

32. КОГДА ТВОЕЙ УЛЫБКИ ЛУЧ ЗЛАТОЙ...

(Венецианская мелодия)

Когда твоей улыбки луч златой
Мне просиял, как дивное виденье,
Восторг любви, и счастье, и покой
Предстали предо мной в одно мгновенье.

Не грезит селянин о нивах и плодах
С такой горячей верой в чудо лета,
Как грезил я, когда в твоих глазах
Сверкали искры ласки и привета.

Но где же радость, что сулила ты?
Ах, верность женщины — поманит и обманет!
Она, как полуденные цветы
С их яркой прелестью, тотчас же вянет.

И клятвы Красоте должны короче быть
Молитвы перса в час вечерних бдений.
Спеши пред ней колени преклонить:
Пока молился ты — уже сгустились тени!

33. МИР ВАМ, ПОЧИВШИЕ БРАТЬЯ!

(Каталонская мелодия)

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Смерть приняла вас в объятья.
Дуб, опаленный грозой, опустится
Новою зеленью с новой весной;
Вас же, сердца, переставшие биться,
Кто возвратит стороне вас родной?
Смерть приняла вас в объятья.

Woe to the conqueror!
 Our limbs shall lie as cold as theirs
 Of whom his sword bereft us,
 Ere we forget the deep arrears
 Of vengeance they have left us!
 Woe to the conqueror!

34. WHEN THOU SHALT
 WANDER
 (*Sicilian Air*)

When thou shalt wander by that sweet light
 We used to gaze on so many an eve,
 When love was new and hope was bright,
 Ere I could doubt or thou deceive—
 Oh, then, remembering how swift went by
 Those hours of transport, even *thou* may'st sigh.

Yes, proud one! even thy heart may own
 That love like ours was far too sweet
 To be, like summer garments, thrown
 Aside, when past the summer's heat;
 And wish in vain to know again
 Such days, such nights, as blest thee then.

35. WHO 'LL BUY MY LOVE-KNOTS?
 (*Portuguese Air*)

Hymen, late, his love-knots selling,
 Called at many a maiden's dwelling:
 None could doubt, who saw or knew them,
 Hymen's call was welcome to them.
 "Who 'll buy my love-knots?
 "Who 'll buy my love-knots?"
 Soon as that sweet cry resounded,
 How his baskets were surrounded!

Maids, who now first dreamt of trying
 These gay knots of Hymen's tying;
 Dames, who long had sat to watch him

На победившем проклятье!
 Вечная месть нам завещана вами.
 Прежде чем робко изменим мы ей,
 Ляжем холодными трупами сами
 Здесь же, средь этих кровавых полей.
 На победившем проклятье!

34. КОГДА ПРОБЛУЖДАЕШЬ
 ПРИ СВЕТЕ ТОМ...

(Сицилийская мелодия)

Когда пробуждаешь при свете том,
 Который сиял нам так много ночей,
 А впереди был надежды фантом —
 До мук моих, до измены твоей, —
 Припомнив, как быстро наши мечты
 Промчались, вздохнешь неволью и ты.

Гордячка! сердцем и ты поймешь:
 Так всемогуща была наша страсть,
 Что сразу попробуй ее уничтожь!
 Как листьям по осени, ей не опасть.
 Что толку желать? Попробуй верни
 Блаженные ночи, блаженные дни!

35. КУПИТЕ БРАЧНЫЕ УЗЫ!

(Португальская мелодия)

Гименей к семейным парам
 Не рискнул идти с товаром —
 Незамужних, одиноких
 Кликнул он, и клич привлек их:
 «Купите брачные узы,
 Купите брачные узы!»
 Вмиг под крики зазывалы
 У прилавка тесно стало.

Юных дев, не знавших даже
 Вида уз до распродажи,
 Дам, томившихся годами, —

Passing by, but ne'er could catch him;—
 "Who 'll buy my love-knots?
 "Who 'll buy my love-knots?"—
 All at that sweet cry assembled;
 Some laughed, some blushed, and some trembled.

"Here are knots," said Hymen, taking
 Some loose flowers, "of Love's own making;
 "Here are gold ones—you may trust 'em"—
 (These, of course, found ready custom).
 "Come, buy my love-knots!
 "Come, buy my love-knots!
 "Some are labelled 'Knots to tie men—
 "Love the maker—Bought of Hymen.' "

Scarce their bargains were completed,
 When the nymphs all cried, "We 're cheated!
 "See these flowers—they 're drooping sadly;
 "This gold-knot, too, ties but badly—
 "Who 'd buy such love-knots?
 "Who 'd buy such love-knots?
 "Even this tie, with Love's name round it—
 "All a sham—He never bound it."

Love, who saw the whole proceeding,
 Would have laughed, but for good breeding;
 While Old Hymen, who was used to
 Cries like that these dames gave loose to—
 "Take back our love-knots!
 "Take back our love-knots!"
 Coolly said, "There 's no returning
 "Wares on Hymen's hands—Good morning!"

36. SEE, THE DAWN FROM HEAVEN
(To an Air sung at Rome, on Christmas Eve)

See, the dawn from Heaven is breaking
 O'er our sight,
 And Earth from sin awaking,
 Hails the light!

Всех купец созвал словами:
 «Купите брачные узы!
 Купите брачные узы!»
 Все столпились друг за другом,
 Кто со смехом, кто с испугом.

Гименей сказал: «Готов я
 Подтвердить: самой Любовью
 Сплетены с цветами звенья
 Сей цепи; без промедленья
 Купите брачные узы,
 Купите брачные узы
 С клеймами «Мужьям на шею»
 И — «Товар от Гименя!».

Бойко шли за сделкой сделка.
 Вдруг раздался визг: «Подделка!
 Розы вянут, опадая,
 Цепь золотая — не золотая,
 Прочь эти брачные узы!
 Прочь эти брачные узы!
 Лента «От Любви с любовью»
 Суть обман и суесловье!»

Этот шум Любовь слышала,
 Еле смех она сдержала.
 Гименей же без волненья,
 Снова слыша эти пени
 («Возьми назад свои узы!»),
 («Возьми назад свои узы!»),
 Рек: «Обратно никогда я
 Свой товар не принимаю!»

36. БРЕЗЖИТ СВЕТ ВО ТЬМЕ

(На мотив, слышанный в Риме под Рождество)

Брезжит свет во тьме кромешной —
 Посмотри:
 Ярок над землею грешной
 Свет зари!

See those groups of angels, winging
 From the realms above,
 On their brows, from Eden, bringing
 Wreaths of Hope and Love.

Hark, their hymns of glory pealing
 Thro' the air,
 To mortal ears revealing
 Who lies there!
 In that dwelling, dark and lowly,
 Sleeps the Heavenly Son,
 He, whose home 's above,—the Holy,
 Ever Holy One!

37. NETS AND CAGES
(Swedish Air)

Come, listen to my story, while
 Your needle task you ply;
 At what I sing some maids will smile,
 While some, perhaps, may sigh.
 Though Love 's the theme, and Wisdom blames
 Such florid songs as ours,

Yet Truth sometimes, like eastern dames,
 Can speak her thoughts by flowers.
 Then listen, maids, come listen, while
 Your needle's task you ply;
 At what I sing there 's some may smile,
 While some, perhaps, will sigh.

Young Cloe, bent on catching Loves,
 Such nets had learned to frame,
 That none, in all our vales and groves,
 E'er caught so much small game:
 But gentle Sue, less given to roam,
 While Cloe's nets were taking
 Such lots of Loves, sat still at home,
 One little Love-cage making.
 Come, listen, maids, etc.

Вот летят из райских кущей
 Ангелы к земле,
 И Надежды всемогущей
 Свет на их челе.

Ангельскому славословью
 Ты внемли,
 Чтобы весть дошла с любовью
 До земли,
 Что тиха Его обитель,
 Что, от глаз укрыт,
 Спит Сын Божий, спит Спаситель,
 Искупитель спит.

37. СЕТИ И КЛЕТКИ
 (Шведская мелодия)

Садитесь, девушки, кружком
 Послушать мой рассказ,
 Рассказ веселый, но притом
 В нем грусть видна подчас.
 Мне скажет Мудрость, что бежит
 Любовь цветистых слов;
 Пусть так, но Правда говорит
 На языке цветов.
 Так сядьте, девушки, кружком
 И слушайте рассказ,
 Рассказ веселый, но притом
 В нем грусть видна подчас.

Так ловко Хлоя Голубкам
 Умела ставить сети,
 Что Голубки, скажу я вам,
 Шли стаей в сети эти.
 А у Сюзанны нрав смирней,
 Она не торопилась:
 Закрывшись в комнатке своей,
 Над клеткою трудилась.
 Садитесь, девушки, и проч.

Much Cloe laughed at Susan's task;
 But mark how things went on:
 These light-caught Loves, ere you could ask
 Their name and age, were gone!
 So weak poor Cloe's nets were wove,
 That, tho' she charm'd into them
 New game each hour, the youngest Love
 Was able to break thro' them.
 Come, listen, maids, etc.

Meanwhile, young Sue, whose cage was wrought
 Of bars too strong to sever,
 One Love with golden pinions caught,
 And caged him there for ever;
 Instructing, thereby, all coquettes,
 Whate'er their looks or ages,
 That, tho' 't is pleasant weaving Nets,
 'T is wiser to make Cages.

Thus, maidens, thus do I beguile
 The task your fingers ply.—
 May all who hear like Susan smile,
 And not, like Cloe, sigh!

38. WHEN THROUGH THE PIAZZETTA
 (*Venetian Air*)

When thro' the Piazzetta
 Night breathes her cool air,
 Then, dearest Ninetta,
 I'll come to thee there.
 Beneath thy mask shrouded,
 I'll know thee afar,
 As Love knows tho' clouded
 His own Evening Star.

Исправно ловит птичек сеть,
 А все ж удачи нет:
 Их не успеешь разглядеть,
 Как их простыл и след.
 Непрочно сеть та сплетена
 И держит еле-еле,
 И вот все птички, как одна,
 От Хлои улетели.
 Садитесь, девушки, и проч.

 А клетка диво как крепка,
 И наконец словила
 Сюзанна Чудо-Голубка
 И дверцу притворила.
 Запомните же мой совет,
 Вы, милые кокетки:
 Плеть сеть приятно — спору нет,
 Но лучше делать клетки.

 И пожелаю каждой жить
 Спокойно и светло я,
 Веселой, как Сюзанна, быть
 И не грустить, как Хлоя.

38. ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПЕСНЯ

Когда на Пьяцетту
 Мрак ночи падет, —
 Ты знаешь, Нинетта,
 Кто там тебя ждет,
 Кто даже и в маске тебя узнает,
 Как в небе вечернем Венеру Эрот.

In garb, then, resembling
 Some gay gondolier,
 I 'll whisper thee, trembling,
 "Our bark, love, is near:
 "Now, now, while there hover
 "Those clouds o'er the moon,
 "'T will waft thee safe over
 "Yon silent Lagoon."

39. GO, NOW, AND DREAM
(Sicilian Air)

Go, now, and dream o'er that joy in thy slumber—
 Moments so sweet again ne'er shalt thou number.
 Of Pain's bitter draught the flavor ne'er flies,
 While Pleasure's scarce touches the lip ere it dies.
 Go, then, and dream, etc.

That moon, which hung o'er your parting, so splendid,
 Often will shine again, bright as she then did—
 But, never more will the beam she saw burn
 In those happy eyes, at your meeting, return.
 Go, then, and dream, etc.

40. TAKE HENCE THE BOWL
(Neapolitan Air)

Take hence the bowl;—tho' beaming
 Brightly as bowl e'er shone,
 Oh, it but sets me dreaming
 Of happy days now gone.
 There, in its clear reflection,
 As in a wizard's glass,
 Lost hopes and dead affection,
 Like shades, before me pass.

Each cup I drain brings hither
 Some scene of bliss gone by;—
 Bright lips too bright to wither,
 Warm hearts too warm to die.

Матросом одетый,
Уж жду я тебя,
О где же ты, где ты?
Готова ладья.
Приди ж, пока тучами скрыта луна,
И вдоль по лагуне помчит нас волна!..

39. ТЕПЕРЬ ИДИ, УСНИ
(Сицилийская мелодия)

Теперь иди, усни, и пусть тебе приснится
Та радость, та любовь — уж им не возвратиться.
Ведь с наших губ вовек не сходит вкус беды,
А счастье мелькнет — и где его следы?
Так что ж, иди, усни, и т. д.

И будет вновь сиять, полна своим сияньем,
Луна, следившая за вашим расставаньем, —
Но свет в твоих глазах, что ей сиял в ответ,
Когда встречались вы, увы, погас тот свет.
Так что ж, иди, усни, и т. д.

40. АХ, ЧАШУ СКОРЕЙ УБЕРИТЕ...
(Неаполитанская мелодия)

Ах, чашу скорей уберите
С блистающим светлым вином —
В сердце моем не будите
Память о счастье былом.
В волшебном ее отраженье
Бегут и бегут предо мной
Тени былых увлечений,
Надежд похороненных рой.

Лишь выпью — из дали туманной
Ушедшая юность зовет,
Где алые губы не вянут,
Где жаркое сердце живет.

Till, as the dream comes o'er me
 Of those long vanished years,
 Alas, the wine before me
 Seems turning all to tears!

41. FAREWELL, THERESA!
 (*Venetian Air*)

Farewell, Theresa! yon cloud that over
 Heaven's pale night-star gathering we see,
 Will scarce from that pure orb have past ere thy lover
 Swift o'er the wide wave shall wander from thee.

Long, like that dim cloud, I 've hung around thee,
 Darkening thy prospects, saddening thy brow;
 With gay heart, Theresa, and bright cheek I found thee;
 Oh, think how changed, love, how changed art thou now!

But here I free thee: like one awaking
 From fearful slumber, thou break'st the spell;
 'T is over—the moon, too, her bondage is breaking—
 Past are the dark clouds; Theresa, farewell!

42. HOW OFT, WHEN WATCHING STARS
 (*Savoyard Air*)

Oft, when the watching stars grow pale,
 And round me sleeps the moonlight scene,
 To hear a flute through yonder vale
 I from my casement lean.
 "Come, come, my love!" each note then seems to say,
 "Oh, come, my love! the night wears fast away!"
 Never to mortal ear
 Could words, tho' warm they be,
 Speak Passion's language half so clear
 As do those notes to me!

Then quick my own light lute I seek,
 And strike the chords with loudest swell;

Когда же усну и приснится
Страна молодых моих грез, —
В отраву, увы, превратится
Вино то от горечи слез.

41. ПРОЩАЙ, ТЕРЕЗА!

(Из Мура)

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что темным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твое сердце и жизнь без забот:
Сошлись мы — как верила ты наслажденью,
Как верила счастью — о Боже!.. И вот...

Теперь свободна ты, диво созданья, —
Скорее тяжелый свой сон разгоняй;
Смотри, — и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют. — Тереза, прощай!

* * *

42. Когда бледнеет звезд мерцанье,
В долине мрачно и темно, —
Далеких струн во тьме бряцанье
Летит в мое окно.
И слышу я, как каждый звук взывает:
«О приходи! уж ночь ослабевает».
Словам не выразить сильней
Душевных мук,
Передает язык страстей
Лишь арфы звук.

И я, поймав призыв унылый,
Спешу снять лютню со стены —

And, tho' they naught to others speak,
He knows their language well.
 "I come, my love!" each note then seems to say,
 "I come, my love!—thine, thine till break of day."
 Oh, weak the power of words,
 The hues of painting dim,
 Compared to what those simple chords
 Then say and paint to him!

43. WHEN THE FIRST SUMMER BEE
 (*German Air*)

When the first summer bee
 O'er the young rose shall hover,
 Then, like that gay rover,
 I'll come to thee.
 He to flowers, I to lips, full of sweets to the brim—
 What a meeting, what a meeting for me and for him!
 When the first summer bee, etc.

Then, to every bright tree
 In the garden he'll wander;
 While I, oh, much fonder,
 Will stay with thee.
 In search of new sweetness thro' thousands he'll run,
 While I find the sweetness of thousands in one.
 Then, to every bright tree, etc.

44. THO' 'T IS ALL BUT A DREAM
 (*French Air*)

Tho' 't is all but a dream at the best,
 And still, when happiest, soonest o'er,
 Yet, even in a dream, to be blest
 Is so sweet, that I ask for no more.
 The bosom that opes
 With earliest hopes,
 The soonest finds those hopes untrue;

Иная песнь с могучей силой
 Звучит средь тишины.
 И слышит он, как каждый звук ответа
 Поет: «Иду! — далеко до рассвета!»
 И он яснее слов поймет
 Любви ответ,
 Что арфа дальняя поет
 Ему в ответ.

43. КАК ПЕРВЫЙ ЛЕТНИЙ ШМЕЛЬ
 (Немецкая мелодия)

Как первый летний шмель
 Летит к цветам, ликуя,
 Так я, хоть я иную
 Себе поставил цель, —
 Он к цветам, я к тебе, полон страсти и огня, —
 Что за встреча, что за встреча для него, для меня!
 Как первый летний шмель, и т. д.

К другим цветам, звеня,
 Летит он упоенный,
 Но лишь в одну влюбленный,
 С одной останусь я.
 Он к тысячам прильнет и в поле и в саду,
 Я счастье свое в тебе одной найду.
 К другим цветам, звеня, и т. д.

44. ХОТЬ ВСЕГО ТОЛЬКО СОН
 (Французская мелодия)

Хоть всего только сон приснился мне,
 Но счастливый, как юность моя,
 Все же счастье так сладко даже во сне,
 Что не жажду большего я.
 Душа молодая,
 О рае мечтая,
 Находит вскоре, что рай невозможен.

As flowers that first
 In spring-time burst
 The earliest wither too!
 Ay—'t is all but a dream, etc.

Tho' by friendship we oft are deceived,
 And find love's sunshine soon o'er cast,
 Yet friendship will still be believed,
 And love trusted on to the last.
 The web 'mong the leaves
 The spider weaves
 Is like the charm Hope hangs o'er men;
 Tho' often she sees
 'T is broke by the breeze,
 She spins the bright tissue again.
 Ay—'t is all but a dream, etc.

45. WHEN THE WINE-CUP IS SMILING
 (*Italian Air*)

When the wine-cup is smiling before us,
 And we pledge round to hearts that are true, boy, true,
 Then the sky of this life opens o'er us,
 And Heaven gives a glimpse of its blue.
 Talk of Adam in Eden reclining,
 We are better, far better off thus, boy, thus;
 For *him* but *two* bright eyes were shining—
 See, what numbers are sparkling for us!

When on *one* side the grape-juice is dancing,
 While on t' other a blue eye beams, boy, beams,
 'T is enough, 'twixt the wine and the glancing,
 To disturb even a saint from his dreams.
 Yet, tho' life like a river is flowing,
 I care not how fast it goes on, boy, on,
 So the grape on its bank is still growing,
 And Love lights the waves as they run.

Так первый весной
 Цветок полевой
 Самым первым и вянет тоже.
 Да, всего только сон, и т. д.

Хоть и могут нередко друзья обмануть,
 А тучи — скрыть солнце любви,
 Но мы будем верны тебе, дружбы путь,
 И любовь сохраним в крови.

Ажурные эти
 Паучьи сети
 Так похожи на нашу надежду.
 Хоть ветер, бывает,
 Ее и срывает,
 Вновь она себе ткет одежду.
 Да, всего только сон, и т. д.

45. КАК ХМЕЛЬНОЕ ЗАПЛЕЩЕТСЯ В ЧАШЕ
 (*Итальянская мелодия*)

Как хмельное заплещется в чаше
 И заздравное слово слышной, да, слышной! —
 Наше небо становится краше
 И как будто немного синей!
 Что нам кущи Адама и Евы!
 Ибо лучше, признаться, у нас, да, у нас! —
 Там лишь глазки единственной девы —
 Сколько ж глаз нам сияет сейчас!

Слева чаша вина молодого,
 Справа пламень любовный в глазах, да, в глазах! —
 Не снесет искушенья такого
 Даже самый суровый монах!
 Пусть года утекают рекою —
 Вслед бегущей воде не взгляну, не взгляну! —
 Ибо берег увенчан лозою,
 И Любовь озаряет волну!

46. WHERE SHALL WE BURY OUR SHAME?

(Neapolitan Air)

Where shall we bury our shame?
 Where, in what desolate place,
 Hide the last wreck of a name
 Broken and stained by disgrace?
 Death may dis sever the chain,
 Oppression will cease when we 're gone;
 But the dishonor, the stain,
 Die as we may, will live on.

Was it for this we sent out
 Liberty's cry from our shore?
 Was it for this that her shout
 Thrilled to the world's very core?
 Thus to live cowards and slaves!—
 Oh, ye free hearts that lie dead,
 Do you not, even in your graves,
 Shudder, as o'er you we tread?

47. NE'ER TALK OF WISDOM'S GLOOMY
 SCHOOLS

(Mahratta Air)

Ne'er talk of Wisdom's gloomy schools;
 Give me the sage who 's able
 To draw his moral thoughts and rules
 From the study of the table;—
 Who learns how lightly, fleetly pass
 This world and all that 's in it,
 From the bumper that but crowns his glass,
 And is gone again next minute!

The diamond sleeps within the mine,
 The pearl beneath the water;
 While Truth, more precious, dwells in wine,
 The grape's own rosy daughter.

46. ГДЕ ПОХОРОНИМ МЫ НАШ СТЫД?
(Неаполитанская мелодия)

Где похороним мы наш стыд,
Среди каких пустынь и гор
Прах нашей чести будет скрыт,
Наш несмываемый позор?
Мгновенно может темнотой
Оковы рабства смерть разъять,
Но и за смертною чертой
Жива бесчестия печать.

Неужто зря победный клик
Исторг наш берег в славный час?
Неужто зря наш клик проник
Во все сердца — весь мир потряс?
Мы, трусы, живы, но мертвы
Свободы верные сыны:
В сырой земле дрожите ль вы,
Когда мы топчем ваши сны?

47. ЗАБУДЬ ПРЕМУДРОСТЬ
СКУЧНЫХ ШКОЛ
(Песня маратхи)

Забудь премудрость скучных школ.
Мне тот мудрец по нраву,
Который за столом обрел
Житейские уставы;
Кто жизни легкость отыскал
И мимолетный разум,
Напитком полня свой бокал
И осушая разом!

Лежит жемчужина на дне,
Алмаз — где гор громада;
А истина живет в вине —
Дитяти винограда.

And none can prize her charms like him,
 Oh, none like him obtain her,
 Who thus can, like Leander, swim
 Thro' sparkling floods to gain her!

48. HERE SLEEPS THE BARD
(Highland Air)

Here sleeps the Bard who knew so well
 All the sweet windings of Apollo's shell;
 Whether its music rolled like torrents near,
 Or died, like distant streamlets, on the ear.
 Sleep, sleep, mute bard; alike unheeded now
 The storm and zephyr sweep thy lifeless brow;—
 That storm, whose rush is like thy martial lay;
 That breeze which, like thy love-song, dies away!

49. DO NOT SAY THAT LIFE IS WANING

Do not say that life is waning,
 Or that hope's sweet day is set;
 While I 've thee and love remaining,
 Life is in the horizon yet.

Do not think those charms are flying,
 Tho' thy roses fade and fall;
 Beauty hath a grace undying,
 Which in thee survives them all.

Not for charms, the newest, brightest,
 That on other cheeks may shine,
 Would I change the least, the slightest,
 That is lingering now o'er thine.

50. THE GAZELLE

Dost thou not hear the silver bell,
 Thro' yonder lime-trees ringing?
 'T is my lady's light gazelle,

И сможет обрести лишь тот
Ее себе во благо,
Кто, как Леандр, за ней плывет
Сквозь искристую влагу!

48. ЗДЕСЬ БАРД УСНУЛ
(Шотландская мелодия)

Здесь бард уснул. Умел, как Аполлон,
Из сладкозвучной раковины он
Легко извлечь любые переливы —
То грозны вдруг, то снова шаловливы.
Теперь он спит. А шторм и легкий бриз
Над ним все так же огибают мыс:
Шторм — песнь твоя, исполненная гнева,
А бриз — твои любовные напевы.

49. НЕ ИССЯКЛИ ЖИЗНИ СИЛЫ

Не иссякли жизни силы,
Не погас надежды свет.
Ты со мной, мой ангел милый,
Значит, грусти места нет.

Жизнь моя, оставь печали!
Ты и ныне мне мила.
Розы юности увяли,
Но любовь не умерла!

Чары юных... Мимо, мимо!
Я вовеки не предам
Красоту моей любимой,
Неподвластную годам!

50. ГАЗЕЛЬ

Ты слышишь: вдалеке звенит
Бубенчик серебристый?
То стройная газель бежит

To me her love thoughts bringing,—
 All the while that silver bell
 Around his dark neck ringing.

See, in his mouth he bears a wreath,
 My love hath kist in tying;
 Oh, what tender thoughts beneath
 Those silent flowers are lying,—
 Hid within the mystic wreath,
 My love hath kist in trying!

Welcome, dear gazelle, to thee,
 And joy to her, the fairest,
 Who thus hath breathed her soul to me,
 I every leaf thou bearest;
 Welcome, dear gazelle, to thee,
 And joy to her the fairest!

Hail ye living, speaking flowers,
 That breathe of her who bound ye;
 Oh, 't was not in fields, or bowers,
 ' T was on her lips, she found ye;—
 Yes, ye blushing, speaking flowers,
 ' T was on her lips she found ye.

51. NO—LEAVE MY HEART TO REST

No—leave my heart to rest, if rest it may,
 When youth, and love, and hope, have past away.
 Couldst thou, when summer hours are fled,
 To some poor leaf that 's fallen and dead,
 Bring back the hue it wore, the scent it shed?
 No—leave this heart to rest, if rest it may,
 When youth, and love, and hope, have past away.

Oh, had I met thee then, when life was bright,
 Thy smile might still have fed its tranquil light;
 But now thou comest like sunny skies,
 Too late to cheer the seaman's eyes,

По роще темнолистой,
И на груди ее звенит
Бубенчик серебристый.

На шее у нее венок —
То дар моей любимой,
И в нем любой цветок — зарок
Любви неистребимой,
Вдохнули душу в тот венок
Уста моей любимой.

Любимой ты носи отсель
Мое благословенье,
Как принесла сюда, газель,
Счастливое мгновенье.
Любимой понеси отсель
Мое благословенье.

Цветы росли не на кустах,
Не на лесных полянах,
А прямо на ее устах
Они цвели румяных.
Слова любви живут в цветах,
В цветах благоуханных.

51. МЕЛОДИЯ

Нет, успокоиться дай сердцу моему,
Коль может быть покой, когда уже увяла
Надежда светлая, а юность миновала,
Когда уже любовь давно чужда ему!
Скажи, когда прошло живительное лето,
Как оживить листок, как снова дать ему
И аромат его, и блеск, и яркость цвета?
Нет, успокоиться дай сердцу моему!

О, если прежде бы я встретился с тобою,
Когда горела жизнь во всей своей красе,
Тогда могла бы ты улыбкою одною,
Как солнце, озарить мои надежды все.

When wrecked and lost his bark before him lies!
 No—leave this heart to rest, if rest it may,
 Since youth, and love, and hope have past away.

52. WHERE ARE THE VISIONS

“Where are the visions that round me once hovered,
 “Forms that shed grace from their shadows alone;
 “Looks fresh as light from a star just discovered,
 “And voices that Music might take for her own?”

Time, while I spoke, with his wings resting o’er me,
 Heard me say, “Where are those visions, oh where?”
 And pointing his wand to the sunset before me,
 Said, with a voice like the hollow wind, “There.”

Fondly I looked, when the wizard had spoken,
 And there, mid the dim-shining ruins of day,
 Saw, by their light, like a talisman broken,
 The last golden fragments of hope melt away.

53. WIND THY HORN, MY HUNTER BOY

Wind thy horn, my hunter boy,
 And leave thy lute’s inglorious sighs;
 Hunting is the hero’s joy,
 Till war his nobler game supplies.
 Hark! the hound-bells ringing sweet,
 While hunters shout and the woods repeat,
 Hilli-ho! Hilli-ho!

Wind again thy cheerful horn,
 Till echo, faint with answering, dies:
 Burn, bright torches, burn till morn,
 And lead us where the wild boar lies.
 Hark! the cry, “He ’s found, he ’s found,”
 While hill and valley our shouts resound,
 Hilli-ho! Hilli-ho!

Теперь ты для меня блестяшь, как свет лазури
 Для взора кормчего, когда, убит тоской,
 Он смотрит на ладью, разрушенную бурей,
 Где все погребено, что он любил душой.

52. ГДЕ ЖЕ ВИДЕНЬЯ...

«Где же виденья, витавшие рядом,
 Где дышащий грацией облик живой,
 Свежесть, как звездочка ясного взгляда,
 Голос, что Музыке равен самой?»

Время, внимая тоскливым вопросам,
 Расправив могучие крылья свои,
 Простерло к закату волшебный свой посох
 И глухо ответило: «Где? Погляди!»

Я послушно взгляделся в наплывы тумана
 И увидел в руинах угасшего дня,
 Как надежды, осколками талисмана
 Золотясь на прощанье, покидают меня.

53. ТРУБИ, ОХОТНИК, В СВОЙ ЗЫЧНЫЙ РОГ

Труби, охотник, в свой зычный рог,
 От лютни пусть клонит других ко сну.
 Влюблен в охоту герой-стрелок,
 Когда нет геройской игры в войну.
 Чу! Перезвон бубенцов по лесам,
 Чаща вторит охотничьим голосам:
 Хилли-хо! Хилли-хо!

Труби в задорный рог и кричи,
 Пусть эхо усталое замолчит.
 Факелы, полыхайте в ночи,
 Ведите туда, где кабан рычит.
 Чу! Вы слышите: «Здесь он! Здесь!»
 Долина и холм отозвались на весть:
 Хилли-хо! Хилли-хо!

54. OH, GUARD OUR AFFECTION

Oh, guard our affection, nor e'er let it feel
 The blight that this world o'er the warmest will steal:
 While the faith of all round us is fading or past,
 Let ours, ever green, keep its bloom to the last.

Far safer for Love 't is to wake and to weep,
 As he used in his prime, than go smiling to sleep;
 For death on his slumber, cold death follows fast,
 While the love that is wakeful lives on to the last.

And tho', as Time gathers his clouds o'er our head,
 A shade somewhat darker o'er life they may spread,
 Transparent, at least, be the shadow they cast,
 So that Love's softened light may shine thro' to the last.

55. SLUMBER, OH SLUMBER

"Slumber, oh slumber; if sleeping thou mak'st
 "My heart beat so wildly, I 'm lost if thou wak'st."

Thus sung I to a maiden,
 Who slept one summer's day,
 And, like a flower o'erladen
 With too much sunshine, lay.
 Slumber, oh slumber, etc.

"Breathe not, oh breathe not, ye winds, o'er her cheeks;
 "If mute thus she charms me, I'm lost when she speaks,"

Thus sing I, while, awaking,
 She murmurs words that seem
 As if her lips were taking
 Farewell of some sweet dream.
 Breathe not, oh breathe not, etc.

56. BRING THE BRIGHT GARLANDS HITHER

Bring the bright garlands hither,
 Ere yet a leaf is dying;
 If so soon they must wither,

54. ХРАНИТЕ ЛЮБОВЬ

Храните любовь, как нежнейший росток,
 К которому холоден мир и жесток;
 Согрейте его, дайте в силу войти —
 Он будет весь век благодарно цвести.

Любовь берегите от дремы и сна —
 Застынет во сне и не встанет она!
 Пусть лучше рыдает она по ночам:
 Вскормленной слезами, ей слезы — бальзам...

Но пусть, когда Время своей пеленой
 Затянет нам небо, как дождь обложной,
 Любовь воссияет из мрака и туч,
 Как будто последний, негаснувший луч!

55. ГРЕЗЫ, О ГРЕЗЫ!

«Грезы, о грезы! Чудо сомкнутых век.
 Тебе стоит проснуться — и пропал я навек».

 Так я пел знойным летом,
 Как цветок, ты спала,
 Напоенная светом,
 Разомлев от тепла.
 Грезы, о грезы!..

«Ветер, о ветер, не тревожь ее сон!
 Одно ее слово — и я обречен».

 Песнь моя затихает,
 Нежный лепет звучит:
 Сон от губ отлетает,
 Через миг отлетит.
 Ветер, о ветер!..

56. ПРИНОСИТЕ ИЗ САДА...

 Приносите из сада,
 Рассыпайте по дому! —
 Розы эти — отрада

Ours be their last sweet sighing.
 Hark, that low dismal chime!
 'T is the dreary voice of Time.
 Oh, bring beauty, bring roses,
 Bring all that yet is ours;
 Let life's day, as it closes,
 Shine to the last thro' flowers.

Haste, ere the bowl's declining,
 Drink of it now or never;
 Now, while Beauty is shining,
 Love, or she's lost for ever.
 Hark! again that dull chime,
 'T is the dreary voice of Time.
 Oh, if life be a torrent,
 Down to oblivion going,
 Like this cup be its current,
 Bright to the last drop flowing!

57. IF IN LOVING, SINGING

If in loving, singing, night and day
 We could trifle merrily life away,
 Like atoms dancing in the beam,
 Like day-flies skimming o'er the stream,
 Or summer blossoms, born to sigh
 Their sweetness out, and die—
 How brilliant, thoughtless, side by side,
 Thou and I could make our minutes glide!
 No atoms ever glanced so bright,
 No day-flies ever danced so light,
 Nor summer blossoms mixt their sigh,
 So close, as thou and I!

58. THOU LOVEST NO MORE

Too plain, alas, my doom is spoken
 Nor canst thou veil the sad truth o'er;
 Thy heart is changed, thy vow is broken,
 Thou lovest no more—thou lovest no more.

Сердцу немолодому.
 Слышишь траурный звон?
 Это сумрачный голос времен.
 От узорчатых лилий
 Вечер кажется краше,
 Мы цветами продлили
 Праздник осени нашей.

Наклонён, но не допит
 Кубок счастья земного,
 Красота нас торопит:
 Пейте снова и снова!
 Чу! Опять этот звон —
 Ужасающий голос времен.
 Но пока он, усталый,
 Даст забвение душам,
 Наслажденья фиалы
 Мы до капли осушим!

57. ВСЕГДА ЛЮБИТЬ, ВСЕ ВРЕМЯ ПЕТЬ

Всегда любить, все время петь —
 Когда бы жить могли мы впредь,
 Как пляшут атомы в луче,
 Тень мотылька скользит в ручье,
 И дышат красотой цветы,
 Чья смерть — цена их красоты, —
 В забвенье, в близости какой
 Наш век бы краткий тек рекой!
 Так ярко атом бы не смог,
 Не смог так плавно мотылек,
 Так близко не смогли б цветы
 Дыханье слить, как я и ты!

58. ЛЮБОВЬ ПРОШЛА

Увы, мне не избыть печального удела,
 Гнетущей правды скрыть не в силах мгла,
 Забыты клятвы, сердце охладело,
 Любовь прошла, любовь прошла.

Tho' kindly still those eyes behold me,
 The smile is gone, which once they wore;
 Tho' fondly still those arms enfold me,
 'T is not the same—thou lovest no more.

Too long my dream of bliss believing,
 I've thought thee all thou wert before;
 But now—alas! there's no deceiving,
 'T is all too plain, thou lovest no more.

Oh, thou as soon the dead couldst waken,
 As lost affection's life restore,
 Give peace to her that is forsaken,
 Or bring back him who loves no more.

59. WHEN ABROAD
 IN THE WORLD

When abroad in the world thou appearest,
 And the young and the lovely are there,
 To my heart while of all thou'rt the dearest,
 To my eyes thou'rt of all the most fair.
 They pass, one by one,
 Like waves of the sea,
 That say to the Sun,
 "See, how fair we can be."
 But where's the light like thine,
 In sun or shade to shine?
 No—no, 'mong them all, there is nothing like thee,
 Nothing like thee.

Oft, of old, without farewell or warning,
 Beauty's self used to steal from the skies;
 Fling a mist round her head, some fine morning,
 And post down to earth in disguise;
 But, no matter what shroud
 Around her might be,
 Men peeped through the cloud,
 And whispered, "'T is, She."

И пусть глаза твои сияют добротою,
 Улыбка прежних дней в них больше не видна.
 И пусть груди моей коснулся ты рукою,
 Но все не то — любовь прошла.

Как я упрямо заблужденье длила,
 Как перемен не видеть я могла!
 Но больше нет обманываться силы,
 Мне ясно все — любовь прошла.

Скорей проснутся мертвые в могиле,
 Чем вспять вернется прошлого пора,
 Так упокой меня навеки — или
 Верни любовь, которая прошла.

59. И В ТОЛПЕ ТЫ С ДРУГИМИ НЕ СХОЖА

И в толпе ты с другими не схожа,
 Там, где юность царит и успех, —
 Ты и сердцу всех прочих дороже,
 Ты и взгляду милее всех тех,
 Кто мимо плывет
 Одна за одной,
 Как под Солнцем встает
 Волна за волной,
 Похваляясь своей красотой.
 Но им не сравниться с тобою!
 Нет-нет, никто не сравнится с тобой,
 Не сравнится с тобой.

В стародавнее время, бывало,
 К нам с небес в ранний утренний час
 Красота втихомолку слетала,
 Лик свой в дымке скрывая от нас.
 Окутал черты
 Покров голубой —
 Но лик Красоты
 Узнает любой.

So thou, where thousands are,
 Shonest forth the only star,—
 Yes, yes, 'mong them all, there is nothing like thee,
 Nothing like thee.

60. KEEP THOSE EYES STILL PURELY MINE

Keep those eyes still purely mine,
 Tho' far off I be:
 When on others most they shine,
 Then think they 're turned on me.

Should those lips as now respond
 To sweet minstrelsy,
 When their accents seem most fond,
 Then think they 're breathed for me.

Make what hearts thou wilt thy own,
 If when all on thee
 Fix their charmed thoughts alone,
 Thou think'st the while on me.

61. HOPE COMES AGAIN

Hope comes again, to this heart long a stranger,
 Once more she sings me her flattering strain;
 But hush, gentle syren—for, ah, there 's less danger
 In still suffering on, than in hoping again.

Long, long, in sorrow, too deep for repining,
 Gloomy, but tranquil, this bosom hath lain;
 And joy coming now, like a sudden light shining
 O'er eyelids long darkened, would bring me but pain.

Fly then, ye visions, that Hope would shed o'er me;
 Lost to the future, my sole chance of rest
 Now lies not in dreaming of bliss that 's before me,
 But, ah—in forgetting how once I was blest.

Звездой засияв над толпою,
Толпу не оставишь слепую.
Да-да, ничто не сравнится с тобой,
Не сравнится с тобой.

60. ДОЛЖНА МЕНЯ ТЫ ВИДЕТЬ РЯДОМ

Должна меня ты видеть рядом,
Хоть я — в стране чужой.
Считай, других чаруя взглядом,
Что я — перед тобой.

Ты внемли каждому, кто страстно
Поет тебе одной,
Но только думай ежечасно,
Что сладкий голос — мой.

Ты завладеть стремишься сердцами,
Но, видя пред собой
Тех, что влекут к себе речами,
Душою будь со мной.

61. ВНОВЬ Я НАДЕЮСЬ...

Вновь я надеюсь и верю, как прежде.
Снова мечтанье и нежит, и лжет.
Смолкни, сирена! Пустые надежды
Ранят больнее привычных невзгод.

Хмурый покой мне отрадней манящей
Лести, слетевшей с неверных высот.
Радость, как молнии росчерк слепящий,
Кроткое сердце без жалости жжет.

Нет, не спасает мечта-чаровница —
Счастья виденьями не воскресить.
Не о несбыточном нужно томиться,
А о былом постараться забыть!

62. O SAY, THOU BEST AND BRIGHTEST

O say, thou best and brightest,
 My first love and my last,
 When he, whom now thou slightest,
 From life's dark scene hath past,
 Will kinder thoughts then move thee?
 Will pity wake one thrill
 For him who lived to love thee,
 And dying loved thee still?

If when, that hour recalling
 From which he dates his woes,
 Thou feel'st a tear-drop falling,
 Ah, blush not while it flows:
 But, all the past forgiving,
 Bend gently o'er his shrine,
 And say, "This heart, when living,
 "With all its faults, was mine."

63. WHEN NIGHT BRINGS THE HOUR

When night brings the hour
 Of starlight and joy,
 There comes to my bower
 A fairy-winged boy;
 With eyes so bright,
 So full of wild arts,
 Like nets of light,
 To tangle young hearts;
 With lips, in whose keeping
 Love's secret may dwell,
 Like Zephyr asleep in
 Some rosy sea-shell.
 Guess who he is,
 Name but his name,
 And his best kiss
 For reward you may claim.

62. СКАЖИ, МОЙ СВЕТ БЕСЦЕННЫЙ

Скажи, мой свет бесценный,
 Жестокий мой кумир:
 Когда, тобой презренный,
 Покину этот мир, —
 Склонишься ль к изголовью?
 Вдохнешь ли чуть нежней
 Над тем, кто жил любовью,
 Кто жил и умер с ней?

Прости меня, друг милый,
 И вспомни в добрый час;
 А если над могилой
 Слезу прольешь хоть раз,
 Не прячь глаза поспешно,
 Скажи: «Вот человек,
 Что всей душою грешной
 Был предан мне навек!»

63. ЛИШЬ НОЧЬ ЗАБЛИСТАЕТ

Лишь ночь заблестает
 Над гребнями крыш,
 Ко мне прилетает
 Крылатый малыш.
 Блестят огоньки
 В глазах сорванца,
 К ним, как мотыльки,
 Стремятся сердца.
 А рот его влажный
 Слегка приоткрыт,
 Как будто преважный
 Секрет он хранит.
 Как его звать? —
 · Надо ль гадать?
 Он вам просил
 Поцелуй передать!

Where'er o'er the ground
 He prints his light feet,
 The flowers there are found
 Most shining and sweet:
 His looks, as soft
 As lightning in May,
 Tho' dangerous oft,
 Ne'er wound but in play:
 And oh, when his wings
 Have brushed o'er my lyre,
 You 'd fancy its strings
 Were turning to fire.
 Guess who he is,
 Name but his name,
 And his best kiss
 For reward you may claim.

64. LIKE ONE WHO,
 DOOMED

Like one who, doomed o'er distant seas
 His weary path to measure,
 When home at length, with favoring breeze,
 He brings the far-sought treasure;

His ship, in sight of shore, goes down,
 That shore to which he hasted;
 And all the wealth he thought his own
 Is o'er the waters wasted!

Like him, this heart, thro' many a track
 Of toil and sorrow straying,
 One hope alone brought fondly back,
 Its toil and grief repaying.

Like him, alas, I see that ray
 Of hope before me perish,
 And one dark minute sweep away
 What years were given to cherish.

От легкого бега
 Ребячьих ступней
 Трава — из-под снега,
 Цветы — из камней.
 Как молния мая —
 Сияющий взгляд,
 Что ранит играя,
 Разит наугад.
 Вот быстрым крылом
 Провел он по струнам —
 И песня огнем
 Наполнилась юным...
 Как его звать? —
 Надо ль гадать?
 Он вам просил
 Поцелуй передать!

64. КАК ТОТ, КТО, ЧУЖЕДАЛЬНИХ ВОД

Как тот, кто, чужедальних вод
 Преодолев преграды,
 С попутным ветром в дом везет
 Отысканные клады,

И вдруг у берега в виду
 Корабль груженный тонет
 И волны на его беду
 Сокровища хоронят;

Так сердцу бедному пройти
 Пришлось сквозь все страданья
 В надежде, что в конце пути
 Получит воздаянье.

И вижу я, что не дано
 Исполниться надежде:
 Минутой черной сметено
 Все, что мечталось прежде.

65. FEAR NOT THAT, WHILE AROUND THEE

Fear not that, while around thee
 Life's varied blessings pour,
 One sigh of hers shall wound thee,
 Whose smile thou seek'st no more.
 No, dead and cold for ever
 Let our past love remain;
 Once gone, its spirit never
 Shall haunt thy rest again.

May the new ties that bind thee
 Far sweeter, happier prove,
 Nor e'er of me remind thee,
 But by their truth and love.
 Think how, asleep or waking,
 Thy image haunts me yet;
 But, how this heart is breaking
 For thy own peace forget.

66. WHEN LOVE IS KIND

When Love is kind,
 Cheerful and free,
 Love's sure to find
 Welcome from me.

But when Love brings
 Heartache or pang,
 Tears, and such things—
 Love may go hang!

If Love can sigh
 For one alone,
 Well pleased am I
 To be that one,

But should I see
 Love given to rove
 To two or three,
 Then—good-by Love!

65. УЖ КОЛЬ БЛАЖЕНСТВО МАНИТ

Уж коль блаженство манит,
 Не бойся, что опять
 Вздох той тебя поранит,
 Кого не рад и знать.
 Нет, раз ты сжил со света
 Прошедшую любовь,
 Тебя уж чувство это
 Не потревожит вновь.

Ты снова любишь нежно —
 Любовь твоя сильна
 И тем похожа с прежней,
 Что истинна она.
 Знай, образ твой со мною —
 Во сне и в яви дня,
 Но, чтоб ты жил в покое,
 Прошу, забудь меня.

66. ЕСЛИ ЛЮБОВЬ...

Если любовь —
 Радости дочь,
 Я полюбить
 Вовсе не прочь.

Если ж она —
 Мука одна,
 То нипочем
 Мне не нужна!

Если любовь —
 Преданный взгляд,
 Я полюбить
 Счастлив и рад.

Если ж на всех
 Смотрит, маня, —
 Эта стряпня
 Не для меня!

Love must, in short,
 Keep fond and true,
 Thro' good report,
 And evil too.

Else, here I swear,
 Young Love may go,
 For aught I care—
 To Jericho.

67. THE GARLAND I SEND THEE

The Garland I send thee was culled from those bowers
 Where thou and I wandered in long vanished hours;
 Not a leaf or a blossom its bloom here displays,
 But bears some remembrance of those happy days.

The roses were gathered by that garden gate,
 Where our meetings, tho' early, seemed always too late;
 Where lingering full oft thro' a summer-night's moon,
 Our partings, tho' late, appeared always too soon.

The rest were all culled from the banks of that glade,
 Where, watching the sunset, so often we 've strayed,
 And mourned, as the time went, that Love had no power
 To bind in his chain even one happy hour.

68. HOW SHALL I WOO?

If I speak to thee in friendship's name,
 Thou think'st I speak too coldly;
 If I mention Love's devoted flame,
 Thou say'st I speak too boldly.
 Between these two unequal fires,
 Why doom me thus to hover?
 I 'm a friend, if such thy heart requires,
 If more thou seek'st, a lover.
 Which shall it be? How shall I woo?
 Fair one, choose between the two.

Пусть же любовь
 Будет всегда
 В счастье — нежна,
 В горе — тверда,

Если ж она —
 Блажь и каприз,
 Эта любовь
 К черту катись!

67. В ТОМ ВЕНКЕ, ЧТО Я ШЛЮ ТЕБЕ...

В том венке, что я шлю тебе, каждый цветок
 О часах безвозвратных поведать бы мог:
 О том, как бродили мы лугом цветущим,
 Как шумели над нами зеленые кущи.

Розы рвал у калитки, где в давнюю пору
 Даже ранняя встреча казалась нескорой,
 Где, бывало, стояли всю ночь до утра,
 А казалось — расстаться еще не пора.

Остальные цветы — на поляне лесной,
 Где гуляли мы часто закатной порой,
 Сокрушаясь, что даже любви не под силу
 Удержать этот час, быстролетный и милый.

68. КАК МНЕ ТЕБЯ ЗАВОЕВАТЬ?

Заговорю как друг с тобой —
 Холодным называешь,
 Займу любовною игрой —
 За дерзость упрекаешь.
 Зачем меж этих двух огней
 Мечусь я постоянно?
 Я друг, коль так угодно ей,
 А нет — любовник рьяный.
 Так кем из двух себя назвать,
 Чтобы тебя завоевать?

Tho' the wings of Love will brightly play,
 When first he comes to woo thee,
 There 's a chance that he may fly away
 As fast as he flies *to* thee.
 While Friendship, tho' on foot she come,
 No flights of fancy trying,
 Will, therefore, oft be found at home,
 When Love abroad is flying.
 Which shall it be? How shall I woo?
 Dear one, choose between the two.

If neither feeling suits thy heart,
 Let's see, to please thee, whether
 We may not learn some precious art
 To mix their charms together;
 One feeling, still more sweet, to form
 From two so sweet already—
 A friendship that like love is warm,
 A love like friendship steady.
 Thus let it be, thus let me woo,
 Dearest, thus we 'll join the two.

69. SPRING AND AUTUMN

Every season hath its pleasures;
 Spring may boast her flowery prime,
 Yet the vineyard's ruby treasures
 Brighten Autumn's soberer time.
 So Life's year begins and closes;
 Days tho' shortening still can shine;
 What tho' youth gave love and roses,
 Age still leaves us friends and wine.

Phillis, when she might have caught me,
 All the Spring looked coy and shy,
 Yet herself in Autumn sought me,
 When the flowers were all gone by.
 Ah, too late;—she found her lover
 Calm and free beneath his vine,
 Drinking to the Spring-time over,
 In his best autumnal wine.

Любовь щебечет, словно чиж,
 Едва на ветку села.
 Почистит перышки... глядишь,
 Уж нету — улетела.
 А Дружба ходит все пешком;
 Коль двери распахнете,
 Придет и посидит молчком,
 Пока Любовь в отлете.
 Какую же из двух призвать,
 Чтобы тебя завоевать?

Когда ни первым, ни вторым
 Тебе не сделать чести,
 Из них мы третье сотворим,
 Соединив их вместе.
 Не оскорбим мы чувств земных
 С тобою, безусловно,
 Любви дав прочность дружб иных,
 А Дружке — пыл любовный.
 Обоих надо бы призвать,
 Чтобы тебя завоевать.

69. ВЕСНА И ОСЕНЬ

Здесь нет поры без наслаждений:
 Весенний гений — первоцвет,
 Зато рубин лозы осенней —
 Долин спокойных яркий след.
 Так Жизни Год венчают лозы,
 Но блеска в кратких днях полно.
 Что ж, юность даст любовь и розы,
 А зрелость — дружбу и вино.

Весною недотрога Филлис
 Легко поймать меня могла,
 Зато теперь сама явилась,
 Когда в лугах бесцветье, мгла.
 Ах, поздно! Друг ее на воле,
 Он успокоился давно,
 И пьет за прах весенний в поле
 Он лучшей осени вино.

Thus may we, as years are flying,
To their flight our pleasures suit,
Nor regret the blossoms dying,
While we still may taste the fruit,
Oh, while days like this are ours,
Where 's the lip that dares repine?
Spring may take our loves and flowers,
So Autumn leaves us friends and wine.

70. LOVE ALONE

If thou wouldst have thy charms enchant our eyes,
First win our hearts, for there thy empire lies:
Beauty in vain would mount a heartless throne,
Her Right Divine is given by Love alone.

What would the rose with all her pride be worth,
Were there no sun to call her brightness forth?
Maidens, unloved, like flowers in darkness thrown,
Wait but that light which comes from Love alone.

Fair as thy charms in yonder glass appear,
Trust not their bloom, they 'll fade from year to year:
Wouldst thou they still should shine as first they shone,
Go, fix thy mirror in Love's eyes alone.



Так нам дано свои улады
Подлаживать к полету дней,
И о цветах жалеть ли надо,
Покуда рядом плод вкусней,
О, разве тратить наши слезы
В такую пору не грешно?
Весна любовь отнимет, розы,
А Осень дружбу даст, вино.

70. ЛИШЬ ЛЮБОВЬ

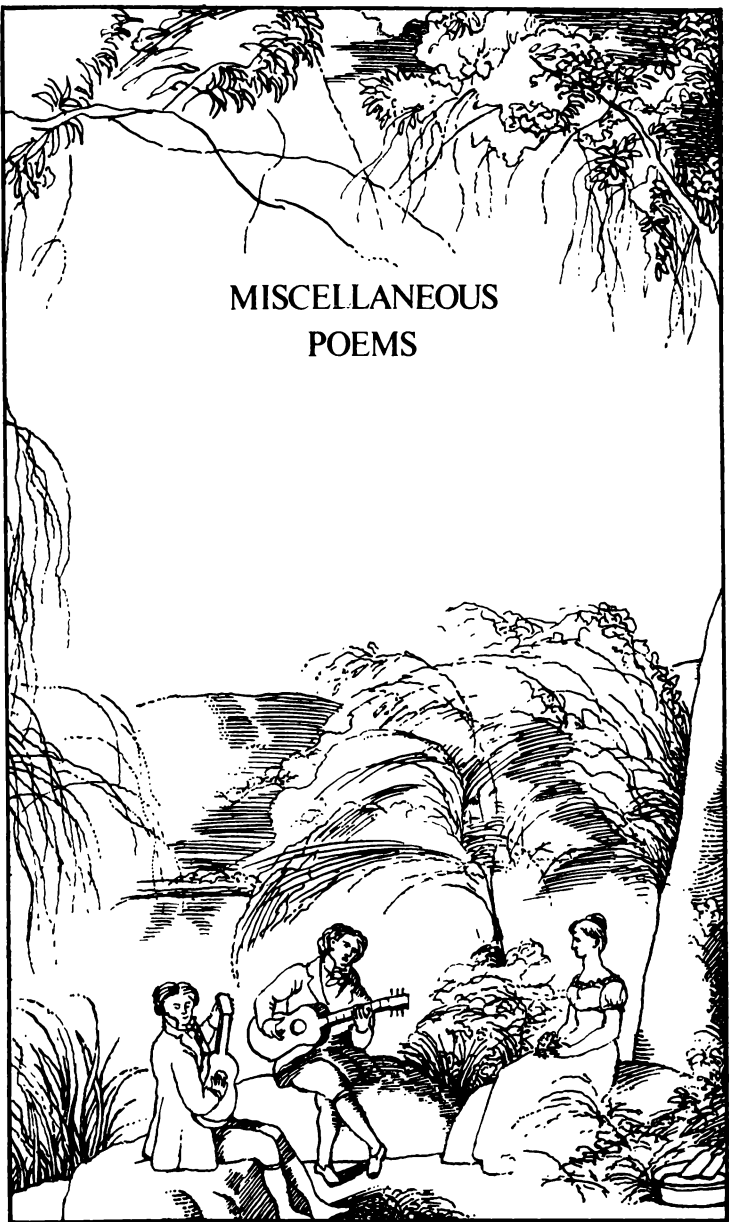
Коль хочешь взор пленить своей красой,
Так прежде сердце очаруй, друг мой, —
Бездушная краса нам, право, не нужна,
Божественную власть дает Любовь одна.

Ведь роза, что, кичась красой, растет,
Без солнца жаркого не расцветет.
И дева без любви, что роза без тепла —
Ей жизнь и свет дает Любовь одна.

Хоть зеркало сейчас красы твоей не скроет,
Но время прелесть ту, безжалостное, смоет.
А хочешь сохранить красу и жар в крови —
Глядись не в зеркало — в глаза Любви.



MISCELLANEOUS
POEMS





СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ



TO

Sweet lady, look not thus again:
Those bright, deluding smiles recall
A maid remember'd now with pain,
Who was my love, my life, my all!

Oh! while this heart bewildered took
Sweet poison from her thrilling eye,
Thus would she smile and lisp and look,
And I would hear and gaze and sigh!

Yes, I did love her—wildly love—
She was her sex's best deceiver!
And oft she swore she 'd never rove—
And I was destined to believe her!

Then, lady, do not wear the smile
Of one whose smile could thus betray;
Alas! I think the lovely wile
Again could steal my heart away.

For, when those spells that charmed my mind
On lips so pure as thine I see,
I fear the heart which she resigned
Will err again and fly to thee!



О, не гляди так на меня! Твой жгучий взгляд
Из глаз потоки слез невольно исторгает.
Не знаешь ты, что он собой напоминает
Все, чем когда-то был я счастлив и богат.
Когда тот взгляд, ко мне порою обращаясь,
То говорил *люблю*, то *нет* вдруг говорил
И, как безумный, я душой за ним следил,
Весь затаенный смысл в нем разгадать стараясь,
Не думал я, чтоб час мучительный пробил,
Когда в укор себе, на посмеянье свету
Узнаю, что одну фальшивую монету,
Как драгоценный перл, у сердца я хранил!
Да, правды много так во взгляде том сияло,
Что кто подумал бы и угадал бы кто ж,
Что в нем царят одни обман, притворство, ложь?
Нет, жизнь всю за него отдать казалось мало.
Так если лжив твой взгляд, что счастья мне сулит, —
О, пощади меня! Ты видишь, сердце снова
Страдать по-прежнему и полюбить готово
И страсти сдержанный уж в нем огонь горит.
Поработить меня — пустая лишь забава;
Безумно, горячо я рвусь к любви земной,
Нещадно ж подшутить и поиграть со мной —
Какая честь, скажи, какая в этом слава?

A REFLECTION AT SEA

See how, beneath the moonbeam's smile,
 Yon little billow heaves its breast,
 And foams and sparkles for awhile,—
 Then murmuring subsides to rest.

Thus man, the sport of bliss and care,
 Rises on time's eventful sea;
 And, having swelled a moment there,
 Thus melts into eternity!

CLORIS AND FANNY

CLORIS! if I were Persia's king.
 I'd make my graceful queen of thee;
 While FANNY, wild and artless thing,
 Should but thy humble handmaid be.

There is but *one* objection in it —
 That, verily, I'm much afraid
 I should, in some unlucky minute,
 Forsake the mistress for the maid.

TO JULIA WEEPING

Oh! if your tears are given to care,
 If real woe disturbs your peace,
 Come to my bosom, weeping fair!
 And I will bid your weeping cease.

But if with Fancy's visioned fears,
 With dreams of woe your bosom thrill;
 You look so lovely in your tears,
 That I must bid you drop them still.

ВОЛНА

Посмотри — волна клубится пеной
 Под лучами ласковой луны
 И блестит, как камень драгоценный,
 Разлилась — и больше нет волны.

Человек — волна в житейском море:
 На мгновенье вспрынет и блеснет
 И, как этот вал в морском просторе,
 В океане жизни пропадет.

ЕСЛИ Б!

Если б падишахом, Клара, стал я вдруг, —
 Ты б царицей стала, мой бесценный друг!
 Фани же — дикарку — ту с иной судьбою
 Я бы познакомил, сделавши рабою...

Но... страшуся только, милая моя,
 Чтоб жену не бросил для служанки я —
 И чтоб у дикарки, сделанной рабою,
 Вдруг не оказалось царство под пятою!

КОГДА ТЫ РЫДАЕШЬ...

Когда ты рыдаешь, страдая,
 И горе твое глубокó,
 Подруга моя молодая,
 То мне самому нелегко.

Когда же ты плачешь от грезы,
 От детских фантазий и мук,
 К тебе так идут эти слезы,
 Что плачь ты почаще, мой друг!

THE WONDER

Come, tell me where the maid is found,
 Whose heart can love without deceit,
 And I will range the world around,
 To sigh one moment at her feet.

Oh! tell me where 's her sainted home,
 What air receives her blessed sigh,
 A pilgrimage of years I 'll roam
 To catch one sparkle of her eye!

And if her cheek be smooth and bright,
 While truth within her bosom lies,
 I 'll gaze upon her morn and night,
 Till my heart leave me through my eyes.

Show me on earth a thing so rare,
 I 'll own all miracles are true;
 To make one maid sincere and fair,
 Oh, 't is the utmost Heaven can do!

THE EVENING GUN

Remember'st thou that setting sun,
 The last I saw with thee,
 When loud we heard the evening gun
 Peal o'er the twilight sea?
 Boom!—the sounds appeared to sweep
 Far o'er the verge of day,
 Till, into realms beyond the deep,
 They seemed to die away.
 Oft, when the toils of day are done,
 In pensive dreams of thee,
 I sit to hear that evening gun,
 Peal o'er the stormy sea.
 Boom!—and while, o'er billows curled,
 The distant sounds decay,
 I weep and wish, from this rough world
 Like them to die away.

ЧУДО

Скажи: есть в мире женщина такая,
 Что безо лжи способна полюбить?..
 О, если есть — я целый мир заставлю
 Пред ней во прах колени преклонить!..

Где дом ее? Какой волшебный воздух
 Созданье это должен окружать?..
 О, я готов пробыть в дороге годы,
 Чтоб взгляд ее, один лишь взгляд поймать!..

И если только безо лжи, коварства
 Та женщина готова полюбить,
 То ей одной все храмы, все престолы —
 Молиться ей, ее боготворить!..

И громко я, на целый мир воскликну:
 «О, с этих пор я верю в чудеса!» —
 Ведь более чудесного явления
 Создать не в состоянье небеса!..

* * *

Ты помнишь ли, как мы с тобою
 Прощались позднею порою?
 Вечерний выстрел загремел,
 И мы с волнением внимали...
 Тогда лучи уж догорали,
 И на море туман густел;
 Удар с усилием промчался
 И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных забот,
 Я часто о тебе мечтаю,
 Бродя вблизи пустынных вод,
 Вечерним выстрелам внимаю.
 И между тем как чередой
 Глушит волнами их седыми,
 Я плачу, я томим тоской,
 Я умереть желаю с ними...

TO-DAY, DEAREST! IS OURS

To-day, dearest! is ours;
 Why should Love carelessly lose it?
 This life shines or lowers
 Just as we, weak mortals, use it.
 'T is time enough, when its flowers decay,
 To think of the thorns of Sorrow
 And Joy, if left on the stem to-day,
 May wither before to-morrow.

Then why, dearest! so long
 Let the sweet moments fly over?
 Tho' now, blooming and young
 Thou hast me devoutly thy lover;
 Yet Time from both, in his silent lapse,
 Some treasure may steal or borrow;
 Thy charms may be less in bloom, perhaps,
 Or I less in love to-morrow.

FROM LIFE WITHOUT FREEDOM

From life without freedom, say, who would not fly?

For one day of freedom, oh! who would not die?

Hark!—hark! 't is the trumpet! the call of the brave,

The death-song of tyrants, the dirge of the slave.

Our country lies bleeding—haste, haste to her aid;

One arm that defends is worth hosts that invade.

* * *

День текущий — день наш, дорогая!
 Для любви ты его не теряй,
 Лишь прекрасное в жизни собирая,
 Ты прекрасную жизнь создавай.

Будет время, цвести перестанут
 Розы счастья, шипы нас кольнут,
 Может, завтра восторги увянут,
 Что сегодня так пышно цветут.

Не беги же, любовь погоняя:
 Ты сегодня свежа и юна,
 И к тебе моя грудь молодая
 Пылом страсти мятежной полна.

Но украдкою Время седое
 Отнимает дары красоты...
 Может, завтра, забыв про былое,
 Разлюблю — или я, или ты.

БРАННЫЙ КЛИЧ

Кто жизнью дорожит, когда она в неволе!
 Кто не отдаст ее за день свободной доли!..

Но — чу! — вы слышите трубу?

То бранный клич родного стана,

То песня смерти для тирана

И память вечная рабу!

В крови отчизна... О, скорее

На помощь к ней — и стар, и млад!

Всех полчищ вражеских сильнее

Ее защитника булат.

Кто жизнью дорожит, когда она в неволе!..

Кто не отдаст ее за день свободной доли!..

In death's kindly bosom our last hope remains—
The dead fear no tyrants, the grave has no chains.
On, on to the combat! the heroes that bleed
For virtue and mankind are heroes indeed.
And oh, even if Freedom from *this* world be driven,
Despair not—at least we shall find her in heaven.

WAKE UP, SWEET MELODY

Wake up, sweet melody!
Now is the hour
When young and loving hearts
Feel most thy power.
One note of music, by moonlight's soft ray—
Oh, 't is worth thousands heard coldly by day.
Then wake up, sweet melody!
Now is the hour
When young and loving hearts
Feel most thy power.

Ask the fond nightingale,
When his sweet flower
Loves most to hear his song,
In her green bower?
Oh, he will tell thee, thro' summer-nights long,
Fondest she lends her whole soul to his song.
Then wake up, sweet melody!
Now is the hour
When young and loving hearts
Feel most thy power.



Тираны и бичи не страшны мертвецам!
Оковы рабские неведомы гробам!
Вперед, вперед! Нас ждет кровавый,
Последний бой! Герой — лишь тот,
Кто без боязни и со славой
В бою за родину падет.
Пусть отнята у нас свобода, —
Погибнув с верою в сердцах,
Ее найдут на небесах
Сыны несчастного народа...
Тираны и бичи не страшны мертвецам!..
Оковы рабские неведомы гробам!..

* * *

Где ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил.
Звук хоть единый в мерцанье ночном
Тысячи стоит внимаемых днем.

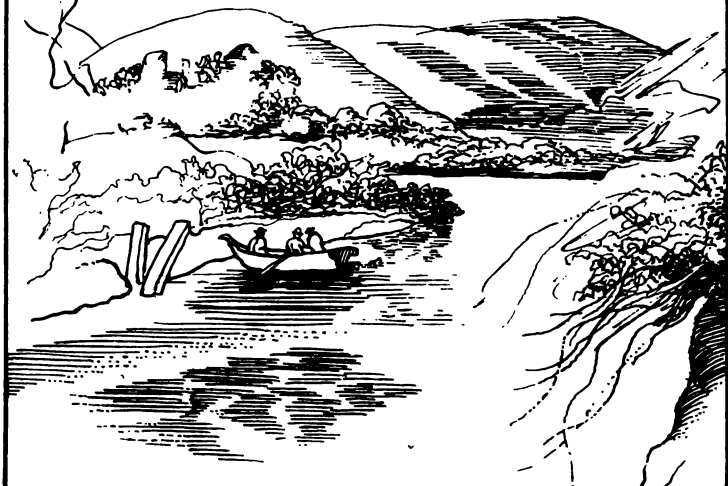
Где ж ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил.

Спросим, в который час
Роза сильней
Песней пленяется
В спальне своей.
Летнею ночью (в ответ соловей)
Песни и близки и сладостны ей.

Где ж ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил.



FROM "FABLES FOR THE
HOLY ALLIANCE"



ИЗ «СКАЗОК
О СВЯЩЕННОМ СОЮЗЕ»





FABLE I

*THE DISSOLUTION OF THE HOLY ALLIANCE
A DREAM*

I 've had a dream that bodes no good
Unto the Holy Brotherhood.
I may be wrong, but I confess—
As far as it is right or lawful
For one, no conjurer, to guess—
It seems to me extremely awful.

Methought, upon the Neva's flood
A beautiful Ice Palace stood,
A dome of frost-work, on the plan
Of that once built by Empress Anne,
Which shone by moonlight—as the tale is—
Like an Aurora Borealis.
In this said Palace, furnisht all
And lighted as the best on land are,
I dreamt there was a splendid Ball,
Given by the Emperor Alexander,
To entertain with all due zeal,
Those holy gentlemen, who 've shown a
Regard so kind for Europe's weal,
At Troppau, Laybach and Verona.

The thought was happy—and designed
To hint how thus the human Mind
May, like the stream imprisoned there,
Be checkt and chilled, till it can bear
The heaviest Kings, that ode or sonnet



СКАЗКА I

КОНЕЦ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Приснился мне ужасный сон,
Которым был я потрясен,
Хоть, не обученный гадать,
Я как профан боюсь конфуза,
Но катастрофы можно ждать:
Мне жаль Священного союза.

Дом ледяной приснился мне.
На невском берегу при луне
Он, как причудливый кристалл,
В сиянье сказочном блистал,
Чертог пленительный и странный,
Фантазия царицы Анны.
И в ледяном своем дворце,
Радушный, в блеске небывалом,
Восторг являя на лице,
Царь, снилось мне, чарует балом
Святых господ, чья доброта
Чуждается дурного тона,
Европой всею занята,
Как помнят Лайбах и Верона.

Удачен замысел такой.
Он подтверждал, что дух людской —
Морозом скованный поток,
Поскольку выдержать он мог
Танцоров, тяжелейших в мире,

E'er yet be-~~be~~praised, to dance upon it.
 And all were pleased and cold and stately,
 Shivering in grand illumination—
 Admired the superstructure greatly,
 Nor gave one thought to the foundation.
 Much too the Tsar himself exulted,
 To all plebeian fears a stranger,
 For, Madame Krüdener, when consulted,
 Had pledged her word there was no danger
 So, on he capered, fearless quite,
 Thinking himself extremely clever,
 And waltzed away with all his might,
 As if the Frost would last for ever.

Just fancy how a bard like me,
 Who reverence monarchs, must have trembled
 To see that goodly company,
 At such a ticklish sport assembled.

Nor were the fears, that thus astounded
 My loyal soul, at all unfounded—
 For, lo! ere long, those walls so massy
 Were seized with an ill-omened dripping,
 And o'er the floors, now growing glassy,
 Their Holinesses took to slipping.
 The Tsar, half thro' a Polonaise,
 Could scarce get on for downright stumbling;
 And Prussia, tho' to slippery ways
 Well used, was cursedly near tumbling.

Yet still 't was, *who* could stamp the floor most,
 Russia and Austria 'mong the foremost.—
 And now, to an Italian air,
 This precious brace would, hand in hand, go;
 Now—while old Louis, from his chair,
 Intreated them his toes to spare—
 Called loudly out for a Fandango.

And a Fandango, 'faith, they had,
 At which they all set to, like mad!
 Never were Kings (tho' small the expense is

Всех венценосцев, милых лире.
 Все стыло, все торжествовало;
 Кругом царило ликованье.
 Ничьих тревог не вызывало
 Блистательное основанье.
 Не зная робости позорной,
 Царь Александр ходил по льдине;
 Он внял пророчице придворной:
 Мол, нет опасности в помине.
 Довольный гением своим,
 Монарх вальсировал беспечно,
 Решив, что лед несокрушим
 И что мороз продлится вечно.

Как верноподданный пиит
 Один я трепетал в тревоге:
 Такой внушительный синклит
 В таком сомнительном чертоге!

До глубины души взволнован,
 Я видел — страх мой обоснован:
 Капель — зловещая примета,
 Пожалуй, даже святотатство;
 Капризам скользкого паркета
 Подвержено святое братство.
 Царь в полонезе сплеховал;
 Скользила Пруссия вначале,
 Достойна всяческих похвал,
 Однако слишком скользко в зале.
 Россия с Австрией в ударе
 (Лед крепкий нужен этой паре!)
 Прошлись на итальянский лад,
 Согласно требованиям ранга;
 Людовик, старый прокурат,
 Вздыхает, ноги, мол, болят,
 А тех двоих влечет фанданго.

Неистовым несдобровать.
 Фанданго вредно танцевать
 Владыкам, сбитым с панталыку;
 Нельзя же в этакую клику

Of wit among their Excellencies)
 So out of all their princely senses,
 But ah! that dance—that Spanish dance—
 Scarce was the luckless strain begun,
 When, glaring red, as 't were a glance
 Shot from an angry Southern sun,
 A light thro' all the chambers flamed,
 Astonishing old Father Frost,
 Who, bursting into tears, exclaimed,
 "A thaw, by Jove—we 're lost, we 're lost!
 "Run, France—a second *Waterloo*
 "Is come to drown you—*sauve qui peut!*"

Why, why will monarchs caper so
 In palaces without foundations?—
 Instantly all was in a flow,
 Crowns, fiddles, sceptres, decorations—
 Those Royal Arms, that lookt so nice,
 Cut out in the resplendent ice—
 Those Eagles, handsomely provided
 With double heads for double dealings—
 How fast the globes and sceptres glided
 Out of their claws on all the ceilings!
 Proud Prussia's double bird of prey
 Tame as a spatch cock, slunk away;
 While—just like France herself, when she
 Proclaims how great her naval skill is—
 Poor Louis's drowning fleurs-de-lys
 Imagined themselves *water-lilies*.
 And not alone rooms, ceilings, shelves,
 But—still more fatal execution—
 The Great Legitimates themselves
 Seemed in a state of dissolution.
 The indignant Tsar—when just about
 To issue a sublime Ukase,
 "Whereas all light must be kept out"—
 Dissolved to nothing in its blaze.
 Next Prussia took his turn to melt,
 And, while his lips illustrious felt
 The influence of this southern air,
 Some word, like "Constitution"—long

Принять разумного владыку!
Танцорам танец угрожал,
Испанский танец просто жгуч;
Был гневным южным солнцем в зал
Направлен меткий красный луч,
Который, нагоняя страх,
Торжествовал среди зимы;
Уже Мороз кричит в слезах:
«Пропали мы! Пропали мы!
Спасайся, Франция, беги!
Потоп! Реванш берут враги!»

Как допускают короли
Такие грубые ошибки?
Оттаяв, мигом потекли
Короны, скипетры и скрипки.
Грозит монархиям ущерб,
Готов растаять каждый герб.
Орлы двуглавые линяют
(Две головы — игра двойная!).
Им когти явно изменяют,
Державы с потолков роняя.
Где прусский хищник? Был, да сплыл,
Закапав, каплуном прослыл.
Бурбоны мнили, что у них
Вполне достаточно флотилий;
Теперь от лилий водяных
Не отличишь французских лилий.
Когда бы только потолки!
Нет, венценосные особы
Происхожденью вопреки
Сегодня тают, как сугробы.
Царь погасить задумал свет,
Издав решительный указ;
Но государя нет как нет:
Растаял царь на этот раз.
Невыносимая жара!
Растаять Пруссии пора.
Вниманье общее привлек
На конституцию намек,

Congealed in frosty silence there—
Came slowly thawing from his tongue.
While Louis, lapsing by degrees,
And sighing out a faint adieu
To truffles, salmis, toasted cheese
And smoking *fondus*, quickly grew,
Himself, into a *fondu* too;—
Or like that goodly King they make
Of sugar for a Twelfth-night cake,
When, in some urchin's mouth, alas!
It melts into a shapeless mass!

In short, I scarce could count a minute,
Ere the bright dome and all within it,
Kings, Fiddlers, Emperors, all were gone—
And nothing now was seen or heard
But the bright river, rushing on,
Happy as an enfranchised bird,
And prouder of that natural ray,
Shining along its chainless way—
More proudly happy thus to glide
In simple grandeur to the sea,
Than when, in sparkling fetters tied,
'T was deckt with all that kingly pride
Could bring to light its slavery!

Such is my dream—and, I confess,
I tremble at its awfulness.
That Spanish Dance—that southern beam—
But I say nothing—there 's my dream—
And Madame Krüdener, the she-prophet,
May make just what she pleases of it.

FABLE 3

THE TORCH OF LIBERTY

I saw it all in Fancy's glass—
Herself, the fair, the wild magician,
Who bade this splendid day-dream pass,
And named each gliding apparition.

Оттаявший наверняка,
 Чтобы сорваться с языка.
 Как в масле сыр, кататься рад,
 Людовик, предвкушая пир,
 Вообразил, что трюфли — клад;
 Теперь Людовик вправду «сир»:
 В горячем масле тает сыр.
 Король растаял — вот конфуз!
 Так жженный тает сахарок,
 Когда веселый карапуз
 Жует рождественский пирог.

Итак, скажу вам откровенно:
 Все вдруг растаяло мгновенно.
 Где бывший лед, где бывший двор?
 Ни скрипачей, ни королей.
 Река стремится на простор
 Свободной птицы веселей,
 Счастливей жаркого луча,
 Разбив оковы сгоряча.
 Течь в море лучше без муштры
 В своей природной красоте,
 Чем в блесках рабской мишуры
 Все королевские дворы
 Терпеть на ледяном хребте.

Истолковать мой страшный сон
 Мешает мне хороший тон;
 Испанский танец — южный луч
 Среди зловещих этих туч.
 Вверяю с грустью непритворной
 Мой сон пророчице придворной.

СКАЗКА 3

ФАКЕЛ СВОБОДЫ

Фантазия предстала мне
 В чудесном зеркале своем,
 Истолковав наедине
 Все, что привиделось мне днем.

' T was like a torch-race—such as they
Of Greece performed, in ages gone,
When the fleet youths, in long array,
Past the bright torch triumphant on.

I saw the expectant nations stand,
To catch the coming flame in turn;—
I saw, from ready hand to hand,
The clear tho' struggling glory burn.

And oh! their joy, as it came near,
' T was in itself a joy to see;—
While Fancy whispered in my ear:
"That torch they pass is Liberty!"

And each, as she received the flame,
Lighted her altar with its ray;
Then, smiling, to the next who came,
Speded it on its sparkling way.

From ALBION first, whose ancient shrine
Was furnisht with the fire already,
COLUMBIA caught the boon divine.
And lit a flame, like ALBION'S, steady.

The splendid gift then GALLIA took,
And, like a wild Bacchante, raising
The brand aloft, its sparkles shook,
As she would set the world a-blazing!

Thus kindling wild, so fierce and high
Her altar blazed into the air,
That ALBION, to that fire too nigh,
Shrunk back and shuddered at its glare!

Next, SPAIN, so new was light to her,
Leapt at the torch—but, ere the spark
That fell upon her shrine could stir,
' T was quenched—and all again was dark.

Я видел факельный пробег:
Вновь яркий факел был зажжен
Для быстроногих в этот век,
Как в Греции былых времен.

Я видел, как народы ждут,
Когда настанет их черед
И факел им передадут,
Испепеляя древний гнет.

Не ликовать сердцам нельзя;
Тот факел чуда творит.
Фантазии поверил я:
Свобода факелом горит.

Повсюду факел рад сверкнуть;
Он зажигает алтари,
Искристый продолжая путь
Лучом смеющейся зари.

От Альбиона, где цела
Святая искра с давних лет,
Америка восприняла
Огонь божественный и свет.

Вакханке Галлии потом
Достался драгоценный дар;
Ей в исступлении святом
Всемирный виделся пожар.

Был пламень галльский нестерпим;
Уже грозил соседям он,
И перед пламенем таким
Отпрянул гордый Альбион.

Испания рванулась вдруг,
Хотела свой зажечь алтарь,
Но, факел выпустив из рук,
Осталась темною, как встарь.

Yet, no—*not* quenched—a treasure worth
So much to mortals rarely dies:
Again her living light lookt forth,
And shone, a beacon, in all eyes.

Who next received the flame? alas!
Unworthy NAPLES—shame of shames,
That ever thro' such hands should pass
That brightest of all earthly flames!

Scarce had her fingers touched the torch,
When, frightened by the sparks it shed,
Nor waiting even to feel the scorch,
She dropt it to the earth—and fled.

And fallen it might have long remained;
But GREECE, who saw her moment now,
Caught up the prize, tho' prostrate, stained,
And waved it round her beauteous brow.

And Fancy bade me mark where, o'er
Her altar, as its flame ascended,
Fair, laurelled spirits seemed to soar,
Who thus in song their voices blended:—

“Shine, shine for ever, glorious Flame,
“Divinest gift of Gods to men!
“From GREECE thy earliest splendor came,
“To GREECE thy ray returns again.

“Take, Freedom, take thy radiant round,
“When dimmed, revive, when lost, return,
“Till not a shrine thro' earth be found,
“On which thy glories shall not burn.”

Однако факел не погас,
Свет благотворный не иссяк;
Для ненасытных наших глаз
Отрадный светится маяк.

Черед Неаполя пришел,
Чья содрогается ладонь,
Как будто факел ей тяжел
И ненавистен ей огонь.

Неаполь, блеска не стерпев,
Почувствовал позорный страх;
Обжечься даже не успев,
Он сразу бросил факел в прах.

Упал заветный факел в грязь,
Но время Греции пришло;
Она восстала, не боясь
Овеять пламенем чело.

Фантазия своей игрой
Воспламенила смертных взор;
Я видел духов светлый рой,
И пел небесный стройный хор:

«Нам даровали божества
Тебя, бессмертная звезда!
Зажглась ты в Греции сперва,
Так возвращайся же туда.

Сияй, свобода, не тускней,
Все страны в мире веселя,
Чтобы обителью твоей
Однажды стала вся земля!»

FABLE 4
THE FLY AND THE BULLOCK
Proem

Of all that, to the sage's survey,
 This world presents of topsy-turvy,
 There 's naught so much disturbs one's patience,
 As little minds in lofty stations.
 'T is like that sort of painful wonder,
 Which slender columns, laboring under
 Enormous arches, give beholders;—
 Or those poor Caryatides,
 Condemned to smile and stand at ease,
 With a whole house upon their shoulders.

If as in some few royal cases,
 Small minds are *born* into such places—
 If they are there by Right Divine
 Or any such sufficient reason,
 Why—Heaven forbid we should repine!—
 To wish it otherwise were treason;
 Nay, even to see it in a vision,
 Would be what lawyers call *misprision*.

Sir ROBERT FILMER saith—and he,
 Of course, knew all about the matter—
 "Both men and beasts love Monarchy;"
 Which proves how rational—the *latter*.
 SIDNEY, we know, or wrong or right,
 Entirely differed from the Knight:
 Nay, hints a King may lose his head,
 By slipping awkwardly his bridle:—
 But this is treasonous, ill-bred,
 And (now-a-days, when Kings are led
 In patent snaffles) downright idle.
 No, no—it is n't right-line Kings,
 (Those sovereign lords in leading strings
 Who, from their birth, are Faith-Defenders,)
 That move my wrath—'t is your pretenders,
 Your mushroom rulers, sons of earth,
 Who—not, like t' others, bores by birth,

СКАЗКА 4
МУХА И БЫК

Предварение

Приводит мудрого в смущенье
Всемирное коловращенье;
Владычество умов ничтожных —
Тягчайший гнет из всех возможных;
Хотя колонны год за годом
Не ропщут под массивным сводом,
Они внушают состраданье;
А каково кариатидам
Стоять с невозмутимым видом,
Когда на них почиет зданье!

Должны молчать мы поневоле,
Когда, родившись на престоле,
Царят убогие умы;
У них божественное право,
Оно решает, а не мы, —
Изменник сетует лукаво.
Когда в опасности держава,
Крамольный сон — уже отрава.

Сэр Роберт Филмер признает
Без всяких новомодных бредней:
За короля народ и скот,
Благонадежней всех последний.
К скотине Сидней не примкнул,
Напротив, дерзко намекнул,
Мол, без поводьев иногда
Теряет голову король,
Но это вздор и ерунда,
И королю идет узда,
Пока король играет роль.
На короля не нападу,
С плен король на поводу,
С младенчества ревнитель веры,
Но претенденты — вот химеры,
Поганки, детища земли!
Пускай болваны — короли,

Establisht *gratiâ Dei* blockheads,
Born with three kingdoms in their pockets—
Yet, with a brass that nothing stops,
Push up into the loftiest stations,
And, tho' too dull to manage shops,
Presume, the dolts, to manage nations!

This class it is, that moves my gall,
And stirs up bile, and spleen and all.
While other senseless things appear
To know the limits of their sphere—
While not a cow on earth romances
So much as to conceit she dances—
While the most jumping frog we know of,
Would scarce at Astley's hope to show'off—
Your ***s, your ***s dare,
Untrained as are their minds, to set them
To *any* business, *any* where,
At *any* time that fools will lot them.

But leave we here these upstart things—
My business is just now with Kings;
To whom and to their right-line glory,
I dedicate the following story.

FABLE

The wise men of Egypt were secret as dummies;
And even when they most condescended to teach,
They packt up their meaning, as they did their mummies,
In so many wrappers, 't was out of one's reach.

They were also, good people, much given to Kings—
Fond of craft and of crocodiles, monkeys and mystery;
But blue-bottle flies were their best beloved things—
As will partly appear in this very short history.

A Scythian philosopher (nephew, they say,
To that other great traveller, young Anacharsis,
Stept into a temple at Memphis one day,
Tô have a short peep at their mystical farces.

Они в своих родятся странах
С тремя державами в карманах,
Но возмущает произвол.
Когда, проталкиваясь в давке,
Дубина влезла на престол,
Хоть ей не место даже в лавке.

Вот кто способен разозлить
И желчь мою во мне разлить.
Куда бы я ни поглядел,
Все твари знают свой предел.
Корова подтвердить готова,
Что балерина — не корова.
Лягушка, прыгая отлично,
Не хочет выступать публично;
Зато бездарный имярек,
Глупцов отъявленных любимец,
За все берется в этот век
И торжествует, проходимец.

Не склонные к таким ролям,
Вернемся к нашим королям,
Которым посвятить рискую
Я нынче сказочку такую:

СКАЗКА

Египет — отчизна мыслителей скрытных.
Привыкли в таинственном этом краю
Покровами с толку сбивать любопытных,
Как мумию, кутать идею свою.

Египтяне любили своих королей,
В той стране крокодил находил обожателей;
Только муха мясная казалась милей.
Эта тема — находка для повествователей.

Был в Мемфисе один любознательный скиф,
Анахарсиса родич, по всей вероятности;
Наблюдал он, прославленный храм посетив,
Сей мистический фарс, не лишенный занятости.

He saw a brisk blue-bottle Fly on an altar,
Made much of, and worshipt, as something divine;
While a large, handsome Bullock, led there in a halter,
Before it lay stabbed at the foot of the shrine.

Surprised at such doings, he whispered his teacher—
"If 't is n't impertinent, may I ask why
"Should a Bullock, that useful and powerful creature,
"Be thus offered up to a blue-bottle Fly?"

"No wonder"—said t'other—"you stare at the sight,
"But *we* as a Symbol of Monarchy view it—
"That Fly on the shrine is Legitimate Right,
"And that Bullock, the People that 's sacrificed to it."



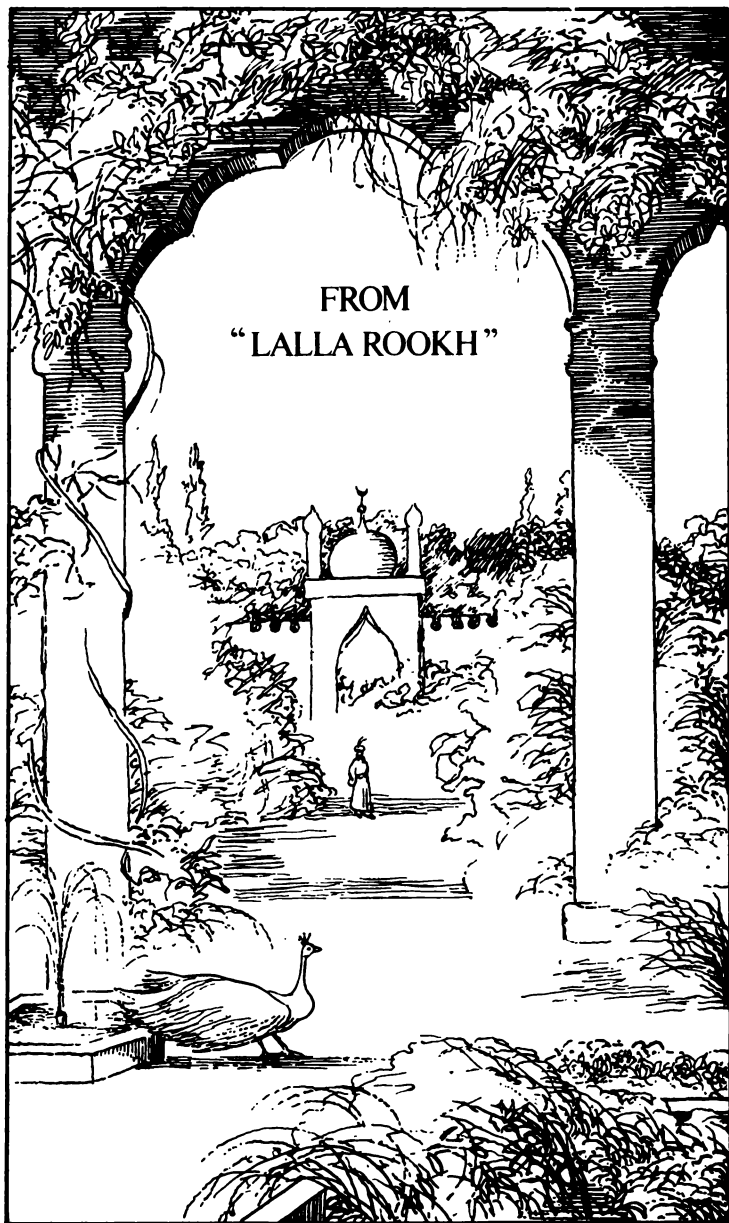
Смотрел путешественник пристальным взглядом
На муху мясную, которую жрец
Почтил обстоятельным древним обрядом,
Ей в жертву быка принесся наконец.

Тогда в изумленье пришел посетитель.
Сорвался вопрос у него с языка.
«Зачем, — прошептал он, — почтенный учитель,
Вы в жертву приносите мухе быка?»

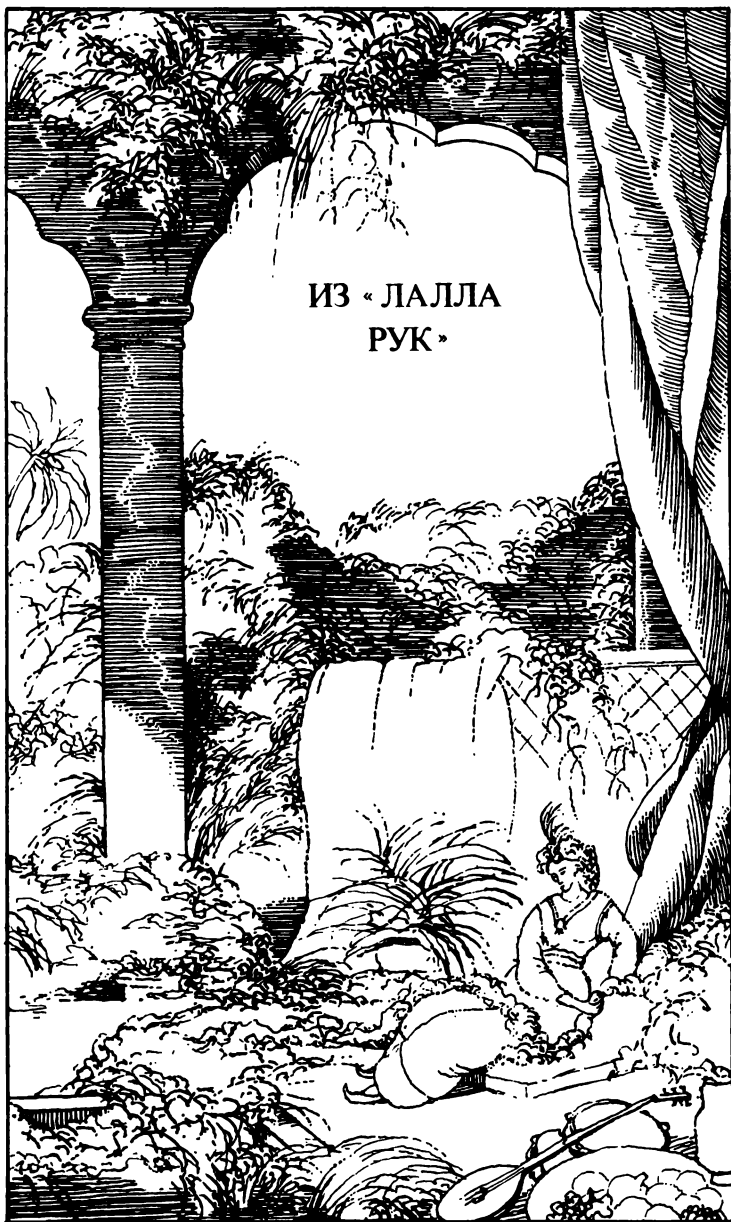
Ответил мудрец: «До подобных высот
Возносится в символах лишь благодравие.
Заколотый бык — это верный народ,
А муха — священное самодержавие».



FROM
"LALLA ROOKH"



ИЗ «ЛАЛЛА
РУК»





PARADISE AND THE PERI

One morn a Peri at the gate
Of Eden stood disconsolate;
And as she listened to the Springs
 Of Life within like music flowing
And caught the light upon her wings
 Thro' the half-open portal glowing,
She wept to think her recreant race
Should e'er have lost that glorious place!

“How happy,” exclaimed this child of air,
“Are the holy Spirits who wander there
 “Mid flowers that never shall fade or fall;
“Tho' mine are the gardens of earth and sea
“And the stars themselves have flowers for me,
 “One blossom of Heaven out-blooms them all!

“Tho' sunny the Lake of cool CASHMERE
“With its plane-tree Isle reflected clear,
 “And sweetly the founts of that Valley fall;
“Tho' bright are the waters of SING-SU-HAY
“And the golden floods that thitherward stray,
“Yet—oh, 't is only the Blest can say
 “How the waters of Heaven outshine them all!



ПЕРИ И АНГЕЛ
Повесть

Однажды Перы молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверсты двери
На крылья одинокой Перы;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.
«Там духи света обитают;
Для них цветы благоухают
В неувядаемых садах.
Хоть много на земных лугах
И на лугах светил небесных,
Есть много и цветов прелестных:
Но я чужда их красоты —
Они не райские цветы.
Обитель роскоши и мира,
Свежа долина Кашемира;
Там светлы озера струи,
Там сладостно журчат ручьи —
Но что их блеск перед блистаньем,
Что сладкий глас их пред журчаньем
Эдемских, жизни полных вод?
Направь стремительный полет
К бесчисленным звездам созданья,
Среди их пышного блистанья

"Go, wing thy flight from star to star,
"From world to luminous world as far
 "As the universe spreads its flaming wall:
"Take all the pleasures of all the spheres
"And multiply each thro' endless years
 "One minute of Heaven is worth them all!"

The glorious Angel who was keeping
The gates of Light beheld her weeping,
And as he nearer drew and listened
To her sad song, a tear-drop glistened
Within his eyelids, like the spray
 From Eden's fountain when it lies
On the blue flower which—Bramins say—
 Blooms nowhere but in Paradise.

"Nymph of a fair but erring line!"
Gently he said—"One hope is thine.
" 'T is written in the Book of Fate,
 "*The Peri yet may be forgiven*
 "*Who brings to this Eternal gate*
 "*The Gift that is most dear to Heaven!*
"Go seek it and redeem thy sin—
" 'T is sweet to let the Pardoned in."

Rapidly as comets run
To the embraces of the Sun;—
Fleeter than the starry brands
Flung at night from angel hands
At those dark and daring sprites
Who would climb the empyreal heights,
Down the blue vault the PERI flies,
 And lighted earthward by a glance

Неизмеримость пролети,
 Все их блаженства изочти,
 И каждое пусть вечность длится...
 И вся их вечность не сравнится
 С одной минутою небес».

И быстрые потоки слез
 Бежали по ланитам Пери.
 Но Ангел, страж эдемской двери,
 Ее прискорбную узрел;
 Он к ней с утехой подлетел;
 Он вслушался в ее стенанья,
 И ангельского состраданья
 Слезой блеснули очеса...

Так чистой каплею роса
 В сиянье райского востока,
 Так капля райского потока
 Блестит на цвете голубом,
 Который дышит лишь в одном
 Саду небес (гласит преданье).
 И он сказал ей: «Упованье!
 Узнай, что небом решено:
 Той пери будет прощено,
 Которая ко входу рая
 Из дольного земного края
 С достойным даром прилетит.
 Лети, найди — судьба простит;
 Впускать утешно примиренных».

Быстрей комет воспламененных,
 Быстрее звездных тех мечей,
 Которые во тьме ночей
 В деснице ангелов блистают,
 Когда с небес они свергают
 Духов, противных небесам,
 По светло-голубым полям
 Эфирным Пери устремилась;
 И скоро Пери очутилась
 С лучом денницы молодой
 Над пробужденною землей.
 «Но где искать святого дара?
 Я знаю тайны Шильминара:

That just then broke from morning's eyes,
Hung hovering o'er our world's expanse.

But whither shall the Spirit go
To find this gift for Heaven;—"I know
"The wealth," she cries, "of every urn
"In which unnumbered rubies burn
"Beneath the pillars of CHILMINAR;
"I know where the Isles of Perfume are
"Many a fathom down in the sea,
"To the south of sun-bright ARABY;
"I know too where the Genii hid
"The jewelled cup of their King JAMSHID,
"With Life's elixir sparkling high—
"But gifts like these are not for the sky.
"Where was there ever a gem that shone
"Like the steps of ALLA'S wonderful Throne?
"And the Drops of Life—oh! what would they be
"In the boundless Deep of Eternity?"

While thus she mused her pinions fanned
The air of that sweet Indian land
Whose air is balm, whose ocean spreads
O'er coral rocks and amber beds,
Whose mountains pregnant by the beam
Of the warm sun with diamonds teem,
Whose rivulets are like rich brides,
Lovely, with gold beneath their tides,
Whose sandal groves and bowers of spice
Might be a Peri's Paradise!
But crimson now her rivers ran

Столпы там гордые стоят;
Под ними, скрытые, горят
В сосудах гениев рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близ Аравийской стороны
Во глубине погребены
Там острова благоуханий.
Знаком мне край очарований:
Воды исполненный живой,
Сосуд Ямшидов золотой
Таится там, храним духами.
Но с сими ль в рай войти дарами?
Сии дары не для небес.
Что камней блеск в виду чудес,
Престолу Аллы предстоящих?
Что капля вод животворящих
Пред вечной бездной бытия?»
Так думая, она в края
Святого Инда низлетала.
Там воздух сладок; цвет коралла,
Жемчуг и злато янтарей
Там украшают дно морей;
Там горы зноем пламенеют,
И в недре их алмазы рдеют;
И реки в брачном блеске там,
С любовью к пышным берегам
Теснясь, приносят дани злата.
И доли, полны аромата,
И древ сандалных фимиам,
И купы роз могли бы там
Для Пери быть прекрасным раем...
Но что же?
Кровью обагреем,
Поток увидела она.
В лугах прекрасная весна,
А люди — братья, братий жертвы —
Обезображены и мертвы,
Лежа на бархате лугов,
Дыханье чистое цветов
Дыханьем смерти заражали.
О, чьи стопы тебя попрали,

With human blood—the smell of death
 Came reeking from those spicy bowers,
 And man the sacrifice of man
 Mingled his taint with every breath
 Upwafted from the innocent flowers.
 Land of the Sun! what foot invades
 Thy Pagods and thy pillared shades—
 Thy cavern shrines and Idol stones,
 Thy Monarch and their thousand Thrones?

'T is He of GAZNA fierce in wrath
 He comes and INDIA'S diadems
 Lie scattered in his ruinous path.—
 His bloodhounds he adorns with gems,
 Torn from the violated necks
 Of many a young and loved Sultana;
 Maidens within their pure Zenana,
 Priests in the very fane he slaughters,
 And chokes up with the glittering wrecks
 Of golden shrines the sacred waters!
 Downward the PERI turns her gaze,
 And thro' the war-field's bloody haze
 Beholds a youthful warrior stand
 Alone beside his native river,—
 The red blade broken in his hand
 And the last arrow in his quiver.
 "Live," said the Conqueror, "live to share
 "The trophies and the crowns I bear!"
 Silent that youthful warrior stood—
 Silent he pointed to the flood
 All crimson with his country's blood,
 Then sent his last remaining dart,
 For answer, to the Invader's heart.

Благословенный солнцем край?
 Твоих садов тенистый рай,
 Твоих богов святые лики,
 Твои народы и владыки
 Какой рукой истреблены?
 Властитель Газны, вихрь войны,
 Протек по Индии бедою;
 Свой путь усыпал за собою
 Он прахом отнятых корон;
 На псов своих навесил он
 Любимиц царских ожерелья;
 Обитель чистую веселья,
 Зенаны дев он осквернил;
 Жрецов во храмах умертвил
 И золотые их пагоды
 В священные обрушил воды.
 И видит Пери с вышины:
 На поле страха и войны
 Боец, в крови, но с бодрым оком,
 Над светлым родины потоком
 Стоит один, и за спиной
 Колчан с последнею стрелой;
 Кругом товарищи сраженны...
 Лицом бесстрашного плененный,
 «Живи!» — тиран ему сказал,
 Но воин молча указал
 На обагрены кровью воды
 И истребителю свободы
 Послал ответ своей стрелой.
 По твердой броне боевой
 Стрела скользнула; жив губитель;
 На трупы братьев пал их мститель;
 И вдаль помчался шумный бой.
 Все тихо; воин молодой
 Уж умирал; и кровь скудела...
 И Пери к юноше слетела
 В сиянье утренних лучей,
 Чтоб вежды гаснущих очей
 Ему смежить рукой любви
 И в смертный миг священной крови
 Оставшуюся каплю взять.

False flew the shaft tho' pointed well;
The Tyrant lived, the Hero fell!—
Yet marked the PERI where he lay,
 And when the rush of war was past
Swiftly descending on a ray
 Of morning light she caught the last—
Last glorious drop his heart had shed
Before its free-born spirit fled!

"Be this," she cried, as she winged her flight,
"My welcome gift at the Gates of Light.
"Tho' foul are the drops that oft distil
 "On the field of warfare, blood like this
 "For Liberty shed so holy is,
"It would not stain the purest rill
 "That sparkles among the Bowers of Bliss!
"Oh, if there be on this earthly sphere
"A boon, an offering Heaven holds dear,
" 'T is the last libation Liberty draws
"From the heart that bleeds and breaks in her cause!"
"Sweet," said the Angel, as she gave
 The gift into his radiant hand,
"Sweet is our welcome of the Brave
 "Who die thus for their native Land.—
"But see—alas! the crystal bar
"Of Eden moves not—holier far
"Than even this drop the boon must be
"That opes the Gates of Heaven for thee!"

Her first fond hope of Eden blighted,
 Now among AFRIC'S lunar Mountains
Far to the South the PERI lighted
 And sleeked her plumage at the fountains

Взяла... и на небо опять
Ее помчало упование.
«Богам угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы;
Чистейшие эдемски воды
С ней не сравнятся чистотой.
Так, если есть в стране земной
Достойное небес воззренья,
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу?»
И к райскому стремится входу
Она с добычею земной.
«О Пери! дар прекрасен твой
(Сказал ей страж крылатый рая,
Приветно очи к ней склоняя),
Угоден храбрый для небес,
Который родине принес
На жертву жизнь... но видишь, Пери,
Кристалльные спокойны двери,
Не растворяется эдем...
Иной желают дани в нем».
Надежда первая напрасна.
И Пери, горестно-безгласна,
Опять с эфирной вышины
Стремится — и к горам Луны
На лоно Африки слетает.
Пред ней, рождаяся, блистает
В неизвестных истоках Нил,
Средь тех лесов, где он сокрыл
От нас младенческие воды
И где бесплотных хороводы,
Слетаясь утренней порой
Над люлькой бога водяной,
Тревожат сон его священный
И великан новорожденный
Приветствует улыбкой их.
Средь пальм Египта вековых,

Of that Egyptian tide whose birth
 Is hidden from the sons of earth
 Deep in those solitary woods
 Where oft the Genii of the Floods
 Dance round the cradle of their Nile
 And hail the new-born Giant's smile.
 Thence over EGYPT'S palmy groves
 Her grotts, and sepulchres of Kings,
 The exiled Spirit sighing roves
 And now hangs listening to the doves
 In warm ROSETTA'S vale; now loves
 To watch the moonlight on the wings
 Of the white pelicans that break
 The azure calm of MÆRIS' Lake.
 'T was a fair scene: a Land more bright
 Never did mortal eye behold!
 Who could have thought that saw this night
 Those valleys and their fruits of gold
 Basking in Heaven's serenest light,
 Those groups of lovely date-trees bending
 Languidly their leaf-crowned heads,
 Like youthful maids, when sleep descending
 Warns them to their silken beds,
 Those virgin lilies all the night
 Bathing their beauties in the lake
 That they may rise more fresh and bright,
 When their beloved Sun 's awake,
 Those ruined shrines and towers that seem
 The relics of a splendid dream,
 Amid whose fairy loneliness
 Naught but the lapwing's cry is heard,—
 Naught seen but (when the shadows flitting,
 Fast from the moon unsheath its gleam,

По гротам, холодной тьмы жилищам,
По сумрачным царей кладбищам
Летает Пери... то она,
Унылой думою полна,
Розетты знойною долиной,
Вслед за четою голубиной,
К приюту их любви летит,
Их стоны внемлет и грустит;
То, вея тихо, замечает,
Как яркий свет луны мелькает
На пеликановых крылах,
Когда на голубых водах
Мерида он плывет и плещет
И вокруг него лазурь трепещет.
Пред ней волшебная страна.
Небес далеких глубина
Сияла яркими звездами;
Дремали пальмы над водами,
Вершины томно преклоня,
Как девы, от веселий дня
Устав, в подушки пуховые
Склоняют головы младые;
Ночной упившись росой,
Лилей с девственной красой
В роскошном сне благоухали
И ночью листья освежали,
Чтоб встретить милый день пышней;
Чертоги падшие царей,
В величии уединенья,
Великолепного виденья
Остатками казались там:
По их обрушенным стенам,
Ночной их страж, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И временем, когда луна
Являлась вдруг, обнажена
От перелетного тумана,
Печально-тихая султана,
Как идол на столпе седом,
Сияла пурпурным крылом.
И что ж?.. Средь мирных сих явлений

Some purple-winged Sultana sitting
 Upon a column motionless
 And glittering like an Idol bird!—
 Who could have thought that there, even there,
 Amid those scenes so still and fair,
 The Demon of the Plague hath cast
 From his hot wing a deadlier blast,
 More mortal far than ever came
 From the red Desert's sands of flame!
 So quick that every living thing
 Of human shape touched by his wing,
 Like plants where the Simoom hath past
 At once falls black and withering!
 The sun went down on many a brow
 Which, full of bloom and freshness then,
 Is rankling in the pest-house now
 And ne'er will feel that sun again,
 And, oh! to see the unburied heaps
 On which the lonely moonlight sleeps—
 The very vultures turn away,
 And sicken at so foul a prey!
 Only the fierce hy æna stalks
 Throughout the city's desolate walks
 At midnight and his carnage plies:—
 Woe to the half-dead wretch who meets
 The glaring of those large blue eyes
 Amid the darkness of the streets!

"Poor race of men!" said the pitying Spirit,
 "Dearly ye pay for your primal Fall—
 "Some flowerets of Eden ye still inherit,
 "But the trail of the Serpent is over them all!"
 She wept—the air grew pure and clear

Губительный пустыни гений
Приют нежданный свой избрал;
В эдем сей он чуму примчал
С песков степей воспламененных;
Под жаром крылий зараженных
Вмиг умирает человек,
Как былие, когда протек
Над ним самума вихорь знойный.
О, сколь для многих день, спокойно
Угаснувший средь их надежд,
Угас навек — и мертвых вежд
Уж не обрадует денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сияньем дремлющим луна
Сребрит тела непогребенны;
Заразы ядом уstraшенный,
От них летит и ворон прочь;
Гиена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
В опустошенные жилищи;
И горе страннику, пред кем
Незапно вспыхнувшим огнем
Блеснут вблизи из мрака ночи
Ее огромны, злые очи!..
И Пери жалости полна,
И грустно думает она:
«О смертный, бедное творенье,
За древнее грехопаденье
Ценой ужасной платишь ты;
Есть в жизни райские цветы —
Но змей повсюду под цветами».
И тихими она слезами
Заплакала — и все пред ней
Вдруг стало чище и светлей:
Так сильно слез очарованье,
Когда пролетит их в состраданье
О человеке добрый дух...
Но близко вод, и взор и слух
Манящих свежими струями,
Под ароматными древами,

Around her as the bright drops ran,
For there 's a magic in each tear
Such kindly Spirits weep for man!

Just then beneath some orange trees
Whose fruit and blossoms in the breeze
Were wantoning together, free,
Like age at play with infancy—
Beneath that fresh and springing bower
Close by the Lake she heard the moan
Of one who at this silent hour,
Had thither stolen to die alone.
One who in life where'er he moved,
Drew after him the hearts of many;
Yet now, as tho' he ne'er were loved,
Dies here unseen, unwept by any!
None to watch near him—none to slake
The fire that in his bosom lies,
With even a sprinkle from that lake
Which shines so cool before his eyes.
No voice well known thro' many a day
To speak the last, the parting word
Which when all other sounds decay
Is still like distant music heard;—
That tender farewell on the shore
Of this rude world when all is o'er,
Which cheers the spirit ere its bark
Puts off into the unknown Dark.

Deserted youth! one thought alone
Shed joy around his soul in death
That she whom he for years had known,
And loved and might have called his own

С которых ветвями слегка
Играли крылья ветерка,
Как младость с старостью играет,
Узрела Пери: умирает,
К земле припавши головой,
Безмолвно мученик молодой;
На лоне бесприветной ночи,
Покинут, неоплакан, очи
Смыкает он; и с ним уж нет
Толпы друзей, дотоле вслед
Счастливица милого летавшей;
В груди, от смертных мук уставшей,
Тяжелой язвы жар горит;
Вотще прохладный ключ блестит
Вблизи для жаждущего ока:
Никто и капли из потока
Ему не бросит на язык;
Ничей давно знакомый лик
В его последнее мгновенье —
Земли прощальное виденье —
Прискорбной прелестью своей
Не усладит его очей;
И не промолвит глас родного
Ему того *прости* святого,
Которое сквозь смертный сон,
Как удаляющийся звон
Небесной арфы, нас пленяет
И с нами вместе умирает.
О бедный юноша!.. Но он
В последний час свой ободрен
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здесь жизнь была
И с ним одной душой жила,
От яда ночи сей ужасной
Защищена под безопасной,
Под царской кровлею отца:
Там зной от милого лица
Рука невольниц отвевает;
Там легкий холод разливает
Игриво брызжащий фонтан

Was safe from this foul midnight's breath,—
 Safe in her father's princely halls
 Where the cool airs from fountain falls,
 Freshly perfumed by many a brand
 Of the sweet wood from India's land,
 Were pure as she whose brow they fanned.

But see—who yonder comes by stealth,
 This melancholy bower to seek,
 Like a young envoy sent by Health
 With rosy gifts upon her cheek?
 'T is she—far off, thro' moonlight dim
 He knew his own betrothed bride,
 She who would rather die with him
 Than live to gain the world beside!—
 Her arms are round her lover now,
 His livid cheek to hers she presses
 And dips to bind his burning brow
 In the cool lake her loosened tresses.
 Ah! once, how little did he think
 An hour would come when he should shrink
 With horror from that dear embrace,
 Those gentle arms that were to him
 Holy as is the cradling place
 Of Eden's infant cherubim!
 And now he yields—now turns away,
 Shuddering as if the venom lay
 All in those proffered lips alone—
 Those lips that then so fearless grown
 Never until that instant came
 Near his unasked or without shame.
 "Oh! let me only breathe the air,
 "The blessed air, that 's breathed by thee,

И от курильниц, как туман,
Восходит амвры пар душистый,
Чтоб воздух зараженный в чистый
Благоуханьем превратить.
Но, ах! конец свой усладить
Он тщетной силится надеждой!
Под легкою ночной одеждой,
С горячей младостью ланит,
Уж дева прелести спешит,
Как чистый ангел исцеленья,
К нему, в приют его мученья.
И час его уж наступал,
Но близость друга угадал
Страдальца взор полузакрытый;
Он чувствует: ему ланиты
Лобзают огненны уста,
Рука горячая слита
С его хладеющей рукою
И освежительной струею
Язык засохший напоен...
Но что ж?.. Несчастный!.. то сквозь сон
Одолевающей кончины
(Чтоб страшныя своей судьбины
С возлюбленной не разделить)
Ее от груди отдалить
Он томной силится рукою;
То, увлекаемый душою,
Невольно к ней он грудь прижмет;
То вдруг уста он оторвет
От жадных уст, едва украдкой
На поцелуй стыдливо-сладкий
Дотоле смевших отвечать.
И говорит она: «Принять
Дай в сердце мне твое дыханье;
Мне уступи свое страданье,
Мне жребий свой отдай вполне.
Ах! очи обрати ко мне,
Пока их смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью поделись со мной;

"And whether on its wings it bear
 "Healing or death 't is sweet to me!
 "There—drink my tears while yet they fall—
 "Would that my bosom's blood were balm,
 "And, well thou knowst, I 'd shed it all
 "To give thy brow one minute's calm.
 "Nay, turn not from me that dear face—
 "Am I not thine—thy own loved bride—
 "The one, the chosen one, whose place
 "In life or death is by thy side?
 "Thinkst thou that she whose only light,
 "In this dim world from thee hath shone
 "Could bear the long, the cheerless night
 "That must be hers when thou art gone?
 "That I can live and let thee go,
 "Who art my life itself?—No, no—
 "When the stem dies the leaf that grew
 "Out of its heart must perish too!
 "Then turn to me, my own love, turn,
 "Before, like thee, I fade and burn;
 "Cling to these yet cool lips and share
 "The last pure life that lingers there!"
 She fails—she sinks—as dies the lamp
 In charnel airs or cavern-damp,
 So quickly do his baleful sighs
 Quench all the sweet light of her eyes,
 One struggle—and his pain is past—
 Her lover is no longer living!
 One kiss the maiden gives, one last,
 Long kiss, which she expires in giving!

"Sleep," said the PERI, as softly she stole
 The farewell sigh of that vanishing soul,

И в смертный час свою мне руку
Подай на смерть, не на разлуку...»
Но, обессилена, томна,
Вотще в глазах его она
Тяжелым оком ищет взгляда:
Она уж гаснет, как лампада
Под душным сводом гробовым.
Уж быстрым трепетом своим
Скончала смерть его страданье,
И дева, другу дав лобзанье
С последним всей любви огнем,
Сама за ним в лобзанье том
Желанной смертью умирает.
И Пери тихо принимает
Прощальный вздох ее души.
«Покойтесь, верные, в тиши;
Здесь, посреди благоуханья,
Пускай эдемские мечтанья
Лелеют ваш прекрасный сон;
Да будет услаждаем он
Игрою музыки небесной
Иль пеньем птицы той чудесной,
Которая в последний час,
Торжественный подъемля глас,
Сама поет свое сожженье
И умирает в сладкопенье...»
И Пери, к ним склоняя взгляд,
Дыханьем райским аромат
Окрест их ложа разливает
И быстро, быстро потрясает
Звездами яркого венца:
Исчезла бледность их лица;
Их существо преобразилось;
Два чистых праведника, мнилось,
Тут ясным почивали сном,
Уж озаренные лучом
Святой денницы воскресенья;
И ангелом, для пробужденья
Их душ слетевшим с вышины,
Среди окрестной тишины
Сияла Пери над четою.

As true as e'er warmed a woman's breast—
"Sleep on, in visions of odor rest
"In balmier airs than ever yet stirred
"The enchanted pile of that lonely bird
"Who sings at the last his own death-lay
"And in music and perfume dies away!"
Thus saying, from her lips she spread
 Unearthly breathings thro' the place
And shook her sparkling wreath and shed
 Such lustre o'er each paly face
That like two lovely saints they seemed,
 Upon the eve of doomsday taken
From their dim graves in order sleeping;
 While that benevolent PERI beamed
Like their good angel calmly keeping
 Watch o'er them till their souls would waken.

But morn is blushing in the sky;
 Again the PERI soars above,
Bearing to Heaven that precious sigh
 Of pure, self-sacrificing love.
High throbb'd her heart with hope elate
 The Elysian palm she soon shall win,
For the bright Spirit at the gate
 Smiled as she gave that offering in;
And she already hears the trees
 Of Eden with their crystal bells
Ringing in that ambrosial breeze
 That from the throne of ALLA swells;
And she can see the starry bowls
 That lie around that lucid lake
Upon whose banks admitted Souls
 Their first sweet draught of glory take!

Но уж восток зажжен зарею,
 И Пери, к небу свой полет
 Направив, в дар ему несет
 Сей вздох любви, себя забывшей
 И до конца не изменившей.
 Надежду все рождало в ней:
 С улыбкой Ангел у дверей
 Приемлет дар ее прекрасный;
 Звенят в эдеме сладкогласно
 Дерев кристальные звонки;
 В лицо ей дышат ветерки
 Амврозией от трона Аллы;
 Ей видны звездные фиалы,
 В которых, жизнь забыв свою,
 Бессмертья первую струю
 В эдеме души пьют святые...
 Но все напрасно! роковые
 Пред ней врата не отперлись.
 Опять уныло: «Удались!
 (Сказал ей страж крылатый рая.)
 Сей верной девы смерть святая
 Записана на небесах;
 И будут ангелы в слезах
 Ее читать... но видишь, Пери,
 Кристальные спокойны двери
 И светлый рай не отворен;
 Не унывай, доступен он;
 Лети на землю с упованьем».
 Сияла вечера сияньем
 Отчизна розы Суристан,
 И солнце, неба великан,
 Сходя на запад, как корона,
 Главу венчало Ливанона,
 В великолепии снегов
 Смотрящего из облаков,
 Тогда как рдеющее лето
 В долине, зноем разогретой,
 У ног его роскошно спит.
 О, сколь разнообразный вид
 Красы, движенья и блистанья
 Являл сей край очарованья,

But, ah! even PERIS' hopes are vain—
Again the Fates forbade, again
The immortal barrier closed—

“Not yet,”

The Angel said as with regret
He shut from her that glimpse of glory—
“True was the maiden, and her story
“Written in light o'er ALLA'S head
“By seraph eyes shall long be read.
But, PERI, see—the crystal bar
“Of Eden moves not—holier far
“Than even this sigh the boon must be
“That opes the Gates of Heaven for thee.”

Now upon SYRIA'S land of roses
Softly the light of EVE reposes,
And like a glory the broad sun
Hangs over sainted LEBANON,
Whose head in wintry grandeur towers
And whitens with eternal sleet,
While summer in a vale of flowers
Is sleeping rosy at his feet.

To one who looked from upper air
O'er all the enchanted regions there,
How beauteous must have been the glow,
The life, the sparkling from below!
Fair gardens, shining streams, with ranks
Of golden melons on their banks,
More golden where the sunlight falls;—
Gay lizards, glittering on the walls
Of ruined shrines, busy and bright
As they were all alive with light;

С эфирной зримый высоты!
Леса, кудрявые кусты;
Потоков воды голубые;
Над ними дыни золотые,
В закатных рдеющих лучах
На изумрудных берегах;
Старинны храмы и гробницы;
Веселые веретенцы,
На яркой стен их белизне
В багряном вечера огне
Сияющие чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающие с вышины
На озаренны крутизны;
Их веянье, их трепетанье,
Их переливное сиянье,
Как бы сотканное для них
Из радуг пламенно-живых
Безоблачного Персистана;
Святые воды Иордана;
Слиянный шум волны, листов
С далеким пеньем пастухов,
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащие среди долины,
Блестя звездами на цветах, —
Вид усладительный... но, ах!
Для бедной Пери нет услады.
Рассеянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падший солнцев храм она,
Вечерним солнцем озаренный;
Его столпы уединенны
В величии стояли там,
По окружающим полям
Огромной простираясь тенью.
Как будто время разрушенью
Коснуться запретило к ним,
Чтоб поколениям земным
Оставить о себе преданье.
И Пери в тайном упованье
К святым развалинам летит:

And yet more splendid numerous flocks
 Of pigeons settling on the rocks
 With their rich restless wings that gleam
 Variously in the crimson beam
 Of the warm West,—as if inlaid
 With brilliants from the mine or made
 Of tearless rainbows such as span
 The unclouded skies of PERISTAN.
 And then the mingling sounds that come,
 Of shepherd's ancient read, with hum
 Of the wild bees of PALESTINE,
 Banqueting thro' the flowery vales;
 And, JORDAN, those sweet banks of thine
 And woods so full of nightingales.
 But naught can charm the luckless PERI;
 Her soul is sad—her wings are weary—
 Joyless she sees the Sun look down
 On that great Temple once his own,
 Whose lonely columns stand sublime,
 Flinging their shadows from on high
 Like dials which the Wizard Time
 Had raised to count his ages by!

Yet haply there may lie concealed
 Beneath those Chambers of the Sun
 Some amulet of gems, annealed
 In upper fires, some tablet sealed
 With the great name of SOLOMON,
 Which spelled by her illumined eyes,
 May teach her where beneath the moon,
 In earth or ocean, lies the boon,
 The charm, that can restore so soon
 An erring Spirit to the skies.

«Быть может, талисман сокрыт,
Из злата вылитый духами,
Под сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая нам отверзать
И бездны океана темны,
И все сокровища подземны,
И сверженным с небес духам
Опять к желанным небесам
Являть желанную дорогу».
И с трепетом она к порогу
Жилища солнцева идет.
Еще багряный вечер льет
Свое сиянье с небосклона,
И ярко пальмы Ливанона
В роскошных светятся лучах...
Но что же вдруг в ее очах?
Долиной Баалбека ясной,
Как роза, свежий и прекрасный,
Бежит младенец; озарен
Огнем заката, гнался он
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться к ней;
Среди ясминов и лилей
Она кружится непослушно
И блещет, как цветок воздушный
Иль как порхающий рубин.
Устав, младенец под ясмин
Прилег и в листьях угнезвился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышащем коне
Ездок, с лицом, как на огне,
От зноя днёвного горевшим:
Над мелким ручейком, шумевшим
Близ имарета, он с коня
Спрыгнул и, на воды склоня
Лицо, студеных струй напился.
Тут взор его оборотился,
Из-под густых бровей блестя,
На безмятежное дитя,

Cheered by this hope she bends her thither;—
 Still laughs the radiant eye of Heaven,
 Nor have the golden bowers of Even
 In the rich West begun to wither;—
 When o'er the vale of BALBEC winging
 Slowly she sees a child at play,
 Among the rosy wild flowers singing,
 As rosy and as wild as they;
 Chasing with eager hands and eyes
 The beautiful blue damsel-flies,
 That fluttered round the jasmine stems
 Like winged flowers or flying gems:—
 And near the boy, who tired with play
 Now nestling mid the roses lay.
 She saw a wearied man dismount
 From his hot steed and on the brink
 Of a small imaret's rustic fount
 Impatient fling him down to drink.
 Then swift his haggard brow he turned
 To the fair child who fearless sat,
 Tho' never yet hath day-beam burned
 Upon a brow more fierce than that,—
 Sullenly fierce—a mixture dire
 Like thunder-clouds of gloom and fire;
 In which the PERI'S eye could read
 Dark tales of many a ruthless deed;
 The ruined maid—the shrine profaned—
 Oaths broken—and the threshold stained
 With blood of guests!—*there* written, all,
 Black as the damning drops that fall
 From the denouncing Angel's pen,
 Ere Mercy weeps them out again.
 Yet tranquil now that man of crime
 (As if the balmy evening time
 Softened his spirit) looked and lay,
 Watching the rosy infant's play:—
 Tho' still whene'er his eye by chance
 Fell on the boy's, its lurid glance
 Met that unclouded, joyous gaze,
 As torches that have burnt all night

Которое в цветах сидело,
И улыбалось, и глядело
Без робости на пришлеца,
Хотя столь страшного лица
Дотоле солнце не палило.
Свирепо-сумрачное, было
Подобно туче громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совесть
На нем изобразила повесть
Страстей жестоких и злодейств:
Разбой, насильство, плач семейств,
Грабеж, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье —
Все написала жизнь на нем,
Как обвинительным пером
Неумолимый ангел мщенья
Записывает преступленья
Земные в книге роковой,
Чтоб после Милость их слезой
С погибельной страницы смыла.
Краса ли вечера смирила
В нем душу — но злодей стоял
Задумчив, и пред ним играл
Малютка тихо меж цветами;
И с яркими его очами,
Глубоко впавшими, порой
Встречались полные душой
Младенца голубые очи:
Так дымный факел, в мраке ночи
Разврата освещавший дом,
Порой встречается с лучом
Всевокрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и в этот час
Вечерний минаретов глас,
К мольбе скликающий, раздался...
Младенец набожно поднялся
С цветов, колена преклонил,
На юг лицо оборотил
И с тихостью пред небесами

Tho' some impure and godless rite,
 Encounter morning's glorious rays.

But, hark! the vesper call to prayer,
 As slow the orb of daylight sets,
 Is rising sweetly on the air,
 From SYRIA'S thousand minarets!
 The boy has started from the bed
 Of flowers where he had laid his head,
 And down upon the fragrant sod
 Kneels with his forehead to the south
 Lispering the eternal name of God
 From Purity's own cherub mouth,
 And looking while his hands and eyes
 Are lifted to the glowing skies
 Like a stray babe of Paradise
 Just lighted on that flowery plain
 And seeking for its home again.
 Oh! 't was a sight—that Heaven—that child—
 A scene, which might have well beguiled
 Even haughty EBLIS of a sigh
 For glories lost and peace gone by!

And how felt *he*, the wretched Man
 Reclining there—while memory ran
 O'er many a year of guilt and strife,
 Flew o'er the dark flood of his life,
 Nor found one sunny resting-place,
 Nor brought him back one branch of grace.
 "There *was* a time," he said, in mild,
 Heart-humbled tones—"thou blessed child!
 "When young and haply pure as thou
 "I looked and prayed like thee—but now"—
 He hung his head—each nobler aim
 And hope and feeling which had slept
 From boyhood's hour that instant came
 Fresh o'er him and he wept—he wept!

Blest tears of soul-felt penitence!
 In whose benign, redeeming flow
 Is felt the first, the only sense

Самой невинности устами
Промолвил имя божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно сжаты руки...
Казалось, о конце разлуки
С эдемом радостным своим
Молился чистый херувим,
Земли на время поселенец.
О, вид прелестный! Сей младенец,
Сии святые небеса...
И гордый Эвлис очеса
(Таким растроганный явленьем)
Склонил бы, вспомнив с умиленьем
О светлой рая красоте
И о погибшей чистоте.
А он?.. Отверженный, несчастный!
Перед невинностью прекрасной
Как осужденный он стоял...
Увы! он памятью летал
Над темной прошлого пучиной:
Там не встречался ни единый
Веселый берег, где б пристать
И где б отрадную сорвать
Надежде ветку примиренья;
Одни лишь грозные виденья
Носились в темной бездне той...
И грудь смягчилась тоской;
И он подумал: «Время было,
И я, как ты, младенец милый,
Был чист, на небеса смотрел,
Как ты, молиться им умел
И к мирной алтаря святыне
Спокойно подходил... а ныне?»
И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
Чем сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты —
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснилось;

Of guiltless joy that guilt can know.
"There's a drop," said the PERI, "that down from the moon
"Falls thro' the withering airs of June
"Upon EGYPT'S land, of so healing a power,
"So balmy a virtue, that even in the hour
"That drop descends contagion dies
"And health reanimates earth and skies!—
"Oh, is it not thus, thou man of sin,
"The precious tears of repentance fall?
"Tho' foul thy fiery plagues within
"One heavenly drop hath dispelled them all!"
And now—behold him kneeling there
By the child's side, in humble prayer,
While the same sunbeam shines upon
The guilty and the guiltless one,
And hymns of joy proclaim thro' Heaven
The triumph of a Soul Forgiven!

' T was when the golden orb had set,
While on their knees they lingered yet,
There fell a light more lovely far
Than ever came from sun or star,
Upon the tear that, warm and meek,
Dewed that repentant sinner's cheek.
To mortal eye this light might seem
A northern flash or meteor beam—
But well the enraptured PERI knew
' T was a bright smile the Angel threw
From Heaven's gate to hail that tear
Her harbinger of glory near!

"Joy, joy for ever! my task is done—
"The Gates are past and Heaven is won!
"Oh! am I not happy? I am, I am—
"To thee, sweet Eden! how dark and sad
"Are the diamond turrets of SHADUKIAM,
"And the fragrant bowers of AMBERABAD!

"Farewell ye odors of Earth that die
"Passing away like a lover's sigh;—

И он заплакал... он во прах
Пред богом пал в своих слезах.
О слезы покаянья! вами
Душа дружится с небесами;
И в тайный угрызенья час
Виновный знает только в вас
Невинности святое счастье.
И Пери в жалости, в участие,
Забыв себя и жребий свой,
С покорною о нем мольбой
Глаза на небо — светом ровным
Над непорочным и виновным
Сияющее — возвела;
Ее душа полна была
Неизъяснимым ожиданьем...
На хладном прахе с покаяньем
Пред богом плачущий злодей
Лежал недвижим перед ней,
К земле прикинув головою;
И сострадательной рукою,
К несчастному преклонена,
Как нежная сестра, она
Поддерживала с умиленьем
Главу, нагбенную смиреньем;
И быстро из его очей
В мирительную руку ей
Струя горячих слез бежала;
И на небе она искала
Ответа милости слезам...
И все прекрасно было там!
И были вечера светилы,
Как яркие паникадилы,
В небесном храме зажжены;
И мнилось ей: из глубины
Того незримого чертога,
Где чистым покаяньем бога
Умеет сердце обретать,
К земле сходила благодать;
И там, казалось, ликовали:
Как будто ангелы летали
С веселой вестью по звездам;

"My feast is now of the Tooba Tree
"Whose scent is the breath of Eternity!

"Farewell, ye vanishing flowers that shone
"In my fairy wreath so bright an' brief;—
"Oh! what are the brightest that e'er have blown
"To the lote-tree springing by ALLA'S throne
"Whose flowers have a soul in every leaf.
"Joy, joy for ever,—my task is done—
"The Gates are past and Heaven is won!"

THE LIGHT OF THE HARAM

Who has not heard of the Vale of CASHMERE,
With its roses the brightest that earth ever gave,
Its temples and grottos and fountains as clear
As the love-lighted eyes that hang over their wave?

Oh! to see it at sunset,—when warm o'er the Lake
Its splendor at parting a summer eve throws,
Like a bride full of blushes when lingering to take
A last look of her mirror at night ere she goes!—
When the shrines thro' the foliage are gleaming half shown,
And each hallows the hour by some rites of its own.
Here the music of prayer from a minaret swells,
Here the Magian his urn full of perfume is swinging,
And here at the altar a zone of sweet bells
Round the waist of some fair Indian-dancer is ringing.
Or to see it by moonlight when mellowly shines
The light o'er its palaces, gardens, and shrines,
When the water-falls gleam like a quick fall of stars
And the nightingale's hymn from the Isle of Chenars
Is broken by laughs and light echoes of feet
From the cool, shining walks where the young people meet.—
Or at morn when the magic of daylight awakes
A new wonder each minute as slowly it breaks,
Hills, cupolas, fountains, called forth every one

Как будто праздновали там
 Святую радость примиренья, —
 И вдруг, незапного стремленья
 Могуществом увлечена,
 Уже на высоте она;
 Уже пред ней почти пропала
 Земля; и Пери... угадала!
 С потоком благодарных слез,
 В последний раз с полунебес
 На мир земной она воззрела...
 «Прости, земля!..» — и улетела.

СВЕТ ГАРЕМА

Что может быть прекрасней роз Кашмира,
 Пещер и храмов, солнечных ключей,
 Где, отражаясь, блеск живых очей
 Затмит сиянье всех сокровищ мира?

В своем великолепии закат
 Горит на глади озера зеркальной.
 Так в зеркало невеста долгий взгляд
 Бросает, замедляя миг прощальный.
 Сквозь листья рощи алтари блещут —
 Святого часа тихая примета.
 Плывут молитвы звуки с минарета.
 У всякого свой собственный обряд.
 На бедрах девы пляшущей покоясь,
 Звучит и блещет в колокольцах пояс,
 И ароматы в сумерки на мир
 Из урны проливает вдруг факир.
 На храмы и дворцы взгляни полночной
 Порой, когда не ведает преград
 Луна, лия на мир свой свет молочный,
 И рассыпает звезды водопад,
 А соловей поет, и взрывы смеха
 И звук шагов нескромно ловит эхо
 В укрытьях, полных неги и прохлады,
 Где юность черпает свои улады.
 Зато заря нам чередой из тьмы
 Выхватывает чудеса: холмы,
 Фонтаны, кущи, храмы — наважденье

Out of darkness as if but just born of the Sun.
 When the Spirit of Fragrance is up with the day
 From his Haram of night-flowers stealing away;
 And the wind full of wantonness woos like a lover
 The young aspen-trees, till they tremble all over.
 When the East is as warm as the light of first hopes,
 And day with his banner of radiance unfurled
 Shines in thro' the mountainous portal that opes,
 Sublime, from that Valley of bliss to the world!

But never yet by night or day,
 In dew of spring or summer's ray,
 Did the sweet Valley shine so gay
 As now it shines—all love and light,
 Visions by day and feasts by night!
 A happier smile illumes each brow,
 With quicker spread each heart uncloses,
 And all is ecstasy—for now

'The Valley holds its Feast of Roses;
 The joyous Time when pleasures pour
 Profusely round and in their shower
 Hearts open like the Season's Rose,—
 The Floweret of a hundred leaves
 Expanding while the dew-fall flows
 And every leaf its balm receives.

'T was when the hour of evening came
 Upon the Lake, serene and cool,
 When day had hid his sultry flame
 Behind the palms of BARAMOULE,
 When maids began to lift their heads,
 Refreshed from their embroidered beds
 Where they had slept the sun away,
 And waked to moonlight and to play.
 All were abroad:—the busiest hive
 On BELA'S hills is less alive
 When saffron-beds are full in flower,
 Than lookt the Valley in that hour.
 A thousand restless torches played
 Thro' every grove and island shade;

Иль утреннего солнца порожденье?
 Цветы ночные, как прекрасных дев,
 Бог ароматов бросил, охладев.
 Осины юные дрожат всем телом:
 Повеса-ветер стал не в меру смелым.
 И заблестал восток зарею ранней,
 Как пылкий пламень первых упований.
 И бьющими сквозь горные врата
 Лучами сплошь долина залита.

О нет! Ни днем, ни в час ночной,
 Ни знойным летом, ни весной
 Долина эта не была
 Столь искрометно весела
 И упоительно светла:
 Любви и блеска средоточью,
 Теперь сиять ей днем и ночью!
 В благоухания поток
 Бальзам льет каждый лепесток.
 Кашмирцы рады, как событию,
 Раскрытию столепестных роз
 В алмазных брызгах свежих рос.
 Незримой связанные нитью,
 Стремятся и сердца к раскрытию.
 Озерная, померкнув, гладь
 Прохладой сумерек дохнула.
 Светило дня, устав пылать,
 Зашло за пальмы Барамула.
 Сменилась свежестью жара
 И солнца свет — сияньем лунным.
 С подушек расшивных пора
 Поднять головки девам юным.
 На склонах Белы кто бы счел
 Жужжащих над шафраном пчел?
 А нынче ночью жизнь долины
 Напоминает рой пчелиный.
 Древесную тревожит сень
 Игра огней неугомонных —
 Светилен, факелов бессонных —

A thousand sparkling lamps were set
 On every dome and minaret;
 And fields and pathways far and near
 Were lighted by a blaze so clear
 That you could see in wandering round
 The smallest rose-leaf on the ground,
 Yet did the maids and matrons leave
 Their veils at home, that brilliant eve;
 And there were glancing eyes about
 And cheeks that would not dare shine out
 In open day but thought they might
 Look lovely then, because 't was night.
 And all were free and wandering

 And all exclaimed to all they met,
 That never did the summer bring
 So gay a Feast of Roses yet;—
 The moon had never shed a light
 So clear as that which blest them there;
 The roses ne'er shone half so bright,
 Nor they themselves lookt half so fair.

And what a wilderness of flowers!
 It seemed as tho' from all the bowers
 And fairest fields of all the year,
 The mingled spoil were scattered here.
 The lake too like a garden breathes
 With the rich buds that o'er it lie,—
 As if a shower of fairy wreaths
 Had fallen upon it from the sky!
 And then the sounds of joy,—the beat
 Of tabors and of dancing feet;—
 The minaret-crier's chant of glee
 Sung from his lighted gallery,
 And answered by a ziraleet
 From neighboring Haram, wild and sweet;—

И гонит прочь ночную тень.
 Все купола и минареты
 Их блеском праздничным согреты.
 С такую силой в этот час
 Сияют факелы и плошки,
 Что на утопанной дорожке
 Без напряженья видит глаз
 Мельчайший лепесток неслышно
 Осыпавшейся розы пышной.
 Но покрывала жен и дев
 Остались дома. Лик румяный,
 Очей блистанье, осмелев,
 Нам в этот вечер осиянный
 Они открыли: как-никак
 День кончился, сгустился мрак.
 И толковал им каждый встречный.
 В толпе веселой и беспечной,
 Что небывалый лунный свет —
 Одна из праздничных примет,
 Что розы, даже вполовину,
 Так не блистали никогда,
 Что девы в прежние года,
 Подавно, даже вполовину
 Не украшали так долину,
 А нынче здесь апофеоз
 Прекрасных дев и Праздник Роз.

Цветов тьма-тьмушая, засилье!
 Как будто красок изобилье,
 Оттенков, ароматов смесь
 За целый год с лугов и кущей
 Собрали, чтоб рассыпать здесь,
 В долине, этот мир цветущий!
 Недвижны озера струи.
 Оно, как сад плавучий, дышит
 И на поверхности колышет
 Венки волшебные свои.
 Не умолкает гулкий звук
 Ладоней, бьющих в барабаны,
 И пляски топот неустанный.
 А муэдзин, на светлый круг

The merry laughter echoing
 From gardens where the silken swing
 Wafts some delighted girl above
 The top leaves of the orange-grove;
 Or from those infant groups at play
 Among the tents that line the way,
 Flinging, unawed by slave or mother,
 Handfuls of roses at each other.—
 Then the sounds from the Lake,—the low whispering in boats,
 As they shoot thro' the moonlight,—the dipping of oars
 And the wild, airy warbling that everywhere floats
 Thro' the groves, round the islands, as if all the shores
 Like those of KATHAY uttered music and gave
 An answer in song to the kiss of each wave.
 But the gentlest of all are those sounds full of feeling
 That soft from the lute of some lover are stealing,—
 Some lover who knows all the heart-touching power
 Of a lute and a sigh in this magical hour.
 Oh! best of delights as it everywhere is
 To be near the loved *One*,—what a rapture is his
 Who in moonlight and music thus sweetly may glide
 O'er the Lake of CASHMERE with that *One* by his side!

If woman can make the worst wilderness dear,
 Think, think what a Heaven she must make of CASHMERE!

So felt the magnificent Son of ACBAR,
 When from power and pomp and the trophies of war
 He flew to that Valley forgetting them all
 With the Light of the HARAM, his young NOURMAHAL.
 When free and uncrowned as the Conqueror roved
 By the banks of that Lake with his only beloved
 He saw in the wreaths she would playfully snatch

Взойдя, поет, и снизу вдруг
 В ответ — пленительный и странный,
 Из ближнего гарема, — дев
 И жен доносится напев.
 Раскатистые звуки смеха
 В садах подхватывает эхо.
 Качелей шелковых размах
 Превыше рощи апельсинной
 Веселью этому причиной
 Иль шалости детей в шатрах?
 Присмотру нет! Какой с них спрос?
 У всех в руках охапки роз.
 А томный шепот в лодках, весел плеск,
 Что рассекают сребролунный блеск?
 Там берега живым, своеобразным
 Журчаньем, словно музыкой, полны,
 И звоном отвечают мелодичным
 Они на каждый поцелуй волны.
 В Китае древнем из камней прибрежных
 Так создан был источник звуков нежных.
 Но в колдовскую ночь имеют власть
 Над сердцем девы только лютни струны,
 И с них перстами воздыхатель юный
 Мелодию старается украсть.
 Такую благодать вообразить нельзя!
 С возлюбленной — какое упоенье! —
 При свете лунном лютни слушать пенье,
 По дремлющему озеру скользя.

Нам скрасит женщина и худший в мире край!
 Суди, какой создаст она в Кашмире рай.

Так помышлял могущественный сын
 Акбара, покидая стан военный,
 Трофеи, клики ратные дружин,
 Дабы лететь в Кашмир благословенный,
 Что розами в те дни благоухал, —
 К тебе, о Свет Гарема, Нурмахал, —
 Чтоб лавры победителя с венчанной
 Главы сорвать и со своей желанной
 Над озером бродить, когда она
 Плетет гирлянды, резвости полна.

From the hedges a glory his crown could not match,
 And preferred in his heart the least ringlet that curled
 Down her exquisite neck to the throne of the world.

There 's a beauty for ever unchangingly bright,
 Like the long, sunny lapse of a summer-day's light,
 Shining on, shining on, by no shadow made tender
 Till Love falls asleep in its sameness of splendor.
 This *was* not the beauty—oh, nothing like this
 That to young NOURMAHAL gave such magic of bliss!
 But that loveliness ever in motion which plays
 Like the light upon autumn's soft shadowy days,
 Now here and now there, giving warmth as it flies
 From the lip to the cheek, from the cheek to the eyes;
 Now melting in mist and now breaking in gleams,
 Like the glimpses a saint hath of Heaven in his dreams.
 When pensive it seemed as if that very grace,
 That charm of all others, was born with her face!
 And when angry,—for even in the tranquildest climes
 Light breezes will ruffle the blossoms sometimes—
 The short, passing anger but seemed to awaken
 New beauty like flowers that are sweetest when shaken.
 If tenderness touched her, the dark of her eye
 At once took a darker, a heavenlier dye,
 From the depth of whose shadow like holy revealings
 From innermost shrines came the light of her feelings.
 Then her mirth—oh! 't was sportive as ever took wing
 From the heart with a burst like the wild-bird in spring;
 Illumed by a wit that would fascinate sages,
 Yet playful as Peris just loosed from their cages.
 While her laugh full of life, without any control
 But the sweet one of gracefulness, rung from her soul;
 And where it most sparkled no glance could discover,
 In lip, cheek, or eyes, for she brightened all over,—

Венцу военной славы не сравниться
 С венком, что вам свивает чаровница.
 Готов был Джехангир за шелковую прядь
 На шею Нурмахал моголов трон отдать.

Бывает красота, что неизменным светом
 Нас долгий день томит, как солнце знойным летом.
 Ее роскошный блеск не в силах даже тьма
 Смягчить, но красоте печать своеобычья
 Нужна, и потому уснет любовь сама,
 Устав от монотонности величья.
 Нет! Прелестью иной дышала Нурмахал,
 Изменчивой, как мягкий свет осенний,
 Просеянный сквозь лиственные сени,
 Когда их ветерок беспечный колыхал.
 От милovidности ее движений
 Казался мир прекрасней и блаженней.
 И этого сиянья мимолетность
 Избыток живости ее чертам
 Внезапно придавала: то устам
 Улыбчивость, то взору искрометность.
 Мерцающая, эта зыбкая краса
 Могла б истаять в смутном ореоле,
 Как сны, что посылают небеса
 Живущим праведно в земной юдоли.
 Порой витала грусть вокруг ее чела,
 Но грация всегда ей спутницей была.
 Подобно ветерку, что делает набег
 На цветники, она рассердится чуть-чуть,
 Но ей остывший гнев лишь прибавляет неги:
 Цветы становятся пышней, коль их встряхнуть.
 Как небеса ночные в звездный час,
 Сияющая бездна темных глаз
 Скрывала в глубине исчерна-синей
 Свет чувства потаенною святыней.
 При этом Нурмахал была игривей пери,
 Которым отперли всяких клеток двери.
 Из глубины души струился без помех
 Ее чарующий и полный жизни смех.
 Кто б мог сказать — глаза, уста или ланиты
 Сильней всего у ней сиянием облиты?
 Так, солнечно смеясь, озерная вода

Like any fair lake that the breeze is upon
 When it breaks into dimples and laughs in the sun.
 Such, such were the peerless enchantments that gave
 NOURMAHAL the proud Lord of the East for her slave:
 And tho' bright was his Haram,— a living parterre
 Of the flowers of this planet—tho' treasures were there,
 For which SOLIMAN'S self might have given all the store
 That the navy from OPHIR e'er winged to his shore,
 Yet dim before *her* were the smiles of them all
 And the Light of his Haram was young NOURMAHAL!

But where is she now, this night of joy,
 When bliss is every heart's employ?—
 When all around her is so bright,
 So like the visions of a trance,
 That one might think, who came by chance
 Into the vale this happy night,
 He saw that City of Delight
 In Fairy-land, whose streets and towers
 Are made of gems and light and flowers!
 Where is the loved Sultana? where,
 When mirth brings out the young and fair,
 Does she, the fairest, hide her brow
 In melancholy stillness now?

Alas!—how light a cause may move
 Dissension between hearts that love!
 Hearts that the world in vain had tried
 And sorrow but more closely tied;
 That stood the storm when waves were rough
 Yet in a sunny hour fall off,
 Like ships that have gone down at sea
 When heaven was all tranquillity!
 A something light as air—a look,
 A word unkind or wrongly taken—
 Oh! love that tempests never shook,
 A breath, a touch like this hath shaken.

Серебряную рябь колышет иногда.
 Сам отпрыск царственный сильнейшей из династий,
 Был Джехангир у Нурмахал во власти,
 Хотя гарем его мог, цветнику под стать,
 Цветами множества чужих земель блистать.
 Великий Солиман за это чудо мира
 Всем златом кораблей, плывущих из Офира,
 Способен был воздать, но рядом с Нурмахал
 Красавиц юных блеск немедля потухал.
 В ней свет гарема был для Джехангира!

Теперь святая ночь услад
 Раскрыла для сердец влюбленных,
 Луны сияньем упоенных,
 Свой призрачный, волшебный град
 Из перлов и гирлянд цветочных
 И звезд мерцанья полуночных.
 В его блестящей суете,
 Где трон воздвигнут красоте,
 Где веселятся непрестанно
 И не смолкает юный смех,
 Лишь грустноликая султана
 Чело скрывает ото всех.

Увы, нередко в одночасье
 С пустого слова несогласье
 Родится между двух сердец,
 Хоть от людского осужденья
 Лишь крепла, вместо отчужденья,
 Любовь... Неужто ей — конец?
 Не так ли гибнет без причины
 Корабль среди морской пучины?
 Изведав бурю не одну,
 Он в ясный день идет ко дну.
 Не вихрь, не смерч любовь потряс:
 Безделица, словцо не к месту,
 Значенье, приданное жесту,
 Иль просто вздох в недобрый час.

And ruder words will soon rush in
 To spread the breach that words begin;
 And eyes forget the gentle ray
 They wore in courtship's smiling day;
 And voices lose the tone that shed
 A tenderness round all they said;
 Till fast declining one by one
 The sweetnesses of love are gone,
 And hearts so lately mingled seem
 Like broken clouds, — or like the stream
 That smiling left the mountain's brow,
 As tho' its waters ne'er could sever,
 Yet ere it reach the plain below,
 Breaks into floods that part for ever.

Oh, you that have the charge of Love,
 Keep him in rosy bondage bound,
 As in the Fields of Bliss above
 He sits with flowerets fettered round; —
 Loose not a tie that round him clings,
 Nor ever let him use his wings;
 For even an hour, a minute's flight
 Will rob the plumes of half their light.

Like that celestial bird whose nest
 Is found beneath far Eastern skies,
 Whose wings tho' radiant when at rest
 Lose all their glory when he flies!

Some difference of this dangerous kind, —
 By which, tho' light, the links that bind
 The fondest hearts may soon be riven;
 Some shadow in Love's summer heaven,

Слова пробили брешь — и, груб,
 Поток словесный рвется с губ,
 Себе проход расширив тесный.
 Утрачен взоров блеск чудесный,
 Которым славились они.
 Исчезла голосов напевность,
 Что придавала задушевность
 Речам, звучащим в оны дни.
 Любовь склоняется к закату,
 Суля приятностей утрату.
 Связь двух влюбленных до поры
 Им кажется нерасторжимой.
 Как весело поток с горы
 Стремит свой бег неудержимый!
 Глядишь — и мчатся наобум
 Два рукава по руслам двум.
 Почем им было знать, что реки
 Возможно разлучить навеки?

Но, попеченьем о любви
 Занявшись, уз ее непрочных
 Ты опрометчиво не рви.
 Держи ее в цепях цветочных.
 Она с восточным божеством
 Давным-давно сочлась родством.
 И пусть ее в полях небесных
 Сидит в оковах легковесных,
 Венками, как индийский бог,
 Обвита с головы до ног!
 Свяжи ей крылья: миг паренья
 Сотрет сиянье с оперенья.
 У райской птицы на лету,
 Расставшись с блеском горделивым
 И радужным своим отливом,
 Крыло теряет красоту.

Найти нетрудно образец
 Того, как рвутся безрассудно
 Приязни узы обоюдной
 По прихоти шальных сердец.
 Пушинкой, легким серебром

Which, tho' a fleecy speck at first
 May yet in awful thunder burst; —
 Such cloud it is that now hangs over
 The heart of the Imperial Lover,
 And far hath banisht from his sight
 His NOURMAHAL, his Haram's Light!
 Hence is it on this happy night
 When Pleasure thro' the fields and groves
 Has let loose all her world of loves
 And every heart has found its own,
 He wanders joyless and alone
 And weary as that bird of Thrace
 Whose pinion knows no resting-place.

In vain the loveliest cheeks and eyes
 This Eden of the Earth supplies
 Come crowding round—the cheeks are pale,
 The eyes are dim:—tho' rich the spot
 With every flower this earth has got
 What is it to the nightingale
 If there his darling rose is not?
 In vain the Valley's smiling throng
 Worship him as he moves along;
 He heeds them not—one smile of hers
 Is worth a world of worshippers.
 They but the Star's adorers are,
 She is the Heaven that lights the Star!

Hence is it too that NOURMAHAL,
 Amid the luxuries of this hour,
 Far from the joyous festival
 Sits in her own sequestered bower,
 With no one near to soothe or aid,

Небес любви в разгаре лета
 Коснулось облачко — примета
 Невинная, но грянул гром.
 Теперь Селиму на чело
 Такое облачко легло,
 И, может быть, оно — виновник
 Того, что образ Нурмахал
 Из сердца своего изгнал
 На время царственный любовник.
 И в эту праздничную ночь,
 Когда сады, луга и рощи,
 Полны благоуханной мощи,
 Влюбленным силились помочь,
 В печали, нелюдим, один
 Бродил окрест Акбаров сын.
 Так птицам Фракии на суше
 Нет отдыха, ни на воде,
 И называют их везде
 «Отверженные богом души».

Напрасно райские улады
 Сулили Джехангиру взгляды,
 Улыбки миловидных уст:
 Пред соловьем хоть мириады
 Цветов рассыпьте, если пуст
 И гол взрастивший розу куст!
 Селим приветствий не слыхал,
 Шагая сквозь толпу во мраке.
 Одной улыбки Нурмахал
 Не стоят раболепства знаки.
 Не счесть поклонников светила,
 Но у него есть небеса —
 Его Единственной краса...

В ту пору Нурмахал грустила!
 Вдали от праздничных утех,
 Она укрылась без помех
 В своих покоях ночью лунной
 Вдвоем с кудесницей Намуной,
 Чье вдохновенное чело
 Бог весть как долго солнце жгло,

But that inspired and wondrous maid,
 NAMOUNA, the Enchantress;—one
 O'er whom his race the golden sun
 For unremembered years has run,
 Yet never saw her blooming brow
 Younger or fairer than 't is now.
 Nay, rather,—as the west wind's sigh
 Freshens the flower it passes by,—
 Time's wing but seemed in stealing o'er
 To leave her lovelier than before.
 Yet on her smiles a sadness hung,
 And when as oft she spoke or sung
 Of other worlds there came a light
 From her dark eyes so strangely bright
 That all believed nor man nor earth
 Were conscious of NAMOUNA'S birth!
 All spells and talismans she knew,

From the great Mantra, which around
 The Air's sublimer Spirits drew,

To the gold gems of AFRIC, bound
 Upon the wandering Arab's arm
 To keep him from the Siltim's harm.
 And she had pledged her powerful art,—
 Pledged it with all the zeal and heart
 Of one who knew tho' high her sphere,
 What 't was to lose a love so dear,—
 To find some spell that should recall
 Her Selim's smile to NOURMAHAL!

'T was midnight—thro' the lattice wreathed
 With woodbine many a perfume breathed
 From plants that wake when others sleep,
 From timid jasmine buds that keep
 Their odor to themselves all day
 But when the sunlight dies away
 Let the delicious secret out
 To every breeze that roams about;—
 When thus NAMOUNA:—" 'T is the hour
 "That scatters spells on herb and flower,

Свой круг верша. К чему нам втуне
 Счет времени сейчас вести,
 Что не мешало б так цвести
 И столь прекрасной быть Намуне?
 Как ветер западный цветы
 Лишь освежает, красоты
 Ей только прибавляли годы,
 Презрев слепой закон природы.
 Но грусти тайной отблеск зыбкий
 Сквозил подчас в ее улыбке.
 Когда про горние миры
 Пел голос девы вечно юной,
 Никто, игре очей Намуны
 Дивясь, не знал, с какой поры,
 Отколь взялась она в подлунной?
 Был у нее великий дар:
 Ей против демонов заклятья
 Известны были без изъятья,
 Многообразие мантр и чар
 И талисманы золотые,
 Каких страшатся духи злые.
 Таков арабский талисман,
 Всегда носимый на запястье
 Затем, чтоб отвести злосчастье,
 Коль встретится в пути шайтан.
 Любовь ушедшую вернуть,
 Утраты понимая суть
 И колдовским владея даром,
 Взялась Намуна с чувством, с жаром.

Настал полночный час, и вот
 Сквозь листья жимолости козьею,
 Что обвивает переплет
 Окна, жасмин свой запах льет.
 Нам всех нектаров и амброзий,
 Когда цветы дневные спят,
 Дороже дивный аромат,
 Которым ветерок долины
 Поят махровые жасмины.
 «Цветы и травы в час такой
 Обильны силой колдовской! —

"And garlands might be gathered now,
 "That twined around the sleeper's brow
 "Would make him dream of such delights,
 "Such miracles and dazzling sights
 "As Genii of the Sun behold
 "At evening from their tents of gold
 "Upon the horizon—where they play
 "Till twilight comes and ray by ray
 "Their sunny mansions melt away.
 "Now too a chaplet might be wreathed
 "Of buds o'er which the moon has breathed,
 "Which worn by her whose love has strayed
 "Might bring some Peri from the skies,
 "Some sprite, whose very soul is made
 "Of flowerets' breaths and lovers' sighs,
 "And who might tell"—
 "For me, for me,"

Cried NOURMAHAL impatiently,—

"Oh! twine that wreath for me to-night."

Then rapidly with foot as light

As the young musk-roe's out she flew

To cull each shining leaf that grew

Beneath the moonlight's hallowing beams

For this enchanted Wreath of Dreams.

Anemones and Seas of Gold,

 And new-blown lilies of the river,

And those sweet flowerets that unfold

 Their buds on CAMADEVA'S quiver;—

The tuberose, with her silvery light,

 That in the Gardens of Malay

Is called the Mistress of the Night,

So like a bride, scented and bright,

Намуна молвила. — Растенья
Собрав, пока не рассвело,
Венчают спящему чело,
И зрит он дивные виденья,
Как духи солнца, что шатры
Ткут на закате для игры,
И, лучезарное, блистает
Жилье, покуда не растает.
Теперь мне время вить венки
Из нераскрывшихся бутонов.
Луна, дыханьем хладным тронув
Их сомкнутые лепестки,
Своей блуждающей любовью
Цветы измучив, даст им власть
Над снами — призрак ли заклать
Иль пери вызвать к изголовью?»
«Венок, творящий волшебство?
Скорей, скорей сплети его!»
Так Нурмахал нетерпеливо
Добыть ей просит это диво.
И выбегает на тропинку
Проворней, чем лесная лань, —
Сбирать и складывать в корзинку
Благоухающую дань,
Чтоб свить из множества растений
Венок волшебных сновидений.
Она в саду срывает вскоре
И сагару — «златое море», —
И лилию, и анемон,
И восхитительного древа
Цветы, что прячет Камадева
В колчан, — индийский Купидон.
В его божественной тени
Раскроют лепестки они.
И ворох влажных клубероз —
Малайи белого сандала, —
Чтоб сонмы сребролунных грез
Его дыханье возбуждало.
А клубероза в этот час —
Пресветлая «Царица Ночи», —
В наряд венчальный облачась,

She comes out when the sun 's away;—
 Amaranths such as crown the maids
 That wander thro' ZAMARA'S shades;—
 And the white moon-flower as it shows,
 On SERENDIB'S high crags to those
 Who near the isle at evening sail,
 Scenting her clove-trees in the gale;
 In short all flowerets and all plants,
 From the divine Amrita tree
 That blesses heaven's habitants
 With fruits of immortality,
 Down to the basil tuft that waves
 Its fragrant blossom over graves,
 And to the humble rosemary
 Whose sweets so thanklessly are shed
 To scent the desert and the dead:—
 All in that garden bloom and all
 Are gathered by young NOURMAHAL,
 Who heaps her baskets with the flowers
 And leaves till they can hold no more;
 Then to NAMOUNA flies and showers
 Upon her lap the shining store.
 With what delight the Enchantress views
 So many buds bathed with the dews
 And beams of that blest hour!—her glance
 Spoke something past all mortal pleasures,
 As in a kind of holy trance
 She hung above those fragrant treasures,
 Bending to drink their balmy airs,
 As if she mixt her soul with theirs.
 And 't was indeed the perfume shed
 From flowers and scented flame that fed

Благоухает что есть мочи!
 Из амарантов бархатистых
 Венки пурпурные надев
 И лютни слушая напев,
 Гулять под сенью рощ тенистых —
 В обычае малайских дев.
 И амаранты Нурмахал
 Срывала алые, как лал.
 Без луноцветов белоснежных
 Не обошлось! Их на прибрежных
 Утесах различить могли б
 Вы, огибая Серендиб,
 Покуда пламенел закат
 И волн плесканью мелодичных
 Как бы сопутствовал гвоздичных
 Деревьев пряный аромат.
 Рвала прекрасная с усердьем
 Цвет амриты, чей дивный плод
 Богов обрадовал бессмертьем,
 И базилик, чей скромный род
 Лишь охраняет в склепы вход,
 Не говоря о розмарине,
 Что тратит аромат в пустыне.
 Цветам в корзинке Нурмахал
 Не довелось остаться втуне:
 Все то, чем сад благоухал,
 Посыпалось в подол к Намуне!
 С земным восторгом не сравнится
 Волненье, с коим чаровница
 Склонилась над живой красой
 Сияньем лунным упоенных,
 Ночной обрызганных росой
 Цветов и злаков благовонных.
 Нездешний, сумрачный экстаз
 Сверкал из глуби темных глаз.
 С душой цветов желала слиться,
 Их ароматами дыша,
 Миров неведомых жилища,
 Завороженная душа.
 С питавшим девы бытиё
 Огнем душистым — клад цветочный

Her charmed life—for none had e'er
 Beheld her taste of mortal fare,
 Nor ever in aught earthly dip,
 But the morn's dew, her roseate lip.
 Filled with the cool, inspiring smell,
 The Enchantress now begins her spell,
 Thus singing as she winds and weaves
 In mystic form the glittering leaves:—

I know where the winged visions dwell
 That around the night-bed play;
 I know each herb and floweret's bell,
 Where they hide their wings by day.
 Then hasten we, maid,
 To twine our braid,
 To-morrow the dreams and flowers will fade.

The image of love that nightly flies
 To visit the bashful maid,
 Steals from the jasmine flower that sighs
 Its soul like her in the shade.
 The dream of a future, happier hour
 That alights on misery's brow,
 Springs out of the silvery almond-flower
 That blooms on a leafless bough.
 Then hasten we, maid,
 To twine our braid,
 To-morrow the dreams and flowers will fade.

The visions that oft to worldly eyes
 The glitter of mines unfold
 Inhabit the mountain-herb that dyes
 The tooth of the fawn like gold.
 The phantom shapes—oh touch not them—
 That appal the murderer's sight,
 Lurk in the fleshy mandrake's stem,
 That shrieks when pluckt at night!
 Then hasten we, maid,

Смешал, блистая, в час полночный
Благоухание свое.

Воды ложбин земных не зная,
Росу собирая по кустам,
Она жила, и снедь земная
Чужда была ее устам.

- Взялась волшебница за дело.
Творя загадочный обряд,
Она венки, за рядом ряд,
Плела и песнь такую пела:

«Я знаю приют легкокрылых снов,
Что спящих на ложе тревожат.
В росистых венчиках дивных цветов
На заре они крылышки сложат.

Увянут цветы,
Обманут мечты.

О девы, не прячьте своей красоты!

Гений любви посещает во сне
Спальни ваши украдкой,
Покинув душистый жасмин при луне
В такой же истоме сладкой.
Чело нищеты озаряющий свет
Надежды на благополучье
Родит миндаля серебристый цвет,
Одевший нагие сучья.

Увянут цветы,
Обманут мечты.

О девы, не прячьте своей красоты!

Сокровища призрачных кладов блещут
В ночи, а зарю ранней,
Скрываясь в горной траве, золотят
Зубы жующих ланей.

Не тронь мандрагору: зловещий дух
В мясистом стебле проснется,
И воплем пронзительным ранит слух
Того, кто ее коснется.

Увянут цветы,

To twine our braid,
To-morrow the dreams and flowers will fade.

The dream of the injured, patient mind
That smiles at the wrongs of men
Is found in the bruised and wounded rind
Of the cinnamon, sweetest then.
Then hasten we, maid,
To twine our braid,
To-morrow the dreams and flowers will fade.

No sooner was the flowery crown
Placed on her head than sleep came down,
Gently as nights of summer fall,
Upon the lids of NOURMAHAL;—
And suddenly a tuneful breeze
As full of small, rich harmonies
As ever wind that o'er the tents
Of AZAB blew was full of scents,
Steals on her ear and floats and swells
Like the first air of morning creeping
Into those wreathy, Red-Sea shells
Where Love himself of old lay sleeping;
And now a Spirit formed, 't would seem,
Of music and of light,—so fair,
So brilliantly his features beam,
And such a sound is in the air
Of sweetness when he waves his wings,—
Hovers around her and thus sings:

Обманут мечты.
 О девы, не прячьте своей красоты!

Виденья больной, уязвленной души,
 Обиду сносящей без гнева,
 Рождаются в благоуханной тиши
 Из раны коричневого древа.
 Увянут цветы,
 Обманут мечты.
 О девы, не прячьте своей красоты!»

Когда красавица издельем
 Волшебным обвила свое
 Чело и впала в забытьё,
 Навеянное чудным зельем,
 Неуловимый ветерок
 Подкрался к ложу спящей девы,
 И полились его напевы
 В нежнейший уха завиток.
 Дыханье первое зари
 Так входит в раковин чертоги,
 Где Кама и другие боги
 Под шум прибоя спят внутри,
 Когда восход над морем Красным
 Алеет пламенем всевластным.
 И этот ветерок певучий
 Исполнен был живых созвучий,
 Как благовоньями богат,
 Летящий над шатрами, жгучий
 Азаба вихрь, его собрат,
 Несущий мирры аромат.
 Тут музыки и света — двух
 Стихий чарующих слиянье —
 Крылатый появился дух,
 С лицом, исполненным сиянья,
 И, песней улаждая слух,

From CHINDARA'S warbling fount I come,
 Called by that moonlight garland's spell;
 From CHINDARA'S fount, my fairy home,
 Where in music, morn and night, I dwell.
 Where lutes in the air are heard about
 And voices are singing the whole day long,
 And every sigh the heart breathes out
 Is turned, as it leaves the lips, to song!
 Hither I come
 From my fairy home,
 And if there 's a magic in Music's strain
 I swear by the breath
 Of that moonlight wreath
 Thy Lover shall sigh at thy feet again.

For mine is the lay that lightly floats
 And mine are the murmuring, dying notes
 That fall as soft as snow on the sea
 And melt in the heart as instantly:—
 And the passionate strain that, deeply going,
 Refines the bosom it trembles thro'
 As the musk-wind over the water blowing
 Ruffles the wave but sweetens it too.

Mine is the charm whose mystic sway
 The Spirits of past Delight obey;—
 Let but the tuneful talisman sound,
 And they come like Genii hovering round.
 And mine is the gentle song that bears
 From soul to soul the wishes of love,
 As a bird that wafts thro' genial airs
 The cinnamon-seed from grove to grove.

'T is I that mingle in one sweet measure
 The past, the present and future of pleasure;
 When Memory links the tone that is gone
 With the blissful tone that 's still in the ear;

Над изголовьем Нурмахал
Крылами воздух колыхал:

«Поющий фонтан — мой сладостный дом;
Я Чиндары звонкой жилец беспечальный.
Меня луносветлый веноч волшебством
Покинуть заставил дворец кристальный.
Там лютия звучит в окрестных кустах
И песня — под сенью любого древа.
Из сердца идущий вздох на устах
Мнится только началом распева.
«Покинь свой дворец,
Крылатый певец!» —

Волшебной струны я послушался зова.

Веноч сребролунный,
Сплетенный Намуной, —

Порука, что милый твоим будет снова.
В эфире парящая песнь — моя!
Моя замирающих звуков нега,
Что в сердце тают, слезы лия,
Как в море упавшие хлопья снега,
И сладостный трепет, басовой струной
Рожденный, души обновленье сулящий,
И мускусный ветер, волну за волной
Колблющий и ароматом поящий.

Подвластен мне сонм ушедших услад.
Они моему талисману послушны,
Чей легкий звон призовет назад
Их гениев хоровод воздушный.
И песня, в которой душе душа
Желанья любви изливает бессонно.
Не так ли, из роши в рошу спеша,
Ей голубь несет семена кинамона?

Я с нынешними наслажденьями смесь
Былых и грядущих составлю днесь.
Я их сочетаю в пропорции дивной.
От этого станет их связь неразрывной.
Так памятью звук, что недавно затух,
Связуется с новым, чарующим слух.

And Hope from a heavenly note flies on
To a note more heavenly still that is near.

The warrior's heart when touched by me,
Can as downy soft and as yielding be
As his own white plume that high amid death
Thro' the field has shone—yet moves with a breath!
And oh, how the eyes of Beauty glisten,
When Music has reached her inward soul,
Like the silent stars that wink and listen
While Heaven's eternal melodies roll.
So hither I come
From my fairy home,
And if there 's a magic in Music's strain,
I swear by the breath
Of that moonlight wreath
Thy Lover shall sigh at thy feet again.

'T is dawn—at least that earlier dawn
Whose glimpses are again withdrawn,
As if the morn had waked, and then
Shut close her lids of light again.
And NOURMAHAL is up and trying
The wonders of her lute whose strings—
Oh, bliss!—now murmur like the sighing
From that ambrosial Spirit's wings.
And then her voice—'t is more than human—
Never till now had it been given
To lips of any mortal woman
To utter notes so fresh from heaven;
Sweet as the breath of angel sighs
When angel sighs are most divine.—
"Oh! let it last till night," she cries,
"And he is more than ever mine."

And hourly she renews the lay,
So fearful lest its heavenly sweetness

К мелодии чудной дано надежде
Вести нас от песни, звучавшей прежде.

Воителя душу мое волшебство
Смягчает, как те белоснежные перья,
Что реяли в битвах на шлеме его,
Приметой отваги и высокомерья.
А нынче сделал вздох безмятежный
Игрушкой своей убор белоснежный.
Когда моя песня, вясь прихотливо,
Входит в девичьих сердец тайники,
Прекрасные очи горят молчаливо,
Как звезды небесные, их двойники.

«Покинь свой дворец,
Крылатый певец!» —

Волшебной струны я послушался зова.
Венок сребролунный,
Сплетенный Намуной, —
Порука, что милый твоим будет снова».

Зажмурилась, на миг блеснув,
Заря, как будто вновь уснув.
А Нурмахал, при пробужденье
Взяв лютню, тронула струну,
И помогло ей наважденье
К волшебному вернуться сну.
Остался в лютне шорох дальний
Амброзией пропахших крыл
Того, кто с ней в опочивальне
Минувшей ночью говорил.
«О волшебство, продлись! Моим
Навеки должен стать Селим!» —
Раздался нежный голос девы,
Несродный смертных жен устам
И внятны разве только там,
Где райские звучат напевы,
И шепот ангелов святых,
И вздохи сладостные их.
Не молкнет лютня, слух лаская.
Ее из рук не выпуская,
Трепещет Нурмахал: а вдруг

Should ere the evening fade away,—
 For things so heavenly have such fleetness!
 But far from fading it but grows
 Richer, diviner as it flows;
 Till rapt she dwells on every string
 And pours again each sound along,
 Like echo, lost and languishing,
 In love with her own wondrous song.

That evening, (trusting that his soul
 Might be from haunting love released
 By mirth, by music and the bowl,)
 The Imperial SELIM held a feast
 In his magnificent Shalimar:—
 In whose Saloons, when the first star
 Of evening o'er the waters trembled,
 The Valley's loveliest all assembled;
 All the bright creatures that like dreams
 Glide thro' its foliage and drink beams
 Of beauty from its founts and streams;
 And all those wandering minstrel-maids,
 Who leave—how *can* they leave?—the shades
 Of that dear Valley and are found
 Singing in gardens of the South
 Those songs that ne'er so sweetly sound
 As from a young Cashmerian's mouth.

There too the Haram's inmates smile;—
 Maids from the West, with sun-bright hair,
 And from the Garden of the NILE,
 Delicate as the roses there;—
 Daughters of Love from CYPRUS rocks,
 With Paphian diamonds in their locks;—
 Light PERI forms such as there are

До сумерек угаснет звук?
 Ход жизни нам твердит извечно,
 Что упоенье быстротечно!
 Но не случилось незадачи,
 Лишь стала музыка богаче,
 И, сладкозвучная вдвойне,
 Родит струна в другой струне,
 Подобный эху, отзвук дивный,
 Медлительный и заунывный.

Ходившей по пятам за ним
 Любовью мучим неотвязной,
 Свой ум решил занять Селим
 Какой-нибудь забавой праздной.
 Могущественный Джехангир
 В садах дворцовых задал пир.
 Дивясь величию Шалимара,
 Блеснула первая звезда.
 Со всех сторон, устав от жара,
 Созданья чудные туда
 Стеклись толпой, чтоб из бассейна
 Испить воды благоговеино,
 Поскольку здешние ключи
 Содержат красоты лучи.
 Среди прекрасных юных лиц
 Бродячих видели певиц,
 Что услаждают властелинов
 Других земель, Кашмир покинув.
 Кто в мире вам споет утешней
 И мелодичней девы здешней?

Там было много чаровниц,
 Гарема ханского жилищ,
 И робких, словно антилопы,
 Златоволосых дев Европы,
 И дев, нежнее нильских роз,
 Благоуханней их нектара,
 И юных пери Кандахара,
 Что зельем золотым зарос,
 И узкоглазых дев Китая,
 Которым нравилось, мечтая,

On the gold Meads of CANDAHAR;
 And they before whose sleepy eyes
 In their own bright Kathaian bowers
 Sparkle such rainbow butterflies
 That they might fancy the rich flowers
 That round them in the sun lay sighing
 Had been by magic all set flying.

Every thing young, every thing fair
 From East and West is blushing there,
 Except—except—oh, NOURMAHAL!
 Thou loveliest, dearest of them all.
 The one whose smile shone out alone,
 Amidst a world the only one;
 Whose light among so many lights
 Was like that star on starry nights,
 The seaman singles from the sky,
 To steer his bark for ever by!
 Thou wert not there—so SELIM thought,
 And every thing seemed drear without thee;
 But, ah! thou wert, thou wert,—and brought
 Thy charm of song all fresh about thee,
 Mingling unnoticed with a band
 Of lutanists from many a land,
 And veiled by such a mask as shades
 The features of young Arab maids,—
 A mask that leaves but one eye free,
 To do its best in witchery,—
 She roved with beating heart around
 And waited trembling for the minute
 When she might try if still the sound
 Of her loved lute had magic in it.

Сидеть в беседках расписных
 И, опираясь на перильца,
 Следить, как бабочкины крыльца
 Обильем красок неземных
 Сверкают перед взором их.
 Цветка роскошного покой
 Тревожит их воображенье:
 Должно быть, мотылька круженье
 Прервалось колдовской рукой.
 Он, сделавшись цветком, вздыхает
 И сладостно благоухает...

Там были девы кипрских скал,
 И украшал хрусталь пафосский
 Затейливые их прически.
 Там не было лишь Нурмахал!
 «О Нурмахал, тебя здесь нет,
 Единственной во всей подлунной,
 Столь обольстительной и юной,
 Чьей ласковой улыбки свет —
 Как блеск желанной путеводной
 Звезды, что над пучиной водной,
 С надеждой глядя в небосвод,
 Гребец отыщет в сонме звездном,
 Дабы в своем боренье грозном
 По ней ладьи направить ход», —
 С тоскою думал Джахангир,
 Взирая на постылый мир.
 Среди лютнисток между тем,
 Покинув к вечеру гарем,
 Укрылась чаровница сразу,
 По образцу арабских дев,
 Их маску с прорезью надев,
 Откуда можно было глазу
 Блистать, как черному алмазу.
 Биенье сердца своего
 Ей слышалось в толпе кипучей.
 Скорей бы лютни волшебство
 Испробовать позволил случай!

The board was spread with fruits and wine,
 With grapes of gold, like those that shine
 On CASBIN hills;—pomegranates full
 Of melting sweetness, and the pears,
 And sunniest apples that CAUBUL
 In all its thousand gardens bears;—
 Plantains, the golden and the green,
 MALAYA'S nectared mangusteen;
 Prunes of BOCKHARA, and sweet nuts
 From the far groves of SAMARCAND,
 And BASRA dates, and apricots,
 Seed of the Sun, from IRAN'S land;—
 With rich conserve of Visna cherries,
 Of orange flowers, and of those berries
 That, wild and fresh, the young gazelles
 Feed on in ERAC'S rocky dells.
 All these in richest vases smile,
 In baskets of pure santal-wood,
 And urns of porcelain from that isle
 Sunk underneath the Indian flood,
 Whence oft the lucky diver brings
 Vases to grace the halls of kings.

 Wines too of every clime and hue
 Around their liquid lustre threw;
 Amber Rosolli,—the bright dew
 From vineyards of the Green-Sea gushing;
 And SHIRAZ wine that richly ran

От множества плодов и вин
Ломился стол, и, как лампада,
Светились гроздья винограда
Златые, что взрастил Казвин.
Тут были разных стран дары:
И мангустины — плод малайский,
Что вправду вкус имеет райский,
И сливы древней Бухары.
Гранаты, яблоки и груши
Несчетных видов и сортов,
Что в Индию доставил сушей
Кабул из тысячи садов,
И «Семя солнца» — абрикосы,
Чья родина — седой Иран,
Его цветущих гор откосы,
И финики, что караван
Привез из Басры, и орехи,
Из Самарканда, без помехи
В тюках прибывшие в Кашмир,
Где Джахангир устроил пир.
Варенье тешит глаз багрянцем:
Оно — из вишен с померанцем
И дикой ягоды, досель
У нас незнаемой, однако
Ее охотно ест газель
В лесистых зарослях Ирака.
Обильней, слаще во сто раз
Сдаются чудных фруктов груды
От златокованой посуды,
Корзин сандаловых и ваз.
Где суета сует причиндй
Тому, что поглощен пучиной
Был остров средь Индийских вод,
Из века в век, из года в год
Удачливые водолазы
Вылавливают эти вазы.
Их достают со дна морей,
Чтоб украшать пиры царей.
А вин оттенки, их краса?
Вино «Розольо» в засмоленных
Бутылях — светлая роса

As if that jewel large and rare,
 The ruby for which KUBLAI-KHAN
 Offered a city's wealth, was blushing
 Melted within the goblets there!

And amply SELIM quaffs of each,
 And seems resolved the flood shall reach
 His inward heart,—shedding around
 A genial deluge, as they run,
 That soon shall leave no spot undrowned
 For Love to rest his wings upon.

He little knew how well the boy
 Can float upon a goblet's streams,
 Lighting them with his smile of joy;—
 As bards have seen him in their dreams,
 Down the blue GANGES laughing glide
 Upon a rosy lotus wreath,
 Catching new lustre from the tide
 That with his image shone beneath.

But what are cups without the aid
 Of song to speed them as they flow?
 And see—a lovely Georgian maid
 With all the bloom, the freshened glow
 Of her own country maidens' looks,
 When warm they rise from TEFLIS' brooks;
 And with an eye whose restless ray
 Full, floating, dark—oh, he, who knows
 His heart is weak, of Heaven should pray
 To guard him from such eyes as those!—
 With a voluptuous wildness flings
 Her snowy hand across the strings
 Of a syrinda and thus sings:—

Из виноградников зеленых!
 Струя ширазского в стакан
 Течет расплавленным рубином.
 Не о таком ли Кублай-хан
 С другим восточным властелином.
 Вел торг? Но был не по карману
 Рубин заветный Кублай-хану.
 Вино вкушая в изобилье,
 Чтоб не осталось уголка
 Сухого в сердце, где пока
 Любовь, сложив уютно крылья,
 Могла и отдохнуть слегка,
 Селиму вспомнить бы не худо,
 Каков индийский Купидон:
 Струе из винного сосуда
 Ладью, смеясь, вверяет он.
 Поэт напряг воображенье —
 И видит Камы на венке
 Из лотосов, как в челноке,
 По Гангу синему скольженье.
 Он улыбается, пlying
 И в солнечной воде лоя
 Своей улыбки отраженье.
 Чтоб двигались быстрее чаши,
 Их должен подстрекнуть напев.
 И вот нашлась певица, краше
 Своих подруг, тифлисских дев.
 Когда в предутреннюю рань,
 Глазами, темными, как вишни,
 Блестя, идут они из бань,
 Того, кто слаб, — спаси всевышний
 От сладкой пагубы очей,
 Что льют поток своих лучей!
 Сиринды струн рукою белой
 Она коснулась и запела.
 В той музыке и песне был
 Заклятья исступленный пыл:

Come hither, come hither—by night and by day,
 We linger in pleasures that never are gone;
 Like the waves of the summer as one dies away
 Another as sweet and as shining comes on.
 And the love that is o'er, in expiring gives birth
 To a new one as warm, as unequalled in bliss;
 And, oh! if there be an Elysium on earth,
 It is this, it is this.

Here maidens are sighing, and fragrant their sigh
 As the flower of the Amra just oped by a bee;
 And precious their tears as that rain from the sky,
 Which turns into pearls as it falls in the sea.
 Oh! think what the kiss and the smile must be worth
 When the sigh and the tear are so perfect in bliss,
 And own if there be an Elysium on earth,
 It is this, it is this.

Here sparkles the nectar that hallowed by love
 Could draw down those angels of old from their sphere,
 Who for wine of this earth left the fountains above,
 And forgot heaven's stars for the eyes we have here.
 And, blest with the odor our goblet gives forth,
 What Spirit the sweets of his Eden would miss?
 For, oh! if there be an Elysium on earth,
 It is this, it is this.

The Georgian's song was scarcely mute,
 When the same measure, sound for sound,
 Was caught up by another lute
 And so divinely breathed around
 That all stood husht and wondering,
 And turned and lookt into the air,
 As if they thought to see the wing
 Of ISRAFIL the Angel there;—
 So powerfully on every soul
 That new, enchanted measure stole.
 While now a voice sweet as the note
 Of the charmed lute was heard to float
 Along its chords and so entwine
 Its sounds with theirs that none knew whether

«Приди, о, приди! Здесь ночи и дни
 Текут в упоеньях и праздности дивной.
 Как волны, друг друга сменяют они
 И сладостно длятся чередой непрерывной.
 Любовь, угасая, любви иной
 Без спора свое уступает главенство.
 Коль скоро на свете есть рай земной —
 Он — здесь и тебе обещает блаженство!

Дева вздыхает, как амры цветок,
 Внезапно раскрытый пчелой сладострастной.
 Слеза ее — капля, что небо в поток
 Роняет, жемчужиной сделав прекрасной,
 А вкус поцелуя, улыбки одной
 Цена, если вздох и слеза — совершенство?
 Коль скоро на свете есть рай земной —
 Он — здесь и тебе обещает блаженство!

Ангел и тот предпочтет нектар
 Здешний — Эдема ручьям алмазным,
 А звездам небесным — неистовый жар
 Женских очей, что дышат соблазном.
 Он, осушая кубок хмельной,
 Забудет горних миров благоденство.
 Коль скоро на свете есть рай земной —
 Он — здесь и тебе обещает блаженство!»

Но показалась бедной, скудной
 Грузинки песнь: ее мотив
 Другая лютня силой чудной
 Преобразила, подхватив.
 Притихли гости в изумленье:
 «Должно быть, это шелест крыл,
 Которым ангел Исрафил
 Нам возвестил свое явленье!»
 Другого голоса певучесть
 Решила первой девы участь,
 И струн чарующих язык
 В сердца пирующих проник.
 А лютня, с голосом не споря,
 Звучала так, певице вторя,

The voice or lute was most divine,
So wondrously they went together:—

There 's a bliss beyond all that the minstrel has told,
When two that are linkt in one heavenly tie,
With heart never changing and brow never cold,
Love on thro' all ills and love on till they die!
One hour of a passion so sacred is worth
Whole ages of heartless and wandering bliss;
And, oh! if there be an Elysium on earth,
It is this, it is this.

'T was not the air, 't was not the words,
But that deep magic in the chords
And in the lips that gave such power
As music knew not till that hour.
At once a hundred voices said,
"It is the maskt Arabian maid!"
While SELIM who had felt the strain
Deepest of any and had lain
Some minutes rapt as in a trance
After the fairy sounds were o'er,
Too inly touched for utterance,
Now motioned with his hand for more:—

Fly to the desert, fly with me,
Our Arab's tents are rude for thee;
But oh! the choice what heart can doubt,
Of tents with love or thrones without?

Our rocks are rough, but smiling there
The acacia waves her yellow hair,
Lonely and sweet nor loved the less
For flowering in a wilderness.

Our sands are bare, but down their slope
The silvery-footed antelope

Что музыка и голос дивный,
Сплетаясь, были неразрывны:

«Есть упоенье превыше того,
Что в песне славила юная дева:
Сужденное двум сердцам родство,
Душа без фальши, чело без гнева.
До перехода в мир иной
Любить, невзирая на несовершенства!
Коль скоро на свете есть рай земной —
Он — здесь и тебе обещает блаженство!»

О нет, не сладостных созвучий
Очарованье, не слова:
Дав музыке размах могучий,
В уста и струны звук певучий
Вложила сила волшебства.
Певицу хором называли
«Арабской девой в покрывале».
Хотя старался удержать
Селим свои восторги в тайне,
Он, будучи взволнован крайне,
Велел ей жестом продолжать.

«Бежим в пустыню! Для тебя
Сурова ткань шатра льняная.
Но лучше жить в шатре любя,
Чем во дворце, любви не зная.

Безмерно радуется взор,
Скользя по скалам каменистым,
Цветам акации душистым
Средь Аравийских наших гор.

Как здесь, на мраморных дорожках
В безлюдных царственных садах, —
Газель на серебристых ножках
Резвится там в нагих песках.

Поверь своей арабской деве!
Полюбишь ты мои края.

As gracefully and gayly springs
As o'er the marble courts of kings.

Then come—thy Arab maid will be
The loved and lone acacia-tree,
The antelope whose feet shall bless
With their light sound thy loneliness.

Oh! there are looks and tones that dart
An instant sunshine thro' the heart,—
As if the soul that minute caught
Some treasure it thro' life had sought;

As if the very lips and eyes,
Predestined to have all our sighs
And never be forgot again,
Sparkled and spoke before us then!

So came thy every glance and tone,
When first on me they breathed and shone,
New as if brought from other spheres
Yet welcome as if loved for years.

Then fly with me,—if thou hast known
No other flame nor falsely thrown
A gem away, that thou hadst sworn
Should ever in thy heart be worn.

Come if the love thou hast for me
Is pure and fresh as mine for thee,—
Fresh as the fountain under ground,
When first 't is by the lapwing found.

But if for me thou dost forsake
Some other maid and rudely break
Her worshipt image from its base,
To give to me the ruined place;—

Then fare thee well—I 'd rather make
My bower upon some icy lake
When thawing suns begin to shine
Than trust to love so false as thine.

Цветком акации на древе
 Благоуханным стану я,

Я стану резвою газелью,
 Твоей приязнью дорожа,
 Твоей отраде и веселью
 С усердьем ласковым служа.

Порою уст волшебных звуки
 Чаруют слух, а нежный взгляд
 Пронзает сердце, словно в руки
 Тебе заветный дался клад.

Любимых взоров блеск сугубый
 И эти розовые губы
 Неотвратимый создал рок,
 Чтоб ты их в памяти берег.

В меня вошло твое дыханье,
 Как свежих роз благоуханье,
 Как музыка небесных сфер,
 Но сладкопевней не в пример.

Лишь будь любовь твоя кристальна,
 Как чибисом открытый ключ,
 Что чистотой первоначальной
 Блестит, лиясь меж горных круч.

Но если загасил ты пламень
 Другой любви и обронил
 Беспечно драгоценный камень,
 Что в сердце издавна хранил,

И если ты, предавшись гневу,
 Рукою грубою разбил
 Кумир возлюбленной, а деву,
 Чтоб дать мне место, разлюбил, —

Прощай! Чем дни связать свои
 С твоей любовью вероломной,
 Пусть лучше озера струи
 Мне домом станут ночью темной!»

There was a pathos in this lay,
 That, even without enchantment's art,
 Would instantly have found its way
 Deep into SELIM'S burning heart;
 But breathing as it did a tone
 To earthly lutes and lips unknown;
 With every chord fresh from the touch
 Of Music's Spirit,—'t was too much!
 Starting he dasht away the cup,—
 Which all the time of this sweet air
 His hand had held, untasted, up,
 As if 't were fixt by magic there
 And naming her, so long unnamed,
 So long unseen, wildly exclaimed,
 "Oh NOURMAHAL! oh NOURMAHAL!
 "Hadst thou but sung this witching strain,
 "I could forget—forgive thee all
 "And never leave those eyes again."

The mask is off—the charm is wrought—
 And SELIM to his heart has caught,
 In blushes, more than ever bright,
 His NOURMAHAL, his Haram's Light!
 And well do vanisht frowns enhance
 The charm of every brightened glance;
 And dearer seems each dawning smile
 For having lost its light awhile:
 And happier now for all her sighs
 As on his arm her head reposes
 She whispers him, with laughing eyes,
 "Remember, love, the Feast of Roses!"



Не сила колдовской науки,
 Но обольстительные звуки,
 Уста, которым равных нет,
 Лишенные земных примет,
 И пафос песни, а не лира
 Проникли в сердце Джехангира,
 Неизгладимый врезав след.
 Иною жаждою палим,
 Отбросив кубок непочатый,
 Вскочил стремительно Селим,
 Как будто пламенем объятый,
 И обнял деву, перед ним
 Стоящую среди палаты.
 И в этот миг слетело с уст
 Неназываемое имя
 Той, без которой мир был пуст,
 Со всеми благами своими:
 «О Нурмахал, о Нурмахал!
 Я все забыл в одно мгновенье,
 Когда чарующее пенье
 Не ухом — сердцем услышал!»

Теперь ее черты и краски
 Сияли без докучной маски.
 Едва приметная, сошла
 Морщинка с белого чела
 И этим придала, без спору,
 Цены устам ее и взору.

Не раз, под звездами Кашмира,
 Она, в объятьях Джехангира,
 Задаст ему, смеясь, вопрос:
 «Любимый, помнишь Праздник Роз?»





ПРИЛОЖЕНИЕ





ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ

1. ШЕСТВУЙ К СЛАВЕ БРАННОЙ

Шествуй к славе бранной,
Только, мой желанный,
Помни обо мне.
Встретишь ты стройнее,
Краше, веселее:
Помни обо мне.
Ярче будут платья
И смелей объятия
В дальней стороне!
Только, друг мой милый,
С прежней, с давней силой
Помни обо мне!

Меж цветов и терний
Под звездой вечерней
Вспомни обо мне!
Без огня и света,
Твоего привета,
Вянут розы лета
В сумрачном окне.
Я их вышивала,
В них любовь вплетала:
Помни обо мне!

В миг, когда в просторах
Грустен листьев шорох,
Вспомни обо мне!
И когда ночами

Спит в камине пламя,
 Вспомни обо мне!
 Вечером угрюмым,
 Весь предавшись думам
 В горькой тишине, —
 Вспомни, как, бывало,
 Я тебе певала, —
 Вспомни обо мне!

Перевод А. Голембы

3. ЭРИН

Эрин! Твои слезы, улыбка в очах
 Слилися, как радуга на небесах!
 Сквозь волн бед светлея,
 Сквозь радость темнея,
 Твои солнцы, бледнея,
 Восходят в слезах.
 Эрин! слез безмолвных ты ввек не отрешь,
 Эрин! ты улыбки дотоль не найдешь,
 Как радугой светлой,
 Свой луч разноцветной
 В знак мира заветной
 В один не сольешь.

Перевод Д. Ознобишина

4. Умолчим его имя: пусть там оно спит,
 Где без славы, без почестей прах его скрыт;
 Пусть во мраке текут наши слезы о нем,
 Как роса над могильным холмом.
 Но роса, упавая, и в мраке ночном
 На могиле его мураву возрастит;
 И слеза, что о друге мы тайно прольем,
 Память друга надолго в сердцах сохранит.

Перевод М. Вронченко

4. Не зовите его, пусть спит он в безмолвье,
Где хладный с бесчестьем сложен его прах;
Пусть слезы застынут на наших очах,
Как вечерня роса на его изголовье.

Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится,
Свежим дерном могила его обновится,
А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши,
Сохранят его память живой для души.

Перевод Д. Ознобишина

4. О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!
Пусть оно спит под землею в глубоком и вечном
покое.
Пусть ваши слезы невольные льются из глаз
омраченных
Тихо — как перлы росинок, дрожащих на ландышах
сонных.
Падает тихо роса на ковер изумрудного луга,
Но от нее зеленеет могила усопшего друга;
Тихие, жаркие слезы над этой пустынной могилой
В чутких сердцах оживят его образ волшебною
силой.

Перевод Ф. Червинского

4. ЭПИТАФИЯ

Не надо имени... Пусть он спокойно спит,
Без почестей зарытый в землю нами;
Кому он дорог был — пусть прах его почтит
Безмолвно-скорбными слезами.

Вспоенная росой в безмолвии ночей,
 Угрюмая могила оживится:
 Так и в сердцах о нем, слезами без речей,
 Живая память сохранится.

Перевод В. Лихачева

4. Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна,
 Где сложили без почестей прах...
 Да прольется слеза — молчалива, мрачна,
 Как роса на могильных цветах!
 Как ночная роса оживляет цветок
 Молчаливо над мрамором плит,
 Так и сдержанных слез молчаливый поток
 Об усопшем мечту оживит!

Перевод Л. Уманца

4. О, НЕ ШЕПЧИ ЕГО ИМЯ

О, не шепчи его имя, пускай оно в сумраке спит,
 Там, где холодный, бесславный прах его бледный зарыт.
 Смутны, тихи и печальны, катятся слезы из глаз,
 Словно роса, что ложится на могилу в полуночный час.

Но от студеной росы, что плачет во мраке ночей,
 Ярче могильные травы встанут в сиянье лучей;
 Так и печальные слезы, которые тайно мы льем,
 Делают ярче в душах вечную память о нем.

Перевод М. Алигер

5. Когда твой верный друг, когда поклонник твой,
 В мир лучший улетит, измученный страданьем,
 Скажи, заплачешь ты, когда холм гробовой
 Жестоким заклеит молва воспоминаньем?

О, плачь! Как ни суров людской здесь приговор,
Слезю смоешь ты желчь едкого упрека,
Быть может, я не прав и заглушил укор,
Но я тебя любил безумно и глубоко...

В тебя мечты мои, чувств первых фимиам,
К тебе все помыслы души моей несутся.
И в передсмертный час, в молитве к небесам,
Два наших имени, как два луча, сольются.

Счастлив, кто для тебя здесь на земле живет,
Кто дышит только лишь тобою;
Еще счастливее, еще блаженней тот,
Кто за тебя на смерть приговорен судьбою.

Перевод И. Крешева

5. Когда твой боец, за тебя умирая,
Поникнет удалой главой,
Ты, думы царица, ты, сердцу родная,
Почтишь ли мой прах ты слезой?
Пусть люди помянут враждой и наветом,
Лишь ты б пожалела о мне!
Я их не щадил, но пред Богом и светом
Был верен до гроба тебе.

Тобою дышал я, тобою гордился,
Тобой было сердце полно,
Всю жизнь о тебе лишь мечтал и молился,
С тобою страдал заодно!
Блажен, кто успеет мечом или кровью
Тебе блеск и славу стяжать!
Но счастлив уж тот, кто с мольбой и любовью
Готов за тебя умирать!

Перевод А. Баратынской

5. Коль умрет, кто любил, но не мог ничего
 Кроме горя оставить, любя, —
 Ты придешь ли рыдать на могилу того,
 Кто всю жизнь посвятил для тебя?
 Да, рыдай надо мной! Пусть враги очернят,
 Приговор их ты смоешь слезой,
 Небо пусть подтвердит: я пред ним виноват.
 Слишком прав я, мой друг, пред тобой.

В грезах первой любви я мечтал о тебе,
 Ты умом овладела моим!
 Робко Духа молю я в последней мольбе,
 Да сольет мое имя с твоим!
 И в любви, как и в дружбе, блажен только тот,
 Кто дни славы увидит, любя, —
 Величайшее счастье мне небо дает —
 Гордо пасть, умереть за тебя!..

Перевод Л. Уманца

6. АРФА ТАРЫ

Та арфа, что пела под сводами Тары,
 Не петь ей уж песен родных,
 В ней будто душа, за последним ударом,
 Слетела со струн золотых...
 Так смолкла и гордость народных преданий,
 И слава минувших веков,
 И сердце, что билось святым упованием,
 Теперь не забьется уж вновь...
 Где рыцари, девы на игры собирались,
 Там арфа в забвенье, молчит,
 И только, порою, струна, разрываясь,
 О жизни былой говорит...
 Что в сердце народном таится свобода,
 Что дышит живая струя.
 О том нам вещает в порыве бесплодном,
 Тоской разрываясь, душа!..

Перевод Е. Степановой

6. Арфа стройного Торры, чьи звуки далеко
 Раздавались когда-то над шумной толпой,
 На обломке стены ныне спит одиноко,
 Как былого свидетель немой.
 Так проходит веков горделивая слава,
 Так минувшего молкнет и слава и гром
 И в остывших сердцах — как потухшая лава.
 Все мертво и безмолвно кругом.

В замке нет уж пиров и похвал не поется
 В честь бойцов удалых и прелестных очей;
 Лишь порвется струна и на звук отзовется
 Буйный ветер во мраке ночей.
 Так, средь общего сна, дух свободы порою
 Встрепенется на миг, так под гнетом цепей
 Сердце воплем глухим — как та арфа струною —
 Тайно будит восторг лучших дней.

Перевод А. Баратынской

9. УЖ ЭРИН БЛЕДНЕЕТ

Уж Эрин бледнеет, чуть видный очам;
 Но ты, где мне Эрин, везде будешь там.
 Вдали мне отчизной твоя будет грудь,
 И взгляд твой, друг милый, осветит мой путь.

В ужасные дебри в ущелиях гор,
 Где нас чужеземца не выследит взор,
 Я скроюсь с Кулином; вой бури в брега
 Слабее, чем ярость и лютость врага.

Там в злато всмотрюся я кудрей твоих,
 Скользящих над арфой, при звуках родных,
 Там гордый Саксонец, холодный душой,
 Ни струн не обрежет, ни кудри златой.

Перевод Д. Ознобишина

11. Может в зеркале вод отражаться луна,
Хоть их недр глубина и мутна, и хладна;
Могут светлой улыбкой уста расцвести,
Хоть в развалины сердце разбито в груди.

Роковой, грозный призрак промчавшихся лет
Неизменен всегда, средь веселий и бед:
Целый мир его тенью туманной покрыт;
Не живет его радость, печаль не мрачит.

Он в минуты веселья стоит пред душой,
Как засохшая ветка в полуденный зной:
Хоть блестит она в свете огнистых лучей,
Но не жить, не цвести никогда уже ей.

Перевод М. Вронченко

11. Как солнце золотит поверхность тихих вод,
А в глубине, меж тем, объаты волны тьмою, —
Улыбкой так лицо озарено порою,
Хотя в душе печаль гнетущая живет.

На нас унылый луч осенних бледных дней
Бросает о былых скорбях воспоминанья,
И радость ли нам жизнь дарит или страданья, —
Нам все равно тогда: мы безучастны к ней.

Не так ли ветвь одна засохшая висит
На дереве, что все покрыто пышным цветом;
Облитая зарей вечерней алым светом,
Она еще красой обманчивой манит,
Но ей уж не расцвести, и свежую листвою
Листва поблекшая не сменится весною.

Перевод А. Н. Плещеева

* * *

13. Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня
И солнце с запада на море льет сиянье:
Тогда встают мечты дней прошлых для меня
И вздох вечерний шлет к тебе воспоминанье.

Люблю я видеть путь на зыбком лоне вод,
Простертый к западу огнистой полосой:
Я бы пошел по нем! быть может, он ведет
На остров радости, к веселью и покою.

Перевод М. Вронченко

13. СУМЕРКИ

Люблю я час, когда в спокойном море тают
Последние лучи заката: в этот час
В душе моей все сны былого воскресают
И вздох сердечный шлю тебе я каждый раз.

Все море в пламени — и я горю душою:
Стезя лучистая — куда зовет она?
И не лежит ли там, за гранью золотую,
Благословенная, желанная страна?

Перевод В. Лихачева

*

Посвящается К. Д. Бальмонту

13. В вечерний час слабеет светоч дня
И нежный луч ласкает гладь морскую —
Сны лучших дней баюкают меня,
И о тебе я плачу и тоскую.
И я скорблю, зачем бы я не мог
За светом дня пройти за грань заката,
Где стал средь волн сияющий чертог,
Чертог Забвения, откуда нет возврата.

Перевод А. Курсинского

13. Люблю я час, как гаснет свет лучей
 И золотит недвижимое море;
 Тогда встают виденья прежних дней
 И грудь томит любви минувшей горе.
 И, следуя по зыбям светлых волн,
 Вперяю взор в златой пожар эфира
 И думаю, какой-то неги полн:
 Не там ли скрыт счастливый остров мира?

Перевод Д. Мина

24. Луч лампы давно, с незапамятных лет
 Озаряет святыню Кильдара,
 Так для сердца, что в буре страданий и бед
 Переносит всю тяжесть удара,
 Ты сияешь сквозь слезы, Эрин, о Эрин,
 В эту рабскую ночь, среди мрака кручин!

Ты так молод, поверь — твое солнце взойдет —
 Погибают иные народы;
 Если рабство мрачит лучезарный восход,
 Будет в полдень сиянье свободы!
 И светило во мраке, Эрин, о Эрин,
 Вновь заблещет — и гордый падет властелин!

Не бояся дождя, холодов, непогод,
 Тихо лилия дремлет зимою;
 Но весна эти узы ее разорвет,
 Свет польется свободной волною...
 О Эрин, от зимы уж избавишься ты,
 И надежд расцветут золотые цветы!..

Перевод Л. Уманца

5. РОЖДЕНИЕ АРФЫ

Посв. Е. А. О.

Есть древняя повесть, что арфа была
 Младой сиреной когда-то;
 Подводные песни внимала скала...
 И робко, в час поздний заката,
 На берег земный, волн зыбких в тиши,
 Она выплывала к любимцу души.

Но сладкие звуки, но слезы у ней
 По шелковым кудрям напрасно
 Лились пред гордым, в безмолвьи ночей:
 Он ласки отвергнул прекрасной.
 Смягчилось Небо над пылкой тоской:
 Явилась арфа из девы морской.

Прелестные перси, как прежде, манят,
 С улыбкою той же ланиты;
 Стан гибкий скруглился, слезами горят
 На снежную ручку повиты
 Роскошные кудри — отрада очей, —
 Златыми струнами трепещут на ней.

И долго, и сладко любовь и тоска
 На арфе чудесной сливались;
 Но ты к ней коснулась перстами слегка,
 И новые звуки раздались.
 Мы вместе — и дышит любовью струна!
 Мы розно — и арфа томна и грустна.

Перевод Д. Ознобишина

35 РОЖДЕНИЕ АРФЫ

Под ясною влагой морского залива —
 Я слышал преданье — сирена жила.
 И часто на берег, где зыблется ива,
 Она выходила и друга ждала.

И слезы напрасно у бедной лилися
 На темные пряди струистых кудрей,
 И грустные вопли по ветру неслися,
 Тревожа пловцов и ночных рыбарей.

Но сжалилось небо: из тела сирены
 Явилась арфа, бела, как нарцисс,
 А кудри скатились на гибкие члены
 И, слезы роняя, струнами свились.

Года пролетели, но струны все те же,
 Все дышат любовью и нежной тоской,
 И говор веселый становится реже,
 Когда я дотронусь до арфы рукой.

Перевод И. Крешева

35. СИРЕНА

Я слышал преданье. С глубокой тоской
 Сирена жила под пучиной морской,
 И на берег моря, где ива стояла,
 Она выходила и все поджидала
 Кого-то — и слезы в полуночный час
 На влажные кудри роняла из глаз,
 И по ветру стоны и вопли носились:
 Пловцы, их услыша, в испуге крестились,
 Завидя сквозь сумрак полоску земли...

Но стоны сирены до неба дошли,
 И чудо с сиреной тогда совершилось:
 В прекрасную арфу она обратилась,
 А кудри красавицы в струны свились,
 И грустные звуки от них понеслись.

Так годы промчались, но струны звучали,
 Исполнены прежней глубокой печали,
 И только рукою коснусь я до них,
 Угрюмей становится каждый мой стих.

Перевод Д. Минаева

35. РОЖДЕНЬЕ АРФЫ

Одно я чудесное знаю преданье:
У моря кудрявая нимфа жила,
Томилась бедняжка тоской ожиданья
И горькие слезы о милом лила...

Но тщетно слезами она орошала
Волнистые пряди роскошных кудрей
И тщетно рыдающей песней своей
Пловцов задремавших от сна пробуждала...

Но сжалились боги, и чудо свершилось,
Вдруг арфа явилась из тела ея,
Волос ее пышных волна превратилась
В волшебные струны, печально звеня...

Пусть время несется, но с той же тоскою
Рокочет, и стонет, и дышит струна,
Когда я до арфы дотронусь рукою,
Все та же печаль и любовь в ней слышна!..

Перевод Л. Кобылинского (Эллиса)

* * *

42. Далёко от долов родимого края
Не ищет она ни побед, ни похвал;
Душа ее там, где могила драгая,
Где юный боец за отечество пал.

И слезы дрожат из-под темной ресницы,
Меж тем как поет она песни свои,
Толпа рукоплещет, но в сердце певицы
Никто не прочтет тайны слез и любви.

Он жил для нее, но служил он отчизне,
И той и другой равно верен он был;
Нё скоро забыть его скорбной отчизне,
Не долго страдать той, кого он любил.

О, дайте тогда ей уснуть на покое!
 Сокройте ее под зеленым холмом,
 Где б тихий закат, среди летнего зноя,
 Ласкал ее томным, родимым лучом!

Перевод А. Баратынской

42. В далекой стороне почил ее герой;
 Вокруг нее — толпа поклонников живая, —
 Она бежит от них, отчаянно рыдая
 И сердце хороня в могиле дорогой.

Иль запоеет она: пленительные звуки
 Напевов родины и льются, и дрожат —
 А те, что внемлют им, и думать не хотят,
 Что это уж не песнь, а стон сердечной муки!

Он жил лишь для нее — и пал за край родной:
 Иной любви не знал он в жизни скоротечной;
 Оплакивать его мы, братья, будем вечно —
 Но ей не вынести разлуки гробовой.

Так выроем же ей могилу, где прощальный
 Заката луч сулит безоблачный рассвет:
 Пусть будет прах ее улыбкою согрет —
 Любимой родины улыбкою печальной.

Перевод В. Лихачева

47. ПРАВДА НА НЕБЕСАХ

Наш мир — видение в обманутых очах;
 Все лицемерно в нас — и слезы и улыбки,
 И ближнему нельзя поверить без ошибки,
 Нет правды на земле: она на небесах!

Мы видим жизнь и свет в блуждающих огнях;
 Как меркнувшего дня прощальное сиянье, —
 И славы, и любви непрочно обаянье.
 Нет света на земле: он весь на небесах!

Несчастливые пловцы, мы носимся в волнах;
 Мелькнет сознания луч, и нам лишь станет ясно,
 Что с бурей жизненной мы боремся напрасно:
 Не на земле покой — покой на небесах.

Перевод В. Лихачева

49. В ПОЛНОЧЬ Я ПОЛЕЧУ...

В полночь я полечу, воздымая созвездий крыла,
 В край, где мы полюбили, когда на земле ты жила;
 И все чудится мне: если душам, померкшим давно,
 Утешенья былые опять обрести суждено,
 Расскажи о любви — и каким она счастьем была!

Я спою тебе дикую песню родной стороны,
 Что с тобой мы певали, слиянностью прежней нежны.
 Так вернись ко мне эхом и горечь моленья разрушь!
 О любовь! Ты как голос из Царства Исчезнувших Душ,
 Смутный отзвук напевов, что были томленья полны!

Перевод А. Голембы

51. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Последняя роза цветет одиноко;
 Завяли подруги ее невозвратно;
 Закинул их ветер на берег далекой —
 И нет ей ответа на вздох безотрадный...

Не дам я сиротке на стебле томиться,
 Ронять безнадежно жемчужные слезы:
 Сорву я бедняжку... пусть ветер стремится,
 Уносит листочки рассыпанной розы!..

О, если померкнет звезда упования
 И милые души исчезнут, как тени,
 Кто станет беречь дни тоски и страдания,
 Гость лишний, как роза под бурей осенней.

Перевод И. Крешева

51. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА ЛЕТА

Этой розе — последней
 Томиться дано:
 Все подруги ее
 Отпылали давно.
 И любимый далек:
 Предвещают беду
 Безответные вздохи
 В осеннем саду.

Не покину тебя
 В дни любви и тоски!
 Оброню и рассыплю
 Твои лепестки.
 Оброню их небрежно
 В объятья травы,
 Где подруги твои
 Безуханно-мертвы.

А ведь скоро остынет
 Бурливая кровь,
 Скоро дружба исчезнет,
 Увянет любовь.
 Только, верной любви
 Потеряв благодать,
 Кто захочет
 В ночном этом мире страдать?

Перевод А. Голембы

53. МОЛОДОЙ ПЕВЕЦ

На брань летит молодой певец,
 Дней мирных бросил сладость;
 С ним меч отцовский — кладенец,
 С ним арфа — жизни радость.

«О, песней звонких край родной,
 Отцов земля святая,
 Вот в дань тебе меч острый мой,
 Вот арфа золотая!»

Певец пал жертвой грозных сеч;
 Но, век кончая юный,
 Бросает в волны острый меч
 И звонкие рвет струны:

«Любовь, свободу, край родной,
 О струны, пел я с вами!
 Теперь как петь в стране вам той,
 Где раб звучит цепями?»

Перевод И. Козлова

53. ЮНОША-ПЕВЕЦ

На брань устремился певец молодой,
 Где смерть — там он стал меж рядами,
 Он меч опоясал отца боевой,
 И арфа висит за плечами.
 «Край песней, ты сведал измену людей, —
 Воскликнул герой величавый, —
 Один только меч для защиты твоей,
 Одна только арфа для славы!»

Певец низложен! но оковы врагов
 Не склонят дух гордый и юный;
 Любимая арфа молчит средь пиров,
 На ней перервал он все струны;

«В цепях ты не будешь, — сказал ей певец, —
Ты, эхо живых вдохновений!
Твой звук был для чистых свободных сердец,
Рабам не внимать песнопений!»

Перевод Д. Ознобишина

53. МОЛОДОЙ МЕНЕСТРЕЛЬ

Ушел на войну менестрель молодой;
И вот уже в смертных рядах он шагает;
Рука его меч заповедный сжимает,
И арфа висит у него за спиной.

«Обвеянный песнями, край мой бесценный!
Коль предан ты всеми, свободу твою
Мечом я и грудью своей отстою
И арфой прославлю тебя во вселенной».

Певец и боец, пораженный, упал,
Но враг его гордой души не забудет,
И больше звучать его арфа не будет:
Он, падая, струны на ней оборвал.

«Подруга любви и отваги, доныне
Ты пела свободным и чистым сердцам:
Тебя не оставлю я в жертву цепям —
Судьбы не познаешь ты арфы-рабыни!»

Перевод В. Лихачева

55. ГРЕЗА

Мне остров грезится, где жить бы нам с тобой, —
Среди лазурных волн, в тепле и неге лета,
Где в зелень яркую земля всегда одета
И в розах круглый год шумит пчелиный рой;
Где солнцу будто жаль расстаться с небесами,
А ночь спешит за днем — прозрачна и ясна;

Где жизнь бесхитростно-счастливая полна
 Сознанием бытия и радужными снами:
 Лишь там, свободные и чистые душой,
 Желанный рай любви познали б мы с тобой!
 Вся в зелени, цветах, струей благоуханной
 Весна бы к нам в сердца отверстые вошла
 И в них царила бы; надежда, как пчела,
 По розам сладкий сок собирала б неустанно;
 Вся наша жизнь тогда была бы ясным днем,
 А в неизбежное, последнее мгновенье
 Мы встретили бы смерть рука с рукой, вдвоем,
 Как радостное в час ночной успокоенье.

Перевод В. Лихачева

57. Не вернется юность вновь,
 Заблуждений нет в помине,
 Стережет мою любовь
 Ум недремлющий отныне.

Пусть мне сердце с юных лет
 Бурно страсти волновали, —
 Плод ты снимешь без печали:
 Ведь оборван — пустоцвет.

Верь мне, годы увлеченья
 Не вернутся вновь:
 Ум, наместо *Заблужденья*,
 Стал стеречь *Любовь*.

Пусть любви очарованье
 Петь не в силах голос мой —
 Дольше пить зато с тобой
 Я блаженство в состоянье.

Долго мечется пчела
 И жужжит сквозь сад росистый,
 Но цветок когда нашла,

Молча пьет бальзам душистый,
Успокоившись, пчела.

Верь мне, годы увлеченья
Не вернутся вновь:
Ум, наместо *Заблужденья*,
Стал стеречь *Любовь*.

Перевод А. Курсинского

60. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ
(*Подражание Муру*)

Когда блестит светило дня,
Иль непогода завывает,
Иль хлад на море упадет,
Его собою леденя...
О, дева милая, младая,
Ты будь среди морских зыбей
Подругой верною моею,
Со мной восторги разделяя!..

Пусть снег сменяется дождем,
Пусть солнце осенью не греет;
Но сердце верное огнем
Повсюду равным пламенеет!

Коль ты со мной, меня любя, —
Ничтожны мне судьбы угрозы!
Где ты — цветут там жизни розы...
И всюду смерть, где нет тебя!
Любовь, свобода ожидает
Средь быстрых волн тебя со мной;
Мы позабудем мир земной,
Нас в море небо окружает.

Пусть снег сменяется дождем,
Пусть солнце осенью не греет;
Но сердце верное огнем
Повсюду равным пламенеет!

Безбрежный создан океан
 Для душ, пылающих свободой;
 Земля ж извергнута природой
 На то ль, чтоб добрый был погран!..
 Так, в лучезарные равнины
 Последуй, дева, ты за мной;
 Путеводительной звездой
 Нам будут ветры-исполины!..

Пусть снег сменяется дождем,
 Пусть солнце осенью не греет;
 Но сердце верное огнем
 Повсюду равным пламенеет!

Перевод А. Редкина

61. ПРИДИ, Я ЗАПЛАЧУ С ТОБОЙ

Зарю твою утренней тучей
 Покрыла ли горести мгла?
 Исчезла ли тенью летучей
 Пора, где и грусть нам мила?
 И в жизни навек ли завяли
 Все чувства души молодой?
 Приди ты ко мне, дочь печали,
 Приди, я заплачу с тобой!

Была ли, о дева младая,
 Любовь для тебя как рудник,
 В который, блеск злата встречая,
 Впервые взор жадный проник?
 Там сверху все светится щедро,
 Несметный там чудится клад,
 Но, глубже спустясь в его недра,
 Нашла ль ты лишь мрачность и хлад?

Надежда манила ли рано
 Тебя, как та птица-дитя
 С добычей драгой талисмана,
 Все с ветки на ветку летя?

Тебе она так ли казалась
 Вблизи свой волшебный приман?
 И так ли опять улетала,
 С собой унося талисман?

Так грустно, так быстро прошли ли
 Сквозь горе блестящие дни?
 Во всем, что надежды сулили,
 Нашла ль ты обманы одни?
 И в жизни навек ли завяли
 Все чувства души молодой? —
 Приди ты ко мне, дочь печали,
 Приди, я заплачу с тобой.

Перевод К. Павловой

61. ЕСЛИ ЧЕРНАЯ ТУЧА НЕВЗГОДЫ...

1

Если черная туча невзгоды
 Занесла твои юные дни,
 Если жаль, что минули те годы,
 Как ни грустно тянулись они;
 Если времени крылья умчали
 Чувства, жившие в сердце твоём,
 О дитя неутешной печали,
 Приходи! — будем плакать вдвоем...

2

Если сердце терзает измена
 И любовь оказалась мечтой, —
 Так подчас нам из горного плена
 Блещут искры руды золотой;
 Но попробуй в скалу углубиться,
 И сокровища скрылись от нас...
 Словно греза — богатство умчится,
 И любви дивный светоч погас.

3

Иль надежды волшебные ласки
 Принесли лишь с собою обман,
 Как та чудная птица из сказки,
 Что держала во рту талисман
 И порхала — то дальше, то ближе,
 Унося свою ношу с собой,
 То садилась на ветку пониже,
 То взвивалась в простор голубой.

4

Если дни молодые минули,
 Если жаль, что тех дней уже нет,
 Если сладкие грезы уснули,
 Что дарили отраву и свет,
 Если времени крылья умчали
 Чувства, жившие в сердце твоём,
 О дитя неутешной печали,
 Приходи! — будем плакать вдвоем...

Перевод М. Трубецкой

67. Отдохни у меня на груди, пораженная лань,
 Ты брошена стадом, но здесь ты со мною, ты
дома
 Здесь снова найдешь ты привет и прежнюю
встретишь улыбку
 И сердце, которое вечно останется верным тебе.
- Нет, нет, ни в несчастье, ни в горе любовь
измениться не может,
 И что же в любви, когда в ней не найти
постоянства;
 Зачем узнавать мне, таится ль вина в твоём
сердце;
 Я знаю, кто б ни была ты, я люблю тебя всею душой.

Ты ангелом друга звала в минуты восторга и
 счастья,
 И в страшную жизни минуту он ангел-хранитель
 твой будет,
 Тернистым путем он тебя приведет невредимо,
 Спасет, защитит или вместе погибнет с тобой.

Перевод А. Горковенко

67. Ко мне, ко мне на грудь, подстреленная лань!
 В покое сладостном забудься и воспрянь.
 Ты стадом брошена; но я тебя сумею
 Лелеять и беречь... Ко мне, ко мне на грудь:
 Отдавшись весь тебе, улыбкою моею —
 Как солнечным лучом — я озарю твой путь!

Любовь для нас одна и в радости, и в горе;
 Любовью мы живем и в славе, и в позоре:
 Иначе — нет любви! Что на сердце твоём —
 Не спрашиваю я, и знать я не желаю;
 Преступница ли ты иль не грешна ни в чем,
 Но я люблю тебя — одно я только знаю!

В те дни еще, когда ты счастлива была,
 Меня ты ангелом-хранителем звала;
 Зови же и теперь — я буду им до гроба!
 Сквозь испытания пойду я за тобой,
 Чтоб охранять тебя отважною рукой, —
 И я тебя спасу, иль мы погибнем оба!

Перевод В. Лихачева

67. ПОКИНУТА ВСЕМИ

Покинута всеми, о бедная лань,
 Напрасно себя не терзай и не рань.
 Прильни мне на грудь, не скрывая лица:
 Здесь дом твой, здесь сердце — твоё до конца.

Любовь неизменна; себе лишь верна.
И в счастье и в горе все та же она.
Не знаю, виновна ли ты предо мной, —
Тебя я люблю той, что есть, — не иной

«Мой ангел», — я помню, меня ты звала.
О да, я твой ангел, хранящий от зла.
Мы в пламя с тобою бесстрашно войдем
И вместе спасемся — иль сгинем вдвоем.

Перевод А. Ибрагимова

69. Я ВИДЕЛ, КАК РОЗОВЫМ УТРОМ
КАЧАЛСЯ

Я видел, как розовым утром качался
В волнах прибывавших у берега челн;
И вновь я пришел, когда мрак надвигался,
Челнок был все там же, но не было волн.

Я так же охвачен был счастья волною,
Как этот песком занесенный челнок...
Отхлынули волны, и, полон тоскою,
Остался у берега я, одиноком.

Зачем говорите вы мне в утешенье,
Что слава должна услаждать мой закат...
Отдайте мне бурную смелость стремленья,
Отдайте мне юности слезы назад!

Перевод А. Н. Плещеева

* * *

69. Я видел с берега, как утро просыпалось
И волны резвые челнок несли стрелой...
Настала ночь... звезда на небе зажигалась,
И я стоял опять над грустною волной...

Но гордый тот челнок она не уносила —
Уныло он лежал на берегу морском;
Волна капризная, как счастье, изменила,
Покинув бедного, отлив забыл о нем!..

Где наши лучшие надежды и желанья?
Они рассеяны, их ветер разметал,
Как листья... Мы одни и, заглушив рыдания,
Стоим и ждем — отлива час настал!..

О тихих радостях вы мне не говорите,
Ни о безоблачном закате наших дней...
Отдайте утро мне, Надежду мне верните
И грезу юности исчезнувшей моей!..

Перевод Л. Лебедевой

73. ПОРА ЛЮБВИ

В дни юности, когда зол жизни мы не знаем
И счастье новое нам каждый миг сулит,
Когда мы светлый миг блаженства созидаем
И все зарей души неопытной блесит, —
О, верьте, не тогда, беспечно утопая
В восторгах девственных, способней мы любить:
Веселья и надежд эпоха золотая!
Любовь глубокая с тобой не может жить.

Когда ж умчится вдаль срок жизни беззаботной,
Как лист, попавшийся в бунтующий поток,
И в чашу, где играл напиток искрометной,
Другого, горького, прибавит грозный рок,
Тогда лишь любим мы, глубоко, неизменно,
И нежных сил душа прискорбная полна:
Любовь средь радостей, как и они, мгновенна!
Питаюсь грустию, она, как грусть, верна.

Под блеском солнечным цветы хотя блистают,
Но в зное лишены всей свежести своей,
Лишь там, где тучи свод туманный облакают,
Благоухание отрадней и сильней!

Когда мы с жадностью стремимся веселиться,
 Любви приюта нет средь смеха на пирах.
 В лучах веселия ей можно лишь родиться,
 Но вся ея душа, все сладости — в слезах.

Перевод А. Бородина

76. Тебя ли не помнить? Пока я дышу,
 Тебя и погибшей вовек не забуду.
 Дороже ты в скорби и сумраке бурь,
 Чем мир остальной при сиянии солнца.
 Будь вольной, великой и славой греми,
 Будь цветом земли и жемчужиной моря,
 И я просветлею, чело вознесу.
 Но сердце тебя не сильнее полюбит:
 В цепях и крови ты дороже сынам,
 В сердцах их от скорби любовь возрастает,
 И с каждою каплею крови твоей
 Пьют чада любовь из живительных персей.

Перевод А. Одоевского

76. К ИРЛАНДИИ

Тебя забыть? Нет, нет, покуда сердце бьется
 Еще в груди моей, покуда жизни нить
 Во мне с дыханием последним не порвется,
 Отчизна бедная, тебя мне не забыть!
 Ты мне, родная, в мраке непогоды,
 С отчаяньем в душе, с слезами на глазах,
 Милей всех мирных стран, где солнышко свободы
 Горит в безоблачных, лазурных небесах.

Когда бы ты была могучей, величавой,
 Свободною страной, какой мечта моя
 Тебя рисует, — о, тогда твоею славой
 С какою б гордостью стал любоваться я!

Но, радуясь твоей счастливой, славной доле,
 Я и тогда любить не мог бы горячей,
 Чем нынче — в дни тоски, уныния и боли, —
 Тебя, бесценная жемчужина морей!

Пушкой ликует враг, поправ твою свободу,
 Склонив тебя во прах под тяжестью цепей,
 Но чем печальней ты, тем твоему народу,
 Страдалица, ты все мучительно-милей.
 О, как не пламенеть ему к тебе любовью,
 Когда, как пеликан детенышей своих,
 Его поишь своей ты непорочной кровью,
 Что с болью жгучею течет из ран твоих?

Перевод Ю. Doppельмайер

76. ПАМЯТЬ ОТЧИЗНЫ

Забыть тебя нельзя! Пока хоть искру жизни —
 Хоть слез ее — твой сын хранит еще в себе,
 Он будет вспоминать и плакать об отчизне —
 О той, что в бедственной и горестной судьбе
 Прекраснее всех стран, вкушающих доньне
 И ласку и дары небесной благодости.

О, если бы сбылась мечта души моей
 И осенили бы, как встарь, и мощь и слава
 Тебя — свободную жемчужину морей, —
 Была бы песнь моя громка и величава;
 Но и тогда любить не мог бы я тебя
 Сильнее, чем теперь, — тоскуя и скорбя!

Изведав и бичи, и цепи, и темницы,
 В венке терновом, ты — еще дороже нам,
 Твоим отторгнутым, поруганным сынам;
 И, как детеныши израненной орлицы,
 Мы черпаем в твоей страдальческой крови
 Неугасимый пыл восторженной любви!

Перевод В. Лихачева

78. ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Когда мне светятся глаза, зеркало счастья,
 Глядящие на жизнь так радостно, светло,
 Как будто б никогда под облаком ненастья
 Их небо чистое затмиться не могло,
 Мне грустно: думаю, что в горе недалеком
 Потухнуть может взор с весельем заодно
 И сердце вольное забыть в боренье с роком,
 Что с жизнью некогда играло-и оно.

Так! Время в свой черед сущность прогонит:
 В надеждах недочет и недочет в друзьях,
 Любовь... но вслед за ней, где искру ни заронит, —
 Иль пепел тлеющий, иль охладевший прах!
 А юность светлая, на солнце жизни ясной
 Блестящая, как снег, не тронутый дождем,
 Когда в слезах тоски утратит блеск прекрасный,
 Уж не разыграет вновь померкнувшим огнем.

Перевод П. Вяземского

78. ПЕРЕД УЛЫБЧИВОСТЬЮ ВЗГЛЯДА

Перед улыбчивостью взгляда,
 В котором все — восторг и свет,
 Подобно небу, где ни града,
 Ни даже туч покуда нет,
 Я с горькой трезвостью всезнанья
 Определяю наперед,
 Что отволнуются желанья,
 Восторг до времени замрет.

Да, время щедро на подарки:
 Надежда лжет, клеветает друг,
 Любовь — то лед, то пепел жаркий,
 Порхнувший на ветер из рук.

Ты, юность, чище снежной глади,
 Не смятой тяжестью дождя.
 Но он придет, слезами градин
 Твои равнины бороздя...

Перевод Г. Русакова

79. КОГДА ТЫ СО МНОЙ

Когда ты со мной, все сокровища мира
 У ног твоих я сложить готов;
 Поет нам сладчайшей надежды лира
 Мелодии самых прекрасных снов,
 Где все для нас, если с нами любовь!

Цветы расцветают, когда мы проходим,
 И глас божий слышен в каждой звезде;
 Небесный мир мы с собою приводим,
 Земля перед нами подобна мечте,
 Что в наших глазах, если с нами любовь!

Такие к нам мысли текут, чьи истоки
 Скрываются в недрах небесных холмов,
 Сердце наших чаши чисты и глубоки,
 Наполнены водами тех родников,
 Нетленно в нас все, если с нами любовь!

Все это творит светлый дух любви
 Со всяким, в кого он способен вселиться, —
 Так небо дарует владенья свои,
 И здесь, на земле, оно хочет продлиться:
 Мы строим его, если с нами любовь!

Перевод О. Татариновой

85. КОТОРЫЙ ЧАС?

Который час? Ах, не все ли равно,
 Как Время себя тратит!
 За мгновенье, которое нам дано,
 Всегда Наслаждение платит.

Мчатся мгновенья — считай не считай,
 Век нам отпущен короткий.
 Счастье одаривает невзначай,
 Как поцелуй красотки.
 Так будем же пить и минуты красть!
 Пусть Время свой круг очертит.
 Над чем взяло Наслаждение власть,
 То неподвластно смерти.

Луг весь серебряный от росы —
 Радость спешит напиться,
 А Мрачность ей — солнечные часы
 Вместо прохладной водицы:
 Смотри, мол, вечер скоро начнет
 Сучить черные нити,
 А та в ответ — есть только восход
 И солнце всегда в зените.
 Так будем же пить и минуты красть!
 Пусть Время свой круг очертит.
 Над чем взяло Наслаждение власть,
 То неподвластно смерти.

Перевод С. Таска

86. Лети, мой корабль, пернатой стрелой!
 Несись, мой бесстрашный, нет нужды куда:
 Ужасней того, что оставлено мной,
 Не найдем мы нигде, ничего, никогда.
 Здесь волны твердят — и я верю мечте:
 «Хоть под нами, игривыми, и смерть лежит,
 Но не столь мы коварны и хладны, как те,
 Чьей улыбкой с надеждой и сам ты убит».

Лети и в вихри, и в бурю, и в тьму;
 Лети по пространству без дна и конца!
 Что вихри, что бурное море тому,
 Кто такие на берегу оставил сердца!

Иль если пустыню найдем мы в пути,
Где прекрасной природы заразой своей
Осквернить не успело коварство людей, —
Стань там; но дотоле стрелую лети!

Перевод М. Вронченко

86. БЕГИ, БЕГИ, БЕССТРАШНЫЙ ЧЕЛН!

Беги, беги, бесстрашный челн!
Куда б ни вынесло ветрами —
Не встретим берега средь волн
Печальней кинутого нами.
И чудится — рокошет вал:
«Не так смертельна хлябь морская,
Как те, кто лицемерно лгал,
Тебя с улыбкой предавая».

Беги, беги, о челн-изгой!
Нигде мы не отыщем крова —
Лишь в море бурном дан покой
Бегущим берега родного.
Лишь отыскав пустынный брег,
Предательством не оскверненный,
Ты сможешь оборвать свой бег
И встанешь, бурей истомленный.

Перевод С. Степанова

92. Не пируй с молодежью средь пышных садов,
Но ко мне, друг, приди в полунощный час:
Есть цветник у меня из поблекших цветов;
Он приличней для старости, скорби и нас.
Там устроим мы пир слез горючих с тобой;
Нам гостями будут тени лишь прошлых тогда;
Мы безмолвно напемим бокал круговой
В память тех, чей голос умолк навсегда:

Там, как станут вокруг нас и в молчанье ночном
 Листья сыпаться с миртовых мертвых ветвей,
 В память клятв позабытых мы кубок нальем
 И в честь изменивших, и падших друзей;
 Иль, когда при мерцанье небесных светил
 В ветвях лавра засохшего ветер зашумит,
 Мы выпьем в честь тех позабытых могил,
 Где прах храбрых без славы, без имени спит.

Перевод М. Вронченко

92. В ЧАДУ ПИРОВ НЕ ИЩИ ЗАБВЕНЬЯ

В чаду пиров не ищи забвенья:
 Сойди в мой чахлый осенний сад —
 Здесь ощутишь ты прикосновенье
 Бессильной старости и утрат.
 И пусть печальную тризну нашу
 Почтут товарищи прошлых лет;
 И не одну мы наполним чашу
 За тех, кого уже с нами нет.

И пусть ветвей одинокий шорох
 На этом скорбном пиру теней
 Напомнит нам о былых раздорах,
 О пылких клятвах минувших дней.
 И, словно лавр посреди кладбища,
 Бесславы горечь испив до дня,
 Мы вновь застынем у пепелища,
 Где доблесть наша погребена!

Перевод Р. Дубровкина

95. НЕТ ЗРЕЛИЩА КРАШЕ

Нет зрелища краше,
 Чем воинство наше:
 Герои стоят,
 Сверкает булат,

И вьются плюмажи.
 Бойцы в нетерпенье,
 И, как в исступленье,
 Фанфары поют.
 Погибнуть в бою,
 Но не в отступленье!
 Нет зрелища краше,
 Чем воинство наше:
 Герои стоят,
 Сверкает булат,
 И вьются плюмажи.
 Рассвет над холмами...
 Не только мечами —
 Мы духом сильны.
 Свободу должны
 Добыть себе сами!
 Нам роскошь презренна.
 Хотим неизменно
 Свободы одной.
 Какую ценой?
 Свобода бесценна!
 Не стены и своды,
 Не наши походы,
 Не наши клинки
 И не старики,
 А сердце — порука свободы!
 Нет зрелища краше,
 Чем воинство наше:
 Свободу свою
 Добудем в бою...
 И вьются плюмажи...

Перевод В. Топорова

101. ГОРНЫЙ ДУХ

Жил юноша скромный в долине глубокой,
 И жизнь его тихо лилась одиноко;
 Как вдруг днем и ночью он чары узнал,
 Дух гор сторожить и следить его стал.

Раз берегом шел он, плыл месяц серебристый,
Струя ударяла в песок золотистый.
След ножки в песке том прельстил его взор —
Прелестная ножка была духа гор.

В день ясный, однажды, мечтанием полный,
Лежа у потока, глядел он на волны.
За ним светлы глазки прокралися вдруг,
И в струях потока был зрим горный дух.

Он вмиг оглянулся — но птичкой пугливой
Дух скрылся, был слышен лишь шум торопливый.
Как звездочки с неба скатившейся звук
Невидим, далек уже был горный дух.

Раз ночью, виденьем небесным томимый,
Взял кисть он и краски, любовью водимый.
Как сердце внимало, как помнил лишь взор,
Он начал — и ожил на ткани дух гор.

«Ты, любящий призрак, очам неизвестный, —
Шепнул ему близко тот голос прелестный, —
Взгляни, обернися!» И страстного вдруг
На алые губки приял горный дух.

«Все духи земли и воды в поднебесье, —
Вскричал он, — не могут сравниться с тобою,
И чаще в беседку, в вечерний досуг,
Бесценный, являйся ты мне, горный дух».

Перевод Д. Ознобишина

МЕЛОДИИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

3. САМЫЙ ЯРКИЙ СВЕТ (Индийская мелодия)

Самый яркий свет
Черной тьмою станет,
Самый пышный цвет
Всех скорей увянет.

Падает звезда,
 Что в ночи светила, —
 Так уходит навсегда
 Все, что сердцу мило!
 Самый яркий свет
 Черной тьмою станет,
 Самый пышный цвет
 Всех скорей увянет...

Счастья миг для нас
 Обернется мукой,
 Встречи краткий час —
 Горькою разлукой.
 Лучше век не знать
 Ни тепла, ни света,
 Чем смотреть и понимать,
 Как уходит лето!
 Самый яркий свет
 Черной тьмою станет,
 Самый пышный цвет
 Всех скорей увянет...

Перевод М. Бородицкой

7. УМНИК, ДУРАК И КРАСОТКА
 (Итальянская мелодия)

Умник, Дурак и Красотка втроем
 Однажды гуляли солнечным днем.
 Напялил Дурак
 Дурацкий колпак
 И ластился к даме, звеня бубенцами,
 А Умник приник
 К мудрейшей из книг.
 Понятно, кто больше понравится даме.

Покрасоваться желая умом,
 Стала Красотка поглядывать в том.
 Но крикнул Дурак:
 «А ежели так?»

Поправив колпак, заплясал перед нею,
 А Умник опять
 Пустился читать...
 Они и не глянули на грамотея.

Умник завидовать стал Дураку,
 Да не ему, а его колпаку.
 «Дай поношу!» —
 «Что же, прошу!»
 Но Умник, напялив колпак неуклюже,
 Стал в мненье Красотки не лучше, а хуже.
 Другой кавалер
 На новый манер
 Из книги колпак себе сделал от зноя.
 Красотка из двух
 (Конечно, не вслух!)
 Признала первейшим изделье второе.

Перевод Н. Голя

11. БЕССОННИЦА

В часы отрадной тишины
 Не знают сна печальны очи;
 И призрак милой старины
 Теснится в грудь со мраком ночи;

И живы в памяти моей
 Веселье, слезы юных дней,
 Вся прелесть, ложь любовных снов,
 И тайных встреч, и нежных слов,
 И те красы, которых цвет
 Убит грозой — и здесь уж нет!
 И сколько радостных сердец
 Блаженству видели конец!

Так прежнее ночной порою
 Мою волнует грудь,
 И думы, сжатые тоскою,
 Мешают мне уснуть.

Смотрю ли вдаль — одни печали;
Смотрю ль кругом — моих друзей,
Как желтый лист осенних дней,
Метели бурные умчали.

Мне мнится: с пасмурным челом
Хожу в покое я пустом,
В котором прежде я бывал,
Где я веселый пировал;
Но уж огни погашены,
Гирлянды сняты со стены,
Давно разъехались друзья,
И в нем один остался я.

И прежнее ночной порою
Мою волнует грудь,
И думы, сжатые тоскою,
Мешают мне уснуть!

Перевод И. Козлова

15. НАПЕВ СТАРИННЫЙ АРФЕ МИЛ МОЕЙ
(*Шведская мелодия*)

Напев старинный арфе мил моей,
Владеет слабою струной
Мелодия давно прошедших дней,
Мечта о радости иной.
Не нужен ей веселый мой мотив,
В нее вдыхает песнь свою
Тот голос, что, о прошлом не забыв,
Печалит все, что я пою.

Звучи, звучи же, слабая струна,
Моею будь, пока живу,
Пусть будет боль твоя слышна,
Ее певцом я прослыву.
И все ж прелестна ты, как вздох живой,
Как дуновенье от крыла
Той Красоты, увлекшейся игрой,
Что в оны дни средь нас была.

Перевод Л. Володарской

21. ЛЮБОВЬ-МАЛЬЧИШКА МЧИТ...

(Лангедокская мелодия)

Любовь-мальчишка мчит
 В погоню за сердцами
 И ловко их пленит
 Волшебными сетями.
 Куда б ни забралась,
 Охотник настигает,
 А устрелятся ввысь —
 Стрелу им вслед пускает.

Любовь влечет туда,
 Где в час перед рассветом
 Мелькнула Красота,
 Маня в погоню следом.
 К ней путь сквозь чистый снег
 Найти охотник должен
 И счастлив, что вовек
 Никем тот путь не хожен.

Перевод Ю. Мениса

23. Шепот ласки в тишине,

Любви невинной грезы,
 Встреч заветных при луне
 Восторги, трепет, слезы,
 И радость
 Свиданья,
 И горечь
 Прощанья...

И юность летит в заколдованном радужном сне,
 Летит, унося упованья.

На чужбине полусвет
 Манящей новой жизни,
 Встречи искренней привет
 Родных сердец в отчизне,
 И горечь
 Прощанья,

И радость
Свиданья...

О, юность! Зачем для одних так блестящ твой расцвет,
Другим — полон мук и страданья?

Перевод А. Курсинского

23. ГДЕ ВЫ, ДНИ ЮНОСТИ!

(Португальская мелодия)

Девичий шепот в тиши лесной,
Который, как звезды, манит.
Свидания тайные под луной
С той, чья любовь дурманит.
Сердечные речи
При встрече,
Жестокие муки
В разлуке.

Где вы, дни юности хмельной?
Вы от меня далече!

Годы странствий в земле чужой,
В далеких краях походы.
Радость объятий, когда домой
Являемся через годы.

Жестокие муки
В разлуке,
Сердечные речи
При встрече.

Юность хмельная уже не со мной!
Юность уже далече!

Перевод В. Лунина

23. АХ, СЛАДОСТЬ ЮНОСТИ!

(Португальская мелодия)

К бессонным девам тьмой ночной
Идем, звездой ведомы;
Крадемся тихо под луной,
Любовью к ним влекомы.

Свиданья —
Лобзанья;

Прощанья —
 Рыданья!
 Ах, свежесть юности, стой!
 Как скоро увяданье!

И недоступною мечтой
 Мы по миру гонимы;
 Но возвращаемся домой,
 Молитвами хранимы.

Прощанья —
 Рыданья;
 Свиданья —
 Лобзанья!
 Ах, сладость юности былой!—
 Одни воспоминанья!

Перевод С. Степанова

35. ТОВАР ГИМЕНЕЯ
 (Португальская мелодия)

На базар Гимен веселый
 Шел с корзинкою тяжелой,
 Нес букеты, ленты, брошки,
 И цепочки, и застёжки:
 «Покупайте мой товар!
 Покупайте мой товар!»
 Вмиг на голос Гименя
 Мчатся девы, пламенея.

Скороспелые вострушки,
 Перезрелые старушки...
 Юным девам, старым девам
 Люб Гимен с его припевом:
 «Покупайте мой товар!
 Покупайте мой товар!»
 Все, дрожа от нетерпенья,
 Выбирают украшенья.

«Есть изделия Эрота —
 Что за славная работа! —
 Пряжки, бантики, колечки,

Золоченые сердечки:
 Покупайте мой товар!
 Покупайте мой товар!
 Есть цепочки — всех прочнее —
 По заказу Гименя!»

Только всё пораскупили —
 Девы хором завопили:
 «Осыпаются букеты!
 Размыкаются браслеты!
 Никудышный твой товар!
 Никудышный твой товар!
 Рвутся цепи золотые,
 Как веревочки простые!»

Тут с улыбкою лукавой
 Подошел Эрот кудрявый.
 А Гимен сказал сурово:
 «Это слышать мне не ново —
 Забирай-ка свой товар,
 Забирай-ка свой товар!
 Мы товаров не меняем
 И назад не принимаем».

Перевод М. Бородицкой

38. НА ЗЫБИ КАНАЛА
 (Венецианская мелодия)

На зыби канала
 Мерцает звезда.
 Я жду у причала,
 Нинетта, сюда!
 Под маской шелковой
 Тебя узнаю.
 Сойди же без слова
 В гондолу мою.

Скорей же, Нинетта!
 Гондола легка.
 Ты видишь: одета
 Луна в облака.

По глади сонливой,
 В прохладе ночной
 На берег залива
 Умчишься со мной.
Перевод М. Бородицкой

40. Прочь, прочь возьмите кубок,
 Хоть и сверкает он.
 Былых годов веселья
 Он поднял чудный сон.
 Он помрачил мне очи,
 Слезами увлажнил,
 Я образ в нем увидел,
 Что некогда любил.

Припомню с каплей каждой
 Друзей я дорогих;
 Блеснут глаза усопших,
 Зардеют губы их.
 И если все я вспомню,
 Что в жизни потерял,
 Покажется мне полон
 Слезами мой бокал.
Перевод Н. Иваницкого

51. О, НЕ ЧАРУЙ!

О, не чаруй! Любовь в груди моей
 Ты не зажжешь на склоне дряхлых дней!
 В осенний день вернешь ли ты
 На потускневшие цветы
 Всю прелесть их угасшей красоты?
 Нет, не чаруй! Любовь в груди моей
 Ты не зажжешь на склоне дряхлых дней.

Встреть я тебя в дни силы и страстей,
 Наполнить жизнь я б мог красой твоей,
 Но ты, как луч, отрады полн,
 Взошла над пеной бурных волн,

Когда уж вал разбил мой бедный челн.
Нет, не чаруй! Любовь в груди моей
Ты не зажжешь на склоне дряхлых дней.

Перевод А. Курсинского

57. ЛЮБЯ, БЕСПЕЧНО ГНАЛИ ПРОЧЬ...

Любя, беспечно гнали прочь
Мы день за днем, за ночью ночь.
Был скоротечен год, как час,
Он проносился мимо нас,
Как тонкий аромат цветка
В дыханье ветерка,
Как мотылек в ночном луче,
Как рыбка резвая в ручье.
Нет, мотыльки не так порхали,
Нет, стайки рыб не так играли,
Нет, не дышали так цветы
Легко, как я и ты!

Перевод Г. Симановича

61. ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Надежда, придя после долгой разлуки,
Опять заиграла на нежной струне;
Сирена, молю, не усиливай муки!
Страдать, как и прежде, спокойнее мне.

Душа притерпелась к безмолвной печали,
Во мраке бестрепетно годы влача;
Так долго глаза к темноте привыкали,
Что больно им будет от блеска луча.

О призрак Надежды — ты признак ненастья!
Блаженный покой обрету я не в том,
Чтоб сызнова грезить о завтрашнем счастье,
А в том, чтоб не помнить о счастье былом.

Перевод Г. Симановича

* * *

64. Как путник, долго по морям
 Скитаясь отраженным,
 Спешит к родимым берегам
 С сокровищем бесценным,
 И вдруг, в виду страны родной,
 Разверзлася пучина:
 Исчез корабль — и под волной
 Все блага властелина! —
 Так долго, долго я страдал;
 Взамен всего мученья,
 Одной надеждою дышал,
 В одном ждал утешенья:
 Увы! Заветный луч погас,
 Жизнь сердца вихрь развеял,
 И погубил зловещий час,
 Что годы я лелеял!

Перевод А. Бородина

66. КОГДА ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНА

Когда любовь сердечна,
 Свободна, весела,
 Тогда она, конечно,
 Душе моей мила.

Когда любовь несет
 Нам сердца боль и грусть,
 То, знаю наперед,
 Я с нею разлучусь.

Любовь лишь к одному —
 Какая благодать.
 Мне б это самому
 Хотелось испытать.

Но если вижу я,
 Любовь не возвратить,
 К другим она ушла, —
 Что ж, так тому и быть.

Как верность обрести,
 Чтоб счастье нас нашло?
 С любовью нам идти
 Через добро и зло.

И точно знаю,
 Коль чувства стерты,
 Любовь такая
 Нисходит к черту.

Перевод А. Гиривенко

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Будь я персидский шах, то взял бы в жены
 Вас, Хлоя, вашей статью пораженный,
 И приказал бы волею монаршею
 Дикарке Фанни быть рабыней вашей.
 Однако, созерцая взглядом шаха
 Величье ваше, я дрожу от страха:
 А вдруг случится так, что госпожу мою
 Я заменить ее рабыней вздумаю?

Перевод В. Васильева

ВЕЧЕРНИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Я помню час: роскошное светило
 Златило небосклон и тихо заходило;
 Гремели выстрелы, неслися по волнам;
 Я руку жал твою, прижав уста к устам;
 А эхо выстрелов помалу замирало...
 Ты молвила: прости! Как сердце трепетало!..

И ныне, как пройдет шумливый жаркий день
 И ляжет на поля прохладной ночи тень, —
 Я эху выстрелов задумчиво внимаю,

Тоскую, и грущу, и слезы проливаю,
И мне хотелось бы с тем звуком улететь
Туда, за горизонт — и в бездне умереть.

Перевод Л. Якубовича

*

Проснись, о мелодия!
В неге луны
Властью всесильною
Звуки полны;
Арфа в сиянье серебристых лучей
Сердце затронет теплой и нежней.

Проснись, о мелодия:
В неге луны
Властью всесильною
Звуки полны.

Спроси, почему только
В мраке ночей
Песнь свою страстную
Льет соловей, —
Скажет: лишь ночью для песен и слез
Льет аромат свой дыхание роз.

Проснись, о мелодия:
В неге луны
Властью всесильною
Звуки полны.

Перевод А. Курсинского

ИЗ «ЛАЛА РУК»

ИЗ СКАЗКИ «СОЛНЦЕ ТАРЕМЫ»

На земле, меж богатствами мира,
Нет богаче долины Кашмира,
Нет роскошней нигде красоты.
Там леса ароматами полны,
Там струятся священные волны,
Круглый год расцветают цветы.

Если солнце, прощаясь с землею,
 Догорает вечерней порою, —
 Вся долина объята зарей
 И, в зеркальных водах отражаясь,
 Как невеста в цветы наряжаясь,
 Ослепляет своей красотой.

Сквозь душистую зелень огнями
 Блещет храм освещенный, и в храме
 Баядерки поют, позабыв
 В быстрой пляске все радости света,
 И звучит с высоты минарета
 Монотонный вечерний призыв...

А когда и дворцы, и мечети
 Тонут в лунном серебряном свете,
 Как торжественно станет кругом,
 Как заискрятся волны каскада,
 Как таинственно шум водопада
 Раздается в затишье ночном!

По садам, где над светлой рекою
 Спят чинары густою толпою,
 Где поет до зари соловей, —
 Назначаются тайные встречи,
 И веселые юные речи
 Слышны в сумраке тихих аллей.

Но едва заблестит перламутром
 Над долиною раннее утро,
 Покидая покров свой ночной,
 В новом блеске проснется природа:
 Золотятся дворцы и паго́ды,
 Зеленеют сады над рекой.

Теплый ветер чинары колышет,
 И все негою, радостью дышит,
 Все в сиянии солнца блестит
 И про славу и благость пророка,
 Про священные страны Востока,
 Про счастливый Кашмир говорит!

Перевод И. А. Бунина

ВОЛШЕБНИЦА

Я знаю цветы и растенья,
Откуда, в безмолвье ночном,
Слетают мечты и виденья
На очи, объятые сном.

С головки жасмина душистой,
Осыпанной перлом росы,
Вот призрак любви к деве чистой
Слетает в ночные часы,
Надежда, друг жизни печальной, —
Светило души бедняка —
Родится на ветке миндальной,
В серебряной чаше цветка.

Вот образ роскошных желаний:
На склоне холмов он блестит
В той травке, которая лани
Ряд снежных зубов золотит.
Беги от ветвей мандрагоры:
Под нёю, при свете луны,
Пугая преступные взоры,
Роятся грозящие сны...
Виденья души угнетенной,
Но полной любовью святой,
Из темной коры кинамонной
Целебную каплют слезой.

Что медлить? Свивайте роскошный венец:
Мечтам и виденьям придет же конец!

Перевод И. Крешева



КОММЕНТАРИИ





В комментариях широко используются примечания, которыми Томас Мур сопровождал публикацию своих произведений и которые, в свою очередь, основаны на сочинениях, посвященных истории Ирландии, сборниках ирландских легенд, трудах ученых-ориенталистов и воспоминаниях путешественников.

Краткие био-библиографические сведения о русских переводчиках Т. Мура приводятся в комментарии к первому публикуемому переводу.

Лингвистический комментарий включает слова, отдельные значения слов и выражения, не зафиксированные в Англо-русском словаре под редакцией В. К. Мюллера (изд. 17-е стереотипное).

IRISH MELODIES ИРЛАНДСКИЕ МЕЛОДИИ

Цикл «Ирландские мелодии» публиковался десятью выпусками с 1808 по 1834 г. Первоначально предполагалось ограничиться шестью выпусками, однако издание сразу же обрело популярность и было продолжено. Записи Эдварда Бантинга (Bunting, 1773-1843), органиста из Белфаста, сделанные им в 1792 г. во время традиционного фестиваля арфистов, послужили музыкальной основой для многих мелодий. Обработка народных напевов непосредственно для цикла «Ирландские мелодии» большей частью принадлежит Джону Стивенсону (Stevenson, 1761-1833). О музыкальной основе цикла см. монографию: Thérèse Tessier. *La Poésie Lyrique de Thomas Moore (1779-1852)*. Paris, 1975. К монографии приложены ноты.

Новая ирландская поэзия создавалась на английском языке, уже давно ставшем национальным языком ирландцев. Однако поэтический язык «Ирландских мелодий» — это не только язык английских романтиков, это сознательное и последовательное соединение поэтом английского языка с характерным для гэльской народной музыки движением мелодии. Недаром в основе всех мелодий данного цикла лежат народные напевы. В предисловии к первому выпуску «Ирландских мелодий» Томас Мур писал: «Слишком долго пренебрегали мы единственным даром, в котором соседи наши англичане нам не отказывают. До сих пор еще музыка наша никем не была

собрана. Часто музыканты твердой земли (континента) обогащали оперы и сонаты свои мелодиями, заимствованными у ирландцев, и не признавались в воровстве своем, а мы не умели ценить собственных своих сокровищ; таким образом, песни наши, подобно многим из наших соотечественников, не находя покровительства в отечестве, перешли в службу к иностранцам. Надеюсь, что теперь достигли мы эпохи, счастливейшей для нашего политического состояния и для нашей музыки; связь этих двух предметов между собою, по крайней мере в Ирландии, доказывается задумчивым и даже печальным характером большей части старинных наших песен. Не легко приделывать слова к этим голосам. Поэт, желающий следовать за различными чувствами, которые они выражают, должен иметь быстрые переходы идей и необыкновенное смещение музыки. В самых веселых из наших песен всегда встречается несколько печальных нот, которые на всю пьесу бросают тень задумчивости и самую радость делают привлекательною». Статья, из которой процитирован данный отрывок (Благонамеренный, 1822, № XXVIII, с. 45—48), одна из первых в русской печати о творчестве Томаса Мура.

1. GO WHERE GLORY WAITS THEE
ВСПОМНИ ОБО МНЕ!

Приводим мелодию Томаса Мура в вольном переложении М. Ю. Лермонтова.

Романс

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет,
И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.

3

Время прежде, быть может,
 Посетит тебя, встревожит
 В мрачном, тяжком сне;
 Ты услышишь плач разлуки,
 Песнь любви и вопли муки
 Иль подобные им звуки...
 О, хотя во сне
 Вспомни обо мне!

(1832 г.)

 2. WAR SONG.
 ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

Brien the brave — Брайен, король Ирландии, живший в X — начале XI в. Был убит в битве при Клонтарфе после того, как двадцать пять раз одерживал победу над датчанами.

Kinkora — Кинкора, дворец Брайена, его резиденция в Мононии (южная провинция) до того, как он стал верховным королем Ирландии.

Forget not our wounded companions — Мур, ссылаясь на «Историю Ирландии» как на источник, поясняет, что, когда войско Брайена возвращалось после битвы при Клонтарфе, оно было встречено войском Фицпатрика, короля Оссории, и раненые воины Брайена приняли бой наравне со всеми: «Пусть вобьют в землю колья (сказали они) и пусть каждый из нас, привязанный к колу, займет свое место рядом со здоровым воином».

 3. ERIN! THE TEAR AND THE SMILE IN THINE EYES
 ИРЛАНДИЯ, СМЕХ ТВОЙ И СЛЕЗЫ В ГЛАЗАХ

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик, собственное творчество которого составляет преимущественно лирика любовного и пейзажного характера с восточными мотивами.

 4. OH! BREATHE NOT HIS NAME.
 НЕ НАЗЫВАЙТЕ ЕГО!

Мелодия посвящена другу Томаса Мура, ирландскому патриоту Роберту Эммету (см. Предисловие, с. 21), казненному англичанами. Перед казнью Эммет сказал: «Уходя из этого мира, я прошу лишь об одном. О даре забвения. Пусть никто не сочиняет для меня эпитафии. Но когда моя страна займет достойное место среди других стран земли, только тогда, и не раньше, пусть напишут эпитафию и мне».

Вронченко Михаил Павлович (1802—1855) — поэт-переводчик. По профессии военный геодезист, генерал-майор. В основном изве-

стен как один из первых переводчиков Шекспира в России («Гамлет», «Макбет», «Король Лир» и др.). Перевел также «Манфреда» Байрона, «Дядю» Мицкевича, «Фауста» Гете.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, прозаик, переводчик. За участие в кружке М. В. Петрашевского в 1849—1859 гг. отбывал ссылку. Его многочисленные переводы, в частности с английского (Саути, Байрон, Теннисон, Мур), пользовались широкой популярностью. Чаще всего его как переводчика привлекали стихотворения, исполненные гражданского пафоса.

Червинский Федор Алексеевич (1864?—1917) — поэт, драматург, переводчик. Печататься начал в шестнадцать лет. Окончил курс на юридическом факультете Петербургского университета. Из английских поэтов, кроме Мура, переводил Шекспира, Мильтона, Байрона, Шелли.

Лихачев Владимир Сергеевич (1849—1910) — поэт, драматург, переводчик. Принимал деятельное участие в кружке Случевского и его журнале «Словцо». Был активным сторонником освободительного движения. Сотрудничал в прогрессивной прессе. Переводил на русский язык произведения немецких, французских и английских поэтов.

Уманец Лев Игнатьевич — детский писатель, поэт, переводчик.

5. WHEN HE, WHO ADORES THEE «КОГДА ОДНИ ВОСПОМИНАНЬЯ...»

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда одни воспоминанья...» включено в драму «Станный человек» (1831).

Баратынская Анна Давыдовна (урожденная княжна Абамелек, 1814—1889) — русская поэтесса, переводившая и на русский язык, и с русского языка (в частности на английский язык стихотворения А. С. Пушкина). А. С. Пушкин воспел ее в стихотворении «В альбом А. Д. Абамелек» [«Когда-то (помню с умиленьем)...»].

Крешев Иван Петрович (1824?—1859) — поэт, переводчик; юрист по образованию, знаток латинского, французского, немецкого языков. Переводы из Т. Мура, вероятнее всего, им сделаны не с оригинала, а с французского переложения. Лучшими переводчиками поэзии Т. Мура Крешев считал И. И. Козлова и М. Л. Вронченко, которым отчасти подражал в передаче настроения, мелодии стиха. Единственное отдельное издание произведений И. П. Крешева — «Переводы и подражания» (СПб., 1862).

6. THE HARP THAT ONCE THRO' TARA'S HALLS... МОЛЧИТ ПРОСТОРНЫЙ ТРОННЫЙ ЗАЛ

Тара (др. ирл. Tegaer) — Тара, древняя столица верховных королей Ирландии, символ ирландского золотого века, расцвета культу-

ры. Расположена к северо-западу от Дублина. В 1798 г. Тара стала местом разгрома ирландских повстанцев.

Степанова Елизавета Григорьевна (урожденная Константинова) — жена архангельского губернатора, писала под псевдонимом Естелла. Единственный сборник ее стихотворений — «Стихотворения Естеллы» (Лейпциг, 1864).

7. FLY NOT YET.
ОСТАНЬСЯ!

fount.../through Ammon's shade — Имеется в виду источник возле храма Аммона в городе Фивы. Аммон, или Амон, в древнеегипетской мифологии, — бог — прародитель египетских монархов. Постепенно стал отождествляться с богом Ра. Источник Аммона называют еще Солнечный источник. Об источнике Аммона подробно рассказывает Лукреций в VI кн. «О природе вещей», упоминает его и Овидий в «Метаморфозах» (кн. XV).

9. THO' THE LAST GLIMPSE OF ERIN WITH SORROW I SEE
ВОТ И БЕРЕГ ИРЛАНДСКИЙ ИСЧЕЗ ЗА КОРМОЙ...

Перевод Д. П. Ознобишина «Уж Эрин бледнеет» публикуется впервые (ИРЛИ, Ф 213, № 24).

Coulin — длинный локон; эд.: юноша с длинными волнистыми волосами.

one lock from that hair — Томас Мур, ссылаясь на книгу: Walker. *Historical Memoirs of Irish Bards*, в пояснении к последней строке, а также всему стихотворению, пишет, что на двадцать восьмом году правления Генрих VIII (король Ирландии с 1541 г.) издал указ, ограничивший свободу ирландцев в соблюдении традиции в прическе и одежде. По этому случаю один из тогдашних ирландских бардов написал песню о том, как ирландская девушка отдает предпочтение юноше с длинными волосами, отвергая и саксонцев, и тех ирландцев, которые предали обычай страны. От той песни сохранилась только мелодия. Одновременно с наступлением на обычаи ирландцев Англия приняла суровые законы против странствующих ирландских бардов.

10. RICH AND RARE WERE THE GEMS SHE WORE
БРАСЛЕТЫ, КОЛЬЦА БЛЕСТЯТ НА НЕЙ

В основе этой мелодии — ирландское предание о времени короля Брайена (см. коммент. к стихотворению *War Song*). Одним из доказательств справедливости его правления, а также благородства древних ирландцев служит легенда о том, как молодая и красивая дама в роскошном платье, в украшениях из драгоценных камней совершила в одиночестве путешествие через всю страну, ни разу не став жертвой грабежа или насилия.

11. AS A BEAM O'ER THE FACE OF THE WATERS MAY GLOW
ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ

В советской критике было высказано, на наш взгляд, обоснованное предположение, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Еврейская мелодия» (1830) написано под непосредственным влиянием этой мелодии Томаса Мура:

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит.

Но поймать ты не лъстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под холодной мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя! —
Ты обманут — он вновь пред тобой.

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт и переводчик. Друг Пушкина и Жуковского. Переводил со многих европейских языков. По мнению современников, более всего ему удавались переводы из Томаса Мура, хотя из английских поэтов он обращался также к творчеству Шекспира, Бернса, Вордсворта, Байрона и др.

12. THE MEETING OF THE WATERS
«ЕДВА ЛИ ЕСТЬ МЕСТА ПРЕКРАСНЕЕ ДОЛИНЫ...»

the bright waters meet — Речь идет о реке Эвон и его притоке Эвоке. Мур пишет: «Место, где сливаются Эвон и Эвока, — кусочек красивейшей природы между Ратдрумом и Арклоу в графстве Уиклоу, и эти строки были навеяны путешествием в сей романтический уголок летом 1807 года».

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт-сатирик, сотрудник демократических журналов в 1860-х годах. Поэт некрасовской школы, славился как «король рифмы», мастер хлесткой эпиграммы, пародии, фельетона — жанра, именно им утвержденного в русской поэзии. Д. Д. Минаев был также одним из наиболее плодотворных поэтов-переводчиков своего времени.

13. HOW DEAR TO ME THE HOUR
КАК Я ЛЮБЛЮ ПОСЛЕДНИЙ ОТБЛЕСК ДНЯ

Мин Дмитрий Егорович (1818—1885) — поэт-переводчик, врач по профессии. Из английских поэтов переводил также Вордсворта,

Байрона, Морриса и др. Важнейший его труд — перевод «Божественной комедии» Данте.

Курсинский Александр Антонович (1873—1919) — поэт, испытавший значительное влияние К. Д. Бальмонта; университетский товарищ В. Я. Брюсова. Наиболее известная поэтическая книга А. А. Курсинского — «Полутени» (М., 1896) — наполовину состоит из оригинальных стихотворений, наполовину из переводов мелодий Томаса Мура.

14. TAKE BACK THE VIRGIN PAGE
НЕ РОДИЛАСЬ СТРОКА

Harpy (поэт.) — быть может, возможно.

15. THE LEGACY
ЗАВЕЩАНИЕ

В примечании к мелодии Томас Мур пишет, что в древние времена в Ирландии существовал обычай иметь в доме арфу и часто даже не одну, а несколько, чтобы гости, случайно зашедшие в дом, могли на них играть. Чем лучше они играли, тем лучше их принимали, тем более желанными гостями они были.

16. HOW OFT HAS THE BANSHEE CRIED
КАК ЧАСТО БЕНШИ ВЗЫВАЛА

the Banshee — Бенши, в ирландской мифологии фея смерти.

We 're fallen upon gloomy days! — Томас Мур пишет в примечании: «Я старался здесь, воплощая ирландский характер, что является целью всей моей работы, указать все же на печальную неумолимость, с какой Англия теряла лучших своих граждан в то время, когда более всего нуждалась в талантливых и честных людях». Речь идет о времени Наполеоновских войн. Однако содержание этой мелодии не было однозначным, что подтверждает сам автор другим примечанием, приводимым нами ниже.

Thou, of the Hundred Fights! — Называя Горацио Нельсона (1758—1805), английского флотоводца, вице-адмирала, именем знаменитого ирландского героя — Кон Сотни Сражений, Мур, несомненно, имеет в виду его победы над французским флотом, в частности при Абукире и Трафальгаре. Однако в примечании он цитирует *Philosophical Survey of the South of Ireland* (p. 433): «Кон Сотни Сражений, спи в своей заросшей травой могиле и не плоды наши поражения своими победами».

19. LET ERIN REMEMBER THE DAYS OF OLD
ВСПОМНИ, ЭРИН, БЫЛУЮ СЛАВУ СВОЮ

Мур вспоминает, что, когда он еще в студенческие годы как-то наиграл Роберту Эммету мотив, лежащий в основе этой мелодии,

Эммет вскочил и воскликнул: «Под эту песню я шел во главе двадцати тысяч человек!»

Malachi wore the collar of gold — Здесь речь идет о Молаки, короле Ирландии (X в.), который в поединке победил двух сильнейших представителей датского войска и в качестве трофея взял золотое оплечье одного и меч другого.

standard of green — знамя Ирландии; зеленым — национальный цвет страны.

the Red-Branch Knights — Легендарное воинство уладов (ольстерцев), которым посвящен цикл древних сказаний.

Lough Neagh — По преданию, воды Лох-Ниг (в те времена — источника) однажды разлились и затопили прилегающие земли, наподобие Атлантиды Платона, так что в ясную погоду во времена Мура рыбаки показывали путешественникам на дне озера островерхие башни.

20. THE SONG OF FIONNUALA ПЕСНЯ ФИОНУАЛЫ

Lir — Лир, один из легендарных королей Ирландии. Предание о его дочери Фионуале восходит к следующей легенде. После смерти жены Лир взял в жены Аифе (Aeife), которая невзлюбила его детей — дочь и троих сыновей. Однажды Аифе во время купания детей сотворила колдовство и превратила их в белых лебедей, обреченных кочевать по озерам и рекам до установления христианства в Ирландии (см.: J. M. Flood. *Ireland: its Myths and Legends*, 1970).

21. COME, SEND ROUND THE WINE ЭЙ, ПО КРУГУ ВИНО!..

Наравне с воспеванием национально-освободительной борьбы ирландского народа через все творчество Томаса Мура проходит осуждение религиозного ханжества и фанатизма.

22. SUBLIME WAS THE WARNING УСЛЫШАН СВОБОДЫ БЫЛ ЗВУЧНЫЙ НАБАТ

В 1808 г. Наполеон вторгся в Испанию, но его армия встретила мужественное сопротивление народа, о чем с энтузиазмом писал и Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда».

Shamrock — См. комментарий к мелодии *Oh the Shamrock*.

Olive — олива, эмблема Испании.

Iberia — Иберия, древнее название Испании, по звучанию близкое к древнему названию Ирландии — Иберния (Ibernia).

24. ERIN, OH ERIN
ЭРИН, О ЭРИН!

Like the bright lamp, that shone in Kildare's holy fane — Речь идет о негасимом светильнике, который горел в храме св. Бригитты в Килдаре.

26. OH! BLAME NOT THE BARD
ОПРАВДАНИЕ ПЕВЦА

Мур пишет в примечании: «Предположим, что это оправдание было произнесено одним из тех странствующих бардов, о которых Спенсер столь жестоко и, наверное, правдиво написал в своем «Государстве Ирландия» и чьи стихотворения, как он говорит нам, «были усыпаны прелестными цветами природы, которые и милы и привлекательны, отчего весьма обидно видеть, как их употребляют для украшения порока и нечестия, тогда как, правильно использованные, они могли бы послужить к восхвалению и украшению добродетели». Ср. сходный мотив в стихотворении А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...»).

a proud bow — Томас Мур, ссылаясь на историков, пишет, что название «Ирландия» произошло от рунического «уг» — лук, которым ирландцы искусно владели в древности. Этой этимологии он отдает предпочтение, приводя, однако, и другое объяснение: «Ирландия, названная землею гнева (Ire) из-за постоянных в течение четырехсот лет военных вспышек, теперь должна стать землею мира» (Lloyd's *State Worthies*).

the wreath of Harmodius, should cover his sword — По преданию, перед убийством Писистрата, афинского тирана, его убийцы Гармодий и Аристокитон спрятали меч под миртовым венком.

27. WHILE GAZING ON THE MOON'S LIGHT
СЕЛЕНА УЛЫБАЛАСЬ МНЕ

"The brook can see no moon but this" — Мур утверждает, что этот образ был навеян фразой английского ориенталиста и юриста Уильяма Джонса (Jones, 1746-1794): «Луна видит множество ночных цветов, а ночной цветок видит лишь одну луну».

Селена — луна.

28. ILL OMENS
ДУРНЫЕ ПРИМЕТЫ

A butterfly — эд. символ души.

heart's-ease = heartsease.

29. BEFORE THE BATTLE
ПЕРЕД БИТВОЙ

Мур пишет в примечании: «Ирландский рог служил не только военным целям. В героические времена наши предки пили из него мед, как это теперь делают датские охотники» (*Walker's Historical Memoirs of Irish Bards*).

30. AFTER THE BATTLE
ПОСЛЕ БИТВЫ

Мелодия в целом и особенно две последние строки, несомненно, навеяны знаменитым монологом «Быть или не быть...» и сонетом 66 Уильяма Шекспира.

32. THE IRISH PEASANT TO HIS MISTRESS
ИРЛАНДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН — СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Многозначное слово “mistress” допускает различные толкования этой мелодии. Согласно одному из них, Мур подразумевает здесь католическую церковь.

Where shineth thy spirit, there liberty shineth too! — Ср.: «Where the Spirit of the Lord is, there is liberty» (St. Paul's Corinthians, 2, 17).

33. ON MUSIC
К МУЗЫКЕ

Декабрист, член Южного общества Н. В. Басаргин (1799—1861), которому принадлежит прозаический перевод данной мелодии, вспоминал в своих «Записках» (Пг., 1917), что накануне казни М. П. Бестужев-Рюмин (1803—1826) через надзирателя передал товарищам по заключению клочок бумаги, на котором был написан французский перевод одной из мелодий Томаса Мура под названием «Музыка».

34. IT IS NOT THE TEAR AT THIS MOMENT SHED
ТА СЛЕЗА

Мур пишет в примечании: «Эти строки написаны под влиянием потери очень близкого и дорогого родственника, который недавно умер на Мадейре».

35. THE ORIGIN OF THE HARP
РОЖДЕНИЕ АРФЫ

В книге «Жизнь и смерть лорда Фицджералда» Томас Мур писал, что один раз ему позволили навестить в тюрьме друга, участника восстания 1798 г. — Эдварда Хадсона, который уже около пяти месяцев ожидал казни, провожая на смерть товарищей. Войдя в ка-

меру, Мур увидел на стене рисунок углем, скорее, большую картину, изображавшую сотворение ирландской арфы. Сюжет картины положен в основу мелодии «Рождение арфы».

Кобылинский Лев Львович (1879—1947) — поэт и критик. Псевдоним — Эллис. Л. Л. Кобылинский был теоретиком символизма и одним из основателей кружка «Аргонавты» (1903) и издательства «Мусагет» (1910—1914). Переводил на русский язык, помимо Мура, Ш. Бодлера, Э. Верхарна и др.

Данный перевод Кобылинского был положен на музыку С. И. Танеевым. Б. В. Асафьев относил этот романс, как он его называл, к числу тех вокальных композиций Танеева, в которых композитор достиг «полной совместимости, согласованности текста и музыки... [это] нежный лирический порыв души, напоенной музыкой, от скорби здешней, личной — к глубокой печали и вечной неизбывности страданий и тщете надежд» (цит. по кн.: М. П. Алеев, указ. соч., с. 788).

37. THE PRINCE'S DAY ДЕНЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИКА

Мелодия написана по случаю празднества в честь дня рождения принца Уэльского, устроенного одним из друзей поэта. Принц Уэльский — будущий принц-регент и король Георг IV (прав. 1820—1830) — не оправдал надежд, которые на него возлагали ирландцы (см. мелодию *When First I Met Thee*).

the Standard of Green — См. коммент. к мелодии *Let Erin Remember the Days of Old*.

41. BY THAT LAKE, WHOSE GLOOMY SHORE К ОЗЕРУ, ГДЕ БЕРЕГ ДИК

Как пишет Мур в примечании, в основе этой мелодии — предание о святом Кевине, чье «ложе» на скале видно с берега озера Глендалох, самого мрачного и романтического места в графстве Уиклоу.

42. SHE IS FAR FROM THE LAND ДАЛЕКА СТОРОНА...

Мелодия посвящена Саре Карран, невесте Роберта Эммета (см. Предисловие, с. 28)

44. AVENGING AND BRIGHT ВОССТАНЬ ЖЕ С МЕЧОМ НА ПРЕДАТЕЛЯ, ЭРИН

Мелодия была подсказана Муру старинным кельтским преданием «Деирдре, или Плачевная судьба сыновей Усны». Король Ольстера Конхобар, воспользовавшись пребыванием при его дворе

Деирдре, предал смерти трех сыновей Усны, что стало причиной опустошительной войны, приведшей к разрушению Эмана.

the red cloud — "Oh Nasi! view that cloud that I here see in the sky! I see over Eman-green a chilling cloud of blood-tinged red" (*Deirdre's Song*).

Ulad = Ulster — Ольстер.

47. THIS LIFE IS ALL CHECKERED WITH PLEASURES AND WOES
ВСЮ ЖИЗНЬ ЧЕРЕДУЮТСЯ СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Hylas (греч. миф.) — Гил, любимец и оруженосец Геракла. Как-то он отправился к источнику за водой, и его увлекли на дно нимфы источника, восплававшие любовью к прекрасному юноше.

And neglected his task for the flowers on the way — В примечании Мур приводит стих римского поэта, автора любовной лирики Проперция (ок. 50 до н. э. — ок. 15 до н. э.): «Proposito florem præ tulit officio» («Предпочитая цветы прежней задаче своей», перевод Л. Остроумова, Кн. 1, элегия 20, строка 40).

48. ON THE SHAMROCK
О ТРИЛИСТНИК

Shamrock — трилистник, символ Ирландии. Мур приводит легенду, согласно которой святой Патрик, объясняя ирландцам значение троицы, показывает им клевер, который в Ирландии называют трилистником. Зеленый трилистник — символ восстаний 1798 и 1803 гг.

49. AT THE MID HOUR OF NIGHT
КОГДА ПРОБЬЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧАС...

Своим своеобразным ритмическим построением эта мелодия выделяется из других, что дает некоторым специалистам основание видеть в ней начало ирландской национальной поэзии на английском языке.

the Kingdom of Souls — Томас Мур приводит следующее высказывание Монтеня: «Существуют страны, где верят, будто души счастливых людей живут, пользуясь полной свободой, на прекрасных полях и лугах; они-то и повторяют все, что мы произносим, порождая то, что мы называем эхом».

51. 'T IS THE LAST ROSE OF SUMMER
ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Это единственная из «Ирландских мелодий», рассчитанная на женское исполнение (сопрано). Вариации для фортепиано на тему этой мелодии написал М. И. Глинка в 1847 г., назвав их «Вариациями на шотландскую тему» (см.: М. П. Алексеев. Указ. соч., с. 771).

52. THE YOUNG MAY MOON
ЛУЧИ ЛУНЫ ЛЕГКИ

Through Morna's grove — В связи с этим стихом Мур вспоминает английский перевод *Steals Silently to Morna's Grove* ирландского стихотворения, сделанный его университетским товарищем Джоном Брауном (Brown). Morna — здесь, вероятно, возлюбленная древнеирландского воина Катбата. Она была в лесной пещере, когда пришел воин Духомар и сообщил ей о смерти Катбата, павшего в битве. Он потребовал от Морны ответа на свою любовь, но Морна убила его мечом, которым потом поразила и себя. Морна в переводе с гэльского — женщина, любимая всеми.

53. THE MINSTREL-BOY
СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ

Эта мелодия была одной из самых популярных как у себя на родине, так и среди русских поэтов. Отзвук ее мы находим в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Песнь барда» (1830). Позднее самого Мура стали называть “the Minstrel-Boy”.

54. THE SONG OF O'RUARK, PRINCE OF BREFFNI
ПЕСНЯ О'РАРКА, КНЯЗЯ БРЕФФНИ

Томас Мур пишет, что сюжет этой мелодии основан на печальных событиях, происшедших в Ирландии в древние времена. Мак-Мурхад, король Ленстера, воспылил страстью к Деарборджил, дочери короля Мета (Meath), и, хотя она была женою О'Рарка, короля Бреффни, это обстоятельство его не остановило. Они состояли в тайной переписке, и однажды Деарборджил сообщила Мак-Мурхад, что ее муж собирается совершить паломничество к святым местам. Она предложила ему воспользоваться удобным случаем и увезти ее. Верховный король Ирландии Родерик стал на сторону обиженного мужа, однако Мак-Мурхад бежал в Англию под покровительство Генриха II.

58. YOU REMEMBER ELLEN
КРАСАВИЦЕЙ ЭЛЛЕН СЧИТАЛАСЬ ПО ПРАВУ

Эта мелодия — одна из немногих основанных на английском фольклорном материале.

60. COME O'ER THE SEA
НАД БЕЗДНОЙ МОРСКОЮ

Редкин Аполлон Михайлович (1807—ок. 1869) — драматург, поэт, переводчик. Наиболее известная его книга — «Цевница. Стихотворения» (М., 1828).

61. HAS SORROW THY YOUNG DAYS SHADED
УЖЕЛЬ ОМРАЧИЛИ ПЕЧАЛИ

our Lagenian mine — К этой строке Мур сделал следующее примечание: «Наши золотые рудники в Уиклоу, которым посвящен этот стих, даже слишком, боюсь, заслуживают ту характеристику, которая дана им здесь».

like the bird in the story — Здесь Мур вспоминает птицу из «Сказок тысячи и одной ночи», которая держала в клюве талисман и отпархивала от преследователя, стоило ему к ней приблизиться.

Трубецкая Мария, кн. Маки — поэтесса, переводчица. Автор книг «По дороге. Стихотворения» (Полтава, 1909), «Стихотворения» (Полтава, 1914).

Павлова Каролина Карловна (урожденная Яниш, 1807—1893) — поэтесса, переводчица. Переводила на немецкий и французский языки произведения Жуковского, Пушкина, А. К. Толстого, а на русский — произведения немецких, французских, английских, польских поэтов. В. Г. Белинский ценил в переводах К. Павловой «сжатость, мужественную энергию, благородную простоту». Из английской поэзии, помимо Мура, переводила народные баллады, стихотворения В. Скотта, Байрона и Кемпбелла.

63. WHEN FIRST I MET THEE
В ТУ ПОРУ НАШИХ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧ

Мелодия написана от имени Ирландии и посвящена принцу-регенту, с 1820 г. королю Георгу IV, который, став принцем-регентом, резко изменил свою политику в отношении Ирландии.

64. WHILE HISTORY'S MUSE
ПОКА МУЗА ИСТОРИИ...

В этой мелодии Томас Мур славит герцога Веллингтона. Артур Уэлсли, лорд Веллингтон (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель ирландского происхождения. В 1815 г. участвовал в разгроме Наполеона. Спустя четырнадцать лет герцог представил королю проект эмансипации католического населения Ирландии.

65. THE TIME I 'VE LOST IN WOOING
БЕЗРАССУДСТВО

Эта мелодия стала популярной песней на родине поэта.

the Sprite — согласно ирландской мифологии, сказочное существо, которое можно встретить в сумерках. Пока на него смотрят, оно остается недвижимым и находится во власти человека, но стоит лишь отвести от него взгляд, как оно тут же исчезает.

67. COME, REST IN THIS BOSOM
«ПОДОЙДИ, ОТДОХНИ ЗДЕСЬ СО МНОЮ...»

Эта мелодия особенно нравилась американскому поэту-романтику Эдгару Аллану По (Рое, 1809-1849): «Среди «Мелодий» Томаса Мура есть одна, отличительный характер которой как поэмы странным образом обходился молчанием. Я намекаю на стихотворение, начинающееся словами — «Подойди, отдохни здесь со мною...» Напряженная энергия выражения не уступает здесь байроновским стихотворениям. Здесь есть две строки, в которых выражены чувства, воплощающие целиком божественную страсть любви, чувство, нашедшее себе отзвук в большем числе человеческих сердец, и в сердцах более страстных, чем какое-либо другое отдельное чувство, когда-либо воплощенное в словах» (цит. по: Э. П. о. Собрание сочинений в переводе с английского К. Д. Бальмонта, т. II. М., 1906, с. 156—157).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — один из родоначальников и главных представителей русского символизма. Его переводческая деятельность была очень интенсивной. Помимо Томаса Мура, из англоязычных поэтов он больше всего уделял внимания Шелли, По, Уитмену.

Горковенко Алексей Степанович (1821—1876) — вице-адмирал, сотрудник «Литературной газеты», «Пантеона», «Московского сборника».

68. 'T IS GONE, AND FOR EVER
ИСЧЕЗ НАВСЕГДА

a Sun-burst — Так называли в древней Ирландии королевское знамя.

69. I SAW FROM THE BEACH
«Я ВИДЕЛ, ПОУТРУ...»

Лебедева Лидия Петровна (1869—?) — поэтесса, переводчица; автор книг «Стихотворения» (СПб., 1903), «Лирика» (СПб., 1911).

70. FILL THE BUMPER FAIR
ДО КРАЕВ НАЛЬЕМ!

Prometheus stole away / The living fires that warm us (греч. миф.) — Титан Прометей похитил огонь с Олимпа и принес его людям, за что был жестоко наказан Зевсом.

71. DEAR HARP OF MY COUNTRY
ВО ТЬМЕ Я ОБРЕЛ ТЕБЯ, АРФА ОТЧИЗНЫ

В этой мелодии, завершающей шестой выпуск «Ирландских мелодий», наиболее явно звучит тема возрождения ирландской поэзии.

The cold chain of silence — Мур рассказывает, что в древней Ирландии барды, желая принять участие в битве, потрясали цепью молчания и бросались в схватку наравне с остальными воинами.

72. MY GENTLE HARP.
МОЯ НЕЖНАЯ АРФА

Mid desolation tuneful still — Мур приводит слова римского поэта сатирика Ювенала (ок. 60 — ок. 127): «Dimidio magicæ resonant ubi Memmone chordæ».

73. IN THE MORNING OF LIFE.
НА ЗАРЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Бородин Андрей Николаевич (1813—1865) — русский литератор. Воспитанник Нежинской гимназии высших наук в тот период, когда там учились Гоголь, Кукольник, Редкин.

76. REMEMBER THEE.
НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ

Whose hearts, like the young of the desert-bird's nest, / Drink love in each life-drop that flows from thy breast — Птица пустынь, или пеликан, — поэтический символ материнского самопожертвования. Пеликан кормит птенцов, прижимая их близко к груди, отсюда легенда, что он кормит их собственной кровью.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — декабрист, поэт. Наиболее полно его талант выразился в «Ответе на послание А. С. Пушкина» (1827), написанном после получения «Послания в Сибирь» А. С. Пушкина. Данный перевод также написан в читинском остроге в 1827 или 1828 г.

Доппельмайер Юлия Васильевна (1848—?) — поэтесса, переводчица, была близка к народникам.

77. WREATH THE BOWL.
ВКРУГ ЧАШИ СЕЙ

Their Junos, Joves, Apollos — Юнона и Юпитер, главные божества римского пантеона; Аполлон — бог света и покровитель искусств в Древней Греции.

78. WHENE'ER I SEE THOSE SMILING EYES
«КОГДА Я ЗРЮ СЕЙ ВЗОР ПРЕКРАСНЫЙ...»

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, критик, друг А. С. Пушкина. В молодости был близок к кругам декабристов. Его переводческие интересы были связаны в основном с французской литературой. Известно также его прозаическое переложение «Крымских сонетов» Мицкевича.

79. IF THOU 'LT BE MINE
МОЕЮ БУДЬ, ДРУГ МИЛЫЙ

Перевод Д. П. Ознобишина публикуется впервые по рукописи (ИРЛИ, Ф 213, № 24).

80. TO LADIES' EYES
К ЖЕНСКИМ ВЗОРАМ

Мелодия написана в характерном ритме ирландской застольной песни.

82. THEY MAY RAIL AT THIS LIFE
ЖИЗНЬ БРАНЯТ

Мур пишет в примечании, что эта мелодия написана под влиянием французского писателя Б. Фонтенеля (1657—1757).

that star of the west — Имеется в виду Венера.

Saturn — По представлениям средневековых астрологов, под знаком Сатурна рождались мрачные, недобрые люди.

84. ST. SENANUS AND THE LADY
СВЯТОЙ СЕНАН И ЖЕНЩИНА

Согласно ирландскому преданию, сохранившемуся в старинном манускрипте, святой Сенан бежал на уединенный остров, где отказался принимать женщин. Он не принял даже святую Каннеру, которую ангел, по ее просьбе, перенес на остров, чтобы она могла посмотреть на святого.

87. DRINK OF THIS CUP
ВОТ ЭТА ЧАША!

Talk of the cordial that sparkled for Helen! / Her cup was a fiction... — Когда Елена Троянская возвращалась из Трои, Полидамна, жена египетского царя Фоона, подарила ей чудесное лекарство, изготовленное из сока волшебного растения. Тот, кто принимал в вине это лекарство, забывал самое тяжелое горе. На пиру в Спарте Елена подлила в кубки гостей сок чудесного растения, чтобы развеселить пирующих и прогнать невеселые думы.

88. THE FORTUNE-TELLER
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

haply — См. коммент. к мелодии *Take Back the Virgin Page*.

89. OH, YE DEAD!
МЕРТВЕЦЫ!..

Мелодия написана в духе гэльского причитания. По ирландскому поверью, как пишет Мур, ссылаясь на Поля Зиленда, где-то в Ир-

ландии есть гора, возле которой бродят призраки людей, умерших в чужих странах. Эти призраки ничем не отличаются от живых людей и часто вступают с ними в беседу. Но стоит только спросить, почему они не идут домой, как они говорят, что должны возвратиться к вулкану Гекле, и тут же исчезают.

Джеймс Джойс (Joyce, 1882-1941) довольно часто упоминал мелодии Томаса Мура в своих произведениях. В частности, одна из новелл, включенных в цикл «Дублинцы», называется «Мертвые», и ее персонажи — люди, ставшие «мертвецами» уже при жизни.

90. O'DONOHUE'S MISTRESS
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ О'ДОНОХЬЮ

О'Донохью — один из ирландских королей, с именем которого связана не одна легенда — например, та, что положена в основу мелодии Мура: юная девушка, увлеченная славой великого вождя, в течение многих лет приходила к озеру в Килларни, чтобы увидеть на заре первого дня мая О'Донохью, дух которого в этот день поднимается со дна озера и скачет по воде на белом коне под звуки неземной музыки. Однако из года в год ожидания ее не оправдывались, и однажды она в отчаянии бросилась в озеро.

thy long mane curls — Мур отмечает, что и в его время в Килларни пенные волны озера называли «белыми конями О'Донохью».

94. SHALL THE HARP THEN BE SILENT
НЕУЖЕЛИ СКОРБЯ ЗАЗВЕНЕТЬ НЕ ДОЛЖНА...

Мелодия написана на смерть Генри Граттана (1746—1820), ирландского государственного деятеля, отстаивавшего идею независимости Ирландии и выступавшего против «Акта об Унии» (1801), который уничтожил независимый ирландский парламент; лидер ирландской либеральной оппозиции английскому правительству.

В примечании Мур пишет, что только два первых стиха мелодии были предназначены для пения.

96. SWEET INNISFALLEN
ИННИСФоллен

Речь идет об острове на одном из озер в Килларни. Мур несколько раз посещал эти места.

97. 'T WAS ONE OF THOSE DREAMS
БЫЛ ЛЕГОК, КАК ЛЕТНИЙ ТУМАН, ЭТОТ СОН

Томас Мур сопроводил мелодию следующим примечанием: «Написана, когда я гостил у лорда Кенмара в Килларни».

98. FAIREST! PUT ON AWHILE
«ДАВАЙ-КА ЗА СПИНОЙ...»

Ariel — светлый дух воздуха в комедии Шекспира «Буря».

Islets... / That never hath bird come nigh them — Мур, ссылаясь на доктора Китинга (Keating), пишет в примечании, что, по преданию, острова Скелигс (острова баронов Форт) столь красивы, что птицы просто не могут пролететь мимо, не сделав здесь остановки.

Lakes, where the pearl lies hid — Ссылаясь на Ненния, британского писателя IX в., Мур пишет о том, что Ирландия в древние времена славилась своим жемчугом.

99. QUICK! WE HAVE BUT A SECOND
СПЕШИ! У НАС ВСЕГО МГНОВЕНЬЕ

Orpheus' strain — Орфей, мифический фракийский певец. Музыка Орфея заставляла растения склонять ветви, камни двигаться, укрощала диких зверей.

young Hebe's lips — Геба (*греч. миф.*), богиня юности.

101. THE MOUNTAIN SPRITE
ФЕЯ ГОР

Перевод Д. П. Ознобишина публикуется впервые по рукописи (ИРЛИ, Ф 213, № 24).

102. AS VANQUISHED ERIN
ИРЛАНДИЯ ПОБЕЖДЕНА

В этой мелодии речь идет о знаменитой битве у реки Бойн (1 июля 1690 г.), когда ирландцы, стоявшие на стороне Якова II Стюарта (1633—1701), были разбиты Вильгельмом III Оранским (1650—1702). Эта битва воспринималась как победа протестантов над католиками.

103. DESMOND'S SONG
ПЕСНЯ ДЕЗМОНДА

Мелодия основана на древней ирландской легенде, согласно которой граф Томас Дезмонд (XV в.), увлекшись охотой, оказался ночью далеко от собственного замка и был вынужден искать приют у своего вассала. Прекрасная Кэтрин, дочь хозяина дома, возбудила в охотнике страстную любовь, и он на ней женился, чем восстановил против себя всю родню. На самом деле, Томас Дезмонд породнился с ирландцами, что запрещалось Килкеннийским законом (1366), имевшим целью усиление власти Англии в Ирландии. За это он был объявлен врагом английского народа и казнен.

105. I WISH I WAS BY THAT DIM LAKE
ХОЧУ У ОЗЕРА БРЕСТИ

Озеро, о котором идет речь, пишет Мур, ссылаясь на доктора Кемпбелла, находится в районе Донегалл (Donegall), и один из его островов считался входом в чистилище. Это озеро было объектом паломничества христиан из всех европейских стран.

106. SHE SUNG OF LOVE
ТЫ ПЕЛА О ЛЮБВИ

And from her glimmering lips the tone,/As from a parting spirit, came — Мур пишет в примечании, что эти строки были навеяны ему следующими стихами Сэмюэла Роджерса (Rogers, 1763-1855): "Now in the glimmering, dying light she grows/Less and less earthly... (Poem on Human Life).

113. I 'VE A SECRET TO TELL THEE
ХОЧУ ОТКРЫТЬ ТЕБЕ СЕКРЕТ

Like him, the boy — Имеется в виду бог молчания, который в Египте изображался именно так, как описывает Мур.

114. SONG OF INNISFAIL
ПЕСНЬ ОБ ИННИСФЕЙЛЕ

where 's the Isle — Имеется в виду легенда о сбывшемся прочестве главного друида, согласно которому потомки легендарного испанского короля Милезия должны были завоевать Ирландию и поселиться здесь.

Innisfail.../Isle of Destiny — названия Ирландии в древности.

116. THERE ARE SOUNDS OF MIRTH
ПОВСЮДУ — СМЕХ, ПОВСЮДУ — ПЕНЬЕ

Should I the syren call obey — Согласно античной мифологии, сирены — полуптицы-полуженщины, своим волшебным пением увлекающие мореходов, которые становятся их добычей.

that rock of the Druid race — По преданию, камень, принадлежащий друидам, никакая сила не может сдвинуть с места.

117. OH, ARRANMORE, LOVED ARRANMORE
О, АРАНМОР!

Мур пишет (ссылаясь на *Ancient Topography of Ireland*, by Beaufort), что жители Аранмора убеждены в том, что в ясный день с побережья можно увидеть Волшебный остров — языческий ирландский «рай», — о котором они рассказывают множество романтических историй.

118. LAY HIS SWORD BY HIS SIDE
ПУСТЬ ЕГО ПОХОРОНЯТ С БУЛАТНЫМ МЕЧОМ

У древних ирландцев существовал обычай хоронить воина вместе с его мечом.

120. THE WINE-CUP IS CIRCLING
ЗА ЧАШЕЙ

Эта и следующие три мелодии вошли в приложение к последнему, десятому, выпуску «Ирландских мелодий».

Almhin's hall — дворец Фина Мак-Кумгала (Фингала, воснемого Макферсоном) в Ленстере.

the Dane is nigh — Мур пишет в примечании: «Упоминание о датчанах в этой песне — анахронизм, свойственный большинству легенд о Фине или Оссиане».

Finian — Фений, легендарный воин из воинства Фина Мак-Кумгала.

the Sun-burst — См. коммент. к мелодии *'T is Gone, and For Ever*.

123. SILENCE IS IN OUR FESTAL HALLS
ДВОРЦЫ БЕЗМОЛВНЫЕ ПУСТЫ...

Эту последнюю мелодию цикла «Ирландские мелодии» сопровождает следующее примечание автора: «...эти строки были задуманы мною как дань искренней дружбы и памяти моему давнему и высокочтимому коллеге по данной работе — сэру Джону Стивенсону».

the Eolian shell — Эолова арфа, музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра.

NATIONAL AIRS
МЕЛОДИИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Мелодии цикла издавались шестью выпусками с 1818 по 1827 гг., то есть параллельно с «Ирландскими мелодиями». Томас Мур написал к «Мелодиям разных народов» (первому выпуску) следующее предисловие: «Цицерон, кажется, сказал: "*Naturâ ad modos ducimur*", — и множество исконно народных, необработанных напевов, которые есть во всех странах за исключением Англии, вполне доказывают справедливость этого утверждения. Любителям сей простой, однако интересной части музыкального искусства мы имеем честь предложить первый выпуск издания сих напевов, которое, надеюсь, с их помощью будет продолжено. Очаровательная мелодия без слов напоминает одно из тех *полусуществ* Платона, которых он описывает как разыскивающих свою половину по всему свету. Восполнить утрату, присоединив соответствующие слова ко многим странствующим мелодиям, которые или вовсе их не имели,

или имели такие, что недостойны слуха людей благородных, — вот цель нашего труда. Хотя мы и не намеревались ограничивать себя тем, что называется «народной песнью», однако, встретившись с красивым напевом, который поэт еще не снабдил достойным жилищем, мы позволим себе счесть его бесхозным лебедем и одарить стихами бедняжку Иппокрену». *Naturá ad modos ducimur* (лат.) — Природа нас увлекает к мелодиям.

Иппокрена — священный ключ на вершине Геликона. В переносном смысле — «источник вдохновения».

5. THOSE EVENING BELLS
ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Одна из версий происхождения этой мелодии гласит, что автором ее поэтического текста был грузинский поэт Георгий Мтацминдели (XI в.) и стихотворение хранилось в Афонском монастыре. Каким-то образом оно попало к Томасу Муру, который и перевел его на английский язык. Разыскания, предпринимавшиеся в библиотеке монастыря, не дали результатов. Таким образом, эта версия, не подтвержденная документально, — легенда, как и другая версия — о переводе Томасом Муром стихотворения И. И. Козлова (См.: М. П. А л е к с е е в, указ. соч., с. 760).

И. И. Козлов посвятил свой перевод Татьяне Семеновне Вейдмейер (ум. 1863), близкому другу семьи Козловых. Музыка к словам Козлова написал А. А. Алябьев.

9. DOST THOU REMEMBER
ТЫ МЕСТО ПОМНИШЬ

Слова этой мелодии, по признанию самого Мура, частично основаны на реально существующей португальской песне.

21. LOVE IS A HUNTER-BOY
АМУР — ИСКУСНЕЙШИЙ ЛОВЕЦ

Languedocian Air — лангедокская, то есть южнофранцузская мелодия; Лангедок (*ист.*) — провинция в Южной Франции.

23. JOYS OF YOUTH, HOW FLEETING!
«ШЕПОТ, ЗВЕЗД ДАЛЕКИХ ВЗГЛЯД...»

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) в письме к П. П. Перцову (Письма к П. П. Перцову 1892—1896. М., 1927) так отозвался о Томасе Муре: «...Мур был поэт вовсе неинтересный» (с. 61), — что, однако, не помешало Брюсову перевести на русский язык два стихотворения ирландского поэта. Вероятно, его привлекла возможность эксперимента с изысканным музыкальным стихом, а, может быть, немаловажную роль сыграло то, что Брюсов хотел

посоревноваться с А. А. Курсинским, с которым был хорошо знаком, даже дружен, но чьи поэтические взгляды не разделял. Он считал, что Курсинский «безжалостно подражал» (там же, с. 62) К. Д. Бальмонту, перенимая у него «блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями» (с. 78).

29. THE CRYSTAL-HUNTERS
ИСКАТЕЛИ ХРУСТАЛЯ

the Alpine — эд.: Альпы.

33. PEACE TO THE SLUMBERERS!
МИР ВАМ, ПОЧИВШИЕ БРАТЯ!

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865), поэт, публицист, переводчик; участник революционного движения, в 1861 г. был приговорен к шести годам каторги в Сибири. Данный перевод некоторое время публиковался анонимно (см., например: Английские поэты. Сост. Н. В. Гербель. СПб., 1875), хотя авторство Михайлова было известно. Перевод Михайлова был воспринят как гимн свободе, особенно в среде народников. Был положен на музыку. Наиболее известны, помимо этого перевода, его переводы из Гейне, а также Бернса, Байрона, Теннисона и др. Михайлов выступал и как теоретик художественного перевода.

35. WHO 'LL BUY MY LOVE-KNOTS?
КУПИТЕ БРАЧНЫЕ УЗЫ!

love-knot — бант как знак любви, союза.

Hymen — Гименей, бог-покровитель брачных союзов в античной мифологии.

37. NETS AND CAGES
СЕТИ И КЛЕТКИ

Томас Мур пишет, что тема этой мелодии была подсказана ему Джонатаном Свифтом, которому принадлежит следующее высказывание: «Причина того, что лишь немногие браки оказываются счастливыми, заключается в том предпочтении, которое наши девицы отдают плетению сетей, им же надобно делать клетки».

38. WHEN THROUGH THE PIAZZETTA
ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПЕСНЯ

Piazzetta — Пьяцетта, маленькая площадь в Венеции возле Дворца дождей.

Evening Star — Венера.

40. TAKE HENCE THE BOWL
АХ, ЧАШУ СКОРЕЙ УБЕРИТЕ...

Иваницкий Н. А. (1847—1899) — этнограф, фольклорист, поэт. За участие в студенческом движении в 1860-х гг. был выслан из Петербурга в Вологодскую губернию. Как поэт начал печататься с 1871 г. Данный перевод был впервые опубликован через девять лет после его смерти.

41. FAREWELL, THERESA!
ПРОЩАЙ, ТЕРЕЗА!

Фет Афанасий Афанасьевич (Шеншин, 1820—1892) — русский поэт. Удивительная музыкальность лирики А. А. Фета дает основания для сопоставления ее с лирикой Томаса Мура. Переводческое наследие Фета очень обширно. Из английских поэтов он переводил также Байрона и Шекспира. С немецкого — Гёте, Шиллера, Гейне и др., с французского — Шенье, Ламартина, Беранже, с польского — Мицкевича. Ему принадлежат переводы из Гафиза и Саади. В последние годы жизни он выпустил переводы полных собраний стихотворений Горация и Катутла, сатир Ювенала, элегий Проперция, эпиграмм Марциала и т. д. Фет писал о своем стремлении к «возможной буквальности перевода», пусть даже за счет его благозвучия. Он считал, что только в таком переводе читатель с должной ясностью увидит оригинального автора.

47. NE'ER TALK OF WISDOM'S GLOOMY SCHOOLS
ЗАБУДЬ ПРЕМУДРОСТЬ СКУЧНЫХ ШКОЛ

Mahrattas (Marathas) — маратхи, жители Маратхских княжеств в Юго-Западной Индии, которые в начале XIX в. были колонизованы Англией.

Leander — Согласно греческому мифу, Леандр полюбил Геро и, чтобы встречаться с ней, каждую ночь переплывал Геллеспонт. Однажды ветер погасил маяк, который зажигала для возлюбленного Геро, и Леандр утонул.

48. HERE SLEEPS THE BARD
ЗДЕСЬ БАРД УСНУЛ.

Apollo's shell — См. коммент. к мелодии *Silence is in Our Festal Halls*.

51. NO — LEAVE MY HEART TO REST
МЕЛОДИЯ.

Греков Николай Перфильевич (1810—1866) — поэт, переводчик. Перевел на русский язык две драмы Кальдерона, первую часть «Фауста» Гёте, «Ромео и Джульетту» Шекспира и т. д.

56. BRING THE BRIGHT GARLANDS HITHER
ПРИНОСИТЕ ИЗ САДА...

Стихотворение (мелодия) написано на музыку Екатерины Семеновны Воронцовой (1783—1856), которая с 1808 г. была замужем за графом Джорджем Пемброком, в доме которого Мур был ей представлен. Как пишет М. П. Алексеев, по отзывам ее английских друзей, Екатерина Семеновна Воронцова была незаурядной женщиной и прекрасной певицей, передававшей своему сыну музыкальные способности и любовь к русской музыке (М. П. Алексеев, указ. соч., с. 733).

66. WHEN LOVE IS KIND
ЕСЛИ ЛЮБОВЬ...

may go.../To Jericho (фразеол.) — может идти к черту.

MISCELLANEOUS POEMS
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

TO... (SWEET LADY, LOOK NOT THUS...)
«О, НЕ ГЛЯДИ ТАК НА МЕНЯ!...»

Это и следующие четыре стихотворения были впервые опубликованы в кн.: *The Poetical Works of the Late Thomas Little, Esq.* (London, 1801). За сорок лет после первой публикации выдержали сорок восемь переизданий.

A REFLECTON AT SEA
ВОЛНА.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, филолог, педагог. До середины 1820-х гг. как издатель журнала «Сын отечества» был связан с передовыми декабристскими кругами, однако позднее перешел на реакционные позиции, за что резко критиковался Н. А. Добролюбовым.

AN EVENING GUN
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ, КАК МЫ С ТОБОЮ...

Это стихотворение принадлежит небольшому циклу в семь стихотворений «Несколько напевов» (*A Set of Glees*). Перевод М. Ю. Лермонтова, по всей вероятности, относится к 1830 г., однако напечатан он был лишь в 1842 г.

Другой переводчик этого стихотворения — Якубович Лукьян Андреевич (1805—1839), поэт. А. С. Пушкин печатал его стихотворения в журнале «Современник». При жизни поэта была издана единственная книга — «Стихотворения» (СПб., 1837).

TO-DAY, DEAREST! IS OURS
«ДЕНЬ ТЕКУЩИЙ — ДЕНЬ НАШ, ДОРОГАЯ!..»

Это и два следующих стихотворения помещаются в изданиях Т. Мура в разделе *Ballads, Songs, and Miscellaneous Poems*.

FABLES FOR THE HOLY ALLIANCE
СКАЗКИ О СВЯЩЕННОМ СОЮЗЕ

Цикл включает восемь сказок. Время написания — 1823 г. Издан под псевдонимом Томас Браун. «Сказкам» предпослано посвящение лорду Байрону: «Дорогой лорд Байрон! Хотя этот том в ваших глазах не будет представлять другой ценности, нежели как напоминание о коротком времени, проведенном нами вместе в Венеции, где и были написаны некоторые из включенных сюда пустячков, Вы, смею надеяться, не разгневаетесь на мое посвящение, кое должно убедить Вас, мой дорогой лорд, в вечной преданности

Вашего Т. Б.»

Однако посвящение поэту, чьи революционные симпатии ни для кого не были секретом, показалось Томасу Муру недостаточным, и он пишет к «Сказкам» предисловие не менее язвительное, чем сами «Сказки»: «Хотя сие было желанием членов Общества равнодушных, которые недавно оказали мне честь, избрав меня секретарем, чтобы я поставил свою подпись под предлагаемыми публике стихотворениями, я хочу с честностью, присущей всем членам Общества, заявить, что, за исключением малоприятного преимущества переписывать сию работу, у меня не более прав на подпись на титульном листе, чем у других джентльменов, внесших свой вклад в данное издание.

Первоначально я имел намерение, коли уж так сложилось, написать о рождении и принципах нашего Общества, назвать имена и описать характеры его членов и т. д., однако, поскольку в настоящее время я занят подготовкой к печати первого тома «Трудов Общества равнодушных», то предпочитаю сохранить для него все материалы о сем предмете и удовольствуюсь лишь тем, что назову нашу святая святых, Песню, которую вы отыщете в конце сего сочинения и которую исполняет первого числа каждого месяца самый старший член нашего Общества на мелодию «Нэнси Доусон» или «Он стащил кусок свинины» (насколько я могу судить, не будучи музыкантом).

Считаю так же необходимым довести до сведения тех критиков, которые имеют обыкновение нападать, ибо надеются на ответ, дабы таким образом быть всеми замеченными, что правилом нашего Общества является не отвечать, разве лишь тремя словами: “Non curat Hippocrides” (что по-английски означает «Что за дело до этого Гиппоклиду»), которые были произнесены две тысячи лет назад первым из равнодушных и являются главной заповедью нашего Общества».

Hippoclides — Гиппоклид, афинянин, сын Тисандра и один из женихов Агаристы, дочери Клисфена, тирана Сикионского. Понравившийся всем во время состязания, жених повел себя непристойно во время пира (плясал на столе вниз головой), отчего Клисфен ему сказал: «Проплясал ты свою свадьбу», — а Гиппоклид ему ответил: «Что за дело до этого Гиппоклиду» (Геродот. История в 9-ти книгах. М., Наука, 1972, кн. 6, с. 308—309).

«Сказки о Священном Союзе» были запрещены русской цензурой. Первые русские переводы (сокращенные) Сказки 7 и Сказки 2, сделанные Корнеем Ивановичем Чуковским (Николай Васильевич Корнейчуков, 1882—1969), русским советским писателем, переводчиком, литературоведом, появились, соответственно, в 1905 и 1917 годах, когда сама тема падения монархии звучала весьма актуально. Ниже приводим перевод К. И. Чуковского фрагмента Сказки 2 (*Fable 2. The Looking-Glasses*).

ЗЕРКАЛА

В каком-то царстве — а в каком
Кому какое дело! —

По праву царственным венцом
Семья красивейших владела.

А в чем должна быть красота,
Чтоб заслужить такое право,

В изгибе носа или рта, —
Об этом я не знаю, право.

Но было так из рода в род:
Прошли парламентские билли

И красотой наперед
Род королевский наделили,

А верноподданный народ
Навек уродом объявили.

Когда в народе кто-нибудь
Решался только намекнуть,

Что царь плешив, а у царицы
В Париже сделанная грудь, —

Тот умирал на дне темницы.
Но это редко: в царстве том

Народ царям был крепко верен
И в красоте их был уверен'

И в безобразии своем.

Хотите вы, чтоб я поведал
Причину этого? — Зеркал.

Никто в том царстве не видал
И потому себя не ведал.

Иной и видел у друзей

Красивей лица и умней,
 Да ни гу-гу! Кому охота
 Взлететь с петлею на ворота!
 Но время шло, и бурный вал
 Однажды к берегу пригнал
 Весьма таинственное судно,
 Доверху полное зеркал,
 Откуда — и придумать трудно.
 Теперь уже любой бедняк
 Не выйдет из дому никак
 Без зеркала. Народ толпится
 И только в зеркало глядится.
 Увы, напрасно царский двор
 Сулит им строгий приговор
 И зеркала, как наважденье,
 Велит разбить без промедленья.
 Чтоб эту грамоту издать, —
 Зачем изводит он бумагу:
 В тех зеркалах, забыв присягу,
 Народ себя стал узнавать.
 Чуть только герцог краснорожий
 Почету требовать начнет,
 Так кто-нибудь перед вельможей
 Безмолвно зеркало кладет.
 Пошла дивиться вся столица,
 Чуть поглядела в зеркала,
 Как эти мерзостные лица
 На троне вытерпеть могла!
 Штат лекарей царю представил
 Рецептов множество и правил
 Для исправления лица.
 Король читал их без конца,
 Лица же, бедный, не исправил.
 И вот однажды... Но, друзья,
 Здесь басня кончена моя.
 Значенье басни таково,
 Что нет, увы, ни у кого,
 От князя до каменотеса, —
 Ни права высшего, ни носа
 Священной носа моего.

FABLE 1. THE DISSOLUTION OF THE HOLY ALLIANCE
 СКАЗКА 1. КОНЕЦ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

the Holy Alliance — Священный союз, реакционный союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в Париже 26 сентября 1815 г.,

вскоре после вторичного отречения Наполеона I. В том же году к нему присоединились Франция и ряд других европейских государств. Целями Священного союза являлось обеспечение незыблемости решений Венского конгресса (1814—1815), подавление революционного и национально-освободительного движений в европейских странах. В конце 1820 — начале 1830-х гг. Священный союз фактически распался.

Methought (*уст.*)= I thought.

Ice Palace — Речь идет о ледяном дворце, построенном царицей Анной Иоанновной (1693—1740) в 1740 г.

Emperor Alexander — император Александр I (1777—1825), реакционные политические замыслы которого, по выражению А. С. Пушкина, «миру тихую неволю в дар несли».

Troppau, Laybach and Verona — Имеются в виду Троппауский конгресс Священного союза 1820 г., Лайбахский конгресс 1821 г. и Веронский (последний) конгресс Священного союза, состоявшийся в 1822 г., непосредственным результатом которого явилась французская интервенция в Испании в 1823 г. и подавление испанской революции.

Madame Krüdener — Варвара-Юлия Крюденер (1764—1825), баронесса, известная проповедница мистического суеверия. Считалось, что она была гадалкой при Александре I и вдохновительницей Священного союза.

The Tsar, half thro' a Polonaise — Речь идет о неосуществившихся намерениях Александра I дать Польше конституцию.

And Prussia.../was cursedly near tumbling — Вероятно, речь идет о несогласиях внутри германских государств.

Russia and Austria.../to an Italian air — Священный союз санкционировал вооруженную интервенцию и подавление революции в Неаполе (1820—1821) и Пьемонте (1821).

old Louis.../Called loudly out for a Fandango — Фанданго — испанский народный танец. Здесь намек на подавление Францией испанского революционного движения в 1823 г. **Old Louis** — Луи-Филипп (1773—1850), французский король в 1830—1848 гг.

a second Waterloo — намек на сражение около Ватерлоо 18 июня 1815 г., когда англо-голландские и прусские войска разгромили армию Наполеона I, что привело к вторичному отречению его от престола; в переносном смысле — провал, крах.

sauve qui peut! (*франц.*) — Спасайся, кто может!

fleurs-de-lys (*франц.*) — геральдическая лилия, эмблема французского королевского дома.

Legitimates — *зд.*: законные правители.

fondue= *fondue* (*франц.*) — кушание из яиц и плавленого сыра.

Twelfth-night cake — большой пирог с монетой под сахарной глазурью, подаваемый в канун крещения.

FABLE 3. THE TORCH OF LIBERTY

СКАЗКА 3. ФАКЕЛ СВОБОДЫ

ALBION first... — речь идет об английской буржуазной революции XVII в.

COLUMBIA — эд.: страна, открытая Колумбом. Речь идет о Войне за независимость в Северной Америке (1775—1783), освободительной войне тринадцати английских колоний, в ходе которой было создано независимое государство — США. Версальский мирный договор (1783) юридически закрепил признание Англией нового государства.

The splendid gift then GALLIA took — Речь идет о Великой французской революции 1789—1794 гг.

Bacchante — вакханка, жрица Вакха (Бахуса).

Next, SPAIN — Речь идет о революционном движении в Испании 1820—1823 гг.

Unworthy NAPLES — Речь идет о революционном движении в Неаполе. См. коммент. на с. 518

But GREECE — Священный союз занял резко враждебную позицию по отношению к начавшемуся в 1821 г. восстанию греческого народа против турецко-феодального ига. Для многих поэтов-романтиков Греция была родиной политической свободы.

FABLE 4. THE FLY AND THE BULLOCK

СКАЗКА 4. МУХА И БЫК

Caryatide= *caryatid* — кариатида, скульптурное изображение человеческой фигуры, которое служит опорой балки в здании.

misprision (*юр.*) — должностное преступление.

Sir ROBERT FILMER — Роберт Филмер (ум. в 1653 г.), английский политический деятель, писатель. Защищал божественное право короля.

SIDNEY — Алджернон Сидни (1622—1683), автор «Рассуждения о правительстве». Был обвинен в намерении убить короля и обезглавлен.

Faith-Defenders/.. pretenders — Вступление включает в себе антимонархический выпад, хотя Мур и делает вид, что речь идет не о правящей в Англии династии, а об изгнанных Стюартах. Ганноверская династия была у власти с 1714 по 1901 гг.

gratiâ Dei (*лат.*) — боже милостивый.

Astley — Филип Астли (1742—1814), знаменитый цирковой наездник и владелец цирка.

Anacharsis — Томас Мур, по всей видимости, имел в виду героя романа аббата Жан-Жака Бартеlemi (1716—1795) «Путешествие молодого Анахарсиса» (1779).

Memphis — Мемфис, древнеегипетский город. Некоторое время был столицей, крупнейшим художественным центром, колыбелью искусств в Древнем Египте.

LALLA ROOKH, AN ORIENTAL ROMANCE ЛАЛЛА РУК. ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Над этим поэтическим произведением, жанр которого, по всей видимости, следует определять как роман в стихах и прозе, Томас Мур работал с 1812 по 1817 г. Впервые это произведение Мура было издано в 1817 г. и с тех пор переиздавалось более ста раз. «Лалла Рук» включает четыре поэмы, обрамленные прозаическим рассказом о путешествии индийской принцессы Лалла Рук (Тюльпановая щечка) ко двору ее жениха.

На русском языке полное издание «Лалла Рук» существует лишь в прозаическом переводе. К сожалению, до сих пор нет полных поэтических переводов первой и третьей вставных поэм: *The Veiled Prophet of Khorassan* («Покровенный пророк Хорасана») и *The Fire-Worshippers* («Огнепоклонники»), хотя именно в них наиболее ярко проявляется авторское осмысление современных Муру политических событий через призму восточных событий прошлого.

PARADISE AND THE PERI ПЕРИ И АНГЕЛ

«Пери и Ангел» — вторая поэма «Лалла Рук», которая, благодаря переводу В. А. Жуковского, раньше других получила известность в России. Это философская поэма, позволяющая проследить связь мировоззрения поэта-романтика Томаса Мура с идейным наследием просветителей. Мур славит юношу, отдавшего жизнь за свободу родины, и девушку, чья любовь оказалась сильнее страха смерти, но, главное, он воскрешает к Добру закосневшего в пороках человека, что происходит под влиянием ребенка, который чист и безгрешен, ибо на него еще не оказала разрушающего воздействия окружающая жизнь. В. А. Жуковский трактовал поэму в более идеалистическом, христианском ключе, однако это не помешало его переводу стать одним из самых популярных стихотворных сочинений в России первой половины XIX столетия, явлением русской литературы, значение которого трудно переоценить.

The Peri (перс. миф.) — пери, в древних верованиях волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины, охраняющее людей от злых духов. За любовь к смертному пери была наказана изгнанием из рая.

the lake of cool CASHMERE... — В пояснение к этой и следующим строкам Мур пишет, что озеро, о котором здесь упоминается,

имеет множество островков; в частности, один из них известен растущими на нем платанами.

SING-SU-HAY — область в Тибете, где озера содержат в песке много золота.

the blue flower — голубая магнолия. Считалось, что она растет только в раю.

starry brands — звездные головешки — сгоревшие звезды, которыми добрые ангелы якобы отгоняли злых, когда они слишком близко подлетали к раю.

CHILMINAR — Сорок Колонн, название, данное персами развалинам в Персеполе. По преданию, этот дворец и дворец в Баалбеке строили духи, чтобы спрятать там несметные сокровища, которые так и остались найденными.

the Isles of Perfume — легендарные затонувшие острова Панчайа, на одном из которых была башня Юпитера.

King JAMSHID — Джемшид, мифический древнеиранский царь, получивший богатство и власть благодаря волшебному кольцу, которое имело силу только на его руке.

pillared shades — Имеется в виду баньян, род фикусов. В примечании к этой строке Мур ссылается на следующие строки Джона Мильтона (Milton, 1608-1674):

...in the ground

The bended twigs take root and daughters grow

About the mother-tree, a pillared-shade,

High over-arched and echoing walks between.

He of GAZNA — Махмуд из Газны покорил Индию в XI в.

AFRIC'S lunar Mountains — По преданию, здесь начинается свое течение Нил.

Giant — Имеется в виду Нил.

ROSETTA'S vale — долина в Древнем Египте.

Sultana — эд.: красивая птица с голубым гребешком, розовым клювом и лапками, которая за свою красоту и осанку получила название султаны.

lonely bird — птица-феникс. По преданию, прожив тысячу лет, птица-феникс строит себе погребальный костер, который разжигает, хлопая крыльями. Перед смертью она поет необычайно красивую песню.

SYRIA'S land of roses... — По преданию, название этой страны произошло от слова "suri" (роза).

that great Temple — Имеется в виду башня Солнца в Баалбеке.

SOLOMON — См. коммент. на с. 523 к поэме «Свет гарема».

damsel-fly (энт.) — красотка, название бабочки.

EBLIS — Эвлис, одно из имен Люцифера.

SHADUKIAM — Страна удовольствия, название провинции в стране духов, или джиннов (Jinnistan).

AMBERABAD — один из городов в стране джиннов.

Tooba Tree — древо вечного счастья, которое якобы растет на седьмом небе, по правую руку от трона Магомета.

lote-tree springing — заросли лотоса, скрывающие трон Аллаха.

THE LIGHT OF THE HARAM
СВЕТ ГАРЕМА

«Свет гарема» — четвертая вставная поэма из «Лалла Рук». Впервые на русском языке увидела свет в анонимном прозаическом переводе в 1827 г. Поэма «Свет гарема» — апофеоз красоты, а для поэтов-романтиков красота и истина суть единое понятие. В песне Нурмахал дух музыки (искусство) открывает ту истинную красоту, которая возвращает Нурмахал потерянную было ею любовь Селима. «Прекрасное существует, — писал В. А. Жуковский, — но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказаться, оживить нас, возвысить нашу душу...» (В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4-х тт., т. I, с. 461).

Перевод отрывка поэмы, сделанный русским писателем И. А. Буниным (1870—1953), — юношеская работа будущего переводчика Мицкевича, Байрона, Лонгфелло, к тому же в данном случае пользовавшегося, скорее всего, не оригинальным текстом, а переводом на французский язык.

sweet bells — Индийская танцовщица надевала пояс из колокольчиков, сопровождавших ее танец прелестной музыкой.

Chenar — чинара.

aspen-trees — На маленьких островках Кашмирского озера росли сосны.

the mountainous portal — Как пишет Мур, с одной из сторон к озеру ведут естественные горные ворота.

Feast of Roses — праздник, продолжавшийся все время цветения роз.

BELA'S hills — Как пишет Мур, ссылаясь на сочинения путешественников, здесь в изобилии цвел шафран.

The minaret-crier's — Мур ссылается на обычай, согласно которому женщины нанимали муэдзина петь на галерее ближайшего минарета, которая по этому поводу бывала освещена. В перерывах женщины отвечали ему из дома музыкой и веселым пением.

KATHAY — Китай.

answer in song — В древности было замечено, что волны, ударяясь в некоторые камни, лежащие на берегу, издают необычайно красивые звуки.

Son of ACBAR — Имеется в виду Селим, падишах Северной Индии (1600—1627). В его царствование началось проникновение англичан в Индию. Тронное имя Селима — Джехангир, то есть за-

воеватель мира (*перс.*). Акбар, отец Селима — Акбар Джелаль-ад-дин (1542—1605) — правитель Могольской империи в Индии с 1556 г. Акбар был выдающимся государственным деятелем, смелым военачальником.

Nurmahal (*перс.*) — свет гарема.

from their cages — По преданию, дивы и пери враждовали между собой, и когда побеждали дивы, они запирали пери в железные клетки, которые вешали на самые высокие деревья.

flowers of this planet — На малайском языке женщина и цветок называются одинаково.

SOLIMAN — Соломон, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), которое при нем достигло расцвета. В средневековой восточной литературе Соломон описывается как мудрец, повелитель духов и т. д.

OPHIR — Офир, упоминаемый в Библии богатый золотом город, куда царь Соломон снаряжал корабли за золотом и слоновой костью.

bird — Имеется в виду певчий щегол, живущий в районе Тонкинского пролива. У него очень красивое оперение, но когда он летит, его красота совершенно незаметна.

bird of Thrace — птица, не знающая отдыха.

The great Mantra — великое заклинание.

Siltim — джинн в образе человека.

Seas of Gold (Hemasagara) — цветы ярко-желтого цвета.

CAMADEVA (Cama) — Кама, бог любви в брахманизме и индуизме; изображается в виде прекрасного юноши с луком и стрелами.

ZAMARA — древнее название одной из областей Суматры, где, согласно примечанию Мура, жители наслаждались праздной жизнью, украшая себя гирляндами цветов и развлекаясь игрой на музыкальных инструментах.

Amrita tree (*инд. миф.*) — по легенде, божественное дерево, растущее в Тибете и дающее неземного вкуса плоды; пища богов.

To scent the desert — По преданию, в Великой Пустыне было много лаванды и розмарина.

AZAB — страна, где добывалась мирра, ароматическая смола, применявшаяся для ароматических курений и как пряность.

Red-Sea shells — В эллинистическую эпоху у греков сложилось представление, что некоторые божества жили в раковинах на берегу Красного моря.

CHINDARA — легендарный фонтан, внутри которого постоянно звучала музыка.

As a bird — Имеется в виду голубь, якобы разносящий по земле семена кинамона.

are again withdrawn — У персов было поверье, что первая заря ложная и только вторая настоящая, так как солнечные лучи, по-

являясь со стороны Кавказа, сначала попадали в горный туннель, отчего на земле опять на некоторое время воцарялась ночь.

Shalimar — великолепный сад возле озера в Кашмире.

drink beams / Of beauty — По преданию, водам Кашмирского озера местные жители обязаны своей красотой.

the gold Meads of CANDAHAR — Имеется в виду волшебная страна, где золото растет, как овощи.

a mask — Арабские женщины носили черные маски с узкими прорезями для глаз, украшенные затейливой отделкой.

that isle — Согласно легенде, остров Маурига-Сима затонул из-за прегрешений его жителей.

KUBLAI-KHAN — Хан Кубла, или Хубилай (1215 — 1294), основатель монгольской династии в Китае, внук Чингисхана (ок. 1155—1227). По преданию, был готов заплатить правителю Цейлона за рубин столько, сколько стоил целый город, однако тот не захотел продавать необыкновенный камень ни за какие сокровища (Мур заимствовал рассказ о рубине из «Путешествий» Марко Поло).

As bards have seen him — Купидона, как гласит легенда, впервые увидели плывущим по Гангу.

syrinda — индийская гитада.

ISRAFIL — Исафил, ангел музыки в исламе.

the lapwing — Чибис, по преданию, обладает способностью ходить под землей воду.

Л. И. Володарская

БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОМАСА МУРА

Материал расположен в хронологическом порядке. Стихотворения, к которым не удалось найти оригинала, а также стихотворения, впервые опубликованные в настоящем издании, в библиографии не учитываются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Вестн. ин. лит — Вестник иностранной литературы.
2. Дерево Свободы — Дерево Свободы. Стихи. Перевод Игн. Ивановского. Послесловие Н. Дьяконовой. Л., Дет. лит., 1976. — 160 с.
3. За двадцать лет — В. С. Л и х а ч е в. За двадцать лет (1869—1888). Сочинения и переводы. СПб., тип. И. Н. Скороходова, 1889. — VIII, 678 с.
4. Зарубежная лит. XIX века. Романтизм. — Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Хрестоматия. Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., Просвещение, 1976. — 512 с.
5. Избр. — Т. М у р. Избранное. М., Худож. лит., 1981. — 351 с.
6. НА на 1829 год — Невский альманах на 1829 год. Изданный Е. Аладьиным. Часть V. СПб., в тип. Департ. нар. просвещения, 1828. — 412 с.
7. ОЗ — Отечественные записки.
8. Под знаменем науки — Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженко. Изданный его учениками и почитателями. М., тип. А. В. Васильева и К^о, 1902. — XXXV, 740, III с.
9. Полутени — А. К у р с и н с к и й. Полутени. Лирические стихотворения за 1894 и 1895 гг. М., печатня А. И. Снегиревой, 1896. — (62 с.)
10. Поэзия англ. романтизма — Поэзия английского романтизма. М., Худож. лит., 1975. — 670 с. (Б-ка всемирной литературы.)
11. Стихотворения Естеллы — (Е. Г. С т е п а н о в а.) Стихотворения Естеллы. Лейпциг, Hermann Fries, 1864. — 56 с.
12. Стихотворения Козлова — Стихотворения Ивана Козлова. СПб., в тип. Департ. нар. просвещения, 1828. — 144 с.
13. СО — Сын Отечества.
14. Стихотворения Романовича — В. И. Л ю б и ч - Р о м а н о в и ч. Стихотворения Василия Романовича. СПб., тип. вдовы Плюшар, 1832. — 173 с.

15. СЦ на 1829 год — Северные цветы на 1829 год. СПб., тип. Департ. нар. просвещения, 1828. — VI, 256, 207 с.
16. Томас Мур — Томас Мур (1779—1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений. М., тип. Общества распространения полезных книг, арендованная В. Кудиновым, 1901. — 48 с.

JUVENILE POEMS

- 1.1*. Fragments of College Exercises. 1. Отрывок из школьного сочинения. Пер. А. Ревича. — Избр., с. 23—24.
- 2.5. То... ("Remember him thou leav'st behind..."). 1. К... («Не надо слов: все так понятно»). Пер. А. Ибрагимова. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 297—298.
- 3.7. Song: Have you not seen the timid tear. 1. Песня. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 25.
- 4.13. То... ("When I lov'd you, I can't but allow..."). 1. «Ты помнишь, как сильно любил я тебя...» Пер. В. Лихачева. — В кн.: Женщина в песнях европейских поэтов. М., изд. П. Н. Яковлева, 1904, с. 12. 2. К... («Как любил я тебя и — поверь...»). Пер. А. Ревича. — Избр., с. 25—26.
- 5.19. То... ("Sweet lady, look not thus again..."). 1. «О, не гляди так на меня! Твой жгучий взгляд...» Пер. Ю. Doppельмайер. — В кн.: Складчина. Литературный сборник. СПб., тип. А. Котомина, 1874, с. 400.
- 6.22. A Reflection at Sea. 1. Волна. Пер. Г-ча (Н. И. Греча?). — Нива, 1877, № 9, с. 149. 2. Волна. Пер. П. Быкова. Вестн. ин. лит., 1900, № 8 (август), с. 142. 3. Отражение в море. Пер. А. Голембы. — В кн.: Поэзия англ. романтизма, с. 297.
- 7.23. Cloris and Fanny. 1. Если б! Пер. анон. — «Будильник», 1878, № 11, с. 154.
- 8.25. To Julia Weeping. 1. «Коль слезы горести струят твои глаза...» Пер. В. Олина. Впервые: Полярная звезда. Карманная книжка на 1824-й год. Изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб., в Воен. тип. Главн. штаба, 1824, с. 316. 2. К плачущей Юлии. Пер. Н. Колачевского. — ОЗ, 1841, т. 19, № 12, отд. 3, с. 309. 3. «Когда ты рыдаешь, страдая...» Пер. Д. Минаева. — Впервые: ОЗ, 1875, № 3, с. 263. 4. Слезы. Пер. П. О-на (?). — Нива, 1879, № 41, с. 802. 5. «Когда ты, полная страданья иль испуга...» Пер. И. Кондратьева. — Мирской толк, 1881, № 39 (4 октября), с. 461.

* Нумерация дается по каждому циклу отдельно: первая цифра указывает на порядковый номер в библиографии, вторая — порядок следования в цикле.

- 9.43. The Tear. 1. Слеза. Пер. В. Олина. — В кн.: О л и н В. Стран-
ный бал, повесть из Рассказов на станции и восемь стихотворе-
ний. СПб., в тип. III Отд. Е. И. Канцелярии, 1838, с. 83—84.
2. Слеза. Пер. В. Н-кова (?). — Лит. газета, 1840, № 93 (20 но-
ября), стлб. 2119.
- 10.44. The Snake. 1. Змея. Пер. А. Ревича. — Избр., с. 26.
- 11.47. Love and Marriage. 1. Любовь и женитьба. Пер. С. Таска. —
Избр., с. 27.
- 12.51. The Wonder. 1. Фантазия. Пер. В. Н. Олина. — В кн.: Кар-
манная книжка для любителей русской старины и словесно-
сти на 1830 год. СПб., в тип. Х. Гинца, 1830, с. 35—36. 2. Чу-
до. Пер. С. К. (К. К. Случевского?). — Шут, 1880, № 26, с. 3.
- 13.52. Lying. 1. Любовь и ложь. Пер. А. Голембы. — Поэзия англ.
романтизма, с. 318—319. 2. Лжец. Пер. А. Ревича. — Избр.,
с. 27—28.
- 14.56. Rondeau: Good Night. 1. Рондо. Пер. Г. Симановича. — Избр.,
с. 28—29.
- 15.65. Fanny, Dearest. 1. Дражайшей Фанни. Пер. Мих. Донского. —
Избр., с. 29.
- 16.68. The Ring. 1. Кольцо. Пер. Ю. Петрова. — Избр., с. 30—36.
- 17.80. A Night Thought. 1. Ночные думы. Пер. А. Голембы. — Поэ-
зия англ. романтизма, с. 297.
- 18.86. Nonsense. 1. Бессмыслица. Пер. Н. Булгаковой. — Избр., с. 37.
- 19.88. On a Squinting Poetess. 1. На косоглазую поэтессу (эпиграм-
ма). Пер. С. Я. Маршака. — В кн.: М а р ш а к С. Я. Избран-
ные переводы. М., Худож. лит., 1978, с. 415.
- 20.102. The Grecian Girl's Dream of the Blessed Islands. 1. Сон гре-
ческой девушки о благословенных островах. Пер. З. Мороз-
киной. — Избр., с. 37—39.
- 21.104. The Wreath and the Chain. 1. Венок и цепочка. Пер. Г. Круж-
кова. — Избр., с. 39—40.
- 22.109. The Fall of Hebe. 1. Падение Гебы. Пер. Р. Дубровкина. —
Избр., с. 41—45.
- 23.110. Rings and Seals. 1. Кольца и печати. Пер. А. Шарповой. —
Избр., с. 45—46.
- 24.115. Woman. 1. Женщина. Пер. Г. Усовой. — Избр., с. 46.

POEMS RELATING TO AMERICA

- 1.2. Stanzas: A Beam of Tranquillity. 1. Стансы. Пер. Мих. Донско-
го. — Избр., с. 47—48.
- 2.4. To Miss Moore, from Norfolk, in Virginia. 1. К мисс Мур. Пер.
Э. Шустера. — Избр., с. 48—51.
- 3.5. A Ballad: The Lake of the Dismal Swamp. 1. Озеро мертвой невест-
ты. Баллада. Пер. И. И. Козлова. — Впервые в кн.: Собрание

- стихотворений Ивана Козлова. СПб., 1833, часть 2, с. 280—282.
2. Баллада. Озеро Унылой Топпи. Пер. З. Морозкиной. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 299—300.
- 4.8. Lines, Written in a Storm at Sea. 1. Стихи, написанные на море во время шторма. Пер. Э. Шапиро. — Избр., с. 53—54.
- 5.9. Odes to Nea, Written at Bermuda: Nay, Tempt Me not to Love again. 1. К Неа. Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 54—55.
- 6.10. I Pray you, Let us Roam по море. 1. «Молю тебя, не приходи...» Пер. Р. Дубровкина. — Избр., с. 56—57.
- 7.14. If I were Yonder Wave. 1. «Будь ты землей среди зыбей...» Пер. З. Морозкиной. — Поэзия англ. романтизма, с. 300—301.
- 8.15. The Snow Spirit. 1. Дух снега. Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 301—302.
- 9.18. There 's Not a Look, a Word of Thine. 1. «Воспоминания хранят...» Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 57.
- 10.20. The Steersman's Song, Written aboard the *Boston Frigate*. 1. Песня штурманского. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 57—58.
- 11.21. To the Lord Viscount Forbs, from the City of Washington. 1. Послание лорду виконту Форбсу из Вашингтона. Пер. Мих. Донского. — Избр., с. 58—63.
- 12.22. To Thomas Hume, Esq., M. D., from the City of Washington. 1. Послание из Вашингтона Томасу Хьюму, эсквайру. Пер. Г. Русакова. — Избр., с. 63—65.
- 13.28. Ballad Stanzas. 1. Балладные строфы. Пер. О. Волгиной. — Избр., с. 65—66.
- 14.32. Written on Passing Deadman's Island. 1. Написано во время прохождения мимо острова Дедмен в заливе Святого Лаврентия. Пер. Г. Русакова. — Избр., с. 66—67.
- 15.33. To the *Boston Frigate*, on Leaving Halifax for England. 1. Фрегату «Бостон», при отплытии из Галифакса в Англию. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 67—68.

SATIRICAL AND HUMOROUS POEMS

- 1.8. Epigram: Dialogue between a Catholic Delegate and H.R.H. the Duke of C-b-l-d. 1. Диалог католика и герцога Кумберлендского. Пер. В. Васильева. — Избр., с. 199.
- 2.15. Occasional Address for the Opening of the New Theatre of St. St-ph-n. 1. Приветственная речь по случаю открытия нового театра св. Стефана... Пер. С. Таска. — Избр., с. 188—189.
- 3.17. Little Man and Little Soul, a Ballad. 1. Оратор с двумя голосами. Пер. А. Шмульяна. — Костер, 1939, № 7—8, с. 59. 2. Человечек и душонка. Пер. Р. Дубровкина. — Избр., с. 190—191.
- 4.21. Impromptu upon being Obligated to Leave a Pleasant Party. На мой вынужденный отказ присутствовать на званом обеде. Пер. В. Васильева. — Избр., с. 200.

- 5.2. Lord Wellington and the Ministers. 1. Лорд Веллингтон и министры. Пер. В. Васильева. — Избр., с. 199.

IRISH MELODIES*

- 1.1. Go Where Glory Waits Thee. 1. Вспомни обо мне! Пер. А. Шмульяна. — Звезда, 1940, № 1, с. 139. 2. Шествуй к славе бранной. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 303—304.
- 2.2. War Song: Remember the Glories of Brien... 1. Военная песнь. Отважного Брайена славу воспой! Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 304.
- 3.3. Erin! The Tear and the Smile in Thine Eyes. 1. Эрин. Пер. Д. Ознобишина. — СО; 1827, ч. 113, № 9, с. 93. 2. Эрин! В слезах улыбаешься ты. Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 305.
- 4.4. Oh! Breathe Not His Name. 1. «Умолчим его имя: пусть там оно спит...» Пер. М. Вронченко. — НА на 1829 год, с. 255. 2. «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье...» Пер. Д. П. Ознобишина. — Зимцерла, альманах на 1829 год. М., в тип. С. Селивановского, 1829, с. 68. 3. Не называйте его! Пер. А. Н. Плещеева. — Впервые в: ОЗ, 1875, № 6, с. 367. 4. «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!» Пер. Ф. Червинского. — Впервые: Вестник Европы, 1887, кн. 6, с. 752. 5. Эпитафия. Пер. В. С. Лихачева. — Труд. Вестн. лит. и науки, 1893, № 9, с. 585—586. 6. «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна...» Пер. Л. Уманца. — Русская мысль, 1900, кн. 11 (ноябрь), с. 115. 7. Эпитафия неизвестным. Пер. анон. — В кн.: Томас Мур, с. 43. 8. О, не шепчи его имя. Пер. М. Алигер. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 305. 9. Ты имя его не тревожь. Пер. Г. Усовой. — Памир, 1979, № 5, с. 79.
- 5.5. When He, Who Adores Thee. 1. «Когда одни воспоминанья...» Вольный пер. М. Ю. Лермонтова. — Вошел в драму «Станный человек» (1831). Впервые: Русский вестник, 1857, т. 9, июнь, кн. 1, № 11, с. 331—332. 2. «Когда твой верный друг, когда поклонник твой...» Пер. И. П. Крешева. — Пантеон, 1852, т. 2, № 4 (апрель), с. 5. 3. «Когда твой боец, за тебя умирая...» Пер. А. Д. Баратынской. — В кн.: А. Д. Баратынская. Переводы немецких, английских и французских стихотворений. Баден-Баден, 1876—1877, с. 42—43. 4. «Коль умрет, кто любил, но не мог ничего...» Пер. Л. Уманца. — Русская мысль, 1900, кн. 11 (ноябрь), с. 115. 5. «Тебя возлюбивший — покинул

* В настоящей библиографии опущены переводы, вошедшие в Избр., где цикл «Ирландские мелодии» переведен полностью.

- тебя...» Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 305—306.
- 6.6. The Harp That Once through Tara's Halls. 1. Арфа Тары. Пер. Е. Г. Степановой. — В кн.: Стихотворения Естеллы, с. 28—29. 2. Мелодия. Пер. А. Б. (А. Д. Абамелек-Баратынской). — Впервые: Вестник Европы, 1874, кн. 2, с. 351; с изменениями: А. Д. Б а р а т ы н с к а я. Переводы немецких, английских и французских стихотворений. Баден-Баден, 1876—7. 3. Арфа Тары. Пер. Н. Миронова. (И. О. Силантьева) — Русское дело, 1886, № 2 (3 мая), с. 11. 4. Молчит просторный тронный зал. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 307—308.
- 7.7. Fly Not Yet. 1. «Не убегай! еще побудь...» Пер. В. И. Любич-Романовича. — В кн.: Стихотворения Романовича, с. 57—59.
- 8.9. Tho' the Last Glimpse of Erin with Sorrow I See. 1. Хоть в слезах я глядела на Эрин вдали. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 308.
- 9.10. Rich and Rare were the Gems she Wore. 1. Баллада («Через целую страну прошла без опасенья...»). Пер. анон. — В кн.: Томас Мур, с. 42. 2. Баллада («Камнями дивными она, как день, блистала...»). Пер. В. Лихачева. — Литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива», 1909, № 3 (март), с. 402.
- 10.11. As a Beam O'er the Face of the Waters may Glow. 1. «Луч ясный играет на светлых водах...» Пер. И. И. Козлова. — Впервые: СЦ на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. Изданы Иваном Слениным. СПб., тип. Департ. нар. просвещения, 1825, с. 318. 2. «Может в зеркале вод отражаться луна...» Пер. М. Вронченко. — Впервые: СЦ на 1829 год, с. 13 по первой пагинации. 3. «Как солнца луч, над водами сверкает...» Пер. Е. Г. Степановой. — В кн.: Стихотворения Естеллы, с. 39. 4. «Как солнце золотит поверхность тихих вод...» Пер. А. Н. Плещеева. — Впервые: Северный вестник, 1888, № 2 (февраль), с. 50.
- 11.12. The Meeting of the Waters 1. Слияние вод. Пер. с польск. Д. Минаева. — Первоначально в кн.: А. Мицкевич. Сочинения в 5-ти томах, т. 1. СПб. — М., изд. М. О. Вольф, 1882, с. 253. 2. Овокская долина. Пер. В. А. (А. И. Введенского). — В кн.: Томас Мур, с. 44.
- 12.13. How Dear to Me the Hour. 1. «Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня...» Пер. М. Вронченко. — Впервые: СЦ на 1829 год, с. 12 по первой пагинации. 2. «Как сладок час, когда бледнея...» Пер. В. И. Любич-Романовича. — В кн.: Стихотворения Романовича, с. 55—56. 3. Сумерки. Пер. В. С. Лихачева. — Труд. Вестн. лит. и науки, 1893, т. 19, № 9,

- с. 585. 4. «В вечерний час слабеет светоч дня...» Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 47). 5. «Люблю я час, как гаснет свет лучей...» Пер. Д. Мина. — Новое время (Иллюстр. приложение), 1900, № 8838, 4-го (17-го) октября, с. 5. 6. Сумерки. Пер. В. А. Гиляровского (?). — В статье В. Чиликина «Гиляровский — переводчик Томаса Мура». — Дружба народов, 1966, № 5. с. 236—237. (Полное совпадение с переводом В. С. Лихачева, см. 3.) 7. Как дорог мне... Пер. А. Ибрагимова. — Поэзия англ. романтизма, с. 306. 8. Закат на море. Пер. Б. Колесникова. — В кн.: Зарубежная лит. XIX века. Романтизм, с. 190.
- 13.19. Let Erin Remember the Days of Old. 1. Если б Эрин к былому душою приник. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 306—307.
- 14.24. Erin, oh Erin. 1. «Луч лампы давно, с незапамятных лет...» Пер. Л. Уманца. — В кн.: Под знаменем науки, с. 479. 2. Эрин, о Эрин! Пер. А. Покидова. — «Литературная Россия», 1973. № 3, 19 янв., с. 21. 3. Эрин, о Эрин! Пер. М. Алигер. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 307.
- 15.26. Oh! Blame Not the Bard. 1. Оправдание певца («Не коритс певца, что под сенью листвы...»). Пер. В. Лихачева. — Впервые: Русская мысль, 1886, кн. II, с. 87—88. 2. Свободного барда презреньем не мучай. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 308—309.
- 16.29. Before the Battle. 1. Перед битвой. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 309—310. 2. Перед битвой. Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: Дерево Свободы, с. 101—102.
- 17.30. After the Battle. 1. После битвы. Пер. Е. Г. Степановой. — В кн.: Стихотворения Естеллы, с. 26—27. 2. После битвы. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 310.
- 18.33. On Music. 1. (Музыка). Прозаич. пер. Н. В. Басаргина. — В кн.: Записки Н. В. Басаргина. Пг., Огни, 1917, с. 69—70 в сноске.
- 19.35. The Origin of the Harp. 1. Рождение арфы. Пер. Д. П. Ознобишина. — Галатея, журнал наук, искусств, литературы, новостей и мод. Часть первая, № 2. М., в тип. Н. Степанова, 1839, с. 105—106. 2. Происхождение арфы. Пер. Е. Шаховой. — Современник, 1844, т. 34, № 4, с. 77—78. 3. Рождение арфы. Пер. И. Крешева. — Впервые: СО, 1852, кн. 4, отд. 3, с. 116. 4. Сирена. Пер. Д. Минаева. — ОЗ, 1870, № 7, отд. 4, с. 127—128. 5. Рождение арфы. Пер. Л. Л. Кобылинского. — В кн.: Эллис. Иммортели. М., тип. Арнольдо-Третьяковск. училища глухонемых, 1904, с. 137. 6. Происхождение арфы. Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 310—311.

- 20.36. Love's Young Dream. 1. Сон юной любви. Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 52—53).
- 21.38. Weep on, Weep on. 1. Восплачьте, цепи душат вас... Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 311—312.
- 22.42. She is Far from the Land. 1. «Далёко от долов родимого края...» Пер. А. Д. Баратынской. — В кн.: А. Д. Б а р а т ы н с к а я. Переводы немецких, английских и французских стихотворений. Баден-Баден, 1876—1877, с. 44. 2. «Далеко от нее дорогая страна...» Пер. Ф. Червинского. — Литературно-научный журнал (Приложение к газете «Еженедельное обозрение»), 1886, вып. 21, с. 202. 3. «В далекой стороне почил ее герой...» Пер. В. С. Лихачева. — В кн.: В. С. Л и х а ч е в. За двадцать лет, с. 65. 4. «На чужбине томится она...» Пер. Н. Новича (Н. Н. Бахтина). — Петербургская жизнь, 1897, № 239 (1 июня), с. 2007. 5. Спит избранник ее где-то в дальней земле... Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 312. 6. «Вдалеке от страны, где почил ее друг...» Пер. О. Овчаренко. — В кн.: Зарубежная лит. XIX века. Романтизм, с. 189—190. 7. О нем на чужбине горюет она. Пер. Г. Усовой. — Памир, 1979, № 5, с. 79. 8. Далека сторона... Пер. Ю. Д. Левина. — Впервые в кн.: Английская поэзия в русских переводах (XIV—XIX века). М., Прогресс, 1981, с. 311—313.
- 23.47. This Life is All Checkered with Pleasures and Woes. 1. Правда на небесах. Пер. В. С. Лихачева. — Труд. Вестник лит. и науки, 1893, т. 19, № 9, с. 586.
- 24.49. At the Mid Hour of Night. 1. Полночный час. Пер. В. Н. Олина. — Литературные листки, 1823, № 5, с. 61. 2. «Когда пробьет печальный час...» Пер. И. И. Козлова. — Впервые в кн.: Стихотворения Козлова, с. 134—136. 3. В полночь я полечу... Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 312.
- 25.51. 'Tis the Last Rose of Summer. 1. Увядающая роза. Прозаич. пер. М. Васильевой. — Дамский журнал, 1823, ч. 4, № 21, с. 102—103. 2. Последняя роза («Последняя роза цветет одиноко...»). Пер. И. П. Крешева. — Впервые: СО, 1842, № 9, отд. 3, с. 6. 3. «Последняя летняя роза...» Пер. анон. — Задушевное слово. Журнал для старшего возраста, 1885, т. 10, № 9, с. 200. 4. Последняя роза («Роза последняя грустно качается...»). Пер. А. М-нова (?). — Вестник Европы, 1893, т. 6, кн. 12, с. 792. 5. Последняя роза («Цветет одиноко Последняя Роза...»). Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 56—57). 6. Последняя роза («Прощался с летом я, и роза предо мною...»). Пер. В. А. (А. И. Введенского). — В кн.: Томас Мур, с. 41. 7. Последняя роза лета. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 313.

- 26.52. *The Young May Moon*. 1. Светляк мигнул ночной порой... Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 313—314. 2. Молодая луна. Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: *Дерево Свободы*, с. 108.
- 27.53. *The Minstrel-Boy*. 1. Молодой певец. Пер. И. И. Козлова. — Впервые: *Новости литературы*, 1823, кн. 6, № 43, с. 61. (В многочисленных перепечатках есть текстовые расхождения.) 2. Юноша-певец. Пер. Д. П. Ознобишина. — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1832, № 104 (28 декабря), с. 831. 3. Сын менестреля. Пер. А. Н. Плещеева. — Одновременно: *Пчела*, 1875, № 37 (28 сентября), с. 444; *Отечественные записки*, 1875, т. 220 (3), с. 367—368. 4. «Певец молодой стремится в сечь...» Пер. Л. И. Уманца. — В кн.: *Под знаменем науки*, с. 480. 5. Молодой менестрель. Пер. Вл. Лихачева. — *Солнце России*, 1910, № 26, с. 4. 6. Юный менестрель («На битву мчится менестрель...»). Пер. А. Голембы. — В кн.: *Поэзия англ. романтизма*, с. 314. 7. Юный певец. Пер. О. Овчаренко. — В кн.: *Зарубежная лит. XIX века. Романтизм*, с. 191. 8. Мальчик-певец. Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: *Дерево Свободы*, с. 105.
- 28.55. *Oh! had We Some Bright Little Isle of Our Own*. 1. Греза. Пер. В. С. Лихачева. — *Север*, 1895, № 10 (5 марта), с. 475.
- 29.56. *Farewell! — but Whenever You Welcome the Hour*. 1. Пускай рок гибельный разит! Пер. В. И. Любич-Романовича. — В кн.: *Стихотворения Романовича*, с. 56—57.
- 30.57. *Oh! Doubt Me Not*. 1. «Не вернется юность вновь...» Пер. А. Курсинского. — В кн.: *Полутени*, (с. 50—51).
- 31.60. *Some o'er the sea*. 1. «Когда блестит светило дня...» Пер. А. Редкина. — Впервые: *СО*, 1828, ч. 117, № 1, с. 87—88. 2. «Дитя! Пойдем со мною в море...» Пер. Ф. Червинского. — *Живописное обозрение*, 1886, № 30 (27 июля), с. 50. 3. «Бежим за моря...» Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: *Дерево Свободы*, с. 106—107.
- 32.61. *Has Sorrow Thy Young Days Shaded*. 1. «Приди, я заплачу с тобой». Пер. К. Павловой. — Впервые: *Москвитянин*, 1847, ч. 5, № 9, с. 8—9. 2. «Если черная туча невзгоды...» Пер. М. Трубецкой. — Впервые: *Вестн. ин. лит.*, 1908, № 5—6, с. 572.
- 33.67. *Come, Rest in This Bosom*. 1. «Отдохни у меня на груди, пораженная лань...» Пер. А. Горковенко. — *Пантеон*, 1852, т. 2, № 4, отд. 2, с. 6—7. 2. «Ко мне, ко мне на грудь, подстреленная лань!» Пер. В. С. Лихачева. — В кн.: *За двадцать лет*, с. 65—66. 3. «Подойди, отдохни здесь со мною, мой израненный, бедный олень». Пер. К. Д. Бальмонта. — В кн.: *Собрание сочинений Эдгара По в переводе с английского К. Д. Бальмонта*, т. II. М., Скорпион, 1906, с. 156. 4. Покину-

- та всеми. Пер. А. Ибрагимова. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 314—315.
- 34.69. I Saw from the Beach. 1. «Я видел, поутру, в стремлении игривом...» Пер. И. П. Крешева. — Пантеон, 1852, т. 2, № 4, отд. 2, с. 6. 2. «Я видел, как розовым утром качался...» Пер. А. Н. Плещеева. — Впервые: Северный вестник, 1885, № 1 (сентябрь), отд. 1, с. 95. 3. «Я видел с берега, как утро просыпалось...» Пер. Л. Лебедевой. — В кн.: Лидия Лебедева. Лирика. СПб., тип. П. П. Сойкина, 1911, с. 167.
- 35.71. Dear Harp of My Country. 1. Во тьме я обрел тебя, арфа Отчизны. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 315—316.
- 36.73. In the Morning of Life. 1. Пора любви. Пер. А. Бородина. — СО, 1848, № 9, отд. 3, с. 1—2.
- 37.76. Remember Thee. 1. «Тебя ли не помнить? Пока я дышу...» Прозаич. пер. А. И. Одоевского (датирован 1827—1828 г.). — В кн.: А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотвор. и писем. М., Academia, 1934, с. 137. 2. К Ирландии. Пер. Ю. Doppельмайер. — Впервые: ОЗ, 1871, № 12, с. 336. 3. «Забыть тебя нельзя! Пока хоть искру жизни...» Пер. В. С. Лихачева. — Впервые: Русская мысль, 1888, кн. 3, с. 34 (в кн.: За двадцать лет под заголовком «Память отчизны», с. 64). 4. Не забуду тебя. Пер. А. Ибрагимова. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 316.
- 38.78. Whene'er I See Those Smiling Eyes. 1. «Когда мне светятся глаза, зеркало счастья...» Пер. П. А. Вяземского. — Впервые: СЦ на 1829 год, с. 191—192. 2. «Как только в твои загляну я глаза...» Пер. П. Краснова. — Впервые: Изящная литература, 1884, № 10, с. 304. 3. «Когда я зрю сей взор прекрасный...» — Пер. М. П. Вронченко. — В кн.: М. П. Алексеев. Русско-английские литературные связи. М., Наука, 1982, с. 724.
- 39.80. To Ladies' Eyes. 1. К женским взорам. Пер. Н. Григорьевой. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 317—318.
- 40.81. Forget not the Field. 1. «Ты помнишь, о поле, где пали...». Пер. А. Покидова. — Литературная Россия, 1973, № 3, 19 янв. с. 21.
- 41.86. Sail on, Sail on. 1. «Лети, мой корабль, пернатой стрелой!» Пер. М. П. Вронченко. — НА на 1829 год, с. 254. 2. Вперед, мой челн! Пер. А. Н. Плещеева. — Впервые: ОЗ, 1875, № 6, с. 367—368. 3. Лети, корабль. Пер. А. Ибрагимова. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 318.
- 42.89. The Fortune-Teller. 1. Предсказатель. Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: Дерево Свободы, с. 109—110.

- 43.93. Oh Banquet Not. 1. «Не пируй с молодежью средь пышных садов...» Пер. М. П. Вронченко. — НА на 1829 год, с. 253—254. 2. «Не в зал, блестящий множеством огней...» Пер. анон. — Пчелка. Одесса, 1882, т. 2, № 14 (10 апреля), с. 164. 3. Ко мне иди. Пер. А. Н. Плещеева. — В кн.: А. Н. Плещеев. Стихотворения (1844—1891). Третье изд. СПб., тип. А. С. Суворина, 1898, с. 468.
- 44.96. Oh, the Sight Entrancing. 1. «Как душа трепещет...» Пер. Игн. Ивановского. — В кн.: Дерево Свободы, с. 103—104.
- 45.100. Quick! We Have but a Second. 1. Вдохновение. Пер. А. С. Хомякова. — В кн.: Стихотворения А. С. Хомякова, 2-е изд. М., тип А. И. Мамонтова, 1868, с. 42—43.
- 46.111. Song of the Battle Eve. 1. Песня накануне боя. Пер. А. Покидова. — Литературная Россия, 1973, № 3, 19 янв. с. 21.
- 47.113. Alone in Crowds to Wander on. 1. В толпе скитаюсь, одинок. Пер. А. Голембы. — Впервые: Поэзия англ. романтизма, с. 316—317.

POLITICAL AND SATIRICAL POEMS

- 1.3. Lines on Death of Sh-r-d-n. 1. На смерть Шеридана. Пер. С. Таска. — Избр., с. 197—199.

LALLA ROOKH, AN ORIENTAL ROMANCE

- The Veiled Prophet of Khorassan (первая вставная поэма). 1. Покровенный пророк Хорасана. Восточное повествование. Прозаич. анон. пер. — Венок граций. Альманах на 1829 год. М., тип. Селивановского, 1829, с. 17—88. (На с. 85—88 две песни переведены стихами.) 2. Хорасанский пророк под покрывалом (в отрывках). Пер. А. Ревича. — Избр., с. 211—221.
- There's a Bower of Roses by Bendameer's Stream (отрывок). 1. «Есть тихая роща у быстрых ключей...» Романс из поэмы «Лалла-Рук». Пер. И. И. Козлова. — Впервые: Новости литературы, 1823, № 5, с. 79—80. 2. «Есть тихая роща в родной стороне...» Романс (Из Мура). Пер. Ф. Алексева. — Московский вестник, 1827, ч. 3, № 9, с. 7—8. 3. Романс («Есть куща из роз на водах Бендамира...»). Пер. И. М. Бакунина. — В кн.: И. М. Бакунина и н. На все и время и пора. СПб., в тип. К. Неймана и Комп., 1838, с. 66.
- Paradise and the Peri (вторая вставная поэма). 1. Пери и Ангел (Пер.) с английского Ж. (уковского, В. А.). — Впервые: СО, 1821, № 20, с. 243—256. 2. Рай и пери. Пер. К.П.Б. (?) — Соревнователь просвещения и благотворения, 1821, ч. 13, кн. 1, с. 37—62.

Повторно: СПб., в тип. Императорск. воспит. Дома, 1821 — 26 с. 3. Пери и Ангел. Пер. Р. М. (в. кн. Марии Романовой). — Муравейник. Литературные листы, 1831, № 2, с. 25—31.

The Fire-Worshippers (третья вставная поэма). 1. Обожатели огня, восточная повесть (из Томаса Мура). Прозаич. пер. Н. Бестужева. — Соревнователь просвещения и благотворения, 1821, ч. 16, кн. 2—3, с. 113—156, 249—297. Отд. изд.: Обожатели огня. Восточная повесть. Пер. Н. Бестужева. СПб., тип. Императорского воспитательного дома, 1821. 2. Огнепоклонники (в отрывках). Пер. Ю. Александрова. — Избр., с. 238—253.

The Light of the Haram (четвертая вставная поэма). 1. Свет гарема (из Томаса Мура). Прозаич. анон. пер. — СО, 1827, ч. 112, № 5, с. 27—60. 2. Свет гарема. Пер. Веры Потаповой. — Избр., с. 254—274.

Who has Not Heard of the Vale of Cashmere (отрывок). 1. Праздник Роз. Из восточной сказки Томаса Мура «Светило гарема» («Меж всеми странами подлунного мира...»). Пер. Б. (?). — Московские ведомости, 1857, № 28 (5 марта), Литературный отдел, с. 125—126 (221 строка). 2. Долина Кашмира. Из сказки «Светило гарема». Пер. И. А. Бунин (И. А. Бунина). — Впервые: Звезда, 1891, № 2, с. 32.; с исправлениями: И. А. Бунина. Стихотворения 1887—1891, Орёл, 1891, с. 63—64.

I Know Where the Winged Visions Dwell (отрывок). 1. Волшебница. («Я знаю цветы и растения...»). Пер. И. П. Крешева. — СО, 1842, кн. 10, отд. 3, с. 6—7 (26 строк).

Прозаические анонимные переводы: 1. Лалла-Рук. Восточная повесть Т. Мура. — Украинский журнал, 1825, ч. 6, № 10, с. 210—217; № 11—12, с. 290—300. 2. Т. Мур. Лалла-Рук. — Московский телеграф, 1827, ч. 14, № 5, отд. 2, с. 3—5. 3. Лалла-Рук. Восточная повесть Т. Мура. Пер. с английского. М., в тип. Августа Семена, 1830. — 77 с.

NATIONAL AIRS

- 1.5 Those Evening Bells. 1. Вечерний звон. Пер. И. И. Козлова. — Впервые: Северные цветы на 1828 год, с. 29—30. (Альманах вышел в конце 1827 года.)
- 2.6. Should Those Fond Hopes. 1. Когда иссякнут шальные мечтанья. Пер. А. Спаль. — Избр., с. 159.
- 3.8. Fare Thee Well, Thou Lovely One! 1. Милой скажу наконец, прощай! Пер. О. Волгиной. — Избр., с. 159—160.
- 4.10. Oh, Come to Me When Daylight Sets. 1. «О, жизнь моя! Чуть день умрет...» Пер. А. Курсинского. — Полутени, (с. 44—45).
- 5.11. Oft in the Stilly Night. 1. Бессонница. Пер. И. И. Козлова. —

- Впервые: Славянин, 1827, № 5, отд. II, с. 78—80. 2. Одиночество. Сокращенный анон. пер. — В кн.: Томас Мур, с. 42.
3. Пока я в тишине. Пер. Н. Тимофеевой. — Избр., с. 160—161.
- 6.13. Love and Hope. 1. Любовь и Надежда. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 161.
- 7.14. There Comes a Time. 1. «Есть в жизни горькой, страшный миг...» Пер. А. Бородина. — СО, 1848, № 5, отд. 3, с. 2.
- 8.15. My Harp has One Unchanging Theme. 1. «В струнах моих один есть тон...» Пер. А. Бородина. — СО, 1848, № 5, отд. 3, с. 3.
- 9.16. Oh, No — Not Even When First We Loved. 1. Когда мы встретились впервые. Пер. С. Таска. — Избр., с. 162.
- 10.17. Peace Be around Thee. 1. «О мир тебе, куда б ты ни склонилась!» Пер. А. Бородина. — Впервые: СО, 1848, № 5, отд. 3, с. 4.
- 11.18. Common Sense and Genius. 1. Здравый ум и гений. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 163.
- 12.23. Joys of Youth, How Fleeting! 1. «Шепот ласки в тишине...» Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 58—59). 2. «Шепот, звезд далеких взгляд...» Пер. В. Я. Брюсова. — В кн.: Торжественный привет. Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова. М., Прогресс, 1977, с. 224 (Мастера стихотворного перевода, вып. 21).
- 13.24. Hear Me but Once. 1. Услышь, молю, хотя б теперь. Пер. О. Татариновой. — Избр., с. 164.
- 14.30. Row Gently Here. 1. Постой, гребец мой золотой! Пер. А. Голембы. — Поэзия англ. романтизма, с. 321.
- 15.33. Peace to the Slumberers! 1. Мир вам, почившие братья! Пер. М. Л. Михайлова. — Впервые: Дело, 1869, № 12, с. 72. 2. «Братья, на поле сраженья погибшие...» Пер. В. И. Жукова. — В кн. В. И. Жуков. Стихотворения. Липецк, тип. А. К. Розенберг, 1912, с. 12.
- 16.37. Nets and Cages. 1. Сети и клетки. Пер. В. Иванова. — Избр., с. 165—166.
- 17.38. When Through the Piazzetta. 1. Венецианская песня Шумана. Слова Т. Мурè (sic!). Пер. Пл. Краснова. — Впервые: Петербургская жизнь, 1900, № 426 (4 июня), с. 3383. С заголовком «Венецианская песня» в кн.: Из западных лириков. СПб., изд. книж. магазина «Новостей», 1901, с. 140.
- 18.40. Take Hence the Bowl. 1. «Прочь, прочь возьмите кубок...» Пер. Н. Иваницкого. — Дневник писателя, 1908, № 1 (январь), с. 43.
- 19.41. Farewell, Theresa! 1. Прощай, Тереза! Пер. А. А. Фета. — Впервые в кн.: Стихотворения А. Фета. М., тип. Н. Степанова, 1850, с. 26, отд. «Мелодии».
- 20.42. How oft, When Watching Stars. 1. «Когда бледнеет звезд мер-

- цанье...» Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 48—49).
- 21.48. Here Sleeps the Bard. 1. Здесь бард уснул. Пер. С. Таска. — Избр., с. 166.
- 22.51. No — Leave My Heart to Rest. 1. Поздно. Пер. А. Бородина. — СО, 1849, № 3, отд. 3, с. 9. 2. Мелодия. Пер. Н. Грекова. — Впервые в кн.: Н. П. Греков. Новые стихотворения. М., в тип. Ф. Б. Миллера, 1866, с. 98. 3. «О, не чаруй! Любовь в груди моей...» Пер. А. Курсинского. — Впервые в кн.: Полутени, (с. 46).
- 23.54. Oh, Guard Our Affection. 1. Храните любовь. Пер. М. Бородинской. — В кн.: Избр., с. 167.
- 24.64. Like One Who, Doom'd. 1. «Как путник, долго по морям...» Пер. А. Бородина. — СО, 1848, № 5, отд. 3, с. 3.
- 25.68. How shall I Woo? 1. Как мне тебя завоевать? Пер. С. Таска. — Избр., с. 167—168.

SACRED SONGS

- 1.2. The Bird, Let Loose. 1. «Когда в свое гнездо летит из клетки птица...» Пер. В. С. Лихачева. — Труд, 1893, т. 19, № 8, с. 265.
- 2.5. This World is All a Fleeting Show. 1. Верно одно небесное. Пер. В. А. (А. И. Введенского). — В кн.: Томас Мур, с. 44.
- 3.9. Sound the Loud Timbrel. 1. Песнь Мириамы. Пер. А. Сорокина. — Развлечение, 1859, № 19, с. 223.

FABLES FOR THE HOLY ALLIANCE

1. Fable 1. The Dissolution of the Holy Alliance. 1. Конец Священного союза. Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 201—204.
2. Fable 2. The Looking-Glasses (отрывок) 1. Зеркала. Пер. К. Чуковского. — Аргус, 1917, № 2, с. 93—94.
3. Fable 3. The Torch of Liberty. 1. Факел свободы. Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 204—206.
4. Fable 4. The Fly and the Bullock. 1. Муха и бык. Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 206—208.
5. Fable 7. The Extinguishers. 1. Светогасители. Сокращенный пер. К. Чуковского. — Театральная Россия, 1905, № 41, с. 1222.

RHYMES ON THE ROAD

- 1.2. Fate of Geneva in the Year 1782. 1. Трагедия Женевы 1782 года. Пер. С. Таска. — Избр., с. 184—185.

- 2.6. The Fall of Venice. 1. Нет, о Венеция, не плачь! Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 185—187.

THE LOVES OF THE ANGELS

1. Отрывок из поэмы. Прозаич. пер. П. А. Габбе. — Московский телеграф, 1828, ч. 23, № 17, с. 36—49. 2. Любовь ангелов. Пер. А. Шараповой. — Избр., с. 277—324.

MEMOIRS OF THE LIFE OF THE RIGHT HONORABLE
RICHARD BRINSLEY SHERIDAN

1. Шеридан. Биография. Сокращенный анон. пер. — Галатея, 1839, ч. 1, № 4, с. 284—299; № 5, с. 374—586.

A SET OF GLEES

- 1.7. The Evening Gun. 1. Вечерний выстрел. Прозаич. анон. пер. — Атеней, 1829, № 17 (сентябрь), отд. «Смесь», с. 497. 2. «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» Пер. М. Ю. Лермонтова. — Впервые: ОЗ, 1842, т. 21, № 3, отд. 1, с. 203. 3. Вечерние выстрелы. — Пер. Л. А. Якубовича в кн.: Стихотворения Якубовича. СПб., в Гуттенберговой тип., 1837, с. 97.

THE EPICUREAN, A TALE

1. Эпикурец (глава I—V). Пер. В. Мальцева. — Русский зритель, 1829, ч. 5. № 17—20, с. 105—142. 2. Эпикурец. Сочинение Томаса Мура. Перевел А. Савицкий. Части I и II. СПб., в тип. Медицинского департ. мин. внутрен. дел, 1833, ч. 1—III, 193 с; ч. 2 — 159 с. 3. Чаша забвения. Песнь отрока о таинствах Изиды (из «Эпикурейца» Томаса Мура). Пер. Н. П. Жандра. — В кн.: Полн. собр. соч. Н. П. Жандра, т. 1. СПб., 1888, с. 7—8.

LEGENDARY BALLADS

- 1.1. The Voice. 1. Голос. Пер. С. Таска. — Избр., с. 170.
2.3. Hero and Leander. 1. Геро и Леандр. Пер. А. Спаль. — Избр., с. 170—171.
3.6. Youth and Age. 1. Старик и Юнец. Пер. С. Таска. — Избр., с. 171—172.
4.8. The Magic-Mirror. 1. Волшебное зеркало. Пер. М. Бородинской. — Избр., с. 172—173.

MISCELLANEOUS POEMS*

1. When Love, Who Rul'd. 1. Неся дозор в Пафийском понте. Пер. Г. Русакова. — Избр., с. 179—181.
2. Scepticism. 1. Скептицизм. Пер. Г. Симановича. — Избр., с. 181—182.
3. Genius and Criticism. 1. Гений и критик. Пер. В. Микушевича. — Избр., с. 182—184.
4. Dialogue between a Sovereign and a One Pound Note. 1. Диалог между Золотым совереном и Банкнотой в 1 фунт стерлингов. Пер. С. Таска. — Избр., с. 191—192.
5. The Petition of the Orangemen of Ireland. 1. Петиция ирландских оранжистов. Пер. С. Таска. — Избр., с. 192—193.
6. Cotton and Corn. 1. Встреча. Пер. Н. Голя. — Избр., с. 194.
7. How to Make One's Self a Peer. 1. Как стать пэром... Пер. Д. Сильвестрова. — Избр., с. 196—197.
8. Imitation from the Frech. 1. К... («От женщин и яблок наш мир зачастую...»). Пер. В. Васильева. — Избр., с. 200.
9. The Irish Slave. 1. Ирландский раб. Пер. Н. Голя. — Избр., с. 194—196.
10. Come, Play me That Simple Air Again. 1. Песни полночи. Пер. Н. Семенова. — Заря, 1869, № 11, с. 109—110.

BALLADS, SONGS, MISCELLANEOUS POEMS

- 1.1 To-day, Dearest! Is Ours. 1. «День текущий — день наш, дорогая!» Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени, (с. 43).
- 2.4. Oh, Call It by Some Better Name. 1. Иначе это назови. Пер. Г. Кружкова. — Избр., с. 173.
- 3.14. Black and Eyes. 1. Песня. Вольный пер. В. И. Туманского. — В кн.: В. И. Т у м а н с к и й. Стихотворения и письма. СПб., изд. А. С. Суворина, 1912, с. 217—218. 2. Глаза голубые и черные. Пер. Н. Григорьевой. — Впервые в кн.: Поэзия англ. романтизма, с. 323—324.
- 4.16. From Life without Freedom. 1. Бранный клич. Пер. В. С. Лихачева. — Север, 1898, № 7 (15 февраля), столб. (194). Данный перевод ошибочно приписан В. А. Гиляровскому, см.: В. Ч и л и к и н. «Гиляровский — переводчик Томаса Мура». — Дружба народов, 1966, № 5, с. 237. 2. Жизнь без свободы. Пер. Н. Григорьевой. — В кн.: Поэзия англ. романтизма, с. 324.
- 5.20. Love and Time. 1. Любовь и время. Пер. Д. Сильвестрова. — Избр., с. 174—175.

* Сюда при составлении библиографии вошли произведения из циклов, не имеющих датировки.

- 6.30. Lusitanian War-song. 1. Военная песня Лузитании. Пер. Н. Голя. — Избр., с. 175.
- 7.32. When Midst the Gay I Meet. 1. «Если в шумной толпе я улыбку твою...» Пер. Ф. А. Червинского. — Наблюдатель, 1886, № 7, с. 64.
- 8.39. My Heart and Lute. 1. Мое сердце и лютня. Пер. О. А. Седяковой. — Впервые в кн.: К э р р о л л Л. Приключения Алисы в Стране чудес. М., Наука, 1978, с. 204—205, в сноске.
- 9.51. The Dream of Home. 1. В море. Частичный пер. Б. Колесникова. — В кн.: Зарубежная лит. XIX века. Романтизм, с. 190. 2. Грезы о доме. Пер. Н. Голя. — Избр., с. 176.
- 10.54. The Homeward March. 1. Марш возвращения. Пер. Г. Русакова. — Избр., с. 176—177.
- 11.55. Wake up, Sweet Melody. 1. «Проснись, о мелодия!» Пер. А. Курсинского. — В кн.: Полутени (с. 54—55). 2. «Где ты, мелодия...». Пер. В. Я. Брюсова. — В кн.: М. П. А л е к с е е в. Русско-английские литературные связи. М., Наука, 1982, с. 785.
- 12.80. The Dawn is Breaking o'er us. 1. Над нами занимается заря... Пер. Н. Голя. — Избр., с. 177—178.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

ТОМАСА МУРА*

1. М. П. А л е к с е е в. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., АН СССР, 1963, с. 233—285.
2. М. П. А л е к с е е в. Томас Мур и русские писатели XIX века. — В кн.: Литературное наследство, т. 91. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., Наука, 1982, с. 657—824.
3. М. П. А л е к с е е в. Гоголь и Т. Мур. — В кн.: М. П. А л е к с е е в. Сравнительное литературоведение. Л., Наука, 1983, с. 341—350.
4. А. А. А н и к с т. Томас Мур. — В кн.: А. А. А н и к с т. История английской литературы. М., изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956, с. 256—257.
5. Г. А. Б а у ж и т е. Политическая поэзия Томаса Мура (1806—1823 гг.). — Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. — 239 с.
6. Г. А. Б а у ж и т е. Политическая поэзия Томаса Мура (1806—1823 гг.). — Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. М., МГУ, 1956. — 15 с.

* В список включены избранные работы советских литературоведов.

7. Г. А. Баужите. «Ирландские мелодии» Т. Мура и ирландское национально-освободительное движение. — Уч. зап. МГУ, вып. 196, 1958, с. 275—301.
8. В. Вацуро. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова. — Русская литература, 1965, № 3, с. 184—192.
9. Л. Володарская. Певец свободы и любви. — В кн.: Т. Мур. Избранное. М., Худож. лит., 1981, с. 3—20.
10. И. Н. Гилинский. Томас Мур и восточные источники его творчества. Дис. ... канд. филол. наук. [Л., 1946]. — 218 с.
11. И. Н. Гилинский. Поэма «Хорасанский пророк» в составе романа Томаса Мура «Лалла-Рук». — Филологические науки, 1982, № 5, с. 30—34.
12. А. Н. Гиривенко. Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX века. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1984, т. 43, № 6, с. 537—543.
13. В. В. Ивашева. Томас Мур. — В кн.: В. В. Ивашева. История зарубежных литератур XIX века, т. I. М., изд-во МГУ, 1955, с. 530—544.
14. Ю. Д. Левин. Скрытая цитата из «Лалла-Рук» (из реминисценций английской литературы у Лермонтова). — Русская литература, 1975, № 2, с. 205—206.
15. Т. Михайлова. 150 лет сборнику «Ирландские мелодии». — В кн.: Памятные книжные даты. М., Книга, 1984, с. 168—170.
16. Р. М. Самарин. Томас Мур. — В кн.: История английской литературы, т. II, вып. I. М., АН СССР, 1953, с. 105—115.
17. Н. А. Соловьева. Томас Мур. — В кн.: История зарубежной литературы XIX века, часть первая. М., изд-во МГУ, 1979, с. 300—306.
18. Л. Ф. Хачатурян. Национально-освободительная борьба ирландского народа в сатире Томаса Мура. Дис. ... канд. фил. наук. Баку, 1979. — 142 с.
19. Л. Ф. Хачатурян. Национально-освободительная борьба ирландского народа в сатире Томаса Мура. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тбилиси, 1980. — 16 с.

А. Н. Гиривенко



Томас Мур
ИЗБРАННОЕ

(на англ. яз. с параллельным русским текстом)

Составитель
ЛЮДМИЛА ИОСИФОВНА ВОЛОДАРСКАЯ



Редактор
В. П. Кузьмина

Художник
Ю. М. Сквородников

Художественный редактор
Т. В. Иващенко

Технические редакторы
Е. В. Колчина, И. К. Дергунова

Корректоры
Л. В. Данинбург, Е. В. Солнцева

ИБ № 2328

Сдано в набор 09.04.85. Подписано в печать 11.02.86.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.

Печать офсетная. Условн. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 57,54.

Уч.-изд. л. 26,45. Тираж 45 000 экз. Заказ № 1797. Цена 2 р. 50 к.

Изд. № 1055.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024,
г. Калинин, пр. Ленина, 5.